

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

Северо-Кавказского
федерального
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2014 № 5(44)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 6 раз в год

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
Парахина В. Н. – доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель) (СКФУ, Россия); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя) (СКФУ, Россия); **Евдокимов И. А.** – д-р техн. наук, профессор, проректор по научной работе СКФУ (зам. председателя) (СКФУ, Россия); **Шипулин В. И.** – д-р техн. наук, профессор, проректор по учебной работе СКФУ (СКФУ, Россия); **Парахина В. Н.** – д-р экон. наук, профессор (СКФУ, Россия); **Брацихин А. А.** – д-р техн. наук, доцент, профессор (СКФУ, Россия); **Вашенко А. Н.** – д-р экон. наук, профессор (ВИБ, Россия); **Гарри Дениелс** – профессор педагогики (ГТС, Великобритания); **Гридин В. А.** – д-р геол.-минерал. наук, профессор (СКФУ, Россия); **Илзе Иванова** – д-р пед. наук, профессор (Латвийский Университет, Латвия); **Кононов Ю. Г.** – д-р техн. наук, профессор (СКФУ, Россия); **Надтока И. И.** – д-р техн. наук, профессор (ВНИКО, Россия); **Нижегородцев Р. М.** – д-р экон. наук, профессор (ИПУ РАН, Россия); **Патрик Э. И.** – д-р техн. наук, профессор (INTAMT, Германия); **Сыновец Александра** – доктор философии (СТУ, Польша); **Слюсарев Г. В.** – д-р техн. наук, профессор (СКФУ, Россия); **Ушвицкий Л. И.** – д-р экон. наук, профессор (СКФУ, Россия); **Чипига А. Ф.** – канд. техн. наук, профессор (СКФУ, Россия); **Шаповалов В. К.** – д-р пед. наук, профессор (СКФУ, Россия).

Редакционная коллегия

Парахина В. Н. – д-р экон. наук, профессор (председатель); **Барсукова Т. И.** – д-р социол. наук, профессор; **Брацихин А. А.** – д-р техн. наук, доцент, профессор; **Васильев В. А.** – канд. техн. наук, доцент; **Галай Б. Ф.** – д-р геол.-мин. наук, профессор; **Горлов С. М.** – д-р экон. наук, профессор; **Гридин В. А.** – д-р геол.-минерал. наук, профессор; **Игропуло И. Ф.** – д-р пед. наук, профессор; **Калюгина С. Н.** – д-р экон. наук, доцент; **Калмыков И. А.** – д-р техн. наук, профессор; **Кононов Ю. Г.** – д-р техн. наук, профессор; **Куницына Н. Н.** – д-р экон. наук, профессор; **Лодыгин А. Д.** – д-р техн. наук, доцент; **Лушников Д. А.** – д-р социол. наук, профессор; **Моросанова В. И.** – д-р психол. наук, профессор; **Мочалов В. П.** – д-р техн. наук, профессор; **Овчаров С. Н.** – д-р техн. наук, профессор; **Пашинцев В. П.** – д-р техн. наук, профессор; **Соловьева О. В.** – д-р психол. наук, профессор; **Ушвицкий Л. И.** – д-р экон. наук, профессор; **Харченко Л. Н.** – д-р пед. наук, профессор; **Чипига А. Ф.** – канд. техн. наук, профессор; **Шаповалов В. К.** – д-р пед. наук, профессор.

Ответственный секретарь: Устаев Р.М.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51716 от 02 ноября 2012 г.

Подписной индекс в «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»: **94012**

Журнал «Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета» перерегистрирован в «Вестник Северо-Кавказского федерального университета» в связи с переименованием учредителя.

**Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

Адрес: 355028, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2
Телефон: (8652) 95-69-47, (8652) 26-06-55 (доб. 4003)
Сайт: www.ncfu.ru
E-mail: vestnik_ncfu@mail.ru

© Коллектив авторов, 2014
© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2014
ISSN 2307-907X

СОДЕРЖАНИЕ

Технические науки

<i>Гапоненко С. О.</i> Варианты регистрации и анализа полезного виброакустического сигнала в программном продукте LabVIEW	8
<i>Лагунов Н. А., Мезенцева О. С.</i> Анализ и экспериментальное исследование зависимости качества обучения нейронных сетей от параметров обучающих выборок	15
<i>Лубенцова Е. В.</i> Синтез нейро-нечеткой системы стабилизации температуры процесса непрерывной стерилизации	21
<i>Пигулев Р. В., Сидоров К. И., Тарала В. А., Лисицын С. В., Беляева Е. Н., Москвичева М. В.</i> РФЭС-Анализ пленок алмазоподобного углерода	29
<i>Пинахин И. А., Черниговский В. А., Ягмуров М. А.</i> Методологические основы применения метода объемного импульсного лазерного упрочнения (ОИЛУ)	35
<i>Стоянов Н. И., Воронин А. И., Смирнова А. А.</i> Комплексное использование петротермальной энергии с помощью паровых насосов	40
<i>Храмцов А. Г., Евдокимов И. А., Рябцева С. А., Шипулин В. И., Лодыгин А. Д.</i> Технологическая платформа модернизации пищевой индустрии АПК России в условиях реального биоценоза, рынка и ВТО	44
<i>Чеботарев Е. А., Малсугенов А. В.</i> Совершенствование теплового расчета охладителя пластинчатого маслообразователя	51
<i>Шелудько Г. П., Гончаров В. М., Скориков С. В.</i> Повышение эффективности применения резиновых футеровок шаровых мельниц в промышленности строительных материалов	57

Экономические науки

<i>Акинин П. В., Акинина В. П.</i> Рационализация процессов концентрации банковского капитала	62
<i>Васильева Л. В.</i> Специфические черты процессов самоорганизации рынка в современной России	67
<i>Зенченко С. В., Алмазов В. В.</i> Основные методики оценки конкурентоспособности предприятия	72
<i>Красников А. В., Ананьева Т. С.</i> Оценка результатов конкурентоспособности предприятия	76
<i>Ловянников Д. Г., Ловянникова Н. С.</i> Современные проблемы развития инновационных продуктов в коммерческих банках	80
<i>Нарыжная Е. А., Рябов В. Н., Цыганкова В. С.</i> Совершенствование управления информационно-инновационными технологиями на предприятиях промышленного кластера	84
<i>Ревий Е. Ю.</i> Формирование структурных составляющих системы управленческих процедур и их взаимосвязи при реализации стратегии инновации	88
<i>Татуев А. А.</i> ЕГЭ как требование новых экономических отношений	94
<i>Устаев Р. М., Белоусов И. Н.</i> Модель лизинга при государственно-частном партнерстве: преимущества и недостатки	99
<i>Ушвицкий Л. И., Тер-Григорьянц А. А.</i> Научные подходы к управлению инновационным развитием и саморазвитием социально-экономических систем	103
<i>Федоренко Т. М.</i> О подходах формирования механизма профессионального развития в рамках реализации стратегии персонала	110

Педагогические науки

<i>Алиева Б. Ш., Мехрабова Д. А.</i> Социально-правовые и этнопедагогические аспекты общего и особенного в семейном кодексе РФ И Шариата (сравнительный анализ).....	116
<i>Арутюнян М. М.</i> Актуальные предпочтения и ожидания родителей в контексте выбора и оценки деятельности школы.....	123
<i>Гузева М. В.</i> Анализ проблемного поля медиаобразования	127
<i>Ромаева Н. Б., Дегтярева М. Н.</i> Предметно-педагогическая икт-компетентность учителя иностранных языков.....	130
<i>Соловьева С. Н., Чаленко О. А.</i> Детская одаренность и готовность учителей к работе с одаренными старшеклассниками.....	136
<i>Толокнеева Е. И.</i> Формирование осознанного родительства молодежи средствами пренатальной педагогики.....	141
<i>Фомина Е. А.</i> Продвижение образовательных услуг: тенденции и перспективы.....	146
<i>Халяпина Л. В.</i> Психолого-педагогическое сопровождение детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья в системе дополнительного образования.....	149
<i>Харченко Л. Н.</i> Авторская модель программы подготовки преподавателя высшей школы	154
<i>Шеховцова Т. С., Борозинец Н. М.</i> Развитие лексико-грамматической стороны речи детей на фронтальных логопедических занятиях в условиях группы кратковременного пребывания... ..	159

Психологические науки

<i>Галяпина В. Н.</i> Взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества в Ставропольском крае: факторы взаимной адаптации.....	165
<i>Дрожжина Н. Б.</i> Исследование экономического сознания подростков: психосемантический аспект	174
<i>Евмененко Е. В.</i> Инклюзивный подход к образовательной деятельности в вузе: психолого-педагогическое обеспечение.....	179
<i>Козловская Г. Ю.</i> Аксиологические приоритеты в структуре личностно-профессиональной направленности педагогов инклюзивного образования.....	183
<i>Корлякова С. Г., Ванскова Е. Л.</i> Результаты исследования структуры психомоторных способностей музыкантов	187
<i>Плугина М. И.</i> Организация психолого-акмеологического сопровождения личностно-профессионального развития субъектов образовательной среды высшей школы	193
<i>Собильская А. С.</i> Этническое Я – как отражение внутреннего мира человека.....	198

Социологические науки

<i>Белашов И. И.</i> Традиционные религии в условиях глобализации: социальные функции сохранения идентичности и традиций.....	202
<i>Гринивецкий Ю. Е.</i> Романтизм как социокультурный феномен	206
<i>Истомина А. П.</i> Модель организационной культуры высшего учебного заведения	212
<i>Корольков К. В.</i> Десоциализация в местах лишения свободы как причина рецидива	216
<i>Крапивенский А. С., Коломок О. И., Зенина Н. В.</i> Технологии развития традиционной культуры казачества организациями ТОС на территории Волгоградской области.....	221
<i>Майборода Э. Т.</i> Анализ тенденций освещения средствами массовой информации этнического, социального, культурного разнообразия: опыт четырех регионов РФ	228

<i>Малашенко М. С.</i> К вопросу о категории «Институт физической культуры и спорта» в современной социологии.....	232
<i>Плисюк А. Г.</i> Социологический анализ функционирования молодежных интернет-сообществ	236
<i>Симен-Северская О. В.</i> Социокультурные стереотипы как фактор социализации людей с инвалидностью	239
<i>Шматова А. Н.</i> Социологическая оценка функционирования института местного самоуправления в Ставропольском крае.....	244
Об авторах	250
К сведению авторов	258

CONTENTS

Technical Science

<i>Gaponenko S. O.</i> Options for registration and analysis of wanted vibroacoustic signal in LabVIEW software product	8
<i>Lagunov N. A., Mezentseva O.S.</i> Analysis and experimental research of dependence between neural networks training and training parameters selection	15
<i>Lubentsova E. V.</i> Synthesis of neuro-fuzzy network for stabilizing temperature in process of continuous sterilization	21
<i>Pigulev R. V., Sidorov K. I., Tarala V. A., Lisitsyn S. V., Belyaeva E. N. Moskvicheva M. V.</i> XPS analysis of diamond-like carbon films	29
<i>Pinahin I. A., Chernigovskiy V. A., Yagmurov M. A.</i> Methodological basics for employing volume impulse laser hardening method (VILH)	35
<i>Stoyanov N. I., Voronin A. I., Smirnova A. A.</i> Comprehensive use of petrothermal energy with steam-ejection heat pumps	40
<i>Khramtsov A. G., Evdokimov I. A., Ryabtseva S. A., Shipulin V. I., Lodygin A. D.</i> Technological platform for modernizing food industry un Russian agroindustrial complex under real biocenose, market and WTO	44
<i>Chebotarev E. A., Malsugenov A. V.</i> Improved thermal design for refrigerant in plate butter-making machine	51
<i>Sheludko G. P., Goncharov V. M., Skorikov S. V.</i> Increased efficiency of ball mill rubber linings in construction material production	57

Economic Sciences

<i>Akinin P. V., Akinina V. P.</i> Rationalization of bank capital concentration	62
<i>Vasiljeva L. V.</i> Specific features of market self-organization in modern Russia	67
<i>Zenchenko S. V., Almazov V.V.</i> Major methods for assessing company's competitive capacity	72
<i>Krasnikov A. V., Ananjeva T.S.</i> Evaluating results of company's competitive capacity	76
<i>Lovyannikov D. G., Lovyannikova N. S.</i> Modern issues of developing innovative products in commercial banks	80
<i>Naryzhnaya E. A., Ryabov V. N., Tsygankova V. S.</i> Improved management of information and innovation technologies in the industrial cluster	84
<i>Reby E. Yu.</i> Development of structural components in administrative procedures and their interaction in innovation strategy implementation	88
<i>Tatuev A. A.</i> Single state examination as a demand within new economic relationships	94
<i>Ustaev R. M., Belousov I. N.</i> Leasing model under public-private partnership: advantages and disadvantages	99
<i>Ushvitskiy L. I., Ter-Grigor'yants A. A.</i> Scientific approaches to management of innovation-based development and self-development in socio-economic systems	103
<i>Fedorenko T. M.</i> About approaches to developing professional growth mechanism within personnel strategy	110

Pedagogical Sciences

<i>Aliyeva B. Sh., Mehrabova D. A.</i> Socio-legal and ethnic pedagogical aspects of general and special family code of the Russian Federation and the Sharia (comparative analysis).....	116
<i>Arutyunyan M. M.</i> Urgent preferences and expectations of parents in the context of the choice and estimation of school activity.....	123
<i>Guzeva M. V.</i> Analysis of problem field in mediaeducation	127
<i>Romaeva N. B., Degtyareva M. N.</i> Subject-pedagogic ict-competence for teachers of foreign language.....	130
<i>Solovyeva S. N., Chalenko O. A.</i> Child endowment and teachers' readiness to work with gifted senior schoolers	136
<i>Tolokneeva E. I.</i> Developing parenthood awareness in youth through prenatal pedagogy	141
<i>Fomina E. A.</i> Promotion of educational services: trends and prospects	146
<i>Khalyapina L. V.</i> Psychological-pedagogic assistance to disabled and handicapped children in the system of complementary education	149
<i>Kharchenko L. N.</i> Author's training model for teachers of higher education school.....	154
<i>Shehovtsova T. S., Borozinets N. M.</i> Development of lexical-grammatical part of child speech at frontal classes of speech therapy in short-stay groups	159

Psychological Sciences

<i>Galyapina V. N.</i> Interaction between migrants and host community in Stavropol region: mutual adjustment factors.....	165
<i>Drozhdzhina N. B.</i> Economic awareness in adolescents: psychosemantic aspect.....	174
<i>Evmenenko E. V.</i> Inclusive approach to educational activities in university: psychological-pedagogic assistance.....	179
<i>Kozlovskaya G. Yu.</i> Axiological priorities in structure of personal-professional orientation of teachers involved in inclusive education	183
<i>Korlyakova S. G., Vanskova E. L.</i> Structure of musicians' psychomotor skills: study results	187
<i>Plugina M. I.</i> Psychological-acmeological support to personal-professional development in educational environment of higher education	193
<i>Sobil'skaya A. S.</i> Ethnic self as reflection of inner world	198

Sociological Sciences

<i>Belashov I. I.</i> Traditional religions under globalization: social functions of preserving identity and traditions	202
<i>Grinivetskiy Yu. E.</i> Romanticism as socio-cultural phenomenon	206
<i>Istomina A. P.</i> Model of organizational culture in higher educational institution.....	212
<i>Korolkov K. V.</i> Desocialization at correction facilities as reason behind repeated offense	216
<i>Krapivenskiy A. S., Kolomok O. I., Zenina N. V.</i> Technology for developing traditional Cossack culture by organizations of territorial public self-government in Volgograd area.....	221
<i>Mayboroda E. T.</i> Analysis of trends in media coverage regarding ethnic, social, and cultural diversity: experience of four Russian regions	228
<i>Malashenko M. S.</i> About category of institute of physical education and sports in modern sociology	232
<i>Plisyuk A. G.</i> Sociological analysis of youth internet-community functioning	236
<i>Simen-Severskaya O. V.</i> Socio-cultural stereotypes as factor for socialization of people with disability ..	239
<i>Shmatova A. N.</i> Sociological assessment of local government institutes in Stavropol region	244
Data on Authors	250
Information for Authors.....	258

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 550.812.14

Гапоненко Сергей Олегович**ВАРИАНТЫ РЕГИСТРАЦИИ И АНАЛИЗА ПОЛЕЗНОГО
ВИБРОАКУСТИЧЕСКОГО СИГНАЛА
В ПРОГРАММНОМ ПРОДУКТЕ LABVIEW**

Применяемые в настоящее время программные продукты, предназначенные для записи и обработки виброакустических сигналов, не всегда позволяют реализовать весь спектр необходимых требований работы с полезным сигналом. Известны такие пакеты программ, как LabVIEW, Measurement Studio, LabWindows/CVI, Agilent VEE, среди которых наиболее удобным при построении виртуального прибора для регистрации, обработки и сравнения виброакустических сигналов является программный продукт LabVIEW.

Ключевые слова: виброакустический сигнал, резонансная частота, полезный сигнал, спектр, полый объект.

Gaponenko Sergei Olegovich**OPTIONS FOR REGISTRATION AND ANALYSIS OF WANTED VIBROACOUSTIC
SIGNAL IN LABVIEW SOFTWARE PRODUCT**

The currently available software designed for recording and processing vibroacoustic signals do not always allow meeting the entire range of the requirements for work with wanted signals. The software packages in question include LabVIEW, Measurement Studio, LabWindows/CVI, Agilent VEE, while LabVIEW has proven the most convenient in terms of building a virtual device for registering, processing, and comparing vibroacoustic signals.

Key words: vibroacoustic signal, resonance frequency, wanted signal, range, cavity object.

Повышение энергоэффективности и надежной эксплуатации различных коммуникаций обеспечивается разработкой и внедрением новых более современных способов и приборов определения их местоположения [1].

Способ определения расположения трубопровода. Технический результат достигается тем, что в способе определения расположения трубопровода (рис. 1), по которому перемещают транспортируемую среду и который имеет запорно-регулирующую арматуру (при этом трубопровод размещен в грунте), заключается в том, что в трубопроводе осуществляют генерирование звуковых колебаний с резонансной частотой посредством динамического излучателя 4 и регистрацию сигнала динамического излучателя 4 посредством чувствительного элемента 7, трубопровод 6 освобождают от транспортируемой среды, снимают запорно-регулирующую арматуру, на месте которой устанавливают динамический излучатель 4, над началом трубопровода 6 устанавливают чувствительный элемент 7, посредством динамического излучателя 4 в трубопроводе осуществляют генерирование звуковых колебаний с резонансной частотой, находящейся в диапазоне от 800 до 3100 Гц, производят посредством чувствительного элемента 7 регистрацию резонансной частоты трубопровода в диапазоне от 800 до 3100 Гц, после чего осуществляют поиск трубопровода 6 путем перемещения чувствительного элемента 7 над грунтом в сторону сохранения максимальной амплитуды колебаний грунта на этой резонансной частоте, при этом о расположении трубопровода судят по наличию максимумов амплитуд колебаний грунта на этой резонансной частоте.

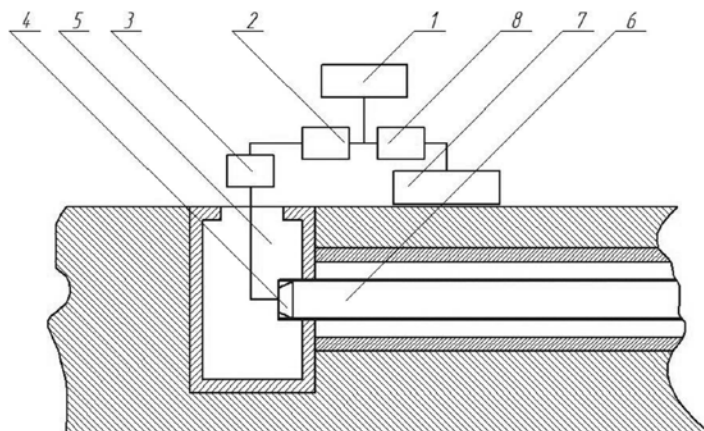

Рис. 1. Устройство, реализующее предлагаемый способ определения расположения трубопровода:
1 – персональный компьютер, 2 – цифро-аналоговый преобразователь (ЦАП), 3 – усилитель сигнала,
4 – динамический излучатель, 5 – колодец, 6 – трубопровод, 7 – чувствительный элемент,
8 – аналогово-цифровой преобразователь (АЦП)

Предлагаемый способ позволяет упростить определение расположения трубопроводов. В связи с тем, что возбуждается резонансная частота искомого объекта, повышается избирательность контроля. Предлагаемый способ обеспечивает высокую достоверность обнаружения как неметаллических, так и металлических трубопроводов [2].

Описание измерительно-диагностической установки. С целью проведения экспериментов на кафедре «Промышленная теплоэнергетика и системы теплоснабжения» КГЭУ разработан и изготовлен измерительно-диагностический комплекс (ИДК), предназначенный для определения расположения скрытых полых объектов.

Суть его работы заключается в регистрации двумя чувствительными элементами акустических и вибрационных колебаний, которые совершает искомый объект [3].

Схема ИДК, предназначенного для управления резонансной частотой полового объекта, регистрации, обработки и анализа амплитудно-частотных характеристик показана на рис. 2.

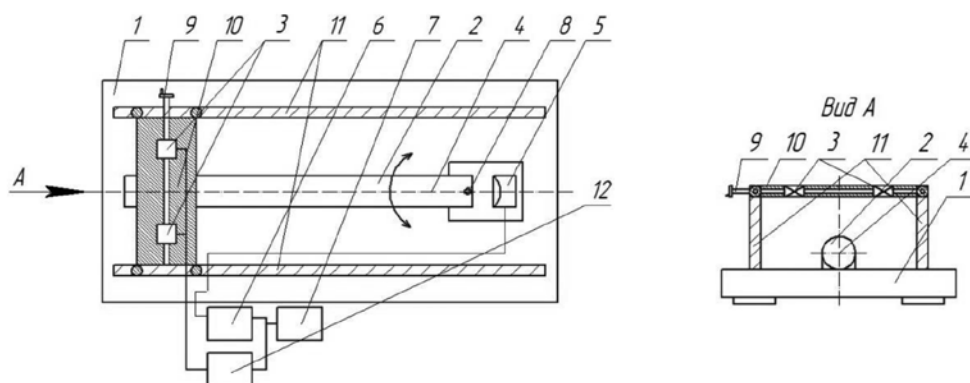

Рис. 2. Измерительно-диагностический комплекс для определения расположения скрытых трубопроводов:
1 – основание; 2 – исследуемый трубопровод; 3 – чувствительный элемент (микрофон);
4 – продольная ось исследуемого трубопровода; 5 – акустический излучатель; 6 – цифро-аналоговый преобразователь (ЦАП); 7 – персональный компьютер (ПК); 8 – шарнирное крепление исследуемого трубопровода к основанию; 9 – устройство перемещения чувствительных элементов; 10 – каретка;
11 – направляющая каретки; 12 – аналогово-цифровой преобразователь (АЦП)

Принцип работы устройства заключается в регистрации микрофонами 3 акустических сигналов, которые возбуждаются в исследуемом трубопроводе 2 акустическим излучателем 5.

Вдоль продольной оси 4 на конце исследуемого трубопровода 2 устанавливают акустический излучатель 5. На массивное виброустойчивое основание 1 устанавливают акустический излучатель 5 с исследуемым трубопроводом 2, конец которого шарнирно закреплен на основании 1 при помощи шарнирного крепления 8.

Микрофоны 3, расположенные на каретке 10, устанавливают над исследуемым трубопроводом 2. С помощью специальной программы для компьютера 7 производят поиск резонансной частоты колебания исследуемого трубопровода 2. Преобразование выходного сигнала персонального компьютера 7 в аналоговую форму производится ЦАП 6. После определения и регистрации резонансной частоты исследуемого трубопровода 2, каретку 5 с расположенными на ней микрофонами 3, перемещают по направляющим 11 каретки 5 вдоль продольной оси 4 исследуемого трубопровода 2. Поворот исследуемого трубопровода 2 в горизонтальной плоскости с помощью шарнирного крепления 8 его конца к основанию приводит к разности акустических сигналов, принимаемых микрофонами 3. Регистрируемые микрофонами 3 сигналы через АЦП 12 обрабатываются в персональном компьютере 7.

Таким образом, данное техническое решение позволит проводить лабораторные исследования эффективности поиска трубопроводов различных диаметров и материалов по их резонансной частоте [3].

Для приема виброакустического сигнала в системе применяются микрофоны. Сигналы, воспринимаемые микрофонами, преобразуются из аналогового сигнала в цифровой код в АЦП и анализируются в ПЭВМ.

В качестве программного обеспечения работы ИДК наиболее удобным и универсальным прикладным инструментом является программный продукт LabVIEW.

Реализация программного продукта для предлагаемой или подобных установок производится с помощью унифицированного пакета прикладных программ, которые по своему способу программирования делятся на следующие группы:

- текстовые или текстово-графические (Pascal, Delphi, LabWindows/CVI, Measurement Studio, Visual Basic, Visual C/C++), использующие элементы визуального текстового программирования для создания пользовательского интерфейса приложения и ориентированные в первую очередь на опытных программистов;
- графические объектно ориентированные (InTouch, «Трейс Моуд»), основанные на применении графических образов объектов АСУТП в качестве элементов программирования;
- графические функционально ориентированные (LabVIEW, Lab-VIEW/DSC, Agilent VEE), использующие функционально-логический принцип конструирования (рисования) и графического представления алгоритмов программ [4].

Графические пакеты легко осваиваются не только программистами-профессионалами, но и пользователями, имеющими начальный опыт программирования. С одной стороны, современные графические системы позволяют создавать программы, практически не уступающие по эффективности программам, написанным в текстовых пакетах. С другой стороны, в большинстве случаев графические программы более наглядны, легче модифицируются и отлаживаются, быстрее разрабатываются. Несомненным достоинством графических систем программирования является то, что разработчиком приложения может быть сам постановщик задачи – инженер, технолог.

Среда графического программирования LabVIEW получает все большее распространение в промышленности и образовании, при проведении научных исследований и выполнении проектных работ. Этому способствуют ее несомненные преимущества – высокая производительность при разработке программ, называемых виртуальными приборами (ВП), и широкий набор функциональных возможностей языка и среды программирования [4, 5].

Специфика работы установки и обработки полезного сигнала, записанные для искомого объекта, полученные с помощью пьезодатчиков, предъявляет определенные требования, реализация которых является наиболее оптимальной в программном продукте LabVIEW.

С учетом указанных требований программное обеспечение для ИДК было реализовано на базе LabView 8.5 в следующих исполнениях:

1. Программное обеспечение «Программный комплекс для определения расположения полых объектов по их резонансной частоте» [6].

Эта программа предназначена для определения расположения полых объектов по их резонансной частоте.

Программа обеспечивает выполнение следующих функций:

- выбор и генерацию резонансной частоты полого объекта;
- поиск и прием генерируемого сигнала;
- преобразование принятого сигнала в реальном времени в спектр.

Блок-диаграмма программы приведена на рис. 3.

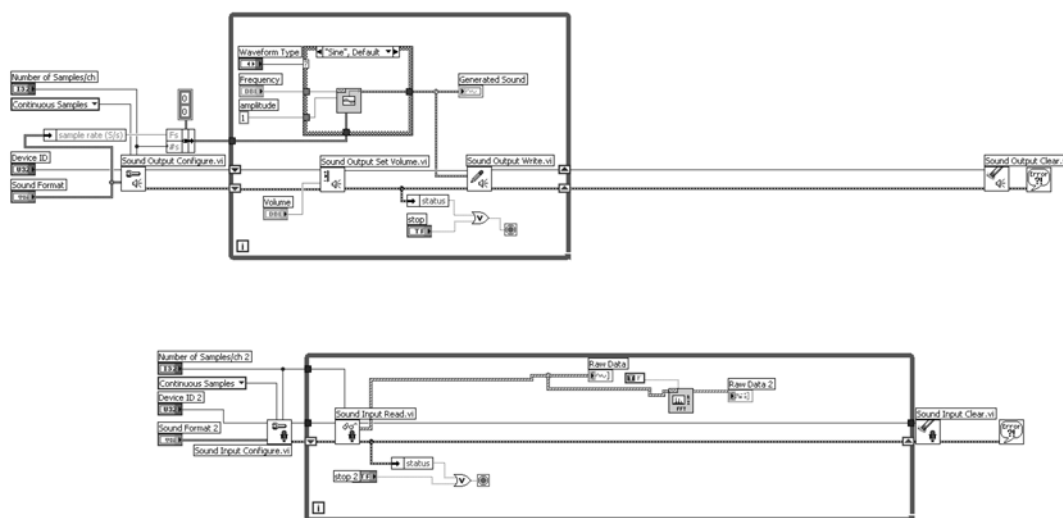

Рис. 3. Блок-диаграмма программы «Программный комплекс для определения расположения полых объектов по их резонансной частоте»

2. Программа «Программный комплекс для обнаружения полых объектов по их резонансной частоте», предназначенная для обнаружения расположения полых объектов по их резонансной частоте [7].

Программа обеспечивает выполнение следующих функций:

- выбор и генерацию резонансной частоты полого объекта;
- поиск и прием генерируемого сигнала с двух звуковых карт;
- преобразование принятых сигналов в реальном времени в спектры;
- сравнение принятых сигналов с двух звуковых карт.

Внешний вид и блок-диаграмма программы приведены на рис. 4 и 5.

Эта программа отличается от программы в пункте 1 тем, что реализован алгоритм работы с двумя чувствительными элементами с возможностью сравнения их полезных сигналов.

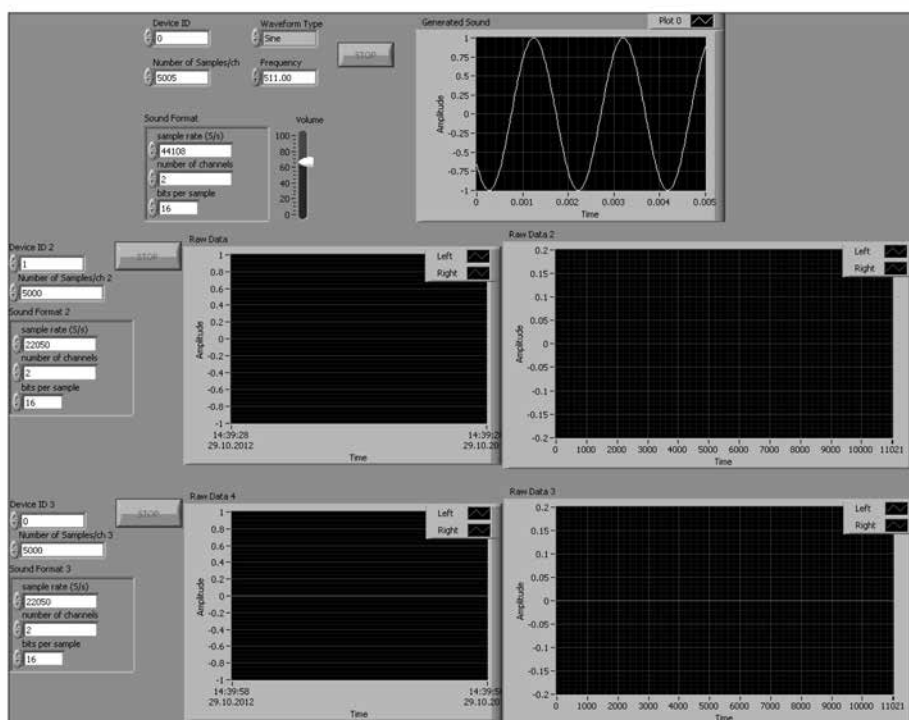

Рис. 4. Внешний вид лицевой панели программы «Программный комплекс для обнаружения полых объектов по их резонансной частоте»

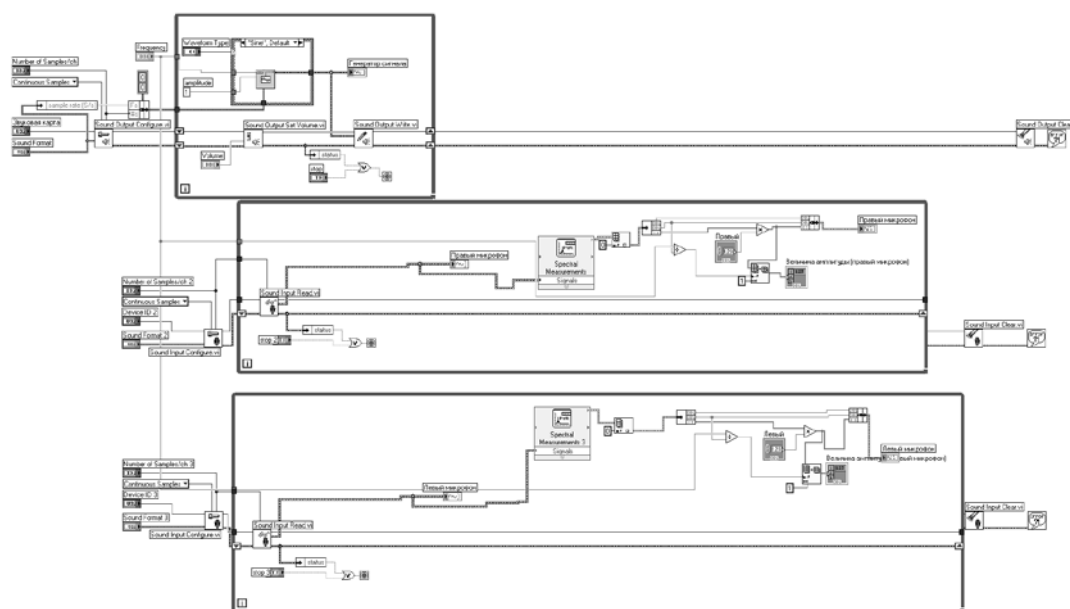

Рис. 5. Блок-диаграмма программы «Программный комплекс для обнаружения полых объектов по их резонансной частоте»

3. Кроме функций, описанных в пунктах 1 и 2, для анализа полученных полезных сигналов возникла необходимость предусмотреть алгоритм построения нормализованного спектра, для чего было разработано программное обеспечение «RESONANCE 2013» [8].

Блок-диаграмма и внешний вид программы приведены на рис. 6 и 7.

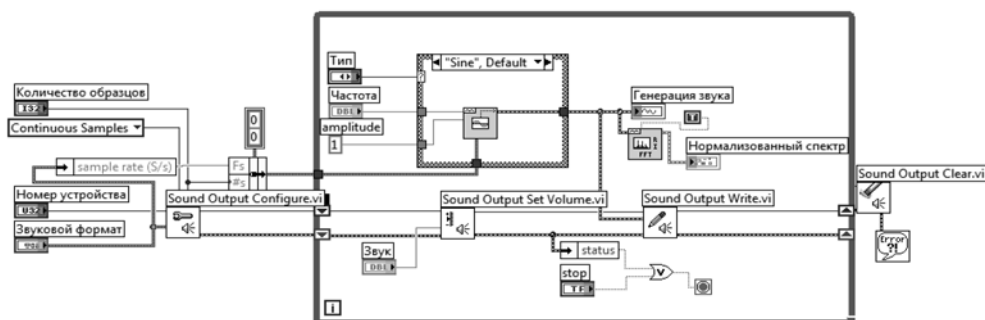

Рис. 6. Блок-диаграмма программы «RESONANCE 2013»

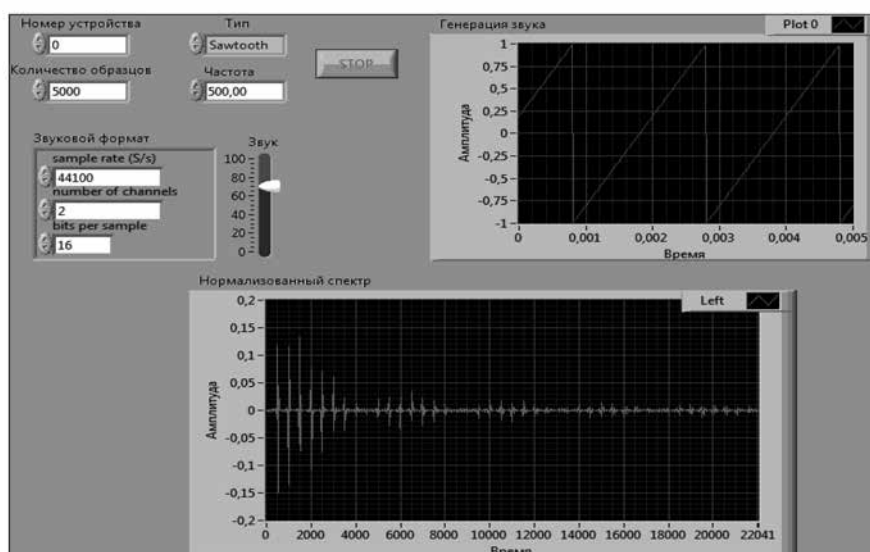

Рис. 7. Внешний вид лицевой панели программы «RESONANCE 2013»

Результаты экспериментальных исследований. Экспериментальные исследования определения местоположения трубопровода при отклонении его от центральной оси влево и вправо до максимально возможных углов, проводились на измерительно-диагностической установке по схеме, показанной на рис. 8.

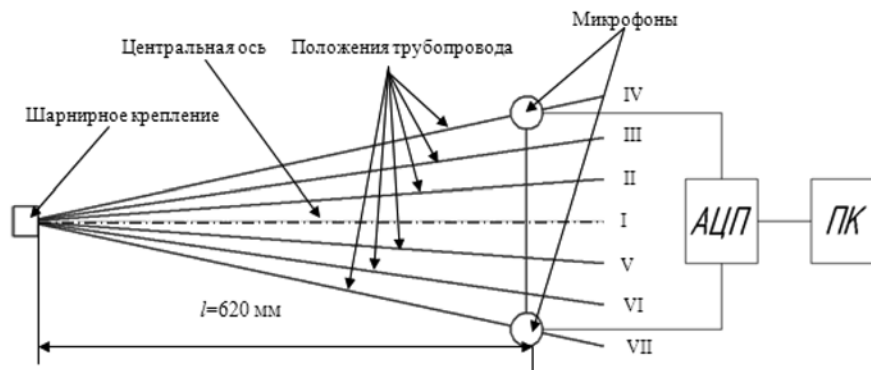

Рис. 8. Схема проведения экспериментальных исследований

Таблица 1

Результаты экспериментов

Положения трубопровода	Сигнал с левого микрофона, мВ,	Сигнал с правого микрофона, мВ,
I	62,29	62,48
II	47,12	83,25
III	29,37	96,59
IV	10,49	121,8
V	81,37	53,39
VI	99,58	29,76
VII	126,37	9,83

Результаты, приведенные в таблице 1, показаны на первых четырех положениях рис. 9 в виде зависимости амплитуды сигнала, принимаемого каждым микрофоном, от расстояния до источника сигнала – исследуемой трубы, где четко прослеживается угол отклонения трубы от центральной оси.

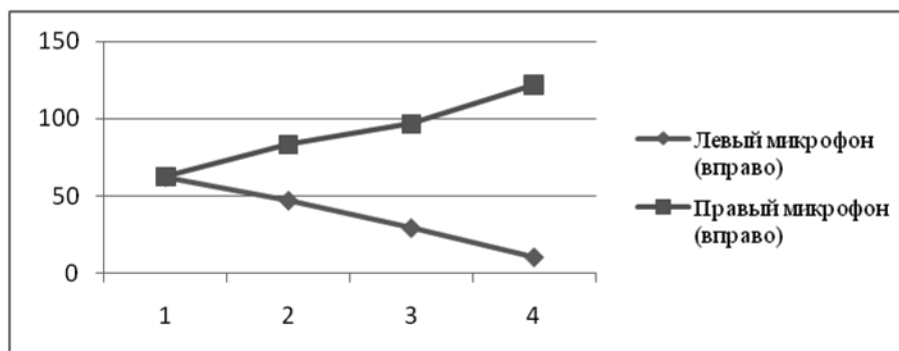

Рис. 9. Зависимость амплитуды сигнала от расстояния до микрофонов.

Таким образом, предварительные результаты, полученные с помощью ИДК и предлагаемого программного обеспечения, показали возможность получения достоверных результатов в виде изменения амплитуды акустических сигналов в зависимости от положения исследуемой трубы.

Литература

1. Соколов Е. Я. Теплофикация и тепловые сети. М.: Издательский дом МЭИ, 2006. 472 с.
2. Кондратьев А. Е., Загретдинов А. Р., Гапоненко С. О. Способ определения расположения трубопроводов: пат. Рос. Федерация, заявитель и патентообладатель КГЭУ. № 2482515; заявл. 15.12.2011; опубл. 20.05.2013.
3. Кондратьев А. Е., Загретдинов А. Р., Гапоненко С. О., Мутигуллин Р. З. Измерительно-диагностический комплекс для определения расположения скрытых трубопроводов: пат. Рос. Федерация: заявитель и патентообладатель КГЭУ. № 127203; заявл. 06.12.2012; опубл. 20.04.13.
4. Пейч Л. И., Точилин Д. А., Поллак Б. П. LabVIEW для новичков и специалистов. М.: Горячая линия-Телеком, 2004. 268 с.
5. Виноградова Н. А., Листратов Я. И., Свиридов Е. В. Разработка прикладного программного обеспечения в среде LabVIEW: учеб. пособие. М.: Изд-во МЭИ, 2005. 49 с.
6. Кондратьев А. Е., Загретдинов А. Р., Гапоненко С. О. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2012661393: Программный комплекс для определения расположения полых объектов по их резонансной частоте / Заявка № 2012619257, 2012.
7. Кондратьев А. Е., Загретдинов А. Р., Гапоненко С. О. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013610546: Программный комплекс для обнаружения полых объектов по их резонансной частоте / Заявка № 2012660385, 2012.
8. Кондратьев А. Е., Загретдинов А. Р., Гапоненко С. О., Сафина С. Д. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013661788: RESONANCE 2013 / Заявка № 2013619421, 2013.

УДК 004.032.26

Лагунов Никита Алексеевич, Мезенцева Оксана Станиславовна

АНАЛИЗ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ ОТ ПАРАМЕТРОВ ОБУЧАЮЩИХ ВЫБОРОК

В статье анализируются результаты экспериментальных исследований влияния основных параметров обучающих выборок на обобщающую способность и качество распознавания нейронной сети, даются рекомендации по эффективному составлению больших обучающих выборок, содержащих графические образы категорий объектов.

Ключевые слова: нейронные сети, обучающие выборки, распознавание, обработка изображений, обучение.

Lagunov Nikita Alekseyevich, Mezentseva Oksana Stanislavovna

ANALYSIS AND EXPERIMENTAL RESEARCH OF DEPENDENCE BETWEEN NEURAL NETWORKS TRAINING AND TRAINING PARAMETERS SELECTION

The article offers an analysis of the results obtained from experimental research into the impact that the major parameters in training selection have on the general training capacity and recognition capacity in neural networks; there are also some recommendations offered regarding efficient development of large training selections containing graphic images of object categories.

Key words: neural networks, training selections, recognition, image processing, training.

Описание задачи и анализ подходов к ее решению. Распознавание визуальных образов является задачей, имеющей невероятную вычислительную сложность, поскольку каждый объект, находящийся в реальном мире, может отражаться на сетчатке глаза и формировать бесконечное число двумерных изображений в зависимости от своего расположения в пространстве, позиции относительно наблюдателя, освещения, заднего фона и т. д.

Чтобы научить искусственную систему с большой вероятностью соотносить представленное изображение с ограниченным набором объектов, необходимо составить большую обучающую выборку, включающую в себя тысячи различных изображений, обеспечивающих необходимое разнообразие состояний каждого из объектов. При решении данной задачи существует два основных подхода [3].

Первый из возможных подходов – это создание большого набора «естественных» изображений, непосредственно снимков реального мира. Сбор и обработка таких данных должна проводиться максимально объективно и беспристрастно, передавать необходимое разнообразие объекта реального мира, но не смещать акцент к каким-то конкретным ракурсам и расположению в пространстве, не внося искажений в объективное восприятие предмета. При правильном выполнении такой подход способен дать мощную обучающую выборку, с помощью которой возможно добиться хорошего уровня распознавания нейронной сетью, но создание выборки потребует огромных трудозатрат и большого количества времени [1].

Второй подход заключается в том, чтобы синтезировать изображения, используя как данные, непосредственно связанные с целевым объектом, так и не имеющие к нему прямого отношения. Парадоксальность ситуации заключается в том, что опыт применения таких обучающих выборок, как NORB (NYU Object Recognition Benchmark) и Caltech, показал, что такие выборки могут более полно отражать данные об окружающем мире и служить лучшим ресурсом для обучения нейронных сетей, чем наборы «естественных» фотографий, потому как лучше охватывают диапазон возможных вариаций изображения, наблюдаемых в реальном мире.

Для решения наиболее общих задач распознавания, а также научных исследований существуют готовые решения, большие обучающие выборки, например NORB [4], содержащие большое количество изображений определенных типов. Но для решения конкретных прикладных задач, в ситуациях, когда требуется ограничить или, наоборот, расширить выборку конкретным набором объектов, может потребоваться составление нового обучающего множества. При проведении исследований за основу формирования выборки был принят метод наложения объектов, сфотографированных с нескольких ракурсов, на многочисленные, подготовленные заранее фоны. Таким образом, был обеспечен полуавтоматический процесс формирования большого количества визуальных паттернов, необходимый для полноценного обучения.

Описание программы. Для проведения исследований была разработана программа, позволяющая выделять и сохранять объекты из кадров видео потока данных, автоматизировать процесс наложения с применением различных параметров этих объектов на заранее подготовленные фоны, а также кодирование полученных изображений в формат обучающей выборки (рис. 1).

Рис. 1. Логическая структура программы-генератора обучающих выборок для нейронных сетей

Существуют различные типы представления обучающей выборки. При проведении исследований были использованы два распространенных типа [5]. Первый, характерный для базы данных NORB, – это бинарный файл, в котором первые два числа кодируют общее количество примеров и размер единичного паттерна. За ними следует набор из N матриц, кодирующих изображения, представленные в оттенках серого, где каждому пикселю соответствует одно число в диапазоне от 0 до 255. Для определения типа объекта, закодированного в очередной матрице, к файлу выборки добавляются еще два файла, один из которых содержит вектор чисел с последовательностью номеров объектов, а другой – информацию о выборке в целом, а также соответствия номеров объектов их реальным наименованиям. При использовании второго типа представления данных, характерного для библиотеки FANN (Fast Artificial Neural Network Library), выборка представляет собой текстовый файл, в первой строке которого записаны три числа – размер выборки, количество входов и количество выходов – а далее строки поочередно кодируют очередной входной пример и требуемое выходное значение.

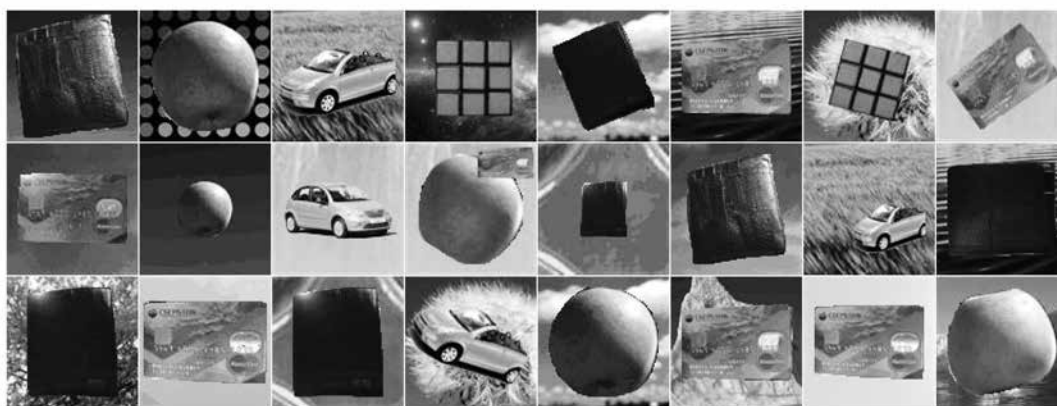

Рис. 2. Примеры полученных во время формирования обучающей выборки изображений

При составлении любой обучающей выборки для нейронной сети (НС), очень важно осуществить нормализацию входящих в нее примеров, таким образом обеспечив их единообразие. В случае работы с визуальными образами в качестве такой предобработки могут служить: перевод изображений в оттенки серого, для того чтобы устранить цветное разнообразие паттернов и существенно снизить сложность задачи распознавания образов; сжатие изображений с помощью бикубической интерполяции с целью приведения входных паттернов к фиксированному размеру; локальная нормализация; обработка изображений с помощью фильтров Габора; применение пороговой функции, для того чтобы исключить присутствие среди выходов фильтра отрицательных и чрезмерно больших значений.

Описание экспериментов. Для объективного и эффективного анализа необходимо выбрать критерии обучающей выборки, те признаки, варьируя которые, можно будет оценивать их влияние на качество распознавания и обобщающую способность сети. Все выбранные критерии являются базовыми и могут послужить хорошим фундаментом для создания больших обучающих выборок. Во всех случаях для тестирования НС использовался единственный универсальный набор примеров, включающий пять различных объектов, снятых с пяти ракурсов (в некоторых экспериментах это число изменялось), а также несколько заранее подготовленных наборов фонов, сгруппированных по признаку сложности. В результате наложения объектов на фоны получалась обучающая выборка размером в 500 паттернов, недостаточная для достижения сверхточных результатов обучения, но вполне применимая для отслеживания и изучения тенденций изменения качества обучения при варьировании тех или иных параметров. Таким образом, обеспечивались единообразие условий проверки и объективность тестирования.

Размер объектов. Во всех выборках размер паттерна был фиксированным (96 на 96 пикселей), но размер объектов, накладываемых на фоны, изменялся (минимальное значение – 40, максимальное – 90 пикселей). Эксперимент показал, что процент распознанных изображений в тестовой выборке при увеличении размера объекта плавно возрастает до определенного рубежа, примерно равного 80–85 % от размера фона, затем резко снижается (рис. 3, табл.).

Сложность фонов. Все собранные фоновые изображения были условно разбиты по степени сложности – от практически однотонных изображений, до комплексных, включающих множество деталей и насыщенных участков. По результатам экспериментов можно сделать вывод, что НС показывает наилучшую способность к распознаванию при обучении на несложных фоновых изображениях, даже при наличии фонов с большой степенью насыщенности и разнообразия элементов в тестовой выборке. В этом случае гораздо большее влияние на подстраивание весовых коэффициентов оказывает значимая область, в которой сконцентрировано наибольшее количество информации об объекте. Несмотря на это, включение небольшого процента (5–15%) сложных фонов в обучающую выборку, положительно влияет на распознавание объектов в естественных сценах, а также трудных, зашумленных условиях (рис. 3, табл. 1).

Сдвиг объектов относительно центра. На данном этапе исследования в обучающую выборку последовательно добавлялось некоторое количество паттернов со смещенным положением целевого объекта. В итоге концентрация таких изображений в выборке менялась от 0 до 80 процентов. Несмотря на ожидание, что такие действия могут привести к улучшению обобщающей способности сети, результат оказался прямо противоположным – число правильно распознанных примеров неумолимо сокращалось. В среднем увеличение части изображений со смещением на 10 % в обучающей выборке уменьшает долю правильно распознанных примеров на 1–2 %.

Зашумление. При исследовании данного параметра на небольшой процент паттернов обучающей выборки помещался посторонний объект, находящийся близко к границе изображения и не перекрывающий целевого объекта. В случае небольшого числа зашумления такой подход положительно влияет на обобщающую способность сравнительно с «чистой» обучающей выборкой, особенно при наличии сложных фонов в тестовой выборке, но с увеличением процента зашумленных изображений дает обратный эффект.

Количество ракурсов объекта – увеличение точек, с которых сделаны снимки объектов для обучающей выборки при неизменном общем количестве кадров. При единственном ракурсе качество распознавания было существенно ниже, чем при трех или пяти ракурсах. В то же время, чрезмерное увеличение вариативности точки наблюдения за объектом приводит к ухудшению обучения. При выборе точного количества ракурсов стоит учитывать также размер самой обучающей выборки.

Таблица

Результаты экспериментов

№	Параметр	1	2	3	4	5	6
1	Размер объекта в пикселях	67,5	68	70	70,5	72,5	62,5
2	Насыщенность фона	72,5	71	67,5	67,5	66,5	65
3	Процент паттернов со сдвигом объекта	72,5	65	64	62,5	62	60
4	Процент паттернов с шумом	72,5	74	70	67	65	64
5	Количество ракурсов	57,5	58	65	67,5	64	62,5
6	Поворот вокруг оси	72,5	67,5	68	70	65	45
7	Яркость	72,5	67,5	68,7	67,5	67,5	68,7
8	Перекрытие объекта	72,5	67,5	52,5	42,5	35	35

Поворот объектов вокруг своей оси может восприниматься как частный случай увеличения количества ракурсов объекта, поэтому данный критерий очень схож с предыдущим случаем. Однако за счет того, что вариативность ракурсов и количество паттернов, приходящееся на каждый ракурс, получается существенно меньше, то и вид кривой будет более пологим (рис. 3, табл.).

Изменение яркости / насыщенности изображений. В данном случае часть выборки обрабатывалась следующим образом: изображение переводилось из формата кодирования RGB в HSB (Hue, Saturation, Brightness), после чего изменялся параметр насыщенности или яркости, а обновленное изображение приводилось к первоначальному виду. В реальном мире освещение, расположение источников света является непостоянным и изменяется со временем, нельзя рассчитывать, что программа распознавания будет использоваться исключительно в идеальных условиях, поэтому обеспечение некоторой вариативности паттернов для обучения может обеспечить улучшение обобщающей способности сети. Однако эксперимент не подтвердил каких-либо существенных улучшений или ухудшений качества распознавания при изменении процента обработанных изображений в пределах 0–20 % и изменении параметра яркости в пределах 20 единиц. Более того, современные сверточные нейронные сети могут содержать специальные слои для устранения влияния фактора освещенности.

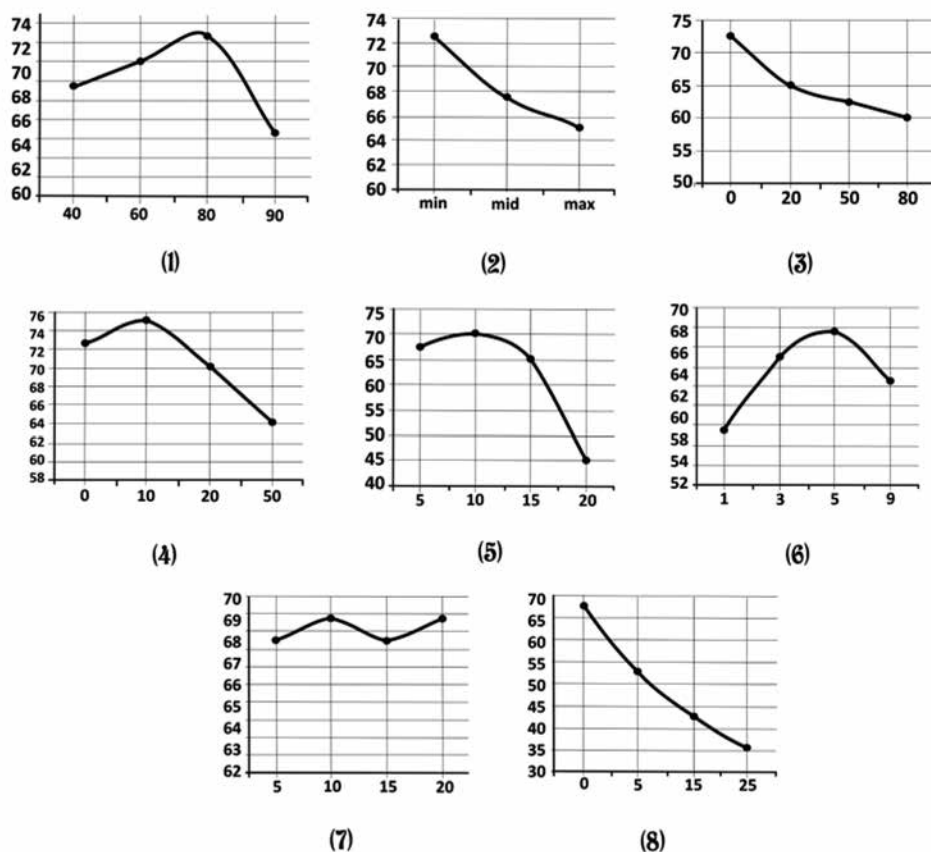

Рис. 3. Зависимость качества распознавания от (1) размера объектов (2) сложности фона (3) процента изображений, смещенных относительно центра (4) наличия шума (5) поворота объекта вокруг своей оси (6) количество ракурсов исходного объекта (7) изменения яркости изображений (8) наличия частичного перекрытия объектов

Перекрытие объекта. Еще один случай зашумления, при котором дополнительный объект не просто появляется на изображении, но перекрывает образ целевого объекта. Целью такого изменения является попытка обучить сеть справляться с ситуациями, когда часть предмета перекрыта держащей

его рукой или другой помехой. Обычно это приводит к полной потере способности адекватно распознавать объект. Исследования показали, что «исчезновение» части объекта на изображении сильно мешает правильному обучению сети, однако стоит учитывать, что использованные в эксперименте выборки имели сравнительно небольшой размер, и не исключается возможность, что при действительно больших объемах обучающих примеров нейронная сеть сможет обобщить входные данные и отнести искаженный объект к нужной категории (рис. 3, табл.).

Для финального подтверждения полученных результатов была использована еще одна небольшая тестовая выборка, содержащая необработанные изображения тех же объектов в естественных условиях, без сгенерированных искусственно фонов (рис. 4). За счет повышения сложности задачи, процент правильно распознанных изображений сократился, но выявленные соотношения для каждого случая существенным образом не изменились.

Рис. 4. Усложнение задачи использованием необработанных фотографий объектов

Выводы

1. Размер обучающей выборки должен быть достаточно большим, но при достижении определенного предела качество распознавания при добавлении новых паттернов увеличивается незначительно, а время обучения напрямую зависит от этого параметра.
2. Смещение объектов относительно центра обучающих паттернов не дает существенного улучшения качества распознавания, даже при условии наличия изображений со сдвигом объектов в тестовой выборке.
3. Размер изображения объектов относительно размера паттернов напрямую влияет на качество распознавания и обобщающую способность сети. Оптимальная величина объекта находится в районе 80–85 % от величины фона.
4. Усложнение и повышение насыщенности фона в общем случае снижает эффективность обучения сети, однако наличие небольшого процента изображений с комплексным фоном рекомендуется для решения сложных задач распознавания.
5. Зашумление путем добавления «отвлекающих» объектов на изображение дает положительный эффект при небольшом проценте таких примеров (0–10 % всей обучающей выборки).
6. Количество используемых ракурсов объекта напрямую влияет на качество обучающей выборки и должно быть достаточным, но не чрезмерно большим, чтобы, с одной стороны, обеспечивать необходимый уровень вариативности, но, с другой – не приводить сеть к переобучению.
7. Изменение яркости изображений, входящих в состав обучающей выборки, не приводит к серьезным изменениям качества распознавания нейронной сети.
8. Полное «удаление» части объекта путем перекрытия не приводит к положительным изменениям в распознавательной способности нейронной сети, по крайней мере, на небольших объемах обучающих выборок.

Литература

1. Ullman S., Vidal-Naquet M. Visual features of intermediate complexity and their use in classification // Nature Neuroscience, 2002. 490 с. URL: <https://courses.csail.mit.edu/6.803/pdf/features.pdf>.
2. Yann LeCun, Fu Jie Huang. Learning Methods for Generic Object Recognition with Invariance to Pose and Lighting // IEEE Computer Society Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (volume 2), 2004. 104 с. URL: <https://courses.csail.mit.edu/6.803/pdf/features.pdf>.
3. Nicolas Pinto, David Cox, James DiCarlo. Why is Real-World Visual Object Recognition Hard? // {PLOS} Computational Biology, 2008. 27 с. URL: <http://dicarloblab.mit.edu/sites/dicarloblab.mit.edu/files/pubs/Pinto%20et%20al%202008.pdf>.
4. James DiCarlo. How Does the Brain Solve Visual Object Recognition? Neuron. Cell-Press, 2012. 415 с.
5. Weber M., Welling M., Perona P. Unsupervised learning of models for recognition, 2000. URL: <http://www.vision.caltech.edu/CNS179/papers/Perona00.pdf>.

УДК 681.5.01:658.512

Лубенцова Елена Валерьевна

СИНТЕЗ НЕЙРО-НЕЧЕТКОЙ СИСТЕМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ТЕМПЕРАТУРЫ ПРОЦЕССА НЕПРЕРЫВНОЙ СТЕРИЛИЗАЦИИ

Для синтеза нейро-нечеткой системы стабилизации температуры рассмотрено формирование базы правил нечеткого контроллера с учетом оптимального управления объектом и обучение гибридной нейронной сети. В качестве оптимальной траектории принято найденное по принципу максимума оптимальное по быстродействию управление для замкнутой системы автоматического управления. Осуществлен переход из временной области, в которой найдено оптимальное управление, к фазовой плоскости системы, что позволило непосредственно применить полученное решение для формирования базы правил нечеткого контроллера. Для разработки системы стабилизации температуры стерилизации среды с двумя управляющими воздействиями использована нейро-нечеткая сеть Adaptive-Network-Based Fuzzy Inference System – ANFIS.

Ключевые слова: нейро-нечеткая система, стабилизация температуры, оптимальная траектория, база правил, обучение нейронной сети, моделирование

Lubentsova Elena Valerievna

SYNTHESIS OF NEURO-FUZZY NETWORK FOR STABILIZING TEMPERATURE IN PROCESS OF CONTINUOUS STERILIZATION

To synthesize a neuro-fuzzy network of stabilizing temperature there is a view on the development of a base of rules for a fuzzy controller taking into account the optimal object management and training of a hybrid neural network. The optimal trajectory was accepted as the performance-optimal (detected by the maximum principle) management for a closed loop system for automatic management. There has been a transition made from the temporary area where the optimal management has been found, to the phase plane of the system, which allowed a direct use of the solution to develop a rule base for a fuzzy controller. There has been a neuro-fuzzy network (Adaptive-Network-Based Fuzzy Inference System – ANFIS) employed to develop a temperature stabilization system for sterilization with two management influences.

Key words: neuro-fuzzy network, temperature stabilization, optimal trajectory, rule base, neural network training, simulation.

Процессы тепловой стерилизации жидких питательных сред составляют основу стадии ферментации и широко используются в микробиологической, химико-фармацевтической и медицинской промышленности. К таким процессам предъявляются очень высокие требования, поскольку в случае нестерильности питательной среды происходит инфицирование культуральной жидкости в фермен-

таторах – биореакторах синтеза целевого продукта, что приводит к значительным потерям (затратам). Эти процессы повсеместно осуществляются термической обработкой с применением острого пара, в большинстве случаев проточным непрерывным способом на установках непрерывной стерилизации (УНС). Объектом управления является пароконтактный нагреватель УНС – аппарат непрерывного действия, в который поступают два потока: острый пар и питательная среда. Возмущениями для данного объекта являются изменение температуры острого пара, непостоянство его давления и тепло-содержания, конденсация водяного пара в нагревателе и др., имеющий неопределенный характер. Возможными регулирующими воздействиями являются изменение расхода пара (при номинальном расходе среды) или изменение расхода среды (при постоянном расходе пара); регулируемый параметр – температура среды на выходе из нагревателя.

Для пароконтактного нагревателя как объекта управления построение точной математической модели, учитывающей всевозможные неконтролируемые возмущения, практически невозможно. К тому же эти объекты функционируют в среде, свойства которой изменяются и вообще не могут быть определены заранее. Качественное управление такими объектами возможно только с использованием интеллектуальных принципов. Гибридные системы, синтезируемые с использованием таких принципов, как нечеткая логика и нейронные сети, считаются перспективными.

Проблема создания базы правил представляет одну из ключевых задач при построении нечеткого контроллера [1]. Для её решения используется либо интервьюирование опытного оператора, либо фиксирование решений, принимаемых оператором в различных ситуациях, либо оптимальная траектория управления, полученная при известных условиях, подразумевающих наличие полной информации об объекте и окружающей среде, в которой функционирует объект.

В данной работе в качестве оптимальной траектории принято найденное по принципу максимума оптимальное по быстродействию управление для системы автоматического управления. Рассмотрим нахождение оптимальной траектории. Сформулируем задачу оптимального управления.

Если под действием какого-то возмущения возникающее отклонение по температуре стерилизации принимает в момент времени t_1 значение большее, чем допустимое, то задача управления УНС заключается в определении управляющих воздействий U_i ($i = 1, 2$), переводящих объект из точки $\theta(0) = \theta^{(0)}$ в точку $\theta(T_c) = 0$ таким образом, чтобы обеспечить минимум функционалу

$$F^* = \int_0^{T_c} (U_1 - U_2) dt \rightarrow \min_{U_1, U_2},$$

при выполнении условий

$$|U_1| < U_1, |U_2| < U_2,$$

где T_c – длительность стерилизации.

Поскольку управление аддитивно, то вектор управления может быть записан в следующем виде:

$$\vec{U} = U_1 - U_2.$$

Система уравнений, описывающая объект управления, имеет вид [2]:

$$\begin{cases} \frac{dx_1}{dt} = a \cdot (-x_1 + u_1 - u_2) = f_1; \\ \frac{dx_0}{dt} = u_1 - u_2 = f_0, \end{cases} \quad (1)$$

$$(2)$$

где x_1 – относительное изменение температуры в нагревателе; $a = 1/T$ – величина, обратная постоянной времени объекта; $\sigma = \frac{\Delta\theta}{\theta_0}$, $\Delta\theta$ – изменение температуры среды в аппарате, θ_0 – номинальная заданная температура.

Для отыскания оптимальных управлений u_1^* и u_2^* используем принцип максимума. Гамильтониан для системы уравнений (1), (2) имеет вид:

$$H = \sum_{i=0}^1 \psi_i \cdot \frac{dx_i}{dt} = \psi_1 \cdot \frac{dx_1}{dt} + \psi_0 \cdot \frac{dx_0}{dt} = 0 \cdot \psi_1 \cdot (-x_1 + u_1 - u_2) + \psi_0 \cdot (u_1 - u_2). \quad (3)$$

Сопряженные уравнения для ψ_1 и ψ_2 :

$$\frac{d\psi_1}{dt} = -\sum_{\alpha=0}^1 \psi_{\alpha} \cdot \frac{\partial f_{\alpha}}{\partial E_1} = -(\psi_1 \cdot \frac{\partial f_1}{\partial E_1} + \psi_0 \cdot \frac{\partial f_0}{\partial E_1}) = -[\psi_1 \cdot (-0) + \psi_0 \cdot 0] = 0 \cdot \psi_1; \quad (4)$$

$$\frac{d\psi_0}{dt} = -\sum_{\alpha=0}^1 \psi_{\alpha} \cdot \frac{\partial f_{\alpha}}{\partial E_0} = -(\psi_1 \cdot \frac{\partial f_1}{\partial E_0} + \psi_0 \cdot \frac{\partial f_0}{\partial E_0}) = 0. \quad (5)$$

Решение сопряженной системы

$$\begin{cases} \dot{\psi}_1 = 0 \cdot \psi_1; \\ \dot{\psi}_0 = 0 \end{cases}$$

дает:

$$\psi_0 = C_0 = \text{const}, \quad (6)$$

$$\psi_1 = C_1 \cdot \exp(a \cdot t). \quad (7)$$

Как обычно, примем $C_0 = -1$. Концы фазовой траектории, по условию задачи, не закреплены, поэтому значения $\psi_1(0)$ и $\psi_1(T)$ неизвестны и для определения C_1 нельзя воспользоваться обычным приемом, заключающимся в совместном решении уравнений (6) и (7).

При найденных сопряженных переменных ψ_0, ψ_1 гамильтониан принимает вид

$$H = a \cdot C_1 \cdot \exp(a \cdot t) \cdot (-x_1 + u_1 - u_2) - (u_1 + u_2).$$

Рассмотрим условие максимума

$$H = \max_{u_j \in R} H.$$

Для этого достаточно определить условия достижения максимума функцией

$$\tilde{H} = u_2[1 - a \cdot C_1 \cdot \exp(a \cdot t)] + u_1[a \cdot C_1 \cdot \exp(a \cdot t) - 1]. \quad (8)$$

Из (8) следует, что оптимальные управления должны формироваться в соответствии с зависимостями

$$u_1^* = U_1 \cdot \text{sign}[a \cdot C_1 \cdot \exp(a \cdot t_a) - 1], \quad (9)$$

$$u_2^* = U_2 \text{sign}[1 - a \cdot C_1 \cdot \exp(a \cdot t_a)], \quad (10)$$

где t_a – момент переключения управляющих воздействий $u_1, u_2, t_a \in (0, T)$.

Сформулированная задача оптимального управления на конечном отрезке времени была решена аналитически с помощью принципа максимума. Алгоритм управления получился релейным, что характерно для задач, линейных по управлению. Оптимальный момент переключений управляющих воздействий при неустойчивости условий функционирования данной системы остается фиксированным, в связи с чем качество переходного процесса при найденном оптимальном управлении будет снижаться. Для устранения этого недостатка алгоритма переключения перейдем к фазовым переменным системы. Поскольку в рассматриваемом случае управляющие воздействия на интервале управления $[0, T]$ постоянны, то уравнение движения системы (1) после подстановки в него (9) и (10) легко интегрируется. В результате находим оптимальную траекторию:

$$E_1^*(t) = u^* + C_2 \cdot \exp(-a \cdot t), \quad (11)$$

где $u^* = U_1 \text{sign}(a \cdot C_1 - 1) - U_2 \text{sign}(1 - a \cdot C_1)$; C_2 – постоянная интегрирования.

Для траектории (11) известны граничные условия:

$$t = 0, x_f(0) = x_f(0), \quad (12)$$

$$t = T, x_f(T) = 0. \quad (13)$$

Подставляя в (11) поочередно (12) и (13), находим два выражения для C_2 , приравниваем их и получаем

$$u^* = \frac{E_1^{(0)}}{1 - \exp(a \cdot T)}. \quad (14)$$

Знаменатель в (14) всегда отрицателен, следовательно, знак u^* всегда противоположен знаку $x_f(0)$.

Установим связь между знаком отклонения регулируемой величины $x_f(0)$ и константой C_1 и тем самым укажем, каким образом должно выбираться начальное значение $\psi_1(0)$, чтобы оптимальная траектория $x^*(t)$ проходила через заданные начальную и конечную точки. Для этого примем $U_1 = U_2 = U$ и рассмотрим две ситуации: $x_f(0) > 0$ и $x_f(0) < 0$. В первой ситуации, как следует из (14), $u^* < 0$, т. е.

$$U \cdot [\text{sign}(a \cdot C_1 - 1) - \text{sign}(1 - a \cdot C_1)] < 0,$$

$$\text{sign}(a \cdot C_1 - 1) - \text{sign}(1 - a \cdot C_1) < 0, \quad (15)$$

что возможно только, если $C_1 < 0$.

Во второй ситуации должно выполняться

$$\text{sign}(a \cdot C_1 - 1) - \text{sign}(1 - a \cdot C_1) > 0, \quad (16)$$

что возможно только, если $C_1 > 1/a$.

Переходя к фазовым переменным, алгоритм оптимального управления процессом непрерывной стерилизации определим следующими зависимостями:

$$u_1^* = -U_1 \cdot \text{sign } E_1^{(0)};$$

$$u_2^* = U_2 \cdot \text{sign } E_1^{(0)}. \quad (17)$$

Из (17) следует, что переключение управлений производится в моменты изменения знака отклонения температуры среды от заданного значения. Объединяя полученные зависимости, будем иметь алгоритм управления:

$$U = \psi_1 \cdot \text{sign } \varepsilon + \psi_2 \cdot \text{sign } \varepsilon, \quad (18)$$

$$\psi_1 = \begin{cases} U_{1\infty} & \text{при } \varepsilon \geq 0; \\ U_{1\max} & \text{при } \varepsilon < 0; \end{cases} \quad \psi_2 = \begin{cases} U_{2\max} & \text{при } \varepsilon > 0; \\ U_{2\infty} & \text{при } \varepsilon \leq 0, \end{cases} \quad (19)$$

где ε – отклонение температуры от заданной; $U_{1\text{ном}}$, $U_{2\text{ном}}$ – управляющие воздействия на подачу среды и пара в нагреватель соответственно для номинального режима; $U_{1\max}$, $U_{2\max}$ – управляющие воздействия на максимальную подачу среды и пара в нагреватель соответственно.

Полученный алгоритм управления дает следующую предварительную информацию для формирования базы правил нейро-нечеткого контроллера: в тех случаях, когда под воздействием возмущений (непостоянство давления острого пара, его теплосодержания, конденсация водяного пара в нагревателе и др.) температура среды на выходе из нагревателя становится выше заданной, необходимо увеличить расход питательной среды, а расход пара оставить на номинальном уровне. Если же температура становится ниже заданной, необходимо оставить на номинальном уровне расход питательной среды, а расход пара увеличить до предельно допустимой величины. Дополнительной информацией для нечеткого контроллера является информация о текущих значениях расходов управляющих воздействий.

Задача синтеза нейро-нечеткой САУ процессом непрерывной стерилизации состоит в том, чтобы наряду с повышением качества стабилизации температуры предельно упростить структуру нейро-нечеткого регулятора. Чем проще структура системы, тем надёжнее ее аппаратная реализация

и тем меньше времени потребуется на переобучение нейронной сети и корректировку базы правил регулятора в условиях неконтролируемых возмущений. На непостоянство этих условий влияет большое разнообразие обрабатываемых сред на УНС, что исключает возможности осуществления быстрых расчетов номинальных расходов сред с учетом сложных зависимостей и определения теплофизических свойств жидкости применительно к каждой конкретной партии сырья, которые необходимы для численной оценки параметров динамических моделей процесса стерилизации.

Для разработки нейро-нечеткой системы управления с двумя управляющими воздействиями воспользуемся нейро-нечеткой сетью ANFIS (ANFIS – это аббревиатура Adaptive-Network-Based Fuzzy Inference System) [3]. Нейро-нечеткие (гибридные) системы нашли самую большую область применения среди всех возможных методов синтеза систем с нечеткой логикой и нейронными сетями. Связано это с тем, что гибридные нейро-нечеткие сети агрегируют в себе сильные стороны нечеткого вывода и нейронных сетей. Важнейшее свойство нейронных сетей – это обучение и адаптация.

Характерной чертой гибридных систем является то, что они могут быть рассмотрены как система нечетких правил, при этом настройка функций принадлежности в предпосылках и подзаключениях правил на основе обучающего множества производится с помощью нейронной сети [4]. Использование гибридной сети ANFIS предпочтительно в том случае, если управляющие правила имеют только один консеквент. Если имеется несколько консеквентов, то рекомендуется использовать другую сеть, например NNFCL [4]. Среди алгоритмов нечеткого вывода, пожалуй, наиболее известным и популярным является алгоритм Сугэно (Sugeno). ANFIS реализует систему нечеткого вывода Сугэно в виде пятислойной нейронной сети прямого распространения сигнала. Назначение слоев следующее: первый слой – термы входных переменных; второй слой – антецеденты (посылки) нечетких правил; третий слой – нормализация степеней выполнения правил; четвертый слой – заключения правил; пятый слой – агрегирование результата, полученного по различным правилам. Входы сети в отдельный слой не выделяются.

В качестве входных сигналов нейро-нечеткого регулятора приняты отклонение температуры от заданного значения, текущие значения расходов пара и питательной среды. В качестве выходного сигнала рассматривается управляющее воздействие на расход пара и расход питательной среды, поступающие в объект управления – паронагреватель. Таким образом, база правил будет содержать три входные переменные и одну выходную переменную. Данная информация представлена в табличной форме (табл. 1). В словесном виде база правил будет выглядеть следующим образом:

- П1. Если температура меньше заданной, и расход среды максимальный, и расход пара максимальный, то уменьшить расход среды.
- П2. Если температура больше заданной, и расход среды максимальный, и расход пара максимальный, то уменьшить расход пара.
- П3. Если температура меньше заданной, и расход среды минимальный, и расход пара максимальный, то уменьшить расход пара.
- П4. Если температура больше заданной, и расход среды минимальный, и расход пара максимальный, то увеличить расход среды.
- П5. Если температура меньше заданной, и расход среды максимальный и расход пара минимальный, то увеличить расход пара.
- П6. Если температура больше заданной, и расход среды максимальный, и расход пара минимальный, то уменьшить расход среды.
- П7. Если температура меньше заданной, и расход среды минимальный, и расход пара минимальный, то увеличить расход пара.
- П8. Если температура больше заданной, и расход среды минимальный, и расход пара минимальный, то увеличить расход среды.

Таблица 1

База правил, представленная в табличном виде

№	Первая входная переменная – отклонение температуры (Т) от заданного значения (g)	Вторая входная переменная – расход среды (Qc)	Третья входная переменная – расход пара (Qп)	Выходная переменная – управляющее воздействие, U
1	отклонение меньше нуля ($T < g$)	максимальный	максимальный	уменьшить Qc
2	отклонение больше нуля ($T > g$)	максимальный	максимальный	уменьшить Qп
3	отклонение меньше нуля ($T < g$)	минимальный	максимальный	уменьшить Qп
4	отклонение больше нуля ($T > g$)	минимальный	максимальный	увеличить Qc
5	отклонение меньше нуля ($T < g$)	максимальный	минимальный	увеличить Qп
6	отклонение больше нуля ($T > g$)	максимальный	минимальный	уменьшить Qc
7	отклонение меньше нуля ($T < g$)	минимальный	минимальный	увеличить Qп
8	отклонение больше нуля ($T > g$)	минимальный	минимальный	увеличить Qc

По представленной в базе правил информации построен и изображен на рис. 1 граф работы нейро-нечеткого регулятора. Граф отражает состояния и переходы к ним в каждый последующий момент времени.

Для синтеза нейро-нечеткого регулятора в программе anfisedit пакета MATLAB осуществим обучение нейро-нечеткой сети по созданной базе правил. Для этого формализуем входы и выход регулятора с помощью реализации на выходе регулятора преобразователя кодов в конкретные значения расходов питательной среды и острого пара.

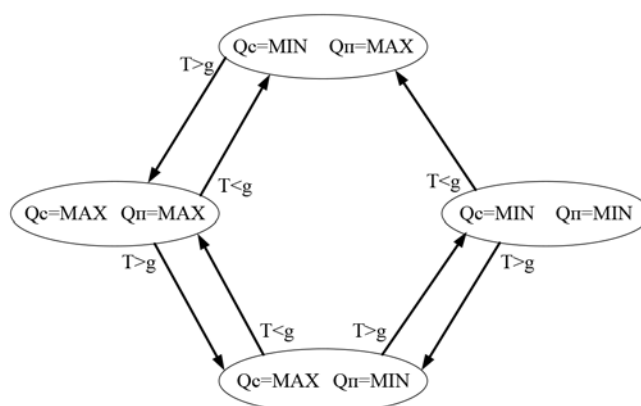

Рис. 1. Граф работы нейро-нечеткого регулятора и состояний объекта управления

В таблице 2 представлены коды для каждой процедуры базы правил для обучения сети.

Таблица 2

Формализация входов и выходов нейро-нечеткого регулятора

Величины входных сигналов регулятора и условия	Значение кода
Температура меньше заданной $T < g$	0
Температура больше заданной $T > g$	1
Минимальный расход	0
Максимальный расход	1
Увеличить расход среды	0
Уменьшить расход среды	1
Увеличить расход пара	2
Уменьшить расход пара	3

Для настройки ANFIS-сети могут быть применены типовые процедуры обучения нейронных сетей, так как в ней используются только дифференцируемые функции. Программная реализация нейро-нечеткой сети осуществлена в MATLAB Fuzzy Logic Toolbox [4] с использованием m-функции `anfis` на основе настроенной системы нечеткого вывода. М-функция обучения сети `anfis` для определения параметров функций принадлежности систем нечеткого вывода типа Сугено может использовать алгоритм обратного распространения ошибки или алгоритм гибридного обучения. Второй алгоритм представляет собой комбинацию метода наименьших квадратов и обратного распространения ошибки [4]. Для обучения сети воспользуемся гибридным методом обучения с уровнем ошибки 0 и количеством циклов обучения, равным 30. На рис. 2 представлена зависимость ошибки обучения гибридной сети от числа эпох. Из рис. 2 видно, что обучение практически закончилось после 15 цикла. По окончании обучения ошибка обучения составила $1,8544 \cdot 10^{-6}$.

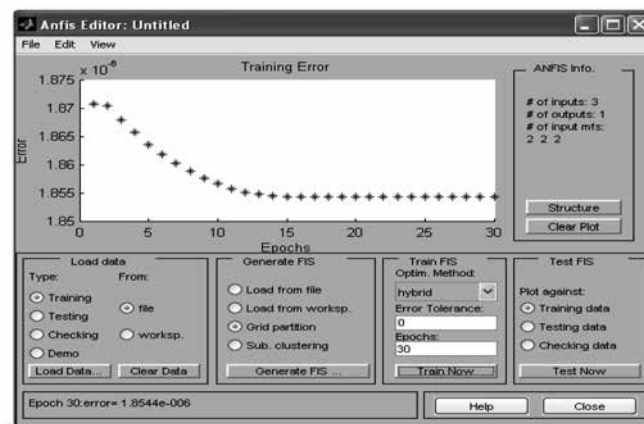

Рис. 2. Зависимость ошибки обучения нейро-нечеткой сети от числа эпох.

На рис. 3 представлены система позиционного регулирования температуры среды на выходе нагревателя с двумя регуляторами (а) и система моделирования нейро-нечеткой системы (б)

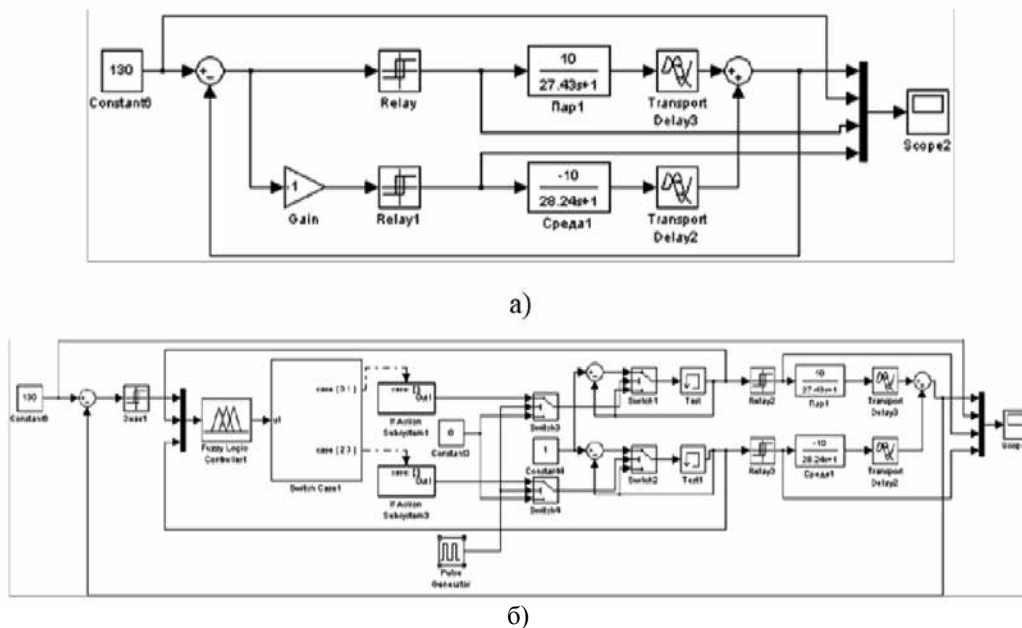

Рис. 3. Схемы моделирования системы позиционного регулирования температуры среды на выходе нагревателя (а) и нейро-нечеткой системы (б)

На рис. 4 представлены переходные процессы в системе с рассчитанными параметрами нейро-нечеткой сети (а) и в системе с позиционными регуляторами (б) при ступенчатом изменении задания на входе регулятора. В верхней части рис. 4 показан график изменения температуры среды на выходе паронагревателя, в нижней части – управляющие воздействия на расход среды и пара. По графику переходного процесса в системе с позиционным регулятором, представленного на рис. 4б, определены следующие значения показателей качества: амплитуда автоколебаний равна $2,5^{\circ}\text{C}$; период автоколебаний равен 40 мин. По полученным данным можно сделать вывод, что система с позиционным регулятором не обеспечивает требуемого качества стабилизации температуры.

По графику переходного процесса в системе с нейро-нечетким регулятором, представленного на рис. 4а, определены следующие значения показателей качества: амплитуда автоколебаний равна $0,6^{\circ}\text{C}$; период автоколебаний равен 20 мин.

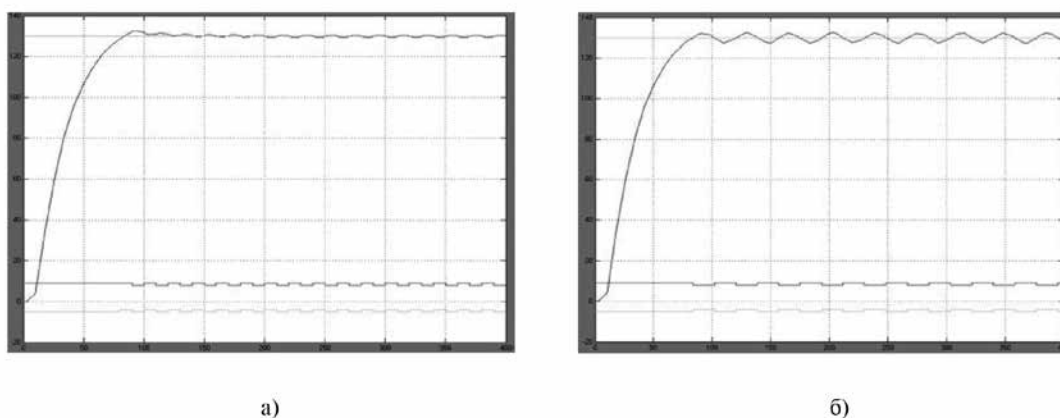

Рис. 4. Переходные процессы в системе с нейро-нечетким регулятором (а) и позиционным регулятором (б)

Следовательно, можно сделать вывод, что нейро-нечеткий алгоритм управления УНС, эффективность которого была проверена на данных промышленного объекта, обеспечивает более высокое качество управления по сравнению с позиционным регулированием: амплитуда автоколебаний уменьшилась в 4,2 раза, период автоколебаний сократился в 2 раза. Показатели точности САУ с нейро-нечетким регулятором в установившемся режиме выше, чем в системе с классическим нелинейным регулятором.

При формировании базы правил нечеткого контроллера системы стабилизации температуры УНС наряду с экспертными оценками в модель нейро-нечеткого регулятора введены результаты решения задачи оптимального управления объектом. При этом переход из временной области, в которой найдено оптимальное решение, к фазовым переменным системы позволил непосредственно применить полученное решение для формирования базы правил нечеткого контроллера. Рассмотренный пример показывает один из возможных методов синтеза интеллектуальных регуляторов для управления промышленными биообъектами, основанный на комбинации принципов нечеткой логики и нейросетевой технологии.

Литература

1. Нейро-нечёткие сети [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allbest.ru> (дата обращения: 25.12.2013)
2. Лубенцова Е. В. Алгоритм оптимального управления процессом стерилизации // Изв. вузов. Сев.-Кав. регион. Техн. науки, 2002. Спецвыпуск. С. 127.
3. Штовба С. Д. Проектирование нечетких систем средствами MATLAB. М.: Горячая линия – Телеком, 2007. 288 с.
4. MATLAB Fuzzy Logic Toolbox User's Guide // The MathWorks, Inc. 2008. 333 p.

УДК 544.032; 544.72

**Пигулев Роман Витальевич, Сидоров Константин Иванович,
Тарала Виталий Алексеевич, Лисицын Сергей Викторович,
Беляева Елена Николаевна, Москвичева Мария Викторовна**

РФЭС-АНАЛИЗ ПЛЕНОК АЛМАЗОПОДОБНОГО УГЛЕРОДА¹

В данной работе представлен анализ результатов исследования пленок алмазоподобного углерода, синтезированных методами плазмохимического осаждения из углеводородных источников: метана (CH₄) и этана (C₂H₆). Для исследования влияния условий синтеза на структуру и состав аморфных пленок углерода был применен анализ спектров рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии.

Ключевые слова: аморфный гидрогенизированный углерод, спектры рентгеновские фотоэлектронные, микрокристаллический, нанокристаллический, ультрананокристаллический, аморфный.

**Pigulev Roman V., Sidorov Konstantin I., Tarala Vitaliy A., Lisitsyn Sergey V.,
Belyaeva Elena N. Moskvicheva Maria V.**

XPS ANALYSIS OF DIAMOND-LIKE CARBON FILMS

The paper presents an analysis of the results of a study into diamond-like carbon films synthesized by plasma-chemical deposition from hydrocarbon sources: methane (CH₄) and ethane (C₂H₆). Analysis of the spectra of X-ray photoelectron spectroscopy was employed to study the effect that the synthesis conditions have on the structure and composition of amorphous carbon films.

Key words: amorphous hydrogenised carbon, X-ray photoelectron spectra, microcrystalline, nanocrystalline, ultra-nanocrystalline, amorphous.

В работе [1] методом комбинационного рассеяния света проводились исследования пленок алмазоподобного углерода, синтезированных методами плазмохимического осаждения из углеводородных источников. Показано, что независимо от выбора источника компонентов образуются пленки аморфного гидрогенизированного углерода с характерными для данного типа материалов спектрами комбинационного рассеяния. КРС-спектры всех полученных в данной работе образцов имели четко выраженный G-пик в области 1510–1540 см⁻¹ и слабо выраженный D-пик в области 1350 см⁻¹. Кроме того, все спектры имели небольшой наклон к оси абсцисс, и по тангенсу угла наклона базовой линии спектра комбинационного рассеяния света судили о концентрации связанного водорода.

Как известно, структура аморфного гидрогенизированного углерода определяется соотношением атомов с sp² и sp³-типом гибридизации: если уменьшать долю атомов углерода с sp²-типом гибридизации, то происходит уменьшение степени кристалличности материала от микрокристаллической (MCD) до нанокристаллической (NCD), затем до ультрананокристаллической (UNCD), и, в конечном итоге, до аморфной. Долю sp² гибридизированного углерода определяли по отношению интенсивностей D и G полос. Однако по причине отсутствия четких данных о количестве полос в спектре комбинационного рассеяния света, а также ошибок аппроксимации спектров, точность определения типа гибридизации невысока. Поэтому была предпринята попытка прямого измерения типа гибридизации по фотоэлектронным спектрам 2p уровня углерода. Измерения проводились на фотоэлектронном спектрометре PHI 5000 VERSA PROBE II. Для возбуждения фотоэлектронных спектров использовалось монохроматизированное Al K α -излучение, которое сканирует по поверхности образца, с площадью пятна 100 мкм. Мощность рентгеновской трубки – 24,6 Вт. Использовались три образца пленок углерода на кремнии: UNCD и NCD, NCD и MCD, MCD.

Предварительный спектр образцов показывает наличие на поверхности загрязнений в виде кислорода, OH-групп и др. (рис. 1).

¹ Работы выполнены при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания № 2014/216 по проекту № 2516

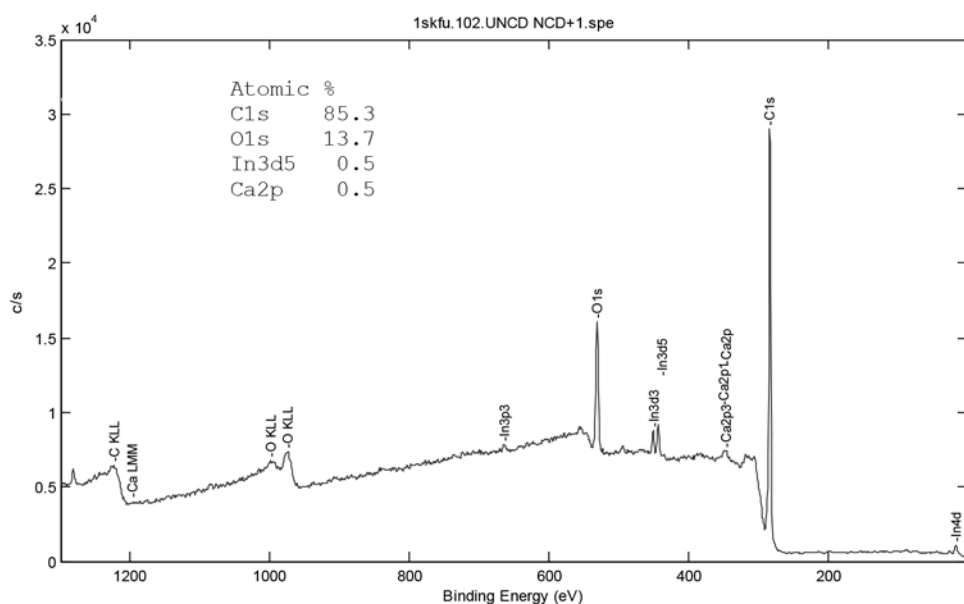

Рис. 1. Обзорный спектр поверхности UNCD и NCD углерода.

Присутствие большого количества кислорода осложняет оценку гибридизации углерода, так как связи С – О мешают выделению на спектре sp^2 и sp^3 гибридизаций. Поэтому для очистки поверхности применялось травление ионами аргона энергией 2 кэВ и плотностью пучка 1,75 мкА/мм².

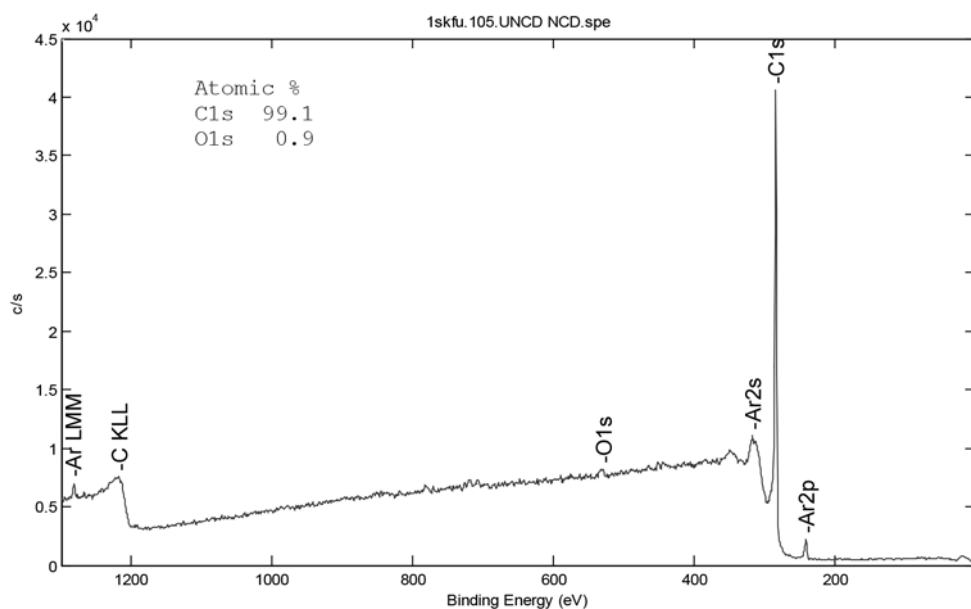

Рис. 2. Обзорный спектр поверхности UNCD и NCD углерода после травления.

После травления содержание кислорода стало менее 1 %, остальные загрязнения отсутствовали на спектре (рис. 2). Основным компонентом спектра является пик углерода C1s. На спектре также присутствует аргон, но он никак не влияет на химическое состояние элементов образца.

Для более детального анализа химического состояния углерода в образце был получен спектр высокого разрешения для углерода C1s (рис. 3).

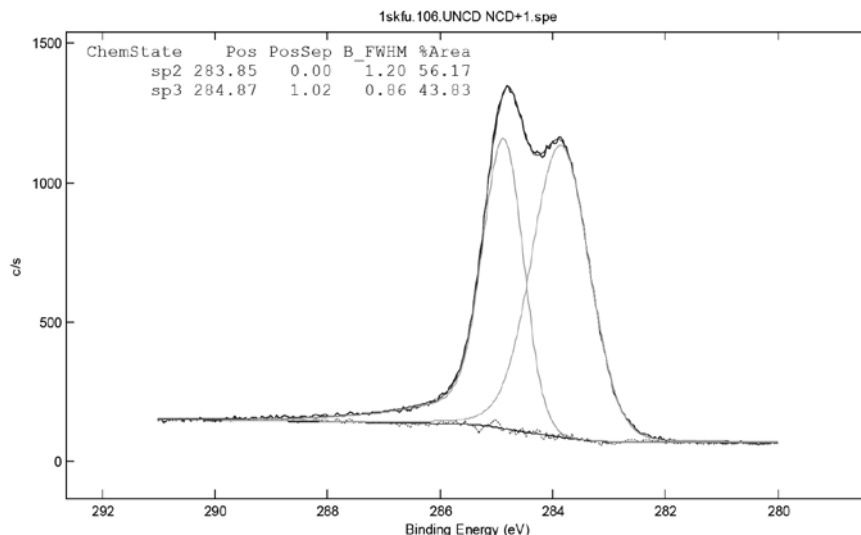

Рис. 3. Спектр высокого разрешения C1s NCD углерода после травления.

Сканирование проводилось в диапазоне энергий от 280 до 291 эВ. Время получения спектра составляло 55 мин. На спектре углерода можно выделить два состояния – sp³ и sp² – гибридизации углерода, относящиеся к алмазу и графиту соответственно. Долю гибридизации того или иного типа определяли по ширине линии на полувысоте и площади под кривой C1s. Как видно, для UNCD и NCD пленок графитоподобное состояние углерода преобладает над алмазоподобным.

Далее проводилось исследование NCD – MCD углерода. Подобно первому образцу обзорный спектр показал наличие загрязнений поверхности кислородом, ОН-группой и др., но после травления данные пики исчезли из спектра. Ниже приведен спектр высокого разрешения для углерода C1s второго образца. На спектре углерода можно выделить два состояния – sp³ и sp² – гибридизации углерода, относящиеся к алмазу и графиту соответственно. Также проявляется небольшой сателлитный пик, относящийся к графиту. В сравнении с первым образцом заметно увеличение графитоподобной составляющей углерода.

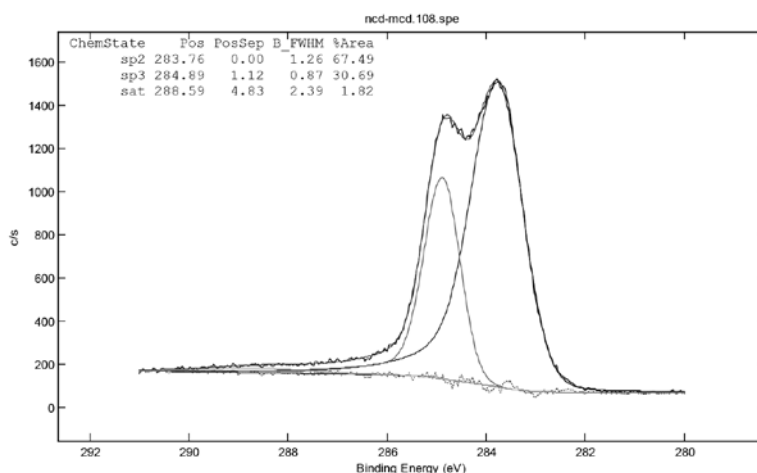

Рис. 4. Спектр высокого разрешения C1s NCD и MCD углерода после травления.

Для третьего образца был получен профиль распределения по глубине пленки. По профилю можно судить о распределении фаз углерода с различной степенью гибридизации по глубине, а также оценить толщину пленки. Спектр представлен на рисунке 5:

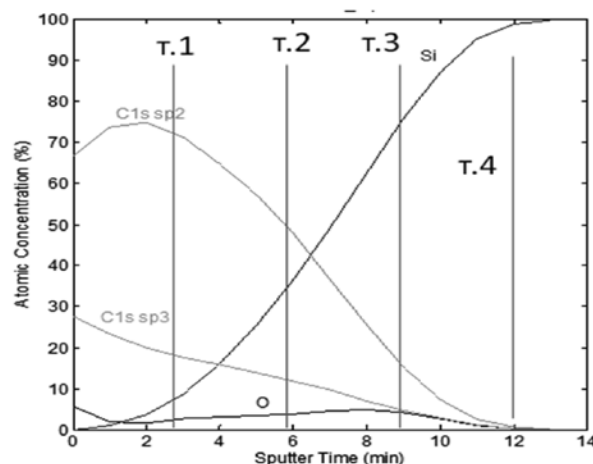

Рис. 5. Профиль травления MCD углерода

Поверхность образца окислена, при травлении в глубь образца доля кислорода убывает до границы раздела «пленка – подложка», наличие кислорода на границе раздела объясняется естественным слоем окисла на кремнии. Причина наличия кислорода в объеме пленки показана ниже при помощи спектров высокого разрешения в 4 точках третьего образца, указанных на рисунке 5.

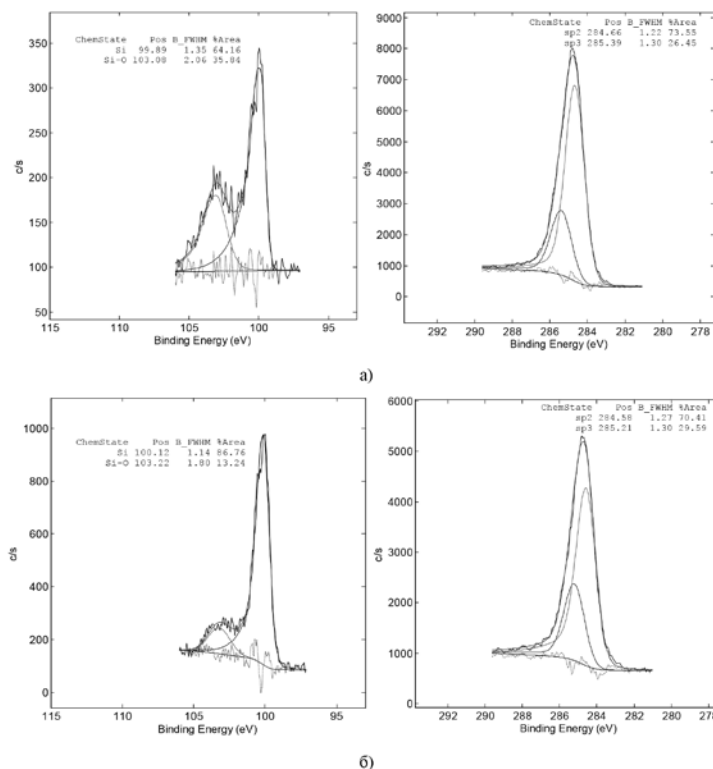

Рис. 6а. Спектры высокого разрешения кремния (слева) и углерода (справа): а) точка 1; б) точка 2.

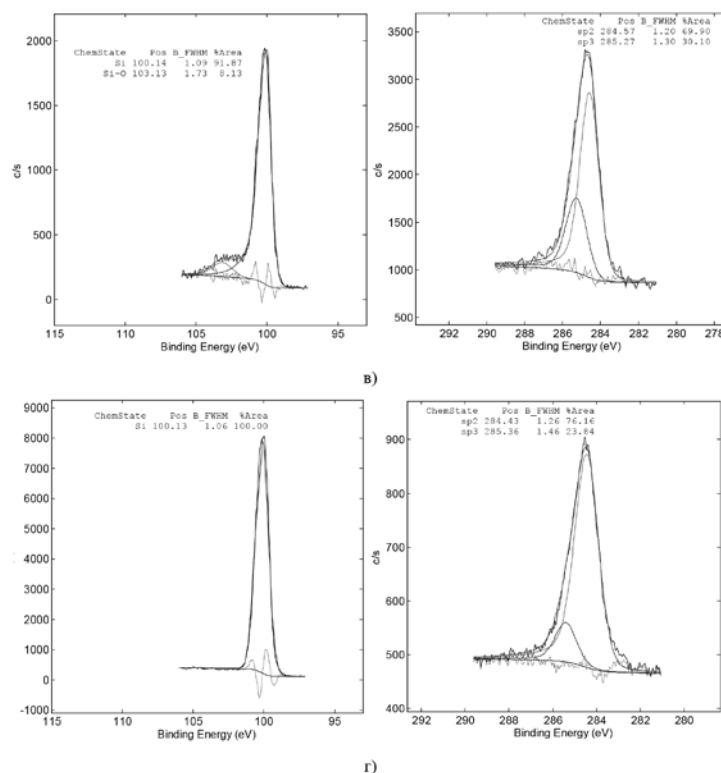

Рис. 66. Спектры высокого разрешения кремния (слева) и углерода (справа):
в) точка 3; г) точка 4.

Как видим, углерод не связан с кислородом по всей толщине пленки за исключением границы раздела. Гибридизация углерода sp^2 значительно преобладает над sp^3 по всей глубине образца. Одновременно с этим кремний является окисленным во всех исследуемых точках, за исключением точки 4 (рис. 6). Данный факт объясняется тем, что углеродная пленка является островковой, а так как при анализе площадь рентгеновского пятна порядка 100 мкм, то захватываются и области, не покрытые пленкой, вследствие чего в спектре и будет появляться окисленный кремний. Следовательно, несмотря на полученный профиль распределения, исследуемый образец не окислен по всей толщине и не содержит кремния до границы раздела.

Толщину удаленного слоя пленки можно оценить по формуле

$$x(t) = \frac{MKj_p}{\rho N_A e} t, \quad (1)$$

где $x(t)$ – толщина слоя удаленная за время t ; M – молярная масса элемента; K – коэффициент распыления; j_p – плотность тока распыления; ρ – плотность элемента; N_A – число Авогадро; e – заряд электрона [2].

Тогда, зная время, за которое пленка была распылена до подложки, можно оценить толщину пленки. Для определения этого времени использовали профиль травления образца MCD (рис. 5). Обычно необходимое нам время определяют как пересечение линии концентрации элементов подложки и пленки, но в данном случае такой способ не подходит в силу изложенных ранее причин. Поэтому время определяли в точке максимальной концентрации кислорода при движении от подложки к пленке, что соответствует границе между естественным окислом кремниевой подложки и углеродной

пленкой. Углерод в пленке находится в двух состояниях, а значит необходимо учесть плотность каждой из фаз и их соотношение в образце. В результате (1) примет вид

$$d = \frac{MKj_p}{N_A e} t_1 \left(\frac{0,32}{\rho_1} + \frac{0,68}{\rho_2} \right) \quad (2)$$

где d – толщина пленки, t_1 – время травления образца до подложки ($t_1 = 8$ мин), ρ_1 – плотность алмаза, ρ_2 – плотность графита.

Таким образом, были получены следующие результаты и выводы:

- определены соотношения между sp^2 и sp^3 гибридизациями пленок углерода с разной степенью кристалличности;
- подтверждены выводы работы [1];
- показано что MCD пленка является островковой и имеет толщину примерно 13 нм.

Работы выполнены при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания № 2014/216 по проекту № 2516

Литература

1. Валюхов Д. П., Пигулев Р. В., Сидоров К. И., Тарала В. А., Титаренко А. А., Шевченко М. Ю. КРС-анализ пленок алмазоподобного углерода // Сборник научных трудов Sworld. 2013. Т. 11. № 2. С. 55–60.
2. Сидоров К. И., Лисицын С. В., Зубрилов В. Г., Пигулев Р. В., Валюхов Д. П. Методика исследования гидрогенизированного карбида кремния масс-спектрометрией вторичных нейтральных частиц // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. № 1. С. 16–18.

УДК 621.891

**Пинахин Игорь Александрович, Черниговский Вячеслав Алексеевич,
Ягмуров Михаил Алексеевич**

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ОБЪЕМНОГО ИМПУЛЬСНОГО ЛАЗЕРНОГО УПРОЧНЕНИЯ (ОИЛУ)

Статья посвящена разработке методологического подхода, учитывающего взаимосвязь между режимами объемного импульсного лазерного упрочнения (ОИЛУ) и изменением физико-механических свойств упрочняемых материалов в лабораторных и производственных условиях.

Ключевые слова: объемная импульсная лазерная обработка, абразивное изнашивание, твердые сплавы, рентгеноструктурный анализ, прочность на изгиб, рабочие органы машин.

**Pinahin Igor Aleksandrovich, Chernigovskiy Vyacheslav Alekseevich,
Yagmurov Mikhail Alekseevich**

METHODOLOGICAL BASICS FOR EMPLOYING VOLUME IMPULSE LASER HARDENING METHOD (VILH)

The article dwells on the development of a methodological approach taking into view the connection between the modes of the volume impulse laser hardening (VILH) and the alteration in the physical-chemical properties of the materials hardened under laboratory and manufacturing conditions.

Key words: volume impulse laser hardening, abrasive wear, hard metals, X-ray structure analysis, flexural strength, working parts of machine.

С целью снижения расхода материалов и стоимости работ широко используются различные методы упрочнения, большинство из которых носят поверхностный характер (нанесение покрытий, поверхностное пластическое деформирование, лазерная закалка с использованием лазеров непрерывного или импульсного действия и др.). В случаях, когда при потере геометрических параметров изделие теряет свою работоспособность, применение зарекомендовавших себя на практике поверхностных методов упрочнения является экономически оправданным. Ряд изделий различного назначения (металлорежущий инструмент, буровые коронки для перфораторного бурения, дорожные резцы, рабочие органы сельскохозяйственных и землеройных машин и другие виды продукции) сохраняют работоспособность при некоторой величине износа или имеют несколько технических ресурсов работы (например, для режущего инструмента несколько переточек или периодов стойкости). Для данного вида изделий экономически более эффективным является применение объемных методов упрочнения. Одним из таких методов является объемное импульсное лазерное упрочнение (ОИЛУ).

Метод ОИЛУ разработан в Северо-Кавказском федеральном университете на кафедре «Технология машиностроения и технологическое оборудование». Объемное импульсное лазерное упрочнение осуществляется путем локального однократного облучения лучом неодимового лазера импульсного действия ГОС 1001 при следующих режимах: энергия импульса $E = 200 - 400$ Дж, длительность импульса $0,8 \cdot 10^{-3}$ с, диаметр луча лазера 1,4–2,5 мм. В результате воздействия импульса лазера материал нагревается до температуры $40 \cdot 10^3 - 60 \cdot 10^3$ К (происходит переход в состояние плазмы), что приводит к испарению материала (20–70 мг в зависимости от режимов облучения) и образованию ударной волны (рисунок 1) [1].

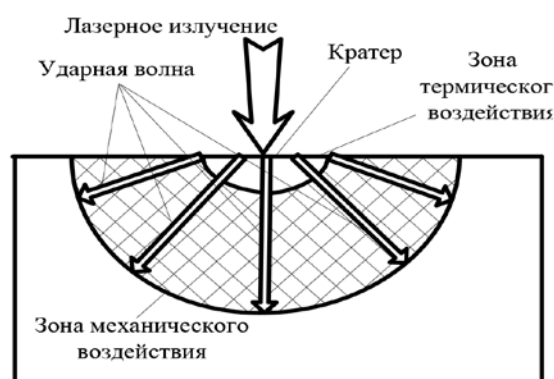

Рис. 1. Схема процессов, развивающихся в материале при ОИЛУ

Возникновение и прохождение ударной волны в материале было подтверждено результатами тензометрии (рис. 2, 3) и рентгеноструктурного анализа (рис. 4) [2, 3].

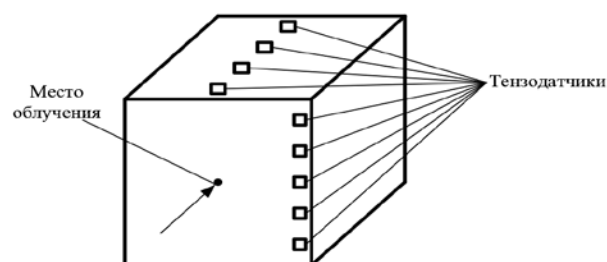

Рис. 2. Схема расположения датчиков на образце

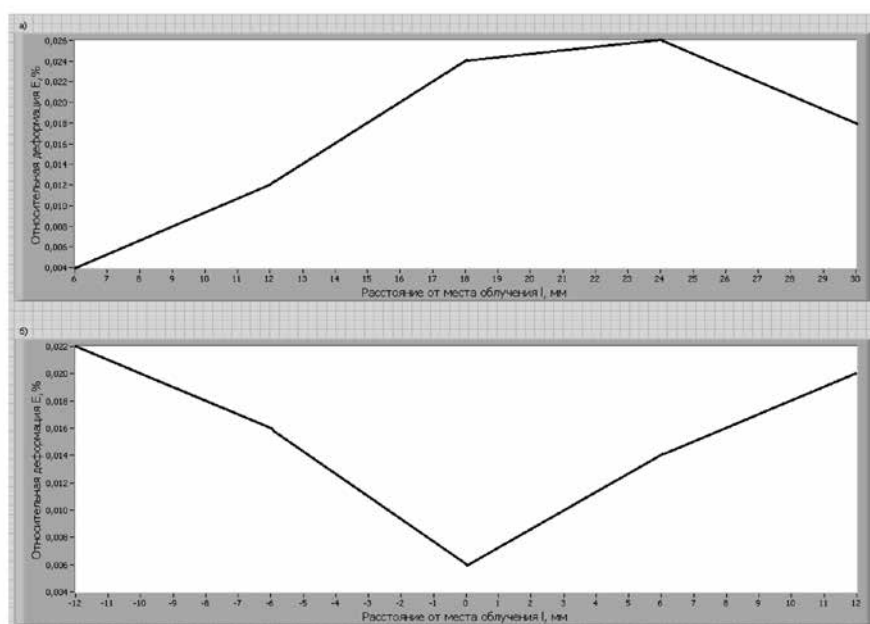

Рис. 3. Зависимость величины относительной деформации от расстояния от места облучения (плотность мощности облучения $3,6 \cdot 10^{13}$ Вт/м²: а – продольное направление; б – поперечное направление)

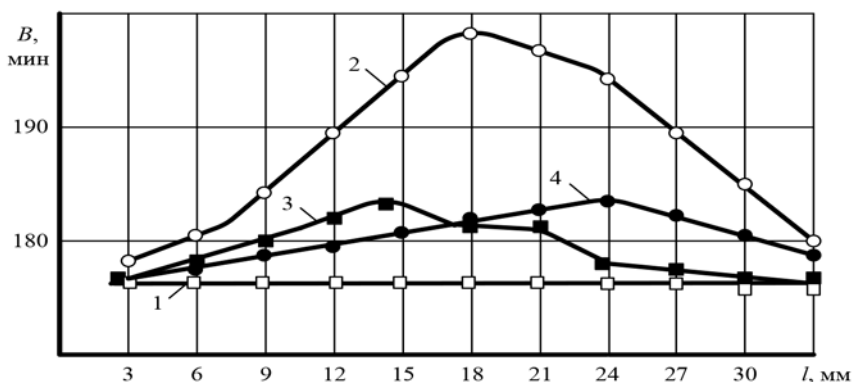

Рис. 4. Изменение ширины линий карбида вольфрама по длине образца твердого сплава ВК8 ($d = 2,0$ мм):
1 – исходные образцы; 2 – $E = 204$ Дж/мм²; 3 – $E = 102$ Дж/мм²; 4 – $E = 306$ Дж/мм²

В основе методологии, несомненно, лежит диалектический подход, позволяющий рассматривать проблемы в их постоянной взаимосвязи, движении и развитии. В большинстве случаев для технических областей знания в основе методологии лежит системный подход [3].

Процесс, связанный с обработкой металлов резанием, по определению проф. М. И. Клушина [4] представляет собой систему резания, состоящую из элементов, которые в данном случае являются отдельными процессами. Состояние системы характеризуется подбором значений ряда переменных (факторов, показателей), а поведение системы – последовательностью состояний во времени. Система обладает свойством относительной устойчивости в том смысле, что она сохраняется лишь в определенных границах изменения ее переменных. В качестве переменных могут служить: диапазон режимов резания, колебание геометрических и конструктивных параметров режущего инструмента, изменение его свойств и др.

Системе присуща особенность внутренней целостности, что выражается в наличии у нее характеристик, не зависящих от свойств ее элементов. Иначе говоря, свойства системы неаддитивны по отношению к свойствам ее элементов. Внутренняя целостность системы в значительной степени характеризуется ее автономностью или относительной самостоятельностью поведения и существования. Вследствие своей относительной автономии любая система может рассматриваться как подсистема или элемент более широкой системы. Одновременно объекты, рассматриваемые в рамках данной системы как целые, при их изолировании могут быть описаны как системы нового уровня. Это позволяет последовательно приблизиться к выражению свойств элементов как функции организации систем микроуровня. Материальные системы характеризуются разной степенью активности взаимодействия их подсистем между собой, причем в любой системе имеет место сочетание взаимозависимости подсистем по одним свойствам и отношениям и независимости по другим.

Комплексный подход применительно к процессу резания упрочненным инструментом и оценка совместного влияния на его стойкость режимов упрочнения и эксплуатации реализуются, если представить его как технологическую систему, позволяющую учитывать сложную взаимосвязь отдельных факторов, оказывающих влияние на стойкость упрочненного режущего инструмента.

В данном технологическом процессе выделим две подсистемы первого (нижнего) иерархического уровня, каждая из которых обладает определенным набором элементов, свойств и связей (рисунки 5):

- подсистема технологической операции упрочнения (A_1);
- подсистема технологической операции резания (A_2).

Свойства элементов $a_{1.1}$, $a_{1.2}$ подсистемы A_1 , характеризующих режим упрочнения (рис. 5), определяют её выходные характеристики. Причем параметры качества упрочняемого материала: микротвердость и сопротивление разрушению – зависят от сочетания свойств элементов, составляющих

систему. Значения ряда факторов, определяющих выходные характеристики подсистемы A1, в свою очередь зависят от свойств элементов. В частности, энергия облучения выбирается исходя из свойств упрочняемого материала, геометрических параметров режущего инструмента.

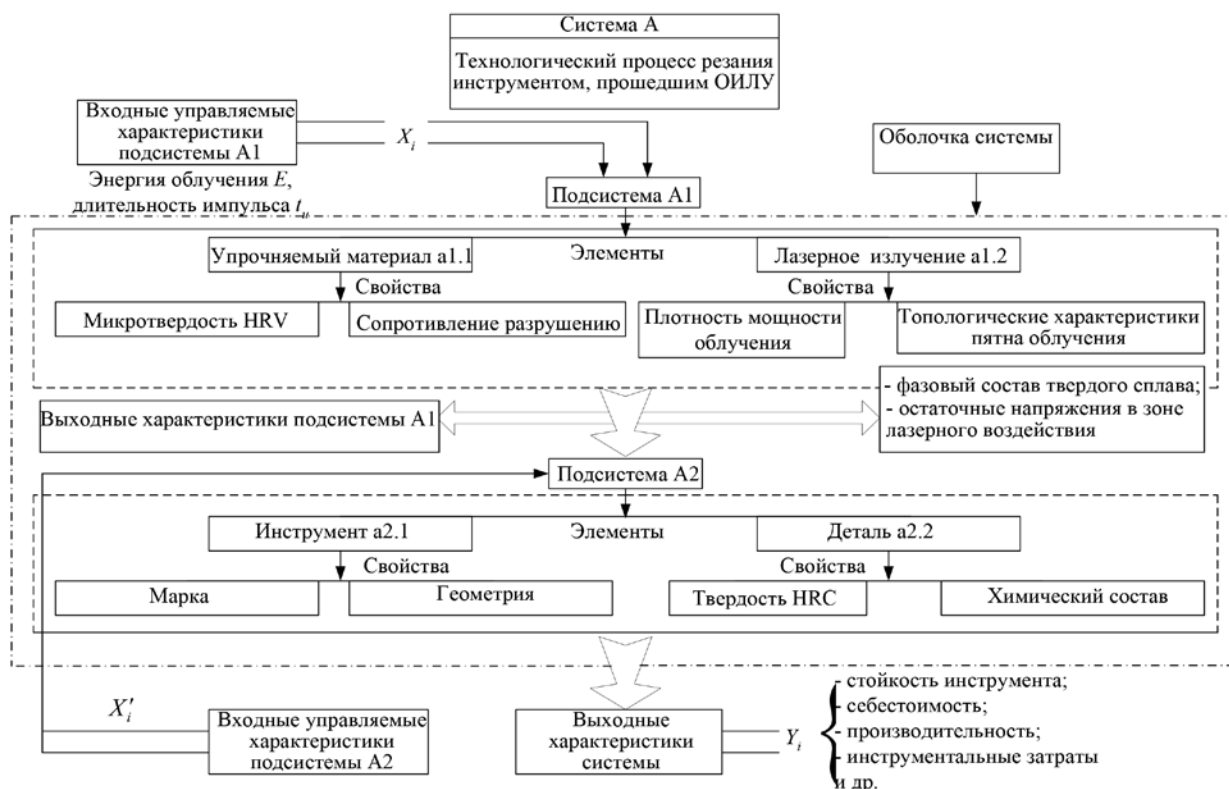

Рис. 5. Технологический процесс резания прошедшим ОИЛУ инструментом как система

Свойства элементов а2.1, а2.2 подсистемы А2, характеризующих режим эксплуатации (рис. 5), определяют выбор режима резания для обеспечения требуемых выходных характеристик системы (стойкости упрочненного режущего инструмента). На вход подсистемы А2 поступают также выходные характеристики подсистемы А1, их совместное действие определяет выходную характеристику технологической системы в целом. Наличие упрочненного материала на рабочей поверхности режущих инструментов существенно изменяет условия контактного взаимодействия при резании. Выходные характеристики подсистемы А1 наряду с факторами, характеризующими режимы обработки и поступающими на вход подсистемы А2, определяют выходную величину системы в целом. Совокупное действие этих величин придает системе А в целом новые качества, не свойственные каждой из подсистем в отдельности.

Предлагаемый комплексный подход к анализу эффективности упрочнения режущих инструментов реализован поэтапно применительно к процессу резания инструментом, упрочненного импульсной лазерной обработкой.

Как правило, главным выходным продуктом при использовании инновационных технологий является повышение производительности процесса по схеме – производительность возрастает, затраты уменьшаются. Анализ рассмотренной системы (рис. 5) позволяет утверждать, что технология ОИЛУ удовлетворяет этому требованию. Кроме того, при изменении подсистемы А2 и корректировке подсистемы А1 появляется возможность перейти к использованию ОИЛУ к другим видам изделий. Предпосылкой для этого служат получаемые выходные характеристики системы (рис. 5) – повыше-

ние производительности и стойкости, снижение себестоимости и инструментальных затрат за счет улучшения физико-механических свойств упрочняемого материала (в первую очередь абразивной износостойкости и сопротивления разрушения при изгибе), а также сохранение работоспособности при изменении геометрических параметров. Используя такой подход, можно прийти к выводу, что технология ОИЛУ может найти применение в ряде других отраслей. Например, для рабочих органов землеройных и сельскохозяйственных машин, бурового инструмента, дорожных резцов и т. п.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В результате проведенных исследований предложен новый системный методологический подход к анализу эффективности объемного импульсного лазерного упрочнения, основанный на комплексном исследовании влияния на стойкость режущих инструментов физико-технологических параметров, учитывающих подсистемы резания и упрочнения.
2. На основании анализа системы сделан вывод об экономической целесообразности расширения области применения метода ОИЛУ.

Литература

1. Пинахин И. А., Копченков В. Г. Влияние импульсной лазерной обработки твердосплавных режущих инструментов на эффективность обработки металлов резанием // Вестник ДГТУ. Ростов-н/Д, 2010. № 8. С. 1235–1241.
2. Пинахин И. А., Копченков В. Г. Повышение эффективности механообработки за счет применения импульсной лазерной обработки для упрочнения твердосплавных режущих инструментов // Вестник СевКавГТУ. Ставрополь, 2010. № 4. С. 109–113.
3. Пинахин И. А., Копченков В. Г., Тоекин С. А. Особенности износа твердосплавного режущего инструмента, прошедшего объемное импульсное лазерное упрочнение // Трение и смазка в машинах и механизмах. 2012. № 8. С. 24–26.
4. Куприянов Е. М. Стандартизация и качество промышленной продукции. М.: Высшая школа, 1991. 226 с.
5. Клушин М. И. Резание металлов. Горький: ГПИ, 1970. 101с.

УДК 620.9

Стоянов Николай Иванович, Воронин Александр Ильич,
Смирнова Анастасия Александровна

КОМПЛЕКСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕТРОТЕРМАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ С ПОМОЩЬЮ ПАРОЭЖЕКТОРНЫХ ТЕПЛОВЫХ НАСОСОВ

В статье раскрываются технические возможности комплексного использования петротермальной энергии в системах тепло- и холодоснабжения и для выработки электрической энергии на турбине, работающей на низкопотенциальном теплоносителе, с помощью пароэжекторного теплового насоса.

Ключевые слова: петротермальная энергия, пароэжекторный тепловой насос, низкопотенциальное тепло, комплексное энергоснабжение.

**Stoyanov Nikolay I., Voronin Alexander I., Smirnova Anastasiya A.
COMPREHENSIVE USE OF PETROTHERMAL ENERGY
WITH STEAM-EJECTION HEAT PUMPS**

There is a view on the technical capacity of comprehensive use of petrothermal energy in cooling-heating systems as well as for producing power on a turbine functioning on a low-potential coolant using a steam-ejection heat pump.

Key words: petrothermal energy, steam-ejection heat pump, low-potential heat comprehensive power supply.

Энергообеспечение является одной из важнейших социально-экономических проблем современного мирового сообщества.

Мировой социально-экономический кризис привел к принципиальным изменениям в области разработки и освоения новых источников энергии. По-явившиеся затруднения в энергоснабжении большинства стран мира остро ставят вопрос о необходимости поиска и освоения новых видов энергоресурсов. Стремительный рост цен на природный газ, нефть, уголь и уран повысил их конкурентоспособность.

Анализ основных тенденций позволяет выделить следующие проблемы в развитии топливно-энергетического комплекса лидирующих стран мира:

- 1) увеличение диспропорции между темпами производства и потребления энергетических ресурсов;
- 2) отсутствие существенных изменений в структуре энергопотребления ведущих стран за счет развития угольной промышленности;
- 3) низкий уровень практической отдачи от реализации в ряде стран программ по экономии энергии;
- 4) ужесточение норм законодательства в области защиты окружающей среды;
- 5) рост цен на нефть, природный газ.

С учетом вышесказанного одним из основных направлений в развитии современной мировой энергетики является переход к рациональному сочетанию традиционных и возобновляемых источников энергии. К 2000 г. мировое энергопотребление составляло порядка 18 млрд т у. т., к 2025 г. оно может увеличиться до 30–38 млрд т у. т., а к 2050 г. – до 60 млрд т у. т. К этому времени мировая экономика будет стремиться к уверенному и планомерному снижению доли органического топлива за счет роста доли возобновляемых энергетических ресурсов.

На сегодняшний день топливно-энергетический комплекс Российской Федерации обеспечивает требуемый уровень развития отечественной энергетики и необходимый стране экспорт энергоресурсов. Поиск и освоение альтернативных источников энергии в нашей стране пока не является действительно острой проблемой. Однако это не может являться справедливым объяснением тех незначительных объемов работ, которые ведутся по освоению нетрадиционных возобновляемых источников энергии.

С целью создания условий для модернизации экономической обстановки и обеспечения социально-экономического развития регионов РФ группой российских ученых и специалистов разработан инновационный проект: «Развитие петротермальной энергетики России». Он основан на методике извлечения и способах утилизации тепла, аккумулированного в «сухих» горячих горных породах, с целью выработки постоянной, экономически доступной электроэнергии для эффективного энергоснабжения удаленных районов России [3].

Согласно предварительным подсчетам в Земле хранится гораздо больше теплоты, чем ее можно было бы получить, расщепив в ядерных реакторах все имеющиеся земные запасы урана и тория. Если человечество будет использовать только геотермальную энергию для повсеместного энергообеспечения, то пройдет более 40 млн лет, прежде чем температура глубинных недр Земли снизится на полградуса [2, 4].

Французские ученые Европейского центра синхротронного излучения в рамках эксперимента построили модель, которая имитирует процессы, протекающие в ядре Земли. Это позволило определить температуру центра планеты. Согласно проведенным исследованиям температура твердого железного ядра Земли составляет около 6 000 °С. Это почти на 1 000 °С выше по сравнению с более ранними оценками [8].

Таким образом, повсеместное вовлечение в хозяйственный оборот неисчерпаемых петротермальных ресурсов наряду с конкурентоспособными традиционными невозобновляемыми органическими и атомными видами топлива целесообразно и необходимо.

Накопленный опыт по использованию петротермальной энергии показывает, что в большинстве случаев это оказывается в 2–5 раз выгоднее утилизации органического топлива в энергетических установках.

Таким образом, тепло нашей планеты представляет собой единственный в своем роде колоссальный, неисчерпаемый энергетический ресурс, который при рациональном освоении и использовании позволит значительно снизить себестоимость единицы энергии в сравнении с традиционной топливной энергетикой.

Практический интерес вызывает та часть общего потенциала тепловой энергии Земли, которая отвечает современным техническим возможностям проникновения в недра планеты. В настоящее время доступные с технической точки зрения петротермальные энергоресурсы резонно ограничить общим теплосодержанием верхних 10–12 км земной коры в пределах суши. Их общий тепловой потенциал эквивалентен 1702 трлн т у. т. Подсчитанные прогнозные, технически доступные ресурсы геотермальной энергии для нужд теплоснабжения (режим 70/2 °С) составили 56,9 трлн т у. т., в том числе для нужд отопления – 30,5 трлн т у. т. Энергетический потенциал технически доступного, экономически целесообразного и экологически чистого альтернативного источника энергии для нужд теплоснабжения составляет 44,6 трлн т у. т., в том числе для отопления – 16,4 трлн т у. т. Однако приведенный выше режим работы потребителей петрогеотермальной энергии существенно недоучитывает то, что при глубинах до 10 км может быть получен пар, потенциала которого достаточно для эффективного преобразования теплоты в электрическую энергию, а температурный режим для систем отопления может быть снижен до 20 °С за счет применения тепловых насосов [1, 5].

В статье [6] были рассмотрены преимущества и перспективы комплексного использования петротермальной энергии для систем тепло- и холодоснабжения и для выработки электроэнергии посредством турбины, работающей на низкопотенциальном теплоносителе. Основной целью является

получение экономически доступной единицы энергии для эффективного энергообеспечения удаленных и обособленных объектов.

Скважина предназначена для круглогодичного пользования. В холодный период тепло расходуется на производственные и коммунально-бытовые нужды (отопление, вентиляцию и горячее водоснабжение), в теплый период – на производственные и коммунально-бытовые нужды (горячее водоснабжение) и холодоснабжение. С целью более гибкого и рационального режима использования теплоты скважины также осуществляется и выработка электроэнергии. На кафедре теплогазоснабжения и экспертизы недвижимости ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (СКФУ) в рамках проведения научно-исследовательской работы аспирантов и студентов в области использования возобновляемых источников энергии была разработана принципиальная схема утилизации тепла земных недр для тепло- и холодоснабжения и выработки энергии посредством парозжекторного теплового насоса для энергоснабжения удаленных и обособленных объектов, представленная на рисунке.

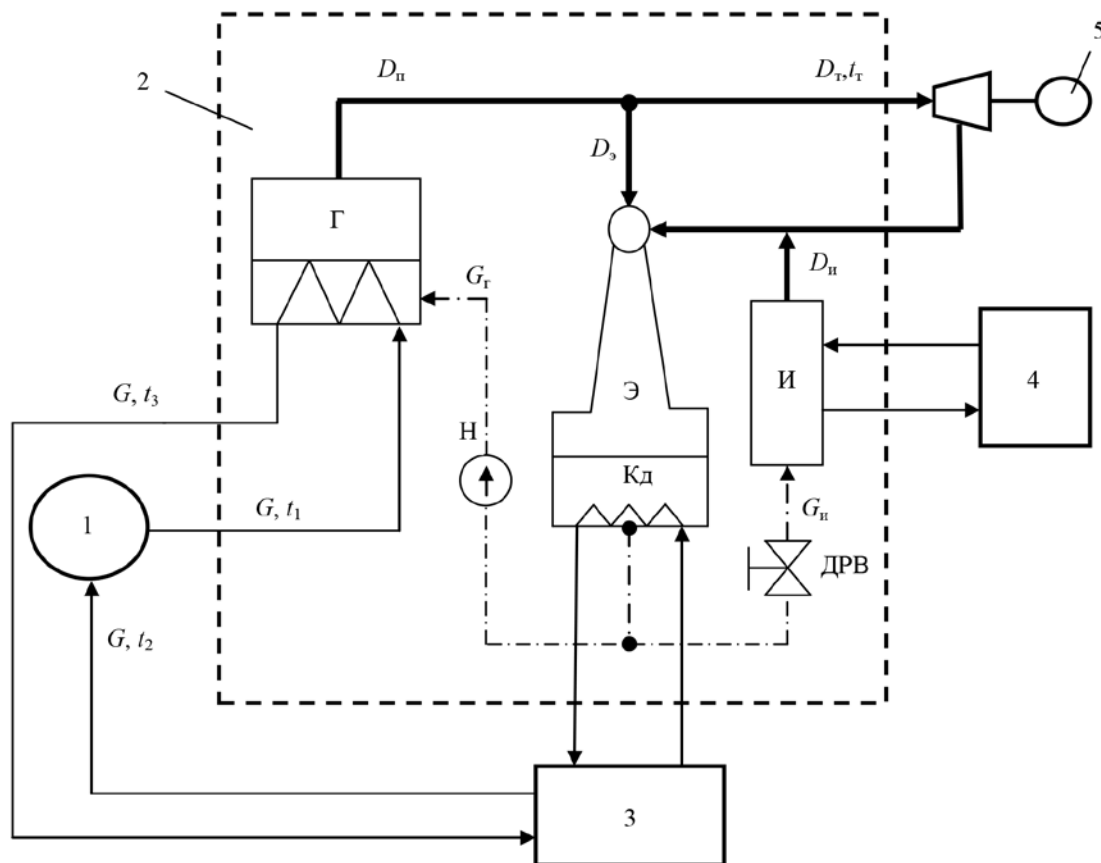

Рис. Способ комплексного использования геотермального тепла с помощью парозжекторного теплового насоса: 1 – геотермальная скважина; 2 – тепловой насос, включающий: Г – генератор с нагревом горячей водой (паром), И – испаритель, Кд – конденсатор, Э – паровой эжектор, ДРВ – дроссельно-регулирующий вентиль, Н – насос для перекачивания конденсата; 3 – потребитель тепла; 4 – потребитель холода; 5 – паровая турбина на низкокипящем теплоносителе (хладагенте) с электрогенератором.

— вода
 — пары хладагента
 — жидкий хладагент

По условию работы парожекторных тепловых насосов на низкокипящем хладагенте (например, фреоне 22) вода (пар) расходом G с температурой не менее $t_1 = 80^\circ\text{C}$ подается в генератор Г, где остывает до температуры $t_3 = 70^\circ\text{C}$. Полученное тепло способствует испарению низкокипящего теплоносителя в генераторе Г.

Скважинная вода (конденсат) после генератора парожекторного теплового насоса при температуре $t_3 = 70^\circ\text{C}$ используется с целью нагрева теплоносителя, подаваемого потребителю тепла 3, после чего возвращается обратно в скважину 1 при температуре $t_2 = 30^\circ\text{C}$.

Тем временем пары хладагента расходом D_p направляются в пароструйный эжектор Э и на турбину 5:

$$D_p = D_o + D_t,$$

где D_o – расход паров хладагента через эжектор, D_t – расход паров хладагента через турбину.

Отсасываемые пароструйным эжектором Э пары хладагента от турбины 5 направляются в конденсатор К_д, где, конденсируясь при температуре порядка 25°C , отдают тепло потребителю 3. Отработанный конденсат G_k насосом Н направляется в генератор Г.

В теплый период поток жидкого низкокипящего теплоносителя после конденсатора К_д разделяется на две части:

- 1) хладагент расходом G_k насосом Н перекачивается в генератор Г;
- 2) хладагент расходом G_i дросселируется в регулирующем вентиле ДРВ и направляется в испаритель И, где происходит его охлаждение до температуры порядка 5°C за счет отбора тепла от потребителя холода 4, после чего отработанный пар D_i отсасывается паровым эжектором Э в конденсатор К_д.

При отсутствии или сокращении нагрузки на системы тепло- и холодо-снабжения осуществляется выработка электрической энергии электрогенератором паровой турбины на низкокипящем теплоносителе (хладагенте) Д_т.

Пары хладагента (низкокипящего теплоносителя) Д_т при температуре $t_t = 75\text{--}80^\circ\text{C}$ и давлении порядка 3 МПа направляются на паровую турбину 5 для выработки электрической энергии, а отработанный пар отсасывается паровым эжектором Э в теплообменник К_д и конденсируется при давлении порядка 0,9 МПа. При этом испаритель И отключается, или уменьшается его производительность.

Основными преимуществами описанного выше способа комплексного использования геотермального тепла с помощью парожекторного теплового насоса являются:

- увеличение теплоотдачи скважины за счет снижения температуры обратной воды, закачиваемой в скважину, t_2 ;
- сокращение затрат на электроэнергию вследствие использования теплоты скважины в парожекторном тепловом насосе для выработки электроэнергии [7];
- в 1987–1988 гг. НПО «Недра» пробурена Тырныаузская скважина на Северном Кавказе глубиной 4001 м. На отметке 4 км пластовые температуры достигали уровня $220\text{--}223^\circ\text{C}$, а при глубинах до 10–12 км можно достичь температур более 400°C , что приведет к существенному увеличению эффективности работы установки.

Литература

1. Алхазов А. Б., Рамазанов М. М., Абасов Г. М. Теплообмен между вертикальной скважиной и водоносным горизонтом с учетом естественной конвекции // II Международная конференция «Возобновляемая энергетика: Проблемы и перспективы». Махачкала, 2010.
2. Богуславский Э. И. и др. Ресурсы геотермальной энергетики территории России и сопредельных государств // Международная научно-техническая конференция «Современные проблемы нетрадиционной энергетики» / отв. за выпуск В. В. Елистратов. СПб., 1994. С. 185.
3. Гнатусь Н. А. Петротермальная энергетика России. Основные тенденции в использовании невозобновляемых природных энергетических ресурсов // Технологии мира. 2012. № 7(45).

4. Калинин Ю. Я., Дубинин А. Б. Нетрадиционные способы получения энергии. Саратов: СПИ, 1983. 70 с.
5. Минерально-сырьевая база топливно-энергетического комплекса России. Состояние и прогноз / гл. ред.: В. З. Гарипов, Е. А. Козловский. М., 2004. 548 с.
6. Стоянов Н. И., Воронин А. И., Гейбатов Р. А. Комплексное использование петротермальной энергии с помощью абсорбционных тепловых насосов // Вестник СКФУ. 2013. № 4 (37). С. 47–51.
7. Стоянов Н. И., Гейвандов И. А., Воронин А. И. и др. Технология извлечения и использования геотермальной энергии для систем тепло-холодоснабжения // Отчет о научно-исследовательской работе по государственному контракту от 22 июня 2007 г. № 02.516.11.6059 Депонир. во ВНИЦ № ГР 01910021861. Инв. № 02910028347, 2008.
8. Европейский центр синхротронного излучения (ESRF): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esrf.eu>. (Дата обращения: 01.05.2014).

УДК 637.03 : 637.07

**Храмцов Андрей Георгиевич, Евдокимов Иван Алексеевич,
Рябцева Светлана Андреевна, Шипулин Валентин Иванович,
Лодыгин Алексей Дмитриевич**

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА МОДЕРНИЗАЦИИ ПИЩЕВОЙ ИНДУСТРИИ АПК РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛЬНОГО БИОЦЕНОЗА, РЫНКА И WTO

В статье рассмотрен вклад научной школы «Живые системы» в модернизацию пищевой промышленности Российской Федерации. Представлены инновационные разработки в области переработки пищевого сырья животного происхождения. Сформулирована парадигма формирования технологической платформы переработки сельскохозяйственного сырья животного происхождения.

Ключевые слова: пищевая индустрия, модернизация, кондиционирование сырья, нанобиомембранные технологии, технологи-ческая платформа.

**Khramtsov Andrei Georgievich, Yevdokimov Ivan Alekseevich,
Ryabtseva Svetlana Andreevna, Shipulin Valentin Ivanovich,
Lodygin Aleksei Dmitrievich**

TECHNOLOGICAL PLATFORM FOR MODERNIZING FOOD INDUSTRY UN RUSSIAN AGROINDUSTRIAL COMPLEX UNDER REAL BIOCENOSE, MARKET, AND WTO

The article offers a view on the contribution that the scientific school Life Sciences has made in the modernization of the food industry in the Russian Federation. It also presents innovative developments in the field of processing raw food stuff of animal origin. There is a formulation of a paradigm for developing a technology platform for processing agricultural raw material of animal origin.

Key words: food industry, modernization, raw stuff conditioning, nanobiomembrane technology, technology platform.

Портфель инноваций творческого коллектива официально признанной ведущей научной школы РФ 7510.2010.4 «Живые Системы» ИЖС СКФУ (ранее СтПИ и СевКавГТУ) по научному, кадровому и информационному обеспечению развития пищевой индустрии Ставрополя, СКФО (ранее ЮФО) и Российской Федерации в достаточной мере освещен в многочисленных открытых публикациях, в том числе специальном выпуске журнала «Пищевая промышленность» [1] и научных трудах [2]. Результаты исследований творческого коллектива (12 докторов и 50 кандидатов наук, 600 студентов – бакалавры и магистры, 50 аспирантов и докторантов) содержатся в более чем 100 диссер-

тационных работах (докторских и кандидатских) по трем специальностям, успешно защищенных в диссертационном Совете Д 212.245.05 и утвержденных ВАК РФ. Электронные версии авторефератов размещены на сайте ВАК Министерства образования и науки РФ www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/ и официальном сайте ФГАОУ ВПО СКФУ www.ncfu.ru.

Часть работ реализована в отрасли, другие ждут своего инвестора, некоторые востребованы за рубежом. Признанием творческих заслуг нашего коллектива (в достойном тандеме с ВНИМИ, НИИ-ДП, НИИПБП, МГУПБ, «Фелицата-Холдинг») является премия Правительства РФ в области науки и техники за разработку научных основ технологии получения и использование пребиотика № 1 в мире лактулозы (2002 г.). А наш бренд на мировом уровне – Симпозиум «Лактоза и ее производные» Международной молочной федерации (Россия, Москва, 2007 г.), к открытию которого была издана одноименная монография [3]. Следует обратить внимание на то, что кроме ИЖС в научной школе действуют творческие коллективы других институтов СКФУ и коммерческих организаций (модераторы, профессора А. А. Борисенко, Л. А. Борисенко и А. А. Брацихин, Е. А. Чеботарев, П. Г. Нестеренко, А. В. Серов), которые вносят достойный вклад в научно-технический прогресс и кадровое обеспечение пищевой индустрии РФ.

В настоящей статье представлены некоторые аспекты нашего видения инновационных приоритетов формирования технологической платформы модернизации пищевой индустрии АПК России применительно к сырью животного происхождения – мясо и молоко с учетом реалий биоценоза, кризисных явлений и вступления нашей страны в ВТО. При этом в соответствии с принятой в научной школе концепцией все сельскохозяйственное сырье рассматривается как синтезированные природой кластеры. А принципы модернизации отрасли – формирование технологических платформ на базе нанобиомембранных способов его целе-направленной обработки [4].

Далее в логической последовательности излагаются этапные инновации, отражающие достижения нашего творческого коллектива.

1. Инновационные приоритеты модернизации пищевой индустрии России.

Актуальность модернизации пищевой индустрии как составной части агропромышленного комплекса АПК РФ непосредственно связана с проблемой обеспечения продовольственной безопасности страны в целом и ее отдельных регионов. По официальной статистике и особенно фактически по отдельным группам продовольствия и населения производство и потребление за последнее 20-летие заметно уменьшилось, что отражается на здоровье нации, вызывает социальную напряженность в обществе и требует решения на государственном уровне. В обобщенном виде речь идет о стратегическом выживании страны в условиях ограниченных ресурсов сельскохозяйственного сырья. В целом проблема продовольственной безопасности страны и ее регионов опосредованно зависит от результатов деятельности агропромышленного комплекса, составной частью которого является пищевая промышленность – индустрия (пищевые отрасли АПК).

Официально считается, что все отрасли АПК, в том числе мясная и молочная промышленность (сырье животного происхождения) России находятся в стадии выхода из кризисного состояния. Однако, сравнивая статистику «нашего движения» последних 20 лет, следует признать наличие проблемы обеспечения населения России основными продуктами питания (может быть, кроме хлеба). Отечественные производители продуктов питания по-прежнему находятся на грани выживания из-за невостребованности продукции, засилья зарубежных товаров, диспаритета цен и разрушения ранее существовавшей и кормившей страну пищевой индустрии. Об экспорте речи нет. Фермерство и мини-производства пока желаемого эффекта не дали. А последние – по опыту мировой цивилизации – организационно, технически и экономически находятся в тупиковой ситуации.

Основные и исторически глубокие причины сложившегося положения обусловлены низкой производительностью труда во всех отраслях АПК. По имеющейся информации, один наш «селянин» кормит 10–15 жителей, а зарубежный – до 60. Например, по данным Международной молочной федерации (ММФ) «экономически выгодная корова» должна давать за лактацию 6–8 т высококаче-

ственного, экологически чистого т. н. биомолока, а в перспективе – 10–15 и даже 20 т. У нас по стране, в т. ч. и на благодатном Северном Кавказе, этот показатель колеблется на уровне четырех тонн. Хотя следует отметить, что имеются хозяйства и целые регионы, где надой при равных климатических условиях составляет 5–6 т и более. Достаточно высокой производительности достигла специализированная отрасль птицеводства и ряд других отраслей АПК.

В настоящее время практически все пищевые отрасли АПК (кроме хлебопечения) реально столкнулись с проблемой резкого снижения объемов традиционных ресурсов сельскохозяйственного сырья для промышленной обработки. Статистика всем известна. Например, в молочном деле на специализированные предприятия поступает даже в сезон массовой переработки (летний период) до 50 % молока от имеющихся мощностей. В межсезонный период (зима) этот показатель снижается до 10 %, что свидетельствует о стагнации предприятий. В этих условиях коллективы многих предприятий пищевой промышленности, в том числе коллективы узко специализированных производств (мясокомбинаты, сырзаводы), вынуждены искать способы выживания. В принципе представляется целесообразным концептуальный пересмотр нашего отношения к АПК в свете теории возобновляемых материальных ресурсов (биоценоза) с соответствующим вложением средств в материальную базу села и переработки, особенно научное, в том числе аппаратное оформление технологий, а также в подготовку и переподготовку кадров.

Системный анализ функционирования пищевых отраслей АПК, в том числе мясной и молочной промышленности, в условиях ограничения традиционных источников сырья (менее 50 % нормативной нагрузки) позволили нашему творческому коллективу предложить концепцию сохранения и развития пищевой индустрии России, которая в обобщенном виде может быть сформулирована тремя основными и тремя дополнительными (всего шесть) положениями. Кратко перечислим их.

Первое положение. Привлечение к промышленной обработке сырья мелких товаропроизводителей – фермерских и личных (подсобных) хозяйств на взаимовыгодной основе.

Второе положение. Внедрение инновационных (ресурсосберегающих и безотходных) технологий промышленной переработки сырья животного происхождения по законченному или замкнутому циклам – безотходное и/или бессточное производство. Доктрина нанобиомембранных технологий и парадигма формирования технологических платформ кратко освещаются далее.

Третье положение. Организация альтернативных производств, совместимых с выпуском основной продукции.

Четвертое положение. Защита отечественных переработчиков сельскохозяйственной продукции в связи со вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую Организацию (ВТО).

Пятое положение. Реализация Национальных проектов (Программ) в области АПК.

Шестое положение. Реализация федеральных законов, например, ФЗ № 88 от 12 июня 2008 года «Технический регламент на молоко и молочную продукцию» (ТР № 88 ФЗ) и его изменения.

Эти и другие положения, возникающие в соответствии с появлением новых вызовов, должны быть положены в основу нашей деятельности. А начать целесообразно с кондиционирования сельскохозяйственного сырья, поступающего на промышленную обработку на предприятия пищевой индустрии. Данная операция должна стать типовой нормой, особенно в условиях вступления в ВТО и реалий биоценоза.

2. Кондиционирование сырья животного происхождения до технологической обработки.

Мясное сырье. Особую актуальность проблема кондиционирования мясного сырья с целью рационального использования и повышения эффективности промышленной переработки приобретает в условиях резко обозначившихся различий в его технологических свойствах. Это положение относится к различным группам мясного сырья с био- и физико-химической спецификой, классифицируемых как DFD, NOR и PSE.

В условиях реального биоценоза были изучены возможности адаптации такого сырья для решения проблем обеспечения различных социально-возрастных и национальных групп населения вы-

сококачественными мясными изделиями [5]. С этой целью смоделирована система «мясное сырье – пребиотик лактулоза». Анализ модели показал (рис. 1), что происходит перераспределение электронной плотности на участках миоглобина.

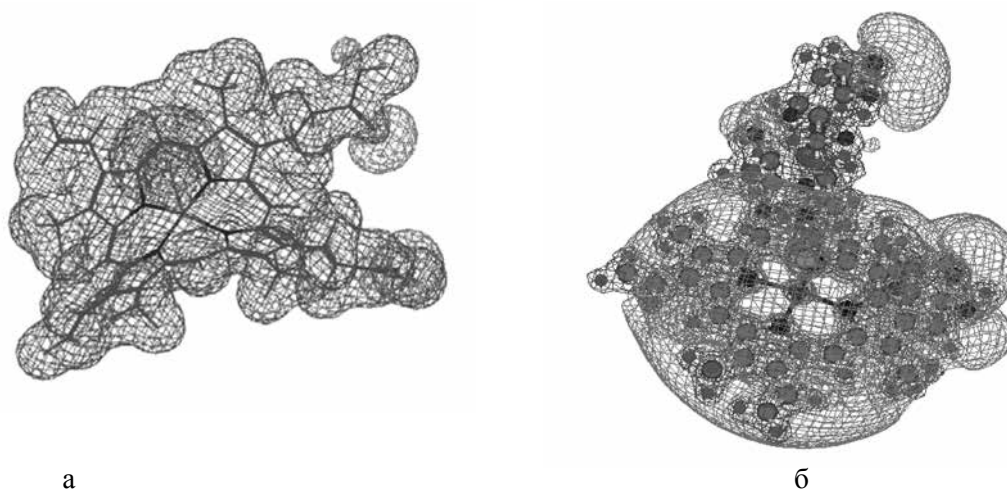

Рис. 1. Распределение электронной плотности в комплексе «миоглобин – лактулоза»: а – до геометрической оптимизации; б – после геометрической оптимизации)

Лабораторные исследования и промышленная проверка подтвердили, что такой способ кондиционирования способствует более полной трансформации нитрита, повышает содержание нитрозопигментов в продуктах, в том числе из сырья со свойствами PSE и DFD. В результате количество остаточного нитрита в готовом продукте снижается в 3–5 раз, одновременно улучшается и стабилизируется цвет.

Молочное сырье. Кондиционирование молочного сырья в условиях реального биоценоза на данном этапе предлагается путем направленной санации мягкой тепловой обработкой – термизацией [6]. На рисунке 2 показана эффективность тепловой санации молочного сырья.

Эта операция должна предшествовать глубокому охлаждению молока-сырья и стать типовой на всех предприятиях молочной отрасли. В зарубежной практике мероприятие реализовано повсеместно, особенно на сыродельных заводах.

3. Доктрина нанобиомембранных технологий и ее адаптация в пищевой индустрии.

Одной из главных составляющих модернизации пищевой индустрии, путем реализации современных инноваций, является создание технологических платформ (по отраслям), в т. ч. на региональном уровне.

В ближайшей перспективе нам предстоит осмыслить и попытаться реализовать широкомасштабные возможности нанотехнологии продуктов питания (NANO-FOOD) нового поколения с включением баро- и биомембранных процессов на уровне кластеров составных элементов (компонентов) сельскохозяйственного сырья.

Рассмотрим некоторые положения инновационных приоритетов технологической модернизации применительно к молочному делу. Гносеологически все молочное сырье: молоко цельное и обезжиренное, сливки, пахта и особенно молочная сыворотка (постоянно возобновляемые ресурсы) и получаемые из них продукты питания – видимо можно рассматривать в качестве объектов быстро развивающейся нанотехнологии, а их составляющие на молекулярном уровне считать синтезированными природой кластерами в виде простых (молекулы, атомы) или сложных (мицеллы, агрегаты, частицы) соединений.

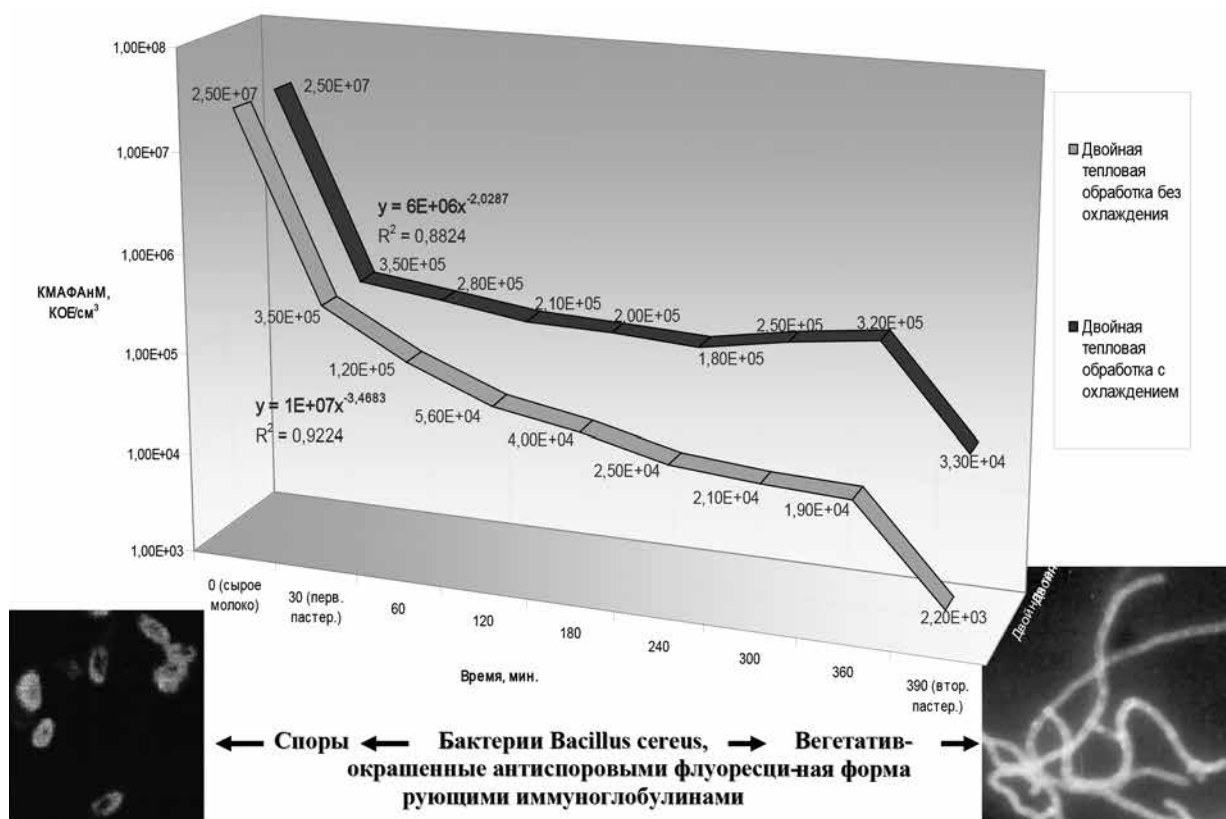

Рис. 2. Эффективность бактериальной санации нагреванием

Принципиальную парадигму реализации нанотехнологий, например молочного дела, можно подтвердить процессами синтеза производных лактозы. Процесс синтеза лактулозы происходит на наноуровне (1 нм), а гидролиза лактозы позволяет получить из дисахарида лактозы (1 нм) две монозы – глюкозу и галактозу с размером на уровне 0,5 нм. При этом решается проблема т. н. «непереносимости» молока. Молочный комбинат «Ставропольский» (ген. директор, канд. техн. наук, засл. работник пищевой индустрии РФ, выпускник СтПИ 1981 г. С. В. Анисимов) реализовал в рамках Программы «Здоровый город» эту уникальную операцию в виде товарного низколактозного молока.

Биотехнология молочных продуктов исторически связана с использованием чистых культур микроорганизмов в виде закваски и ферментативного катализа при получении кисломолочных продуктов – сметаны, сыров, творога и напитков. Она отработана в отрасли на высочайшем уровне и может быть адаптирована для получения заквасок при силосовании кормов, квашении капусты, получении мясopодуkтов, мед- и ветпрепаратов.

Баромембранные процессы (мембранная технология) и биомембранные технологии по разделению жидких высокомолекулярных, полидисперсных систем успешно адаптированы применительно к молочному сырью и особенно молочной сыворотке [7] (ультрафильтрация и электродиализ).

Выдающееся достижение последних лет – микропартикуляция сывороточных белков со сборкой нанотрубок – заменителей жира реализовано в отрасли, в т. ч. в нашей стране молкомбинатом в г. Воронеже.

Вышеизложенное позволяет достаточно полно представить сложность поставленных в доктрине концептуальных проблем и возможность их решения на основе современных воззрений постгеномных технологий в виде нано-, био-, мембранных и биомембранных технологий. На данной научно-методической базе сформирована (профессора И. А. Евдокимов, С. А. Рябцева, А. Д. Лодыгин с сотр.) линейка пребиотиков [8, 9]. Имеется масса других инноваций в области мясной индустрии и молочного дела, например, линейка мясопродуктов бренда «Халяль» (профессор В. И. Шипулин с сотр.), процессы МИГ (мутаротация, изомеризация и гидролиз лактозы) с получением продуктов «Лактобел», «ЛипКА» «Полилакт», трансгликозилирование и гидролиз лактозы для продуктов бренда «МиЛа» – минимум лактозы, использование хитозана и синтез меланоидинов. Портфель инноваций постоянно пополняется.

4. Парадигма формирования технологической платформы высоких технологий переработки сельскохозяйственного сырья животного происхождения.

На основании изложенных выше постулатов представляется возможным на данном уровне развития информационных технологий, сформулировать технологическую платформу пищевой индустрии по отраслям и продуктам. При этом в историческом плане развития науки и техники в основу должны быть положены принципы шестого технологического уклада – нано- и пико- супертехнологии, с сохранением достижений пятого техуклада в области биотехнологий.

Теоретической основой формирования технологических платформ является Web-сайт: Виртуальная энциклопедия. <http://ru.wikipedia.org/>, а применительно к сельскохозяйственному сырью животного происхождения Web-сайт: Сельскохозяйственный отраслевой сервер <http://www.agromade.com/>.

Содержательная часть технологической платформы как системы машин и технологий, по академику пока существующей РАСХН В. А. Панфилову, рассматривается через блок-схемы алгоритма и операторные модели, позволяющие реализовать принципы «безлюдных» интенсивных технологий по законченному и замкнутому циклам производства. Научная база технологического оформления процессов – моделирование и экспертные системы с использованием методологии «нейронных сетей» (элементы искусственного интеллекта).

В качестве примера реализации приведенных выше положений можно сослаться на технологическую платформу отечественного пребиотика лактулозы, синтез которой осуществлен из лактозы универсального сельскохозяйственного сырья – молочной сыворотки – и опубликован в отраслевом журнале [10]. Логистическая схема формирования технологической платформы продуктов питания нового поколения на основе реализации современных инноваций в области нанобиомембранных технологий, предлагаемая нами, включает весь спектр взаимосвязанных вопросов. На рис. 3 приведена логистическая схема формирования технологических платформ продуктов питания нового поколения на основе реализации современных инноваций в области нанобиомембранных технологий.

Необходимо отметить, что на государственном уровне Российская технологическая платформа «Биоиндустрия и Биоресурсы» (ТП БиоТех 2030) разработана и функционирует. СКФУ официально вступил в члены ТП БиоТех в 2013 году. Минсельхоз РФ инициировал разработку двух технологических платформ: в области производства продуктов питания и их конкурентоспособности, что делает честь отрасли и вселяет надежду на реализацию инноваций по модернизации пищевой индустрии России в условиях глобализации мирового рынка.

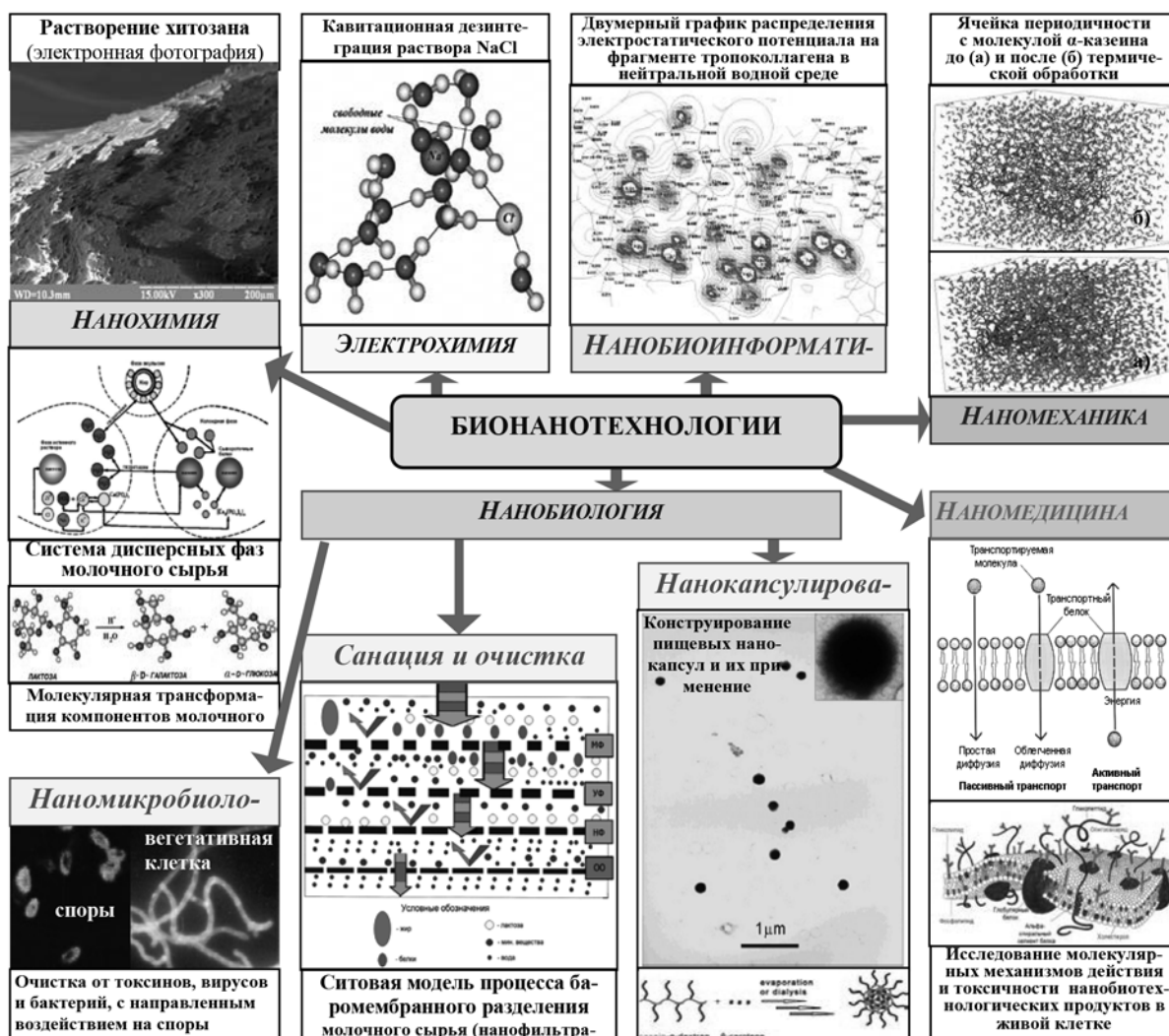

Рис. 3. Схема формирования технологической платформы высоких технологий пищевой индустрии

Литература

1. Синельников Б. М. Кадровое, научное и информационное обеспечение приоритетов национальных проектов в области АПК и образования Северо-Кавказским государственным техническим университетом / Б. М. Синельников, А. Г. Храмов, В. И. Шипулин и др. // Пищевая промышленность. 2008. № 10. С. 34–35.
2. Храмов А. Г. Научное, кадровое и информационное обеспечение приоритетов Национальных проектов в области АПК, образования и медицины творческим коллективом научного направления «Технология Живых Систем» // Сборник научных трудов «Продовольствие» СевКавГТУ. 2007. № 3. С. 5–7.
3. Лактоза и ее производные / Б. М. Синельников, А. Г. Храмов, И. А. Евдокимов [и др.]. СПб.: Профессия, 2007. 768 с.
4. Евдокимов И. А., Дыкало Н. Я., А. В. Пермяков Электродиализ молочной сыворотки. Георгиевск: ГТИ (филиал) СевКавГТУ, 2009. 248 с.
5. Шипулин В. И. Инновационные технологии альтернативных вариантов мясopодуKтов нового поколения. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009. 216 с.
6. Емельянов С. А. Теория и практика термизации молочного сыра. Ставрополь: ГОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный технический университет», 2007. 236 с.

7. Храмцов А. Г. Феномен молочной сыворотки. СПб.: Профессия, 2011. 804 с.
8. Рябцева С. А. Технология лактулозы. М.: ДеЛи принт, 2003. 232 с.
9. Лодыгин А. Д. Разработка инновационных технологий пребиотических концентратов на основе вторичного молочного сырья: дис... д-ра техн. наук: 05.18.04/ Лодыгин Алексей Дмитриевич. Ставрополь: ГОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный технический университет», 2012. 333 с.
10. Храмцов А. Г. Технологическая платформа линейки пребиотических концентратов бренда «Лакто-бел» // Переработка молока. 2014. № 5. С. 36–40.

УДК 637.23

Чеботарев Евгений Алексеевич, Малсугенов Александр Владимирович

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕПЛОВОГО РАСЧЕТА ОХЛАДИТЕЛЯ ПЛАСТИНЧАТОГО МАСЛООБРАЗОВАТЕЛЯ

Предложен новый подход к математическому описанию процесса охлаждения в пластинчатом теплообменнике скребкового типа маслообразователя, что позволяет совершенствовать тепловой расчет.

Ключевые слова: *охладитель скребкового типа, процесс охлаждения, математическое описание, расчетные формулы.*

Chebotarev Evgeny Alekseevich, Malsugenov Aleksandr Vladimirovich
**IMPROVED THERMAL DESIGN FOR REFRIGERANT IN
PLATE BUTTER-MAKING MACHINE**

The item focuses on a new approach to the mathematical description of cooling in a plate-type scraper heat exchanger in butter-making machines, which allows improving the thermal design.

Key words: *scraper-type refrigerant, cooling, mathematical description, design formula.*

Охладители скребкового типа нашли широкое применение в составе пластинчатых маслообразователей для охлаждения высокожирных сливок при производстве сливочного масла методом преобразования.

Применения традиционной методики теплового расчета [1], когда в формулах используют только конечные и начальные температуры теплоносителей, для полноценного математического описания процесса охлаждения в роторно-пластинчатом охладителе, по нашему мнению, недостаточно. И связано это с тем, что каждый продуктовый зазор снабжен перемешивающим устройством и для определения параметров термомеханического воздействия, необходимо учитывать среднюю температуру продукта в каждом из этих зазоров.

В конечном результате необходимо установить связь между температурой продукта в процессе охлаждения и поверхностью теплопередачи

$$t_{np} = f(F), \quad (1)$$

где t_{np} – температура продукта, °C; F – площадь теплообменной поверхности, м².

Рассмотрим процесс охлаждения в роторно-пластинчатом охладителе при противоточном движении продукта и хладоносителя (см. рис.).

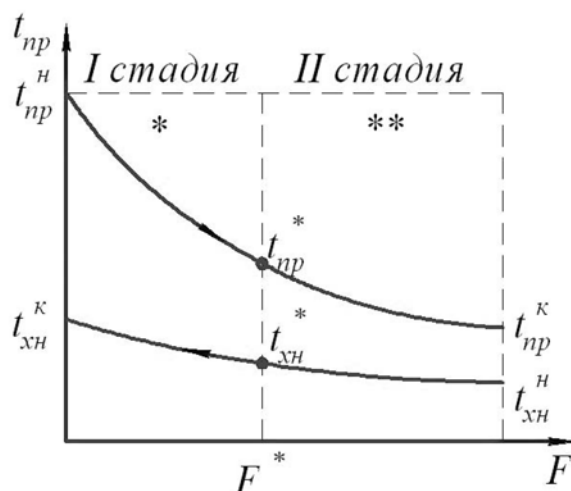

Рис. График к определению параметров процесса охлаждения, соответствующих промежуточному значению температуры продукта $t_{пр}^*$

Выделим на графике изменения температуры продукта некоторую промежуточную температуру $t_{пр}^*$, которой соответствует определенная температура хладоносителя $t_{хн}^*$ и поверхность теплообмена F^* . В этом случае процесс охлаждения условно разделяется на две стадии: I стадию, в результате которой продукт охлаждается до температуры $t_{пр}^*$, и II стадию, в ходе которой продукт охлаждается до конечной температуры $t_{пр}^к$, при этом II стадия влияет на I вследствие противоточного движения в охладителе.

Запишем соответствующие условия теплового баланса:

$$Q_{хн} = Q_{пр} + Q_{мех} + Q_{крисст} ; \quad (2)$$

$$Q_{хн}^* = Q_{пр}^* + Q_{мех}^* + Q_{крисст}^* ; \quad (3)$$

$$Q_{хн}^{**} = Q_{пр}^{**} + Q_{мех}^{**} + Q_{крисст}^{**} ; \quad (4)$$

$$Q_{пр} = Q_{пр}^* + Q_{пр}^{**} ; \quad (5)$$

$$Q_{хн} = Q_{хн}^* + Q_{хн}^{**} ; \quad (6)$$

$$Q_{мех} = Q_{мех}^* + Q_{мех}^{**} ; \quad (7)$$

$$Q_{крисст} = Q_{крисст}^* + Q_{крисст}^{**} , \quad (8)$$

где $Q_{хн}$, $Q_{хн}^*$, $Q_{хн}^{**}$ – теплота, отводимая с хладоносителем, соответственно в процессе всего охлаждения, на I и на II стадиях, Вт; $Q_{пр}$, $Q_{пр}^*$, $Q_{пр}^{**}$ – теплота, отводимая от продукта, соответственно в процессе всего охлаждения, на I и II стадиях, Вт; $Q_{мех}$, $Q_{мех}^*$, $Q_{мех}^{**}$ – теплота, приносимая в продукт за счет энергии механического перемешивания, соответственно в процессе всего охлаждения, на I и II стадиях, Вт; $Q_{крисст}$, $Q_{крисст}^*$, $Q_{крисст}^{**}$ – скрытая теплота кристаллизации, выделяемая соответственно в процессе всего охлаждения, на I и II стадиях, Вт.

При математическом описании процесса охлаждения в роторно-пластинчатом охладителе приняты следующие допущения:

- не учитывается изменение интенсивности теплопередачи вдоль радиуса охлаждающей пластины;
- продукт постоянно движется вдоль теплообменной поверхности, т. е. не учитываются переходы из одного продуктового зазора в другой;
- не учитывается теплообмен между охладителем и окружающей средой.

Поверхность теплопередачи F^* , при которой температура продукта достигает значения $t_{?@}^*$ в соответствии с основным уравнением теплопередачи [2] определяется зависимостью

$$F^* = \frac{Q_{xn}^*}{k^* \cdot \Delta t^*}, \quad (9)$$

где k^* – среднее значение коэффициента теплопередачи на I стадии; Δt^* – средняя логарифмическая разность температур продукта и хладоносителя на I стадии, °C.

Количество отводимой хладоносителем теплоты на I стадии Q_{xn}^* определяется по формуле (3), данную зависимость можно записать в следующем виде

$$Q_{xn}^* = c_{np}^{cp*} \cdot Pr \cdot (t_{np}^u - t_{np}^*) + Q_{мех}^* + Q_{крисст}^*, \quad (10)$$

где A_{np}^{cp*} – удельная теплоемкость продукта при его средней температуре на I стадии t_{np}^{cp*} , Дж/(кг·K); t_{np}^u – начальная температура продукта, °C; Pr – производительность охладителя, кг/с.

Среднее значение коэффициента теплопередачи на I стадии k^* определяется по формуле [2] (без учета налета на теплообменной поверхности)

$$k^* = \frac{1}{\frac{1}{\alpha_1^*} + \frac{\lambda_{cm}}{\delta_{cm}} + \frac{1}{\alpha_2^*}}, \quad (11)$$

где α_1^* – среднее значение коэффициента теплоотдачи со стороны продукта на I стадии, Вт/(м²·K); α_2^* – среднее значение коэффициента теплоотдачи со стороны хладоносителя на I стадии, Вт/(м²·K); λ_{cm} – коэффициент теплопроводности материала пластины, Вт/(м·K); δ_{cm} – толщина стенки охлаждающей пластины, м.

Коэффициент теплоотдачи со стороны хладоносителя α_2^* определяется следующей функциональной зависимостью

$$\alpha_2^* = f(P'; t_{xn}^{cp*}), \quad (12)$$

где P' – расход хладоносителя в одной пластине, л/с; t_{xn}^{cp*} – средняя температура хладоносителя на I стадии, °C.

Для определения коэффициента теплоотдачи α_2^* движение хладоносителя внутри охлаждающей пластины рассмотрим как движение в канале щелевидной формы [3]

$$\alpha_2^* = \frac{Nu^* \cdot \lambda_{xn}^*}{D_{экв}}, \quad (13)$$

где Nu^* – критерий подобия Нуссельта при средней температуре хладоносителя на I стадии t_{xn}^{cp*} ; λ_{xn}^* – коэффициент теплопроводности хладоносителя при t_{xn}^{cp*} , Вт/(м·K); $D_{экв}$ – эквивалентный диаметр, м.

В результате, для расчета коэффициента теплоотдачи α_2^* (в охлаждающей пластине к охладителю маслообразователя типа ОУА) получена формула

$$\alpha_2^* = 5923 \cdot P' + 471. \quad (14)$$

Таким образом, в уравнении (11) параметром, меняющимся в процессе охлаждения, является только коэффициент α_1^*

$$\alpha_1^* = 0,29 \sqrt{n \cdot z \cdot c_{np}^{cp*} \cdot \lambda_{np}^{cp*} \cdot \rho_{np}^{cp*}}, \quad (15)$$

где n – частота вращения скребкового вала, об/с; z – число скребков; ρ_{np}^{cp*} – плотность продукта при температуре t_{np}^{cp*} , кг/м³; λ_{np}^{cp*} – коэффициент теплопроводности продукта при температуре t_{np}^{cp*} , Вт/(м·K).

Средняя логарифмическая разность температур продукта и хладоносителя на I стадии Δt^* равна

$$\Delta t^* = \frac{\Delta t_{\max} - \Delta t_{\min}^*}{\ln \left(\frac{\Delta t_{\max}}{\Delta t_{\min}^*} \right)}, \quad (16)$$

где Δt_{\max} – максимальная разность температур в охладителе, °C; Δt_{\min}^* – минимальная разность температур в охладителе на I стадии, °C.

Максимальная и минимальная разность температур для рассматриваемого случая определяются по формулам:

$$\Delta t_{\max} = t_{np}^H - t_{xn}^K; \quad (17)$$

$$\Delta t_{\min}^* = t_{np}^* - t_{xn}^*, \quad (18)$$

где t_{xn}^K – конечная температура хладоносителя, °C.

Каждому значению температуры продукта t_{np}^* соответствует свое значение температуры хладоносителя t_{xn}^* , и поскольку продукт и хладоноситель движутся противотоком, то для определения t_{xn}^* воспользуемся уравнениями теплового баланса.

Подставив уравнение (5) в (4) получим

$$Q_{xn}^{**} = Q_{np}^* - Q_{np}^{**} + Q_{mex}^{**} + Q_{крисст}^{**}. \quad (19)$$

После преобразований в уравнении (19) получим

$$t_{xn}^* = t_{xn}^H + \frac{c_{np}^{cp} \cdot Pr \cdot (t_{np}^H - t_{np}^K) - c_{np}^{cp*} \cdot Pr \cdot (t_{np}^H - t_{np}^*) + Q_{mex}^{**} + Q_{крисст}^{**}}{c_{xn} \cdot P}, \quad (20)$$

где c_{np}^{cp} – удельная теплоемкость продукта при его средней температуре в охладителе t_{np}^{cp} , Дж/(кг·K); t_{np}^H и t_{np}^K – соответственно начальная и конечная температура продукта, °C; c_{xn} – удельная теплоемкость хладоносителя, Дж/(кг·K); P – общий расход хладоносителя, л/с.

Подставив формулу (20) в (18) получим

$$\Delta t_{\min}^* = t_{np}^* - \left(t_{xn}^H + \frac{c_{np}^{cp} \cdot Pr \cdot (t_{np}^H - t_{np}^K) - c_{np}^{cp*} \cdot Pr \cdot (t_{np}^H - t_{np}^*) + Q_{mex}^{**} + Q_{крисст}^{**}}{c_{xn} \cdot P} \right). \quad (21)$$

Уравнение (4.9) с учетом формул (4.10), (4.11) и (4.16) можно представить в следующем виде

$$F^* = \frac{c_{np}^{cp*} \cdot Pr \cdot (t_{np}^H - t_{np}^*) + Q_{mex}^* + Q_{крисст}^*}{\left(\frac{1}{\frac{1}{\alpha_1^*} + \frac{\delta_{cm}}{\lambda_{cm}} + \frac{1}{\alpha_2^*}} \right) \cdot \left(\frac{\Delta t_{\max} - \Delta t_{\min}^*}{\ln \left(\frac{\Delta t_{\max}}{\Delta t_{\min}^*} \right)} \right)}. \quad (22)$$

Поскольку в охладитель поступают высокожирные сливки с массовой долей молочного жира, соответствующей определенному виду масла, то можно получить математическое описание процесса охлаждения для конкретных видов масла.

Для высокожирных сливок с массовой долей жира соответствующей ассортименту сливочного масла, уравнение для расчета удельной теплоемкости, можно представить в следующем виде [4]

$$c_{np} = A \cdot t_{np} + B, \quad (23)$$

где A и B – коэффициенты уравнения, зависящие от массовой доли жира.

Подставив уравнение (23) в (10), получим

$$Q_{xn}^* = (A \cdot t_{np}^{cp*} + B) \cdot Pr \cdot (t_{np}^H - t_{np}^*) + Q_{mex}^* + Q_{крисст}^*. \quad (24)$$

После раскрытия скобок в уравнении (24) получим

$$Q_{xn}^* = Pr \cdot \left[\frac{A}{2} (t_{np}^{H^2} - t_{np}^{*2}) + B(t_{np}^H - t_{np}^*) \right] + Q_{mex}^* + Q_{крисст}^*. \quad (25)$$

Для сливок с массовой долей жира, соответствующей ассортименту сливочного масла, уравнение (15) можно представить в следующем виде [4]

$$\alpha_1^* = 0,29 \sqrt{n \cdot z \cdot (C \cdot t_{np}^{cp*} + D)}, \quad (26)$$

где C и D – коэффициенты уравнения, зависящие от массовой доли жира.

С учетом уравнений (14), (25) и (26) математическое описание процесса охлаждения для частных случаев можно представить следующим образом

$$F^* = \frac{Pr \cdot \left[\frac{A}{2} (t_{np}^{H^2} - t_{np}^{*2}) + B(t_{np}^H - t_{np}^*) \right] + Q_{mex}^* + Q_{крисст}^*}{I} \cdot \Delta t^* \cdot \frac{I}{0,29 \sqrt{n \cdot z \cdot (C \cdot t_{np}^{cp*} + D)} + 1,25 \cdot 10^{-4} + \frac{I}{(5923 \cdot P' + 471)}}. \quad (27)$$

Уравнение (21) с учетом формулы (23) запишем в следующем виде

$$\Delta t_{min}^* = t_{i0}^* - \left(t_{xn}^H + \frac{Pr \left[(A \cdot t_{np}^{cp} + B) \cdot (t_{np}^H - t_{np}^K) - (A \cdot t_{np}^{cp*} + B) \cdot (t_{np}^H - t_{np}^*) \right] + Q_{mex}^{**} + Q_{крисст}^{**}}{c_{xn} \cdot P} \right). \quad (28)$$

После раскрытия скобок в уравнение (28) и получим

$$\Delta t_{min}^* = t_{np}^* - \left(t_{xn}^H + \frac{Pr \left[\frac{A}{2} (t_{np}^{*2} - t_{np}^{K^2}) + B(t_{np}^* - t_{np}^K) \right] + Q_{mex}^{**} + Q_{крисст}^{**}}{4200 \cdot P} \right). \quad (29)$$

Значения коэффициентов A , B , C и D , в зависимости от массовой доли жира в высокожирных сливках, представлены в таблице.

Таблица

Коэффициенты уравнений (26) ... (29)

Массовая доля жира, %	Вид масла	Коэффициенты			
		A	B	C	D
82,5	Вологодское	6,655	2053	662,1	425988
78	Любительское	6,374	2155	658,36	476269
72,5	Крестьянское	6,031	2280	650,78	544162
70	Российское	5,875	2337	645,23	576882

Предлагаемый подход и полученные формулы позволяют дифференцировать расчет применительно к каждому продуктовому зазору охладителя и обеспечить тем самым более точный с практической точки зрения результат.

Литература

1. Маслов А. М. Аппараты для термообработки высоковязких жидкостей. Л.: Машиностроение, 1980. 208 с.
2. Кавецкий Г. Д., Васильев Б. В. Процессы и аппараты пищевой технологии. –М.: Колос, 2000. 551 с.
3. Юдаев Б. Н. Техническая термодинамика. Теплопередача: учеб. для неэнергетич. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1988. 479 с.
4. Малсугенов А. В. Исследование процесса охлаждения в пластинчатых маслообразователях с целью совершенствования их конструкции и технологических параметров работы: дис. ... канд. техн. наук. Ставрополь, 2009. 189 с.

УДК 622.7.002

Шелудько Геннадий Петрович, Гончаров Валерий Михайлович,
Скориков Савва Викторович

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗИНОВЫХ ФУТЕРОВОК ШАРОВЫХ МЕЛЬНИЦ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В статье рассмотрена разработанная теплостойкая резиновая футеровка шаровых мельниц, работающих в режиме сухого помола при повышенных температурах (до 140–160 °С); проведение сравнительных промышленных испытаний теплостойкой и стальной футеровки, показаны преимущества ее применения. Рассмотрены перспективы и эффективность непрерывного способа изготовления резиновой футеровки шаровых мельниц для измельчения абразивных материалов.

Ключевые слова: шаровые мельницы, теплостойкая резиновая футеровка, испытания, преимущества, перспективный способ изготовления.

Sheludko Gennady Petrovich, Goncharov Valery Mikhailovich,
Skorikov Savva Viktorovich

INCREASED EFFICIENCY OF BALL MILL RUBBER LININGS IN CONSTRUCTION MATERIAL PRODUCTION

The article provides a view on the newly developed heat-resistant rubber lining for mill balls employed under dry milling at higher temperatures (up to 140 – 160 oC). There have been comparative industrial trials carried out to test the heat-resistant and steel lining, and its advantages have been shown. There is also a view on the efficiency and the potential future production of rubber lining for ball mills employed to grind abrasive materials.

Key words: ball mills, heat-resistant rubber lining, trial, advantage, advantageous way of production.

Резиновая футеровка шаровых мельниц широко применяется в горнорудной, угольной, химической отраслях, а также в промышленности строительных материалов (цемент, силикатный кирпич, фаянсовые и керамические изделия и т. д.) [1–3]. Ее потребность составляет десятки тысяч тонн в год. Эффективность применения резиновой футеровки шаровых мельниц, работающих в режиме интенсивного ударно-абразивного изнашивания, заключается в повышении эксплуатационной надежности, снижении материалоемкости, энергоемкости, повышении коэффициента использования технологического оборудования, снижении трудоемкости монтажно-демонтажных работ, повышении охраны труда.

Футеровки, в зависимости от конструкции элементов влияют также на кинематику движения мелящей загрузки, на производительность мельниц и качество конечного продукта. В промышленности применяются различные профили металлических футеровочных плит: каскадный, волновой, ребристый, профиль Крюкова, ступенчатый, пазовый, брусчатый и другие. В зависимости от профиля и расположения элементов футеровки можно обеспечить различные кинематические режимы измельчения: каскадный, водопадный, или смешанный каскадно-водопадный [1, 2].

Однако в шаровых мельницах, работающих при производстве силикатного кирпича в режиме сухого измельчения при повышенных температурах (свыше 100–140 °С), применяется стальная футеровка. Попытки замены стальной футеровки из легированных сталей резиновой для помола не дали положительного результата, так как резко снизилась долговечность и эффективность ее применения.

Предварительный анализ условий эксплуатации шаровых мельниц сухого помола, работающих при повышенных температурах, указал на возникновение и реализацию различных видов изнашивания: абразивный, газоабразивный, изнашивание по незакрепленному и по закрепленному абразиву, усталостному, ударно-абразивному при проскальзывании и перекатывании.

В результате анализа специфических условий эксплуатации шаровых мельниц сухого помола при производстве силикатного кирпича, были определены и сформулированы основные требования к резинам в качестве футеровочного материала, работающего в условиях интенсивного ударно-абразивного изнашивания при повышенных температурах (100–140 °С) и динамического нагружения, которые для повышения работоспособности и надежности, должны обладать комплексом упругоэластических, усталостнопрочностных, триботехнических свойств, термоокислительной стабильностью и теплопроводностью в условиях длительного динамического нагружения.

С учетом специфических условий эксплуатации шаровых мельниц сухого помола при производстве силикатного кирпича разработана теплостойкая резиновая футеровка на основе синтетических эластомеров для работы в условиях интенсивного ударно-абразивного изнашивания при повышенных температурах (до 140–160 °С). Резиновые смеси готовились в смесителях высокого давления по двухстадийному режиму смешения с использованием отдельного введения активных наполнителей и мягчителей. В качестве вулканизирующей системы использованы сера и сульфенамидные ускорители, обеспечивающие высокие технологические и технические свойства резин.

Резиновая футеровка изготавливалась способом двухэлементного исполнения: лифтер, плита с шагом крепления 314 мм. Высота лифтеров составляла 115 мм, толщина футеровочных плит – 85 мм. Изготовление проводилось формовым способом на действующем оборудовании с использованием отечественных материалов. На заводе резинотехнических изделий формовым способом была изготовлена опытная теплостойкая резиновая футеровка. С учетом различной интенсивности износа элементов резиновой футеровки было изготовлено два комплекта лифтеров и один комплект плит.

В состав резиновой футеровки входят 80 лифтеров и 40 плит. Общий вес теплостойкой футеровки составил три тонны. Монтаж теплостойкой футеровки проводился в шаровой мельнице СМ-1456 (диаметр – 1,5 м, длина – 5,6 м) на заводе силикатного кирпича. Оснастка для крепления элементов резиновой футеровки поставлялась предприятием «Строммашина» (г. Самара). Шаг крепления резиновой футеровки к корпусу шаровой мельницы выбран кратным π , т. е. 314 мм. Для этого на корпусе мельницы по внешнему диаметру была проведена разметка и просверлены отверстия под болты. Монтаж проводила бригада из двух человек.

В процессе промышленных испытаний теплостойкой резиновой футеровки изучались надежность крепления футеровки, интенсивность износа элементов футеровки в камерах мельницы в зависимости от мелющей загрузки, изменение механических свойств резин в процессе эксплуатации, производительность мельницы, тонкость помола, расход мелющих тел, тепловой режим работы мельниц, сравнительные акустические характеристики.

При испытаниях резиновой футеровки установлено следующее:

- применяемая монтажная оснастка обеспечивает эксплуатационную надежность отрывов и разрушений элементов футеровки. Протечек через отверстия крепления в корпусе не установлено;
- производительность шаровой мельницы с резиновой футеровкой практически не изменилась;
- интенсивность износа элементов резиновой футеровки в первой камере на 20–30 % выше, чем во второй. При этом следует отметить, что в первой камере преобладает ударно-абразивный механизм изнашивания, а во второй камере – усталостный со специфическим рисунком износа при повышенной температуре.

Неразрушающие методы испытаний подтвердили изменение физико-механических свойств в процессе эксплуатации: твердость лифтеров и плит в зоне трения и ударно-контактного взаимодействия с мелющей загрузкой и абразивной средой повысилась с 70 до 87–90 единиц, а в зоне контакта с корпусом мельницы – с 70 до 78 единиц. Сопротивление статическому проколу в зоне интенсивного контактного взаимодействия с незакрепленным абразивной средой повысилось на 40–50 %.

Снижение расхода мелющей загрузки в 2–3 раза на 1 тн сырьевой абразивной среды обусловлено изменением механизма и времени контактного взаимодействия цельпесба и шаров с элементами резиновой футеровки, при этом расколотых мелющих тел не обнаружено.

Повышение температуры сырьевой смеси на выходе из мельницы с резиновой футеровкой на 25–30 °С обусловлено изменением теплового баланса эксплуатации, так как резина является хорошим теплоизолятором, что подтверждается температурой корпуса мельницы с резиновой футеровкой, которая не превышает 45–50 °С.

Снижение шума работающей мельницы с резиновой футеровкой – до санитарных норм (85 Дб). Акустические характеристики мельницы были значительно ниже в случае установки торцевых поверхностей и межкамерной перегородки в гуммированном исполнении.

Возникновение и возможность использования эффекта самофутерования элементов резиновой футеровки мелющей загрузкой, который заключается в следующем: в процессе износа мелющих тел, появления некоторых зазоров между лифтерами и плитами и их деформации происходит заклинивание и удержание изношенных шаров и цельпесба, и создаются условия возникновения нового типа футеровки «резина – металл».

Промышленные испытания теплостойкой резиновой и стальной футеровки проводились в течение 2,5 лет и приведены в таблице.

Длительные промышленные испытания теплостойкой резиновой футеровки показали успешную возможность замены стальной футеровки из легированных сталей износостойкими резинами на основе синтетических эластомеров и подтвердили следующие технико-экономические преимущества: снижение материалоемкости в 3–4 раза, снижение трудоемкости монтажно-демонтажных работ, повышение коэффициента использования оборудования, повышение экологических условий труда.

Таблица

**Сравнительные испытания теплостойкой резиновой и стальной футеровки
в шаровой мельнице СМ-1456, работающей в режиме сухого помола**

№ п/п	Наименование показателей	Ед. изм.	Стальная футеровка	Резиновая футеровка
1	Вес футеровки	тн	8,0	1,5
2	Производительность	тн/час	4,5–5,0	4,5–5,0
3	Тип и дисперсность материала поступающего в мельницу	мм	песчано-известковая смесь 1 : 1	песчано-известковая смесь 1 : 1
4	Потребляемая мощность	кВт	62	52
5	Тонкость помола на сите 063	%	0,1–0,8	0,1–1,2
6	Ассортимент мелющей загрузки: 1 камера, шары Ø 40 мм Ø 60 мм Ø 70 мм 2 камера, цельпесб	тн	2,0 2,0 1,0 6,0	2,0 2,0 1,0 6,0
7	Расход мелющих тел на 1 тн готового продукта	кг	0,7	0,2
8	Температура материала: на входе на выходе	°С	70–105 80–103	70–105 105–126
9	Максимальный шум мельницы	дБ	105–107	80–83
10	Долговечность футеровки	год	2,5	2,7

Однако формовой способ изготовления резиновой футеровки, который в основном применяется на предприятиях резинотехнических изделий, имеет значительные недостатки [3, 4], которые необходимо рассматривать комплексно и устранять их на различных стадиях разработки состава, технологии изготовления и эксплуатации, а именно:

- на стадии проектирования: высокая трудоемкость проектирования и изготовления пресс-форм, большой ассортимент пресс-форм для различных типоразмеров мельниц, консервативность профиля футеровок, ограниченность длины элементов футеровки (не более 1500 мм);
- на стадии изготовления: низкая производительность формового способа изготовления, высокая энергоемкость технологического процесса, высокий процент отходов (2–4 %), высокая трудоемкость смены пресс-форм, низкий уровень механизации и автоматизации технологического процесса;
- на стадии эксплуатации: сравнительно высокая стоимость резиновой футеровки, ограничения применения резиновой футеровки на первых стадиях измельчения, температурный предел эксплуатации не более 80 °С, реализация эффекта самофутерования резиновой футеровки мелющей загрузкой.

Анализ применения резиновой футеровки в качестве футеровочного материала шаровых мельниц в различных областях промышленности позволил обосновать непрерывный способ изготовления унифицированной резиновой футеровки и выпустить опытную партию неформовой футеровки. Поточный способ изготовления резиновой футеровки заключается в ее изготовлении с заданным комплексом технологических и физико-механических свойств, экструзии сырых резиновых смесей на червячных машинах через профилирующие планки с предварительным вакуумированием и последующей непрерывной вулканизацией, исключающий многократные энергоемкие процессы изготовления полуфабрикатов и вулканизацию. Неформовой способ изготовления резиновой футеровки предъявляет повышенные требования к таким технологическим свойствам, как шприцуемость, каркасность смеси, гладкость поверхности, стойкость к подвулканизации, исключение пористости, малая усадка, стабильность профиля.

Отработка и оптимизация производственных профилирующих шайб проводилась на шприц-машине горячего питания МЧТ-200. Температура резиновых смесей на выходе профиля элементов футеровки составляла 120–125 °С, скорость профилирования варьировалась в пределах 0,5–3 м/мин. В процессе экструзии элементов резиновой футеровки изменялись габаритные размеры, шероховатость поверхности, каркасность и стабильность профиля и его монолитность.

С учетом особенности технологического оборудования разработаны профилирующие планки для изготовления двухэлементной, состоящей из лифтера и плиты, и одноэлементной, сочетающей лифтер и плиту. Универсальность обеих типов футеровки заключается в том, что шаг крепления элементов футеровки к корпусу мельниц кратен (314 мм) для всех их типоразмеров. Размеры элементов резиновой футеровки их профили способ крепления проанализированы с точки зрения использования эффекта самофутерования мелющей загрузкой. Изготовлена опытная партия элементов резиновой футеровки общим весом 2,0 тн для второй камеры шаровой мельницы с диаметром 2 м и длиной 10 м с шагом крепления 314 мм, заменяющая 8 тн стальной футеровки.

После вулканизации в автоклаве элементы неформовой резиновой футеровки имели следующие габаритные размеры соответственно: по ширине – лифтеры 154–157 мм, плиты – 145–147 мм, по высоте: лифтеры – 118–123 мм, плиты – 99–101 мм. После вулканизации в автоклаве неразрушающими методами контроля были проведены следующие испытания: твердость, эластичность, стойкость к статическому проколу. В поперечном сечении элементов резиновой футеровки составляла, соответственно: твердость – 58–60, эластичность – 37–39, стойкость к статическому проколу – 480–550 МПа. Аналогичные результаты получены при испытании стандартных образцов, изготовленных прессовым способом, что указывает на высокую степень вулканизации по всему профилю элементов неформовой футеровки, отсутствие реверсии вулканизации и сохранение.

Значительным преимуществом неформового способа изготовления резиновой футеровки является возможность создания и управления эффектом самофутерования элементов футеровки шарами и цилиндром за счет дифференцированного изменения зазоров (в пределах 2–5 мм) между лифтерами и плитами в процессе шприцевания с изменением технологических параметров: температуру, скорость экструзии, степень вытяжки полуфабриката.

Выводы. Разработаны состав, технология изготовления теплостойкой резиновой футеровки шаровых мельниц, работающих в режиме сухого помола при повышенных температурах (100–140 °С).

Проведены сравнительные промышленные испытания теплостойкой и стальной футеровки в мельнице СМ-1456 при производстве силикатного кирпича. Показаны эффективность и технико-экономические преимущества применения износостойких резин в качестве футеровочного материала шаровых мельниц.

Обоснована необходимость и целесообразность освоения непрерывного способа изготовления неформовой резиновой футеровки шаровых мельниц сухого и мокрого измельчения абразивных материалов, обеспечивающего повышение производительности изготовления в 2–3 раза, снижение энергоемкости и материалоемкости технологического процесса, исключение разработки множества сложных пресс-форм, мобильность профилей элементов резиновой футеровки, создание условий и реализацию эффекта самофутерования с повышением триботехнической надежности и долговечности, снижение цены неформовой футеровки на 20–30 %.

Литература

1. Тарасенко А. А., Чижик Е. Ф., Взоров А. А. и др. Защитные футеровки и покрытия горно-обогатительного оборудования. М.: Недра, 1985. 204 с.
2. Повышение износостойкости горно-обогатительного оборудования / Н. С. Пенкин, Е. П. Капралов, П. В. Маляров и др. / под ред. Н. С. Пенкина. М.: Недра. 1992. 265 с.
3. Попов А. В., Соломатин А. В. Непрерывные процессы производства неформовых профильных изделий. М.: Химия. 1977. 143 с.
4. Попов А. В. Непрерывное производство резинотехнических изделий. М.: ЦНИИТЭнефтехим. 1976. 86 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.7 (470)

Акинин Петр Викторович, Акинина Валентина Петровна**РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ
БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА**

В статье представлен анализ процессов консолидации банковского сектора России, их двухвариантный прогноз, рекомендации по рационализации концентрации банковского капитала.

Ключевые слова: концентрация, консолидация, слияние и поглощение, банковский капитал, региональный банк, «жесткий» и «мягкий» сценарии.

Akinin Petr Viktorovich, Akinina Valentina Petrovna
RATIONALIZATION OF BANK CAPITAL CONCENTRATION

The article offers an analysis of the processes related to consolidation of the bank sector in Russia, their bivariant forecast, as well as some recommendations regarding rationalization of bank capital.

Key words: concentration, consolidation, merger and acquisition, bank capital, regional bank, hard and soft scenarios.

В последние годы в российском банковском секторе наблюдается активизация процессов концентрации капитала. Между тем, в вопросе о том, хорошо это или плохо (консолидация банковской системы), мнения экспертов расходятся. Одни считают, что это позволит избавиться от неконкурентоспособных банков и повысить прозрачность деятельности оставшихся, другие уверены, что это приведет к уменьшению конкуренции, и пострадает, в конце концов, потребитель – население и организации.

Польза для объединившихся банков может заключаться в том, что возможным становится увеличение рыночной доли в результате слияния, что в свою очередь ведет к сокращению конкуренции. Объединенная же структура способна устанавливать более высокие рыночные ставки по кредитам и более низкие по депозитам. Еще одним положительным аспектом может служить увеличение роста диверсификации банковской деятельности. Диверсификация происходит в результате расширения географического присутствия деятельности объединившихся банков и расширения ассортимента предлагаемых банковских услуг. Кроме того, диверсификация ведет к стабилизации доходов банка, что, в свою очередь, должно повысить его стоимость.

Многочисленные исследования по банковским слияниям ссылаются в основном на возможность сокращения издержек в результате слияния, реже на рост доходов и увеличение диверсификации своей деятельности. Прежняя реорганизация банков в РФ происходила в основном в форме присоединения мелких региональных банков и последующего преобразования их в филиалы крупных банков. Причинами этого были в первую очередь невозможность мелкими региональными банками выполнять нормативы Банка России к минимальной величине уставного капитала, а также усиление конкуренции со стороны крупных, прежде всего московских банков, действия которых можно расценивать как экспансию в регионы. С момента создания двухуровневой банковской системы в России было реорганизовано 351 банк, из них 319 были преобразованы в филиалы других банков и только 32 осуществили объединение в форме присоединения. До настоящего времени пока не было зарегистрировано ни одного банковского слияния в России.

В докризисный период характерной чертой, с точки зрения приобретения банковских активов, главную роль в качестве покупателей играли иностранные фонды и иностранные банки, следовательно – именно они формировали «список требований», предъявляемых российским банкам. В качестве приоритетов выдвигались наличие у банка развитой сети розничных операций и большого количества активных (желательно крупных) клиентов, которым в перспективе можно было бы продавать новые услуги.

В настоящее время принципиально иные заинтересованные лица и требования. Главные потенциальные покупатели – это российские инвесторы банки или небанковские организации. Небольшие финансово-кредитные организации привлекли за 2013 год несколько частных инвесторов, которые до этого никогда не занимались банковским бизнесом. Соответственно, требования к приобретаемым банкам изменились, и первое из них – банки должны быть реально рентабельными. Второе – банк должен занимать определенную нишу, причем желательно перспективную, которая до кризиса развивалась слабее, чем традиционные виды банковского бизнеса.

Третья разновидность инвесторов представлена Европейским банком реконструкции развития. Он также предъявляет свои требования, и в первую очередь интересуют банки, занимающиеся кредитованием и обслуживанием малого и среднего бизнеса.

Необходимо отметить, что с 2013 г. наблюдается всплеск процессов концентрации капитала в банковском секторе. В этом году лишились лицензии 32 банка (еще 9 самоликвидировались путем слияния с другими банками), причем 27 лицензий были отозваны за последние четыре месяца. В 2014 г. динамика отзыва лицензий сохранилась [3].

Единого мнения по поводу оптимального количества банков в нашей стране нет. При этом приводятся следующие примеры. В США более 1500 банков, но ежегодно регулятор отзывает 30–40 лицензий [1]. В Бразилии с население 1,5 раза большим, чем в России – банков около 200 [4].

В 2010–2011 гг. нами были разработаны «мягкий» жесткий сценарии концентрации банковского капитала в России. «Мягкий» сценарий предполагал повсеместное преодоление экономикой страны кризиса, повышение всех показателей, отражающих эффективное функционирование банковской российской системы. Функционирование банковской системы в данном случае будет рассматриваться через призму развития институциональной и конкурентной среды российского банковского рынка, что будет достигаться:

- через повышение концентрации на рынке банковских услуг, связанное преимущественно со стремлением кредитных организаций расширять бизнес, и развивать рынок банковских услуг в регионах;
- постепенное увеличение сделок M&A с участием нерезидентов.

Эксперты предполагали, что внимание нерезидентов будут привлекать банки с надежным бизнесом, т.е. имеющие мировую корпоративную базу с развитой кредитной деятельностью, а также широкой розничной сетью и растущим набором комиссионных услуг.

Постепенная стабилизация числа кредитных организаций, с учетом повышения рентабельности банковского бизнеса и готовностью собственников выделять собственные средства в виде вкладов в капитал связана с предположением, что сокращение банков на среднесрочную перспективу коснется исключительно тех банков, которые и в настоящее время имеют капитал ниже 180 млн. руб. Поэтому многие эксперты, поддерживающие оптимистический сценарии развития банковского сектора, предполагали сокращение банков, примерно, на 200 единиц. Таким образом, прогнозная динамика количества кредитных организаций в среднесрочной перспективе в соответствии с «мягким» сценарием дальнейшего развития российской банковской системы, выглядела следующим образом (рис. 1).

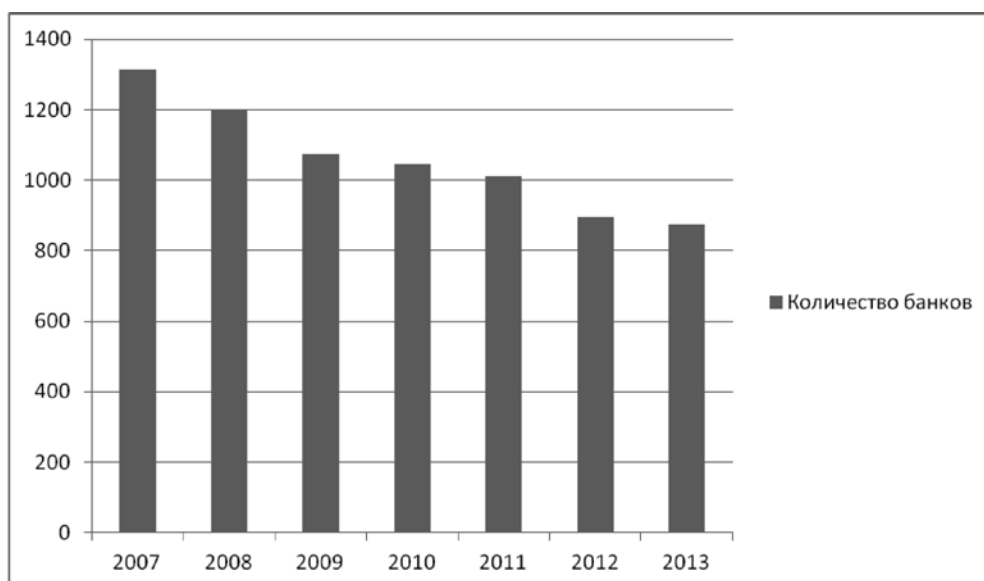

Рис. 1. Прогнозная динамика количества кредитных организаций
(по «мягкому сценарию»)

«Жесткий» сценарий («вынужденной консолидации») развития банковской системы России, предполагал, что в ближайшее время мировой кризис не получит своего завершения, сохранится неблагоприятная конъюнктура мировых рынков, в том числе и в отношении российского рынка банковских услуг. Данное обстоятельство было выражено в следующем – будет продолжена тенденция усиления влияния государства на банковскую систему России.

В соответствии с «жестким» сценарием, при дальнейшем развитии мирового финансового кризиса, было сделано предположение, что поправки по увеличению минимального капитала банков до 1 млрд. руб. будут внесены. Таким образом, для российских банков будет установлена планка по капиталу, в четыре раза превышающая требования Базельского комитета (5 млн. евро) [2].

Прогнозная динамика по «жесткому» сценарию выглядит следующим образом (рис. 2).

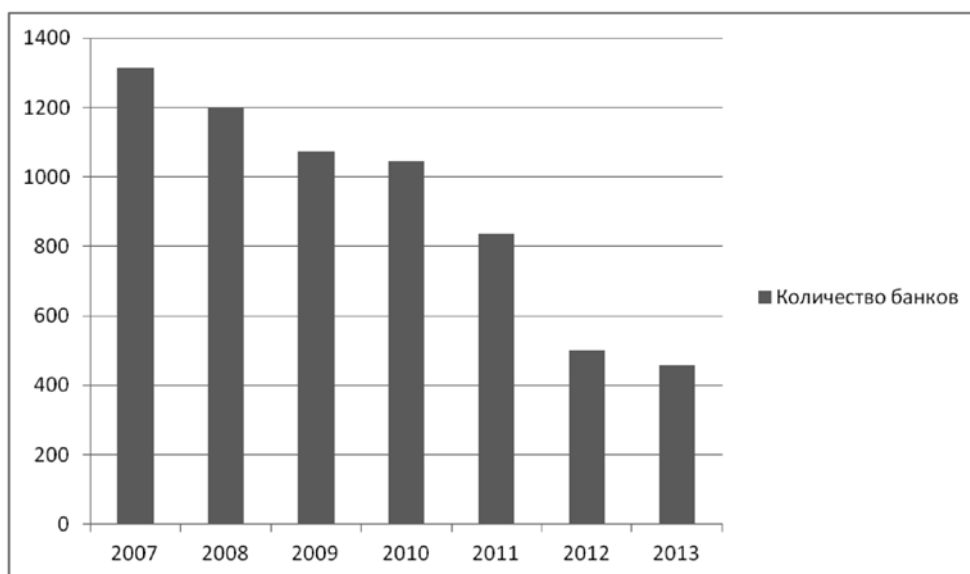

Рис. 2. Прогнозная динамика российских кредитных организаций (по «жесткому» сценарию)

Практика подтвердила жизнеспособность прогноза «мягкого» сценария.

Мировая практика показывает, что в странах, имеющих положительный опыт банковских слияний (и прежде всего в США), капитал на самом деле был, оставалось только его сконцентрировать в руках финансовых олигархов, желающих расширить масштабы своих операций. Можно предположить, что капитал был потому, что эти страны отличались в определенные периоды низкой нормой потребления, высокой нормой накопления, отсутствием сколько-нибудь масштабных социальных программ, относительно небогатым, но активным и трудолюбивым населением. В современной России не все эти условия присутствуют, поэтому концентрация капитала происходит достаточно тяжело. Коммерческие банки, от которых требовалось взять на себя основное бремя борьбы с инфляцией, со своей задачей не справляются и вряд ли справятся, т. к. привыкли не столько давать деньги государству, сколько получать их от него. Поэтому реализация стратегии слияний, скорее всего, может оказаться отличной от западной. Сколько-нибудь привлекательными кандидатами на объединение будут банки, имеющие доступ к доходам от экспорта энергоносителей и оружия, а также имеющие государственную поддержку. Причем, поощряя подобные слияния, государство вынуждено будет фактически пойти на финансовые жертвы, соглашаясь с тем, что деньги банков отвлекаются на поддержку инвестиционных проектов частного капитала, а не пойдут, допустим, на финансирование бюджетного дефицита и масштабных социальных программ. Возможно, государство будет поощрять лишь те слияния, участники которого, согласятся прямо или косвенно участвовать в финансировании государственных расходов.

Если говорить о сугубо частных банках, то представляется затруднительным преодоление «генетического» различия учредителей и достижения общности интересов.

Концентрация банковского капитала происходит сейчас путем поглощения неустойчивых мелких банков более крупными, но это, несомненно, лучше, чем банкротство этих банков. Но при этом в большинстве случаев происходит «вымывание» региональных банков, превращение их в филиалы столичных банков.

В 2010 г. Н. А. Умрихиной проводились разработки создания регионального банка [5]. Они предусматривали два варианта: первый – на основе консолидации ООО «ГРис-Банк», КБ «Ипатовский» ООО, ОАО «Ставропольпромстройбанк» на базе ЗАО «Вэлкомбанк»; второй – создание банковской группы «Ставбанк группа» в составе ЗАО «Вэлкомбанк», ООО коммерческий банк «ГРис-Банк», ОАО коммерческий банк «Евроситибанк», Акционерный инвестиционно-коммерческий банк промышленно-строительный банк «Ставрополье» – ОАО. Главным банком предполагалось назначить ОАО коммерческий банк «Евроситибанк».

Во втором варианте синергетический эффект достигал 37 млн. руб.

Мы предлагаем создать один региональный банк путем соединения вышеупомянутых банков в последнем варианте и включения в состав учредителей Правительства Ставропольского края. В дальнейшем следует реализовать первичное размещение на фондовом рынке акций новой структуры и определение ее в качестве полномочной в осуществлении операций на финансовых рынках от лица Правительства региона. В таком варианте синергетический эффект возрастет на порядок выше, чем в предыдущих расчетах. А это составит примерно до полумиллиарда рублей. Эта цифра получена в результате наших опросов руководителей и топ-менеджеров банков, ответственных работников Минфина и Минэкономразвития края, депутатов Федерального Собрания и регионального Парламента.

Таким образом, в обобщенном виде концептуальная модель создания нового регионального банка, на основе слияния, может быть представлена следующим образом (рис. 3).

Рис. 3. Концептуальная модель регионализации банковской деятельности в условиях активизации консолидационных процессов

Еще одним направлением сохранения конкурентоспособности небольших банков является диверсификация фондирования. Например, по такому пути идет банк Хоум Кредит. Он сосредоточился на четырех направлениях POS-кредиты, кредиты наличными, карты и депозиты.

Выше представленные подходы будут способствовать повышению устойчивости финансовой системы региона и, в конечном итоге, всего государства.

Литература

1. И первая сотня не устоит: Центробанк ускорил зачистку банковских рядов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/economics/2013/12/13/ekonomika-i-finsany/727711-i-pervaya-sotnya-ne-ustoit-tsentrobank-uskoril-zachi>.
2. Дементьева С. Банки выставили план // Аудит. 2009. № 11. с. 15.
3. Муртазин И. Как разоружить банкформирования [Электронный ресурс]. URL: www.irsolo.ru/01.02.2014/www.nevslan.com/nevs/detail/id1315758/.
4. Свитекс И. Сегодня банкам необходимо диверсифицировать базу финансирования [Электронный ресурс]. URL: Bankir.ru.
5. Умрихина Н. А. Развитие региональных банков в современных условиях: дис. ... канд. эк. наук. Ставрополь 158 с.

УДК 330.34

Васильева Людмила Васильевна

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПРОЦЕССОВ САМООРГАНИЗАЦИИ РЫНКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрена социально-экономическая динамика в период формирования рынка, проанализированы эффективность управления, механизмы самоорганизации и пути их оптимизации в современном обществе.

Ключевые слова: экономическое развитие, синергетический подход, теория открытых систем, инновации, внутренняя и внешняя среда.

Vasiljeva Liudmila Vasiljevna

SPECIFIC FEATURES OF MARKET SELF-ORGANIZATION IN MODERN RUSSIA

The article focuses on the socio-economic dynamics through the period of market development, as well as offers an analysis into management efficiency, self-organization mechanisms, and ways to improve them in the nowadays society.

Key words: economic development, synergetic approach, theory of open systems, innovation, internal and external environment.

Рассмотрение социально-экономической динамики с применением принципов междисциплинарного направления исследования синергетики, а также теории открытых систем позволяет получить ответы на некоторые вопросы, ставшие уже риторическими и связанные с «особым путем» развития России.

Ученые по-прежнему широко привлекают к анализу классический подход: рынок успешно работает в условиях равновесия, характеризуемого установлением удовлетворяющего обе взаимодействующие стороны уровня цен при заданных производителями объемах продукции. Для товаров длительного пользования на рынке всегда наступает момент насыщения, свидетельствующий о завершении активной стадии их жизненного цикла с падением спроса и цены.

Однако классические законы применимы лишь к узкому кругу наблюдаемых событий. Детерминистические симметричные во времени законы соответствуют только весьма частным случаям, и они верны лишь для устойчивых классических систем. Что же касается вероятностных законов, то они приводят к картине «открытого» мира, в котором в каждый момент времени в игру вступают все новые возможности [1, с. 11]. Благодаря синергетике, законы природы более не противопоставляются идее истинной эволюции. Для объяснения феномена эволюции потребовалось ввести в научный оборот понятие хаоса, определяемое как несводимое вероятностное описание в понятиях не отдельных направлений развития, а только в терминах пучков (или ансамблей) траекторий [1, с. 9].

Теория открытых систем предлагает рассматривать происходящие в природе и обществе процессы исходя из принципа нелинейности, согласно которому неравновесность становится источником упорядоченности, а без отклонений невозможно развитие.

Самоорганизация рынка. Рынок – территорию формирования цен в ходе взаимодействия спроса и предложения – следует рассматривать через призму синергетического подхода.

Описываемое классической экономической теорией равновесие характеризуется устойчивостью. Предприятия в этом случае реализуют через рынок всю произведенную ими продукцию. По мере насыщения рынка данным продуктом система переходит в статичное состояние. В близких к совершенной конкуренции условиях во избежание стагнации предприятия прикладывают все усилия для замещения товара, завершающего свой жизненный цикл, модернизированным, отличающимся более привлекательными для потребителя характеристиками. Устойчивость нарушается с по-

явлением новой продукции, пользующейся высоким потребительским спросом, что через движение объемов выпуска и продаж приводит к динамическому равновесию производства и его линейному развитию. Если инновационная деятельность носит массовый характер с сокращением потребления еще не завершивших свой жизненный цикл товаров, то предприятия могут перейти в асимметричное состояние, а экономика – к нелинейной динамике.

Достигшая слишком высоких показателей неравновесности, неспособная более сохранять свои свойства система, по терминологии И. Пригожина, включает в себя подсистемы, которые постоянно флуктуируют. В комплексе эти воздействия в результате положительной обратной связи могут привести к разрушению прежней структуры [2, с 10]. В этот переломный момент, называемый точкой бифуркации, принципиально невозможно предугадать направление дальнейших изменений: воцарится ли хаос в экономике, сопровождаемый закрытием предприятий, или осуществится переход на новый дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности с применением современных научных достижений.

Экономический рост невозможен без инноваций, которые с научной точки зрения должны определяться тремя минимальными требованиями: необратимость, событие и возможность для некоторых из них стать отправным пунктом нового самосогласованного порядка [1, с. 53–54], соответствующего следующему технологическому укладу с повышением занятости и качества жизни.

В слишком неравновесных условиях может совершаться переход от хаоса к порядку с возникновением новых динамических состояний, отражающих взаимодействие данной системы с окружающей средой. Согласно синергетике, только вдали от устойчивости могут спонтанно возникать новые типы структур, которые авторы подхода назвали диссипативными, стремясь подчеркнуть конструктивную роль одноименных процессов в их образовании [2]. Все различия между ними, по мнению И. Пригожина, следует понимать лишь как флуктуации во времени [1, с. 52].

О выходе системы из равновесного состояния свидетельствует несоответствие ее параметров норме, что в свою очередь отражается на динамике цен и спроса (как сигналах обратной связи). Эти колебания необходимы для приведения в действие принципа упорядоченности через флуктуации, которые отражают нелинейность и неравновесность динамики и активизируют экономические процессы усилиями производителей, заинтересованных в получении максимальной прибыли.

Существует вполне определенный диапазон допустимых отклонений, в рамках которого запускается механизм саморегуляции. Следует иметь в виду, что у любой динамичной системы имеются границы, выход за пределы которых несет опасность не только ее устойчивости, но и самой целостности. Таким пределом эффективности функционирования для производства является нижний уровень цен. Есть и другие параметры, отклонения которых от нормы вызывают состояние неравновесия, когда на оказавшуюся в точке бифуркации (с ансамблем направлений дальнейших изменений) систему существенное влияние оказывают флуктуации и случайные воздействия, подталкивающие к выбору одного из возможных путей эволюции.

Оптимальными можно считать такие мероприятия, которые реагируя на малые отклонения показателей от нормы, не позволяют параметрам выйти за пределы предельно допустимых значений. Ни одно из управленческих решений не должно отрицательно сказываться на ключевых показателях открытости системы.

Мониторинг динамики статистических данных о состоянии внешней и внутренней среды, выявление последствий любого изменения в системе и того влияния, которое оно оказало на инфраструктуру, помогают при выборе наиболее оптимальных путей развития предприятий. Получившее широкое распространение в последнее время целенаправленное устранение систематически возникающих отклонений путем планирования инновационного процесса, тем не менее, негативно сказывается на способности системы к самоупорядоченности. Это ведет к снижению ее чувствительности к параметрам внешней среды, что чревато частичной или полной утратой стимулов для запуска механизма обратной связи.

Планомерно растущие крупные корпорации стремятся максимально использовать эффект масштаба. Они заинтересованы в формировании вкусов и предпочтений потребителей с использованием всех доступных форм и методов воздействия на массовое сознание. Их планомерная деятельность направлена на расширение собственного влияния и возможна только при предсказуемом устойчивом спросе на выпускаемую ими продукцию. Их деятельность отражает стремление к стабильности и равновесности, что приводит к усилению монополистических тенденций в развитии рынка. Социальная среда теряет свободу экономического выбора, общество постепенно утрачивает демократические институты, а также способность к самоуправлению и развитию, обеспечивающую свободное движение рабочей силы, товаров и услуг.

Наряду с институциональным направлением, теория самоорганизации особое внимание уделяет анализу конъюнктуры рынка как внешней среды производства. Отдавая предпочтение динамическому, а не статическому подходу, она концентрирует внимание также на рассмотрении вероятных изменений в окружении предприятий, которые могут сопровождать проводимые ими инновационные мероприятия. В условиях неопределенности дальнейшего развития науки и техники большое внимание уделяется информационной поддержке проектов [3, с. 80–84].

Таким образом, можно предположить, что объективным критерием прогрессивного развития открытых систем является их способность к самоорганизации. Однако следует отметить, что этот механизм характерен только для сложных систем, достигших высокого уровня развития. К ним можно отнести экономики с многоуровневым управлением, развитыми финансовыми рынками и институциональной средой, гарантирующей свободное движение рабочей силы, товаров и услуг, а также действующими в условиях конкурентной среды многочисленными фирмами разнообразных форм собственности.

Россия на пути к рынку. Если применить синергетический подход к анализу событий конца прошлого тысячелетия, то распад Советского Союза следует связать с запуском механизмов самоорганизации после провозглашения М. С. Горбачевым курса на «гласность» и «открытость» с решительными шагами в сторону демократических свобод.

Однако, согласно второму началу термодинамики, на котором базируется теория открытых систем, предвидеть направления процессов самоорганизации оказавшегося в точке бифуркации (разветвления путей развития) общества практически невозможно. Под воздействием случайных факторов из многих возможных вариантов оно выберет тот, который наиболее будет соответствовать его параметрам. Начавшаяся перестройка создала условия для перехода социальной системы в состояние открытости для остального мира. Общественность, не имеющая навыков практических действий в условиях реальной демократии, использовала безграничные свободы для поддержания центробежных тенденций. Единое плановое хозяйство распалась на составляющие ее номинально экономически и политически самостоятельные республики. Начался процесс самоорганизации обновленного Российского социума.

Перед Россией лежал путь к рынку. Экономика являла собой образец хаоса: практически полностью разрушенная инфраструктура, отсутствие института частной собственности, а также (что оказалось особенно важным) нехватка у общества опыта существования в условиях демократических свобод.

В ходе ускоренной приватизации появилось многообразие форм собственности. Свободные выборы привели к власти демократических лидеров. Однако в новых реалиях стать демократической страной, гарантирующей провозглашенные свободы и создающей условия для успешного развития рыночной экономики, России не удалось.

Для перехода к рынку нужно было заново создать инфраструктуру и институциональную среду. Как показала практика, копирование и применение западного опыта ожидаемого эффекта не принесли, зато открытая экономическая система приобрела способность к самоорганизации. В демократически избранные органы власти всех уровней устремились лидеры преступных объединений, лоббирующие собственные интересы и тормозившие процесс формирования системы законодательства.

Государство оказалось неспособным защитить закрепленные в конституции права граждан на частную собственность. Повсеместно проявился феномен «крышевания» криминалом предпринимательской деятельности.

Борьба с подобного рода нелегитимными отношениями не утратила своей актуальности. В ходе самоорганизации открытой экономической системы неформальные институты в своем развитии часто опережают формализованные и вступают с ними в противоборство.

Во всех сферах экономической деятельности, где правовая система проявляет медлительность, спонтанно возникают нелегитимные отношения. Практически на каждую законодательную инициативу находится неформализованный ответ. Тендерной системе противостоят откаты, неудобным законам – взятки, высоким налогам – теневой бизнес и пр.

Серьезным препятствием на пути роста эффективности стали защищающие собственные интересы на законодательном уровне крупные корпорации, оказывающие давление на государственные структуры при принятии важных экономических решений. Используя вполне конституционные методы, они лоббируют формализацию выгодных для них норм и правил, обеспечивающих наиболее выгодные условия для их деятельности.

Как известно, строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения. Такой правовой нигилизм породил новое поколение бизнесменов и политиков, готовых нарушать законы, если издержки от их исполнения выше, чем от игнорирования. Теневой сектор экономики в этих условиях достиг неимоверных размеров. Новые законодательные инициативы в этих условиях утрачивают свою актуальность.

С позиций синергетики нужно кардинально изменить подход к анализу подобных явлений. Все нелегитимные экономические отношения, которые невозможно устранить в рамках действующего законодательства, следует попытаться перевести в правовое русло, как проявление специфических черт самоорганизующейся открытой национальной системы.

Экономический рост и связанная с ним динамика благосостояния несовместимы с равновесным состоянием рынка. Исследователи рекомендуют на государственном уровне предпринимать меры по созданию институциональной среды для внедрения в производство научных и технологических достижений. В качестве первоочередных задач называются: усовершенствование законодательства, повышение качества подготовки специалистов современного уровня, разработка методик развития предприятий, эффективное распределение бюджетных средств для поддержки инновационных проектов [3, с. 81–83].

Поддержание открытости общественной системы позволяет сохранить ее способность к саморазвитию и порождению диссипативных структур, отличающихся более высоким уровнем организации. К таким образованиям следует отнести негосударственные объединения, фонды, общества.

Функционирование правящей элиты и аппарата чиновников всех уровней, стремящихся к личной выгоде и к расширению собственных властных полномочий, нацелено на сохранение стабильности в обществе. В их интересах сдерживать возникновение уникальных состояний, исходящие от спонтанно формирующихся общественных движений инициативы, угрожающие равновесию социально-экономической и политической систем.

Управление самоорганизующейся открытой системой невозможно без понимания направления ее развития после прохождения ею точки бифуркации. Проявившуюся динамику можно ускорить или скорректировать, изменяя инфраструктуру и институциональную среду. Чтобы в обществе в ходе процессов самоорганизации возникали диссипативные структуры, оно должно оставаться открытым, а управляющее резонансное воздействие должно быть направлено на поддержку таких неформальных общественных организаций.

Одно из направлений поддержания открытости системы – обеспечение максимальной информационной прозрачности и готовности к диалогу с обществом при формировании мер государственной экономической политики через механизмы обратной связи. Согласно синергетическим принци-

пам управляющее резонансное (усиливающее) или сдерживающее воздействие на систему всеми уровнями власти должно учитывать направления ее саморегулирования и иметь целью повышение уровня ее развития, организации и открытости. В этой связи можно рекомендовать следующие меры социально-экономической политики:

- доработка действующего законодательства с учетом обязательности взыскания санкций за его нарушение;
- формализация спонтанно возникших, но устойчиво сохраняющихся нелегитимных экономических отношений с приведением их в соответствие с действующим законодательством;
- поддержка деятельности негосударственных общественных организаций, заинтересованных в четком соблюдении законов, и наделение их контролирующими функциями;
- подбор чиновников всех уровней на конкурсной основе с повышенными требованиями к их профессионализму и личным качествам;
- создание и поддержание институциональной среды, стимулирующей инновационную деятельность предпринимателей, производственных предприятий, объединений;
- государственная информационная поддержка инновационных проектов.

Литература

1. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. 269 с.
2. Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature. N.Y.: Bantam Books, 1984. [Русский перевод: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.]
3. Козловская О. В., Акерман Е. Н. Анализ мер государственной поддержки в сфере инновационной деятельности в регионах – членах АИРП // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2013. № 11. С. 65–85.

УДК 338.45.01

Зенченко Светлана Вячеславовна, Алмазов Владимир Витальевич

ОСНОВНЫЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассмотрены существующие в настоящее время методики анализа конкурентоспособности предприятия. Представлены их основные достоинства и недостатки.

Ключевые слова: конкурентные преимущества, конкурентоспособность предприятия, конкурентоспособность товара или услуги, эффективность производственной деятельности.

Zenchenko Svetlana Vyacheslavovna, Almazov Vladimir Vitalyevich
MAJOR METHODS FOR ASSESSING COMPANY'S COMPETITIVE CAPACITY

The author provides a view on the currently available methods of assessing the competitive capacity in companies. The major pros and cons regarding the methods are also highlighted.

Key words: competitive advantage, company's competitive capacity, competitive capacity of goods or services, efficiency in production activity.

В нашей статье мы поставили цель более обстоятельно рассмотреть существующие методики оценки конкурентоспособности предприятия. При этом следует подчеркнуть, что в соответствии с представлением последней как совокупности конкурентных преимуществ эти методики базируются на выявлении и оценке параметров деятельности организации и/или характеристик продукта (услуги).

Так, в основе матрицы Бостонской консалтинговой группы лежит модель жизненного цикла товара, согласно которой он в своем развитии проходит четыре стадии: выход на рынок (товар – «проблема»), рост (товар – «звезда»), зрелость (товар – «дойная корова») и спад (товар – «собака») (рис.).

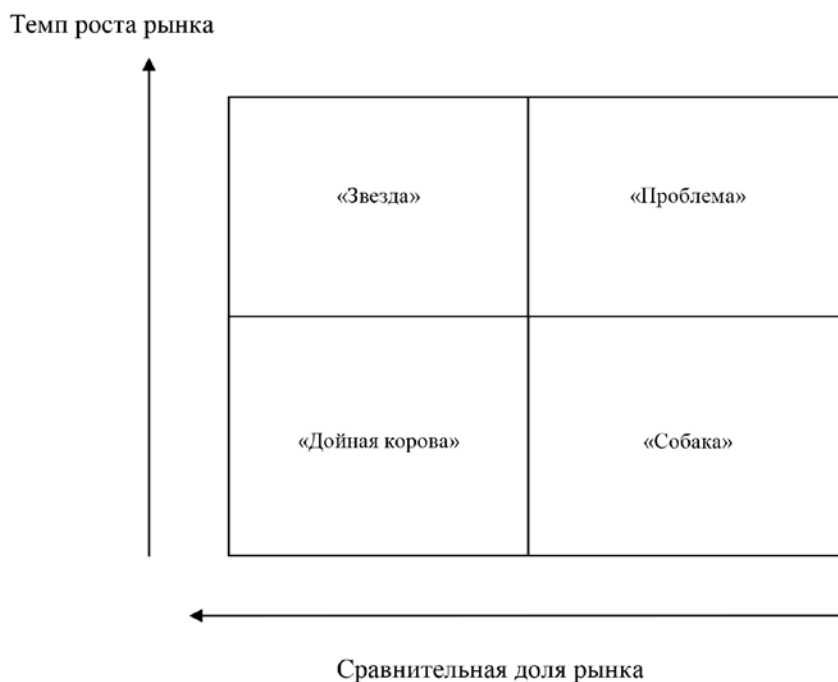

Рис. Матрица Бостонской консалтинговой группы

При этом конкурентный статус предприятия определяется на основе данной матрицы, для чего оно классифицируется по показателям относительной доли рынка и темпов роста/сокращения общего уровня продаж. В частности, первый из этих показателей – это доля рынка предприятия, отнесенная к соответствующей доле крупнейшего конкурента, а второй рассчитывается путем прогнозирования продаж продукции предприятия с учетом ее жизненного цикла. Причем наиболее конкурентоспособными признаются предприятия со значительной долей на динамично растущем рынке.

В целом желаемая последовательность развития предприятий согласно данной матрице:

«Проблема» → «Звезда» → «Дойная корова» → «Собака», а цель ее анализа – в определении субъектов, у которых изымают ресурсы («дойные коровы») и которым их передают («звезда» или «проблема»).

Данная методика может быть использована для любых предприятий, в частности для формирования их стратегии. К ее неоспоримым достоинствам относятся наглядность, простота и возможность анализа привлекательности инвестирования. Однако она также характеризуется сложностью получения информации об объемах продаж, небольшим количеством показателей и отсутствием факторного анализа.

Что касается методики оценки конкурентоспособности предприятия И. М. Лифица, то прежде всего необходимо отметить, что она разрабатывалась для услуг розничной торговли [3]. При этом данная методика ориентирована на применение прямых расчетных методов на базе интегрального показателя качества.

Так, после выбора объектов для сравнительного анализа (с учетом таких параметров, как формат торговли, торговая площадь и т.д.) реализуется исследование конкурентоспособности по следующим этапам:

1. Расчет обобщенного показателя качества услуги сравниваемых объектов ($K_{\text{кач}}$).
2. Определение относительной стоимости товаров (I) в сравниваемых объектах.
3. Расчет интегрального показателя качества услуги каждого объекта (C) – $C = K_{\text{кач}}/I$.

Причем первый из этих показателей определяется на основе средней взвешенной арифметической величины и требует предварительных выбора и оценки критериев, учета их весомости и расчета общего критерия.

В целом же данный обобщенный показатель содержит в себе следующие комплексные показатели качества услуги: качество реализуемых товаров, рациональность их ассортимента, культура и условия обслуживания. В свою очередь эти показатели рассчитываются на основе единичных показателей с учетом критериальной весомости.

Итак, обобщенный показатель качества услуги определяется следующим образом:

$$K_{\text{кач}} = \sum_{i=1}^N q_i \times m_i, \quad (1)$$

где q_i – комплексный показатель i -го свойства; m_i – коэффициент весомости i -го комплексного показателя.

При этом для определения относительной стоимости товаров рассчитывается средний индекс цен реализуемых товаров для каждого объекта с использованием средней арифметической величины:

$$I = \frac{\sum_{j=1}^N i_{pj}}{n}, \quad (2)$$

где i_{pj} – индивидуальный индекс цены j -го наименования по определенному объекту; n – количество товаров.

Между тем следует подчеркнуть, что в этой методике не используются показатели глубины ассортимента, известности торговой марки и рекламы, в недостаточной степени раскрыты показатели условий обслуживания. Но она обеспечена необходимой информацией, располагает значительным количеством критериев и может быть применена на малых предприятиях.

В свою очередь методика С. Г. Светунькова, в наиболее общем виде представленная нами ранее, основана на теории эффективной конкуренции и ориентирована на оценку деятельности всех подразделений и служб [4]. Рассмотрим ее более подробно.

Как уже указывалось, в основе методики лежит оценка четырех групповых показателей – эффективность производственной деятельности предприятия, его финансовое положение, эффективность организации сбыта и продвижения товара и конкурентоспособность товара.

При этом в связи с различной степенью значимости этих показателей для расчета интегрального показателя конкурентоспособности предприятия экспертным путем определяют их коэффициенты весомости. В конечном итоге он рассчитывается на основе средневзвешенной арифметической величины:

$$\text{ККП} = 0,153\text{П} + 0,29\text{ФП} + 0,23\text{ЭС} + 0,33\text{КТ}, \quad (3)$$

где ЭП – значение показателя эффективности производственной деятельности предприятия;

ФП – значение показателя финансового положения предприятия;

ЭС – значение показателя эффективности организации сбыта и продвижения товара на рынке;

КТ – значение показателя конкурентоспособности товара.

Причем все эти групповые показатели определяются аналогичным образом.

В целом данная методика, как разработанная для промышленных предприятий, представляет все наиболее важные стороны хозяйственной деятельности, объективную картину положения предприятия и возможность контроля. Вместе с тем здесь имеются трудности информационного обеспечения по конкурентам и оценки положения компании на рынке.

В следующей рассматриваемой нами методике В. В. Каткова конкурентоспособность организации представлена как взаимообусловленное единство конкурентоспособности продукции и ресурсного потенциала организации [2]. При этом автор методики после уточнения основных понятий представляет систему различных показателей оценки конкурентоспособности.

Так, в целом для этих целей он предлагает использовать единичные, групповые и интегральные показатели. В частности, в качестве первых он применяет нормативные, технические, качественные, эксплуатационные, ценовые, экономические и ресурсосберегающие показатели. В аналогичном ракурсе рассчитываются им и групповые показатели. И наконец, в методике определяются различные интегральные показатели конкурентоспособности товара и продукции, в том числе по потреблению и производству в целом и отдельно по потреблению.

Здесь представляется нецелесообразным охарактеризовать более точно все виды предлагаемых им показателей. Вместе с тем следует отметить, что на базе расчетов интегральных показателей конкурентоспособности разрабатывается стратегия ее роста в рыночных условиях, а также реализуется отбор параметров, характеристик и показателей в целях разработки новой продукции, внедрения современных технологий и приобретения нового оборудования.

В качестве недостатков этой методики следует прежде всего представить отсутствие характеристики потенциала организации и сложность оценки множества показателей. Однако их большое количество относится и к достоинствам методики и позволяет точно оценить конкурентоспособность товаров и продукции.

Рассмотрим далее более обстоятельно методику оценки конкурентоспособности организации Р. А. Фатхудинова [5]. Так, автор методики предлагает осуществлять анализ конкурентоспособности товара или услуги на базе выявления таких факторов, как их качество и цена, затраты в сфере потребления, качество сервиса. В свою очередь аналогичная оценка для организации предполагает применение показателей конкурентоспособности товаров и устойчивости (эффективности) ее функционирования.

В частности при анализе конкурентоспособности товара или услуги предлагается использовать показатели полезного эффекта и совокупных затрат за жизненный цикл объекта. А при ее оценке в организации необходимо реализовать следующие шаги:

- рассчитать уровень конкурентоспособности как средневзвешенную величину по конкретным товарам или услугам на конкретных рынках;
- провести отдельно анализ эффективности организации на основе конкурентоспособности и эффективности каждого товара на каждом рынке;
- определить отдельно показатель устойчивости работы организации;
- реализовать прогноз данных показателей как минимум на пять лет.

Следует подчеркнуть, что в данной методике при расчете первого из этих показателей учитывается показатель значимости рынка. Что касается эффективности функционирования организации, то на стадии стратегического управления здесь предлагается прогнозировать и нормировать абсолютные или относительные значения использования основных ресурсов (основного и оборотного капитала, трудовых ресурсов), а на стадии тактического маркетинга – определять интегральный показатель эффективности применения ресурсов:

$$I_9 = a_1 K_{тр} + a_2 K_{осн} + a_3 K_{об} \rightarrow 1, \quad (4)$$

где a_1, a_2, a_3 – весовость соответствующих видов ресурсов в себестоимости продукции;

$K_{тр}$ – коэффициент использования трудовых ресурсов;

$K_{осн}$ – коэффициент использования основного капитала;

$K_{об}$ – коэффициент использования оборотного капитала.

Причем при определении этих коэффициентов осуществляется сравнение фактических величин использования отдельных ресурсов с нормативными – или аналогичными показателями конкурентов.

И наконец, устойчивость деятельности организации рекомендуется оценивать по следующей формуле:

$$Z = 1,2X_1 + 1,4X_2 + 3,3X_3 + 0,6X_4 + 1,0X_5, \quad (5)$$

где X_1 – показатель эффективности рабочего капитала;

X_2 – рентабельность эффективности накопленного капитала;

X_3 – рентабельность производства;

X_4 – показатель задолженности;

X_5 – показатель эффективности активов.

Эта методика также может применяться на любых промышленных предприятиях, но характеризуется трудностью доступа к исходной информации о конкурентах. Зато она представляет оценку товара в разрезе общего объема продаж и значимости рынков и позволяет очень точно оценить его конкурентоспособность.

В завершение дадим краткую характеристику методике эффективного управления конкурентоспособностью организации (SIPC), разработанной учеными и менеджерами TSM Business School (Нидерланды) и Henley Management College (Великобритания) [1, с. 79–84].

Так, эта методика предполагает изучение всей отрасли, к которой относится предприятие, и анализ ресурсов последней на основе реализации следующих действий:

- 1) четкое определение цели, миссии и портфеля услуг компании;
- 2) составление карты бизнес-процессов компании;
- 3) определение ключевых факторов успеха;
- 4) стратегический анализ, конкурентное позиционирование, оценка конкурентоспособности;
- 5) идентификация возможностей предприятия;
- 6) разделение на категории и позиционирование возможностей;
- 7) заполнение матрицы стратегического позиционирования возможностей;
- 8) определение портфеля ключевых возможностей;
- 9) определение ключевых компетенций;
- 10) стратегические рекомендации.

И наконец методика SIPC представляет возможности эффективного управления ресурсами компании, получения новых конкурентных преимуществ и требует минимальных затрат времени. Между тем отсутствие единичных критериев оценки приводит к значительной погрешности в оценке ключевых факторов успеха.

Литература

1. Горелкина Н. Ю. Формирование стратегии развития конкурентных преимуществ предпринимательской структуры: дис. ... канд. экон. наук. Мурманск, 2006.
2. Управление конкурентоспособностью организации: учеб. пособие / под ред. А. К. Казанцева. СПб.: СПбГИЭУ, 2000. 150 с.
3. Лифиц И. М. Теория и практика оценки конкурентоспособности товаров и услуг. М.: Юрайт-М, 2001.
4. Светульников С. Г. Методы маркетингового исследования. СПб: ДНК, 2003. 349 с.
5. Фатхудинов Р. А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М.: ИНФРА-М. 2000. 312с.

УДК 330.33

Красников Александр Вячеславович, Ананьева Татьяна Сергеевна

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье проведен анализ конкурентоспособности предприятия на материалах ОАО «Молочный комбинат «Ставропольский». Выявлены сильные и слабые стороны фирмы, представлены основные поставщики, потребители и конкуренты. Разработаны рекомендации по повышению конкурентоспособности исследуемой организации.

Ключевые слова: конкуренция, поставщики, потребители, цена, ассортимент, внешняя и внутренняя среда, финансовая устойчивость.

Krasnikov Alexander V., Ananjeva Tatjana S.

EVALUATING RESULTS OF COMPANY'S COMPETITIVE CAPACITY

The item offers a view on an analysis of the competitive capacity (employing the data of the Stavropol Dairy Plant). There is also a discussion of the weaknesses and strengths of the company, as well as of the major suppliers, consumers and the competitors. The item also contains certain recommendations regarding improving the competitive capacity in the company in question.

Key words: competition, suppliers, consumers, price, range of goods, internal and external environment, financial stability.

Базовым понятием рыночной экономики является конкуренция. Она выступает предметом взаимоотношений субъектов, функционирующих в отрасли. Организации, способные выдерживать конкурентную борьбу на внутреннем и внешнем рынках, являются наиболее успешным участником такого рода соревнований. Поэтому конкурентоспособность предприятия на сегодняшний день является одной из наиболее важных проблем экономики [1]. Высокий уровень конкурентоспособности определяет возможность предприятия укрепить свои конкурентные позиции и имидж на рынке, в связи с этим вопросы ее количественной оценки приобретают особую актуальность.

Оценка конкурентоспособности предприятия проводится путем сравнения фирм, функционирующих в одной отрасли или выпускающих однородную продукцию. Выявление конкурентных преимуществ компании может осуществляться как на отечественном, так и на мировом рынках. Повышение конкурентоспособности является важной проблемой, решение которой требует согласованной, целенаправленной работы всех подразделений фирмы. Данная задача должна решаться в первую очередь службой маркетинга в рамках общей стратегии.

Проведем оценку конкурентоспособности на примере предприятия ОАО «Молочный комбинат «Ставропольский». Анализ конкурентоспособности организации начинается с анализа факторов, оказывающих на нее непосредственное воздействие, которые можно разделить на факторы внешней и внутренней среды предприятия.

От того, насколько предприятие может приспособиться к изменяющимся условиям конкуренции на рынке, во многом зависит его конкурентоспособность. Внешняя среда (макросреда) предприятия включает расположенные вне его пределов, но влияющие на успех розничного бизнеса факторы [2]. Прежде чем говорить о конкурентоспособности исследуемого предприятия, необходимо определить целевой рынок, на обслуживании которого оно специализируется. Изучение покупателей позволяет организации лучше уяснить то, какой продукт в наибольшей мере будет приниматься покупателями, на какой объем продаж может рассчитывать организация, в какой мере покупатели привержены к продукту именно данной организации, насколько можно расширить круг потенциальных покупателей, что ожидает продукт в будущем и многое другое [3].

Методом сбора первичной информации послужили наблюдение и опрос, основным рабочим инструментом стала специально разработанная анкета. Анкетирование проводили среди населения города Ставрополя, поэтому многие жители знакомы продукцией ОАО «МКС». Среди покупателей наибольший удельный вес приходится на женский пол, который составляет 75 % всех опрошенных. По частоте употребления были получены следующие данные, представленные в соответствии с рис. 1 [4].

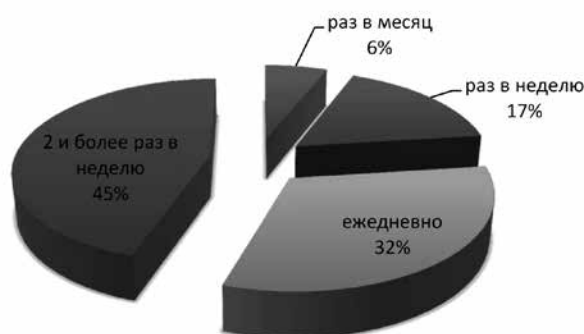

Рис. 1. Частота покупки продуктов ОАО «МКС»

При покупке продукта на качество обращают внимание 45 %, дизайн привлекает 21 % покупателей, на производителя ориентируются 8 %, а на цену – 26 %. Продукцию ОАО МКС пробовали 92 % опрошенных. Среди покупателей было выявлено следующее соотношение социальных групп: пенсионеры – 38 %, учащиеся – 26 %, служащие – 22 %, рабочие – 14 %. Возрастная структура покупателей представлена в соответствии с рис. 2.

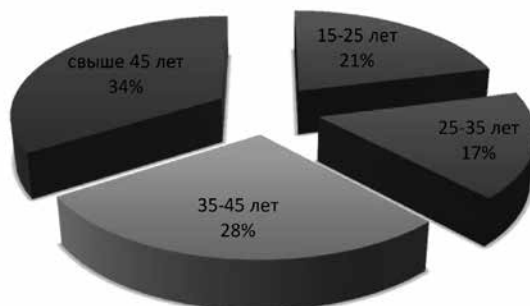

Рис. 2. Возрастная структура покупателей ОАО «МКС»

В результате проведенных исследований было выяснено, что продукция в целом удовлетворяет основные требования потребителей. Общая оценка продукции ОАО МКС составляет 4,3 балла.

При анализе конкурентов ОАО «МКС» можно выделить местных производителей, таких как ОАО «Буденовскомолпродукт» и ОАО «Сыродел», а также производителей соседних регионов: ОАО «Тимашевский молочный комбинат» (филиал ОАО «Вимм-Билль-Данн»), «Филиал Лабинский молочный комбинат» ОАО «Компания Юнимилк».

Причиной выбора именно этих компаний является то, что они:

- занимают большую долю в потребительской корзине;
- предоставляют потребителям сопоставимый набор услуг;
- придерживаются сопоставимой ценовой политики.

Для определения конкурентной позиции на рынке каждого из предприятий необходимо определить занимаемую ими долю, которая была рассчитана исходя из количества продукции, представленной в местных торговых сетях. Полученные в ходе исследования результаты распределения долей рынка между данными предприятиями представлены в соответствии с рис. 3.

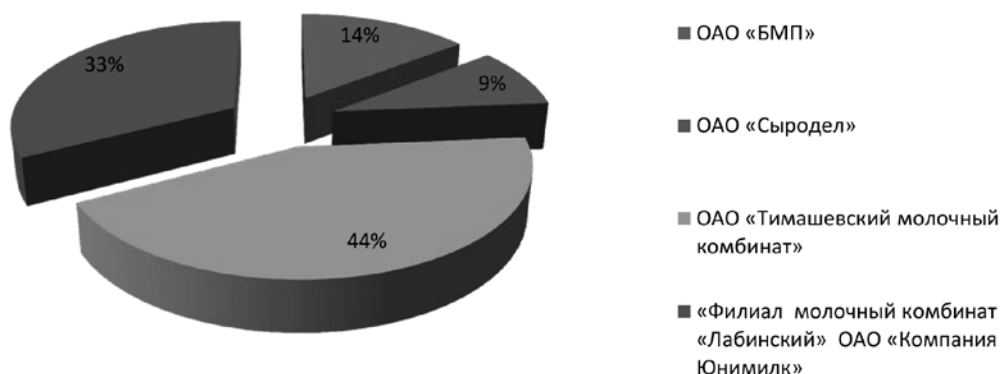

Рис. 3. Распределение долей на региональном рынке молочной продукции между конкурентами ОАО «МКС»

Несомненно, по степени доминирования на ставропольском рынке молочных продуктов на сегодняшний день лидером является ОАО «Молочный комбинат «Ставропольский», что связано с высокой технической оснащенностью по сравнению с другими предприятиями молочной отрасли, а также развитой сети фирменных магазинов. В то же время продукцию ставропольского молзавода теснят товары краснодарских и ростовских производителей. Так, ОАО «Тимашевский молочный комбинат» и «Филиал молочный комбинат Лабинский» ОАО «Компания Юнимилк» среди выявленных конкурентов ОАО «МКС» занимают 44 % и 33 % рынка, соответственно. Связано это с тем, что большинство потребителей предпочитают продукцию именно этих предприятий, потому что продукция «Данон» и «Вимм-Билль-Данн» – общеизвестна, что обеспечивает данным организациям наибольший товарооборот среди конкурентов.

Фирмы-конкуренты реализуют практически одинаковую продукцию, во многом сходится ассортимент, а также цена на товары рассматриваемых предприятий отличается незначительно. Далее был использован метод маркетингового подхода к оценке конкурентоспособности организации (табл. 1) [4, 5, 6, 7].

Полученные данные свидетельствуют о том, что ОАО «МКС» уступает ОАО «Тимашевский молочный комбинат» и «Филиал молочный комбинат «Лабинский» ОАО «Компания Юнимилк» по ассортименту, известности торговой марки и дизайну. Такими характеристиками, как цена и качество выпускаемой продукции, потребители товаров ОАО «МКС», участвовавшие в опросе, были полностью удовлетворены.

Таблица 1

**Результаты оценки конкурентоспособности предприятий,
представленных на рынке молочных продуктов в Ставропольском крае**

Характеристика	Степень важности признака	Средняя оценка по пятибалльной системе				
		ОАО «МКС»	ОАО «Тимашевский молочный комбинат»	ОАО «Молочный комбинат «Лабинский»	ОАО «БМП»	ОАО «Сыродел»
Качество продукции	0,30	5,0	5,0	5,0	5,0	4,2
Цена	0,30	5,0	4,6	4,3	5,0	4,8
Ассортимент	0,20	4,8	5,0	5,0	4,0	3,1
Известность торговой марки	0,10	4,5	5,0	5,0	4,2	2,9
Дизайн и упаковка	0,10	4,0	5,0	5,0	4,0	4,0
ИТОГО	1,00					

Была также проведена оценка финансового состояния и развития предприятий-конкурентов, с использованием показателей, характеризующих финансовую устойчивость и платежеспособность (табл. 2).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что наиболее конкурентоспособным предприятием по финансовым показателям является предприятие ОАО «Сыродел», которое обошло ОАО «МКС» на 0,27 пункта суммарного показателя.

Таблица 2

Оценка финансового состояния и развития фирм-конкурентов

Показатель	ОАО «МКС»	ОАО «Тимашевский молочный комбинат»	ОАО «Молочный комбинат «Лабинский»	ОАО «БМП»	ОАО «Сыродел»	Весовые коэффициенты значимости показателей
Коэффициент автономии	0,37	0,27	0,39	0,1	0,75	0,22
Коэффициент платежеспособности	1,64	1,36	1,48	1,24	1,85	0,5
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,28	0,54	0,62	0,001	0,18	0,18
Коэффициент обеспеченности оборотными средствами	-0,10	-1,47	-0,43	-0,013	0,47	0,18
Суммарный показатель рыночного положения предприятия, скорректированный на весовой коэффициент значимости	0,93	0,57	0,86	0,64	1,2	-

Результаты анализа свидетельствуют о том, что ОАО «МКС» является крупнейшим в Ставропольском крае предприятием молочной отрасли. Основным видом деятельности фирмы является производство и реализация продуктов переработки молока в широчайшем ассортименте. Значительную долю в структуре произведенных товаров занимает цельно- и кисломолочная продукция (58 %). Исследуемая организация имеет устойчивое финансово-экономическое состояние. За рассматриваемый период времени (2011–2013 гг.) на предприятии отслеживается позитивная тенденция увеличения чистой прибыли, общей рентабельности (44,4 %) и рентабельности активов (43,5 %).

В результате проведенных исследований были выявлены конкуренты рассматриваемого предприятия, основными из которых являются Филиал ОАО «Вимм-Билль-Данн» ОАО «Тимашевский молочный комбинат» и «Филиал молочный комбинат Лабинский» ОАО «Компания Юнимилк», чья продукция известна по всей стране, в отличие от ОАО «МКС». Используя анализ влияния факторов внутренней и внешней среды на хозяйственную деятельность ОАО «МКС», отделом маркетинга исследуемой организации ежегодно разрабатывается и корректируется стратегия повышения конкурентоспособности фирмы.

Литература

1. Бекетов Н. В. Проблемы и перспективы инновационного развития экономики России // Проблемы современной экономики: Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2011. № 12.
2. Чайникова Л. Н., Чайников В. Н. Конкурентоспособность предприятия: учеб. пособие. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2012. 192 с.
3. Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент: учебник. СПб.: Питер, 2010. 518 с.
4. Официальный сайт ОАО «Молочный комбинат «Ставропольский». URL: <http://mokostav.com>.
5. Официальный сайт Ставропольского управления Федеральной антимонопольной службой. URL: <http://stavropol.fas.gov.ru>.
6. Официальный сайт ОАО «Сыродел». URL <http://syrodel.com>
7. Официальный сайт ОАО «Буденовскмолпродукт». URL: <http://www.molproduct.ru>.

УДК 26.452

Ловянников Денис Геннадьевич, Ловянникова Надежда Сергеевна

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОДУКТОВ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

В данной статье рассмотрены основные пути внедрения инноваций в банковскую систему. Определены характерные особенности организационных форм управления нововведениями в банках. Выявлена и обоснована роль инновационных стратегий и тенденции управления ими. Проанализировано влияние финансового кризиса на внедрение банковских инноваций (на примере динамики привлечения денежных средств в банковскую систему).

Ключевые слова: инновации, инновации банковской системы, банковские инновации, банковская система, банковская продукция, инновационный проект, организационная форма управления инновациями, инновационная деятельность, управление инновациями, инновационный менеджмент, инновационные стратегии, финансовый кризис, производная ценная бумага, ценные бумаги.

Lovyannikov Denis Gennadevich, Lovyannikova Nadezhda Sergeevna

MODERN ISSUES OF DEVELOPING INNOVATIVE PRODUCTS IN COMMERCIAL BANKS

This article describes the major ways for introducing innovation in the banking system. There is also a view on the specific features of organizational types of managing innovation in banks. The article also shows and offers a rationale for the innovation strategy role and their management trends. There is an analysis of the impact that the financial crisis has had on the implementation of innovation in banking (dynamics of attracting funds to the banking system).

Key words: innovation, innovation in banking system, banking innovation, banking system, banking products, innovative design, organizational type of innovation management, innovation activity, innovation administration, innovation management, innovation strategies, financial crisis, derivative securities, securities.

В современной банковской среде постоянные нововведения – один из главных факторов успешного развития практически любого коммерческого банка. Однако жизненный цикл банковской услуги очень быстро заканчивается, меняются требования потребителя, повышается конкуренция и т. д. Для того чтобы выжить в данной ситуации, банки должны непрерывно совершенствовать не только свои продукты, но и бизнес-процессы происходящие внутри банка. Область нововведений в отечественных банках достаточно обширна и включает в себя такие сферы как: информационная безопасность, удаленное обслуживание, гибкость программного обеспечения.

Инновационная деятельность банка неразрывно связана с его конкурентными преимуществами, а также затрагивает практически весь функционал, в связи с этим многие специалисты утверждают, что инновации для банков это очень сложная комплексная, а порой даже неразрешимая проблема. Но нельзя забывать и о том, что вся деятельность банка связана с постоянными улучшениями и обновлениями, иначе банк попросту будет не конкурентоспособным.

Грамотно приступить к реализации нового проекта – способность далеко не каждого банка. Главным вопросом всегда остается не как начать проект, а как, начав его, обеспечить стабильность процесса и потом сохранить на протяжении всего жизненного цикла. Руководство большинства банков осознают эффективность инноваций, но далеко не каждый сможет на должном уровне все это осуществить.

Практика функционирования ведущих банков в развитых странах мира показывает, что для успешной разработки целостной системы управления инновациями необходимо создавать такую инновационную структуру и культуру управления, при которой направления технологического развития будут интегрированы в общую стратегию. Для таких банков характерна децентрализация управления творческой деятельностью и широкое использование принципов мелкого предпринимательства, основанного на использовании свободных средств.

Поиск наиболее эффективных организационных форм управления нововведениями идет в двух направлениях. Первое – это создание специальных отделов или подразделений, которые занимаются инновационной деятельностью, т. е. исследуют области организации, наиболее нуждающиеся в совершенствовании, и предлагают проекты нововведений.

Второе направление отражает необходимость создания механизма интеграции и координации деятельности подразделений, межфункционального взаимодействия в ходе разработки и внедрения нововведений.

Обычно банки используют оба подхода, но в приоритете всегда остается один. Всегда нужно помнить о том, что внедрение инноваций не разовая (эпизодическая) деятельность, а постоянный, управляемый процесс.

В настоящее время для обеспечения успешной деятельности банка большую значимость приобретают следующие вопросы:

- создание среды, которая будет стимулировать поиск и изучение инноваций;
- нацеленность инновационной деятельности на клиента;
- сознательная недогрузка имеющегося потенциала в расчете на появление новых идей и, соответственно, расширения возможностей рынка;
- максимальное сокращение сроков разработки и внедрения нововведений.

Главным в управлении нововведениями является признание в качестве основных элементов инновационного процесса его непрерывность, и в равной степени низкую предсказуемость и неупорядоченность результатов. Реорганизация управления инновационной деятельностью в крупных банках предполагает создание таких организационных отношений, которые позволили бы более полно использовать творческий потенциал коллектива. При всем многообразии современных конкретных форм подобных отношений представляется возможным выделить ряд общих черт:

- 1) поддержка инновационных идей со стороны руководства. Руководство в первую очередь должно поддерживать политику нововведений, а также создавать инновационный климат и стимулировать персонал в воплощении идей;
- 2) содействие экспериментам в данной области. В этом менеджеры банка видят эффективный метод борьбы с бюрократизацией и косностью мышления, убивающими свежие, нетривиальные идеи;
- 3) высокий уровень и постоянное совершенствование коммуникаций. Когда проблема «штурмуется» с разных сторон, образуются новые информационные комбинации и связи на каждом уровне управления, возникает более широкий ряд решений. Поэтому инновационные структуры стремятся усилить циркуляцию информации между подразделениями и отдельными сотрудниками;
- 4) применение методов, называемых участием в управлении. Персонал должен быть вовлеченным во все фазы внедрения инноваций и принятия решений.

В данный момент развитие организационных форм управления нововведениями для многих банков является одним из главных средств поддержания активности в освоенных областях и на новых направлениях. Анализ организационной системы управления в области инноваций нужно проводить неразрывно с типом инновационной стратегии, структурой, технологией, кадрами и другими параметрами банка.

Чтобы характеристика инновационного менеджмента как области исследований и практической деятельности стала более отчетливой, можно привести перечень актуальных проблем и задач, которые рассматриваются и решаются в рамках управления продуктовых инноваций (рис. 1).

Рис. 1. Перечень проблем и задач, решаемых в рамках управления продуктовых инноваций

На данный момент неотъемлемую часть инновационной политики составляет инновационная стратегия, которая необходима для освоения специальных инструментов управления нововведениями, а также стимулирования и мотивации людей, занимающихся новаторскими работами. Привлечение партнеров к созданию инновационных продуктов.

Необходимость кардинального изменения подходов к использованию кадров выходит на первое место, что предусматривает выявление мотивирующих принципов организационной культуры, поддержание и совершенствование творческой деловой атмосферы, поиск и стимулирование творческих людей, активная деятельность которых способствует скорейшему и эффективному внедрению нововведений.

Для управления банковскими нововведениями стали характерными некоторые тенденции (рис. 2).

Рис. 2. Характерные тенденции в управлении банковскими инновациями

Одним из важнейших факторов, влияющих на развитие банковских инноваций, также является финансовый кризис. Обычно в первую волну финансового кризиса попадает именно банковская система, и именно она принимает на себя первый удар. Возьмем в пример последний финансовый кризис, в 2009 году банки столкнулись с несколькими вызовами. Первый и главный – прекращение роста ресурсной базы, второй – ухудшение качества активов, третий – снижение прибыльности и тем самым уменьшение собственного капитала. Эти факторы можно обосновать следующим примером: соотношение выданных кредитов и полученных депозитов выросло со 106 до 120 %, таким образом, общий разрыв между объемом выданных кредитов и полученных депозитов достиг более 1 трлн. рублей.

В целом банковский сектор понес огромные убытки. А т. к. развитие инновационных продуктов требует не малых вложений, то, как следствие, финансирование новых проектов существенно снижается, либо прекращается вовсе.

Но у данной проблемы имеется и обратная сторона, мировой финансовый кризис заставляет управленцев думать «по-новому». Если банк не имеет возможности создать новый продукт, то для удержания своих клиентов и привлечения новых банки создают новые комбинированные продукты.

Очевидно, что финансовый кризис также является своеобразным стимулом для разработки новых финансовых продуктов и развития инновационного потенциала банков, благодаря чему данные кредитные организации смогут не только вернуть клиентов, но и привлечь новых.

Процесс создания, внедрения и сопровождения банковских инноваций является весьма сложным и затратным на различных этапах. Несомненно, нововведения играют важную роль в борьбе за успешное существование банков, но прежде чем заниматься данным видом деятельности, руководство должно

понимать не только то, насколько это дорого в финансовом плане, но еще и то, как сильно при этом расходуются трудовые ресурсы. Также необходимо прорабатывать инновационную стратегию и стараться придерживаться планируемых действий, иначе закончить эффективно процесс внедрения может быть достаточно сложно. Важную роль играет настрой коллектива, на который в первую очередь будут влиять новшества, люди должны быть готовы как к освоению новых технологий, так и к тому, что возможно сокращение штатного состава.

Таким образом, на данный момент практически каждый коммерческий банк нашей страны представляет собой некий финансовый супермаркет, и каждый клиент может воспользоваться практически любой услугой, не посещая офиса банка, или приходя туда в любое удобное для него время. Время, когда банки занимались специализированным, узким набором услуг, прошло, сейчас каждый банк стремится стать универсальным в предоставлении услуг своему избалованному клиенту. И в то же время финансовые институты создают новые индивидуальные продукты, внедрение которых позволит им не только уверенно существовать среди конкурентов, но и задавать тон всем остальным.

Литература

1. Коллинз Р. С. Бизнес и Е-коммерция: возможные пути сближения // Маркетинг. 2005. № 1. С. 85–88.
2. Новая экономика. Все еще впереди / под ред. О. Тоффлер, Х. Тоффлер. М.: Еру Wall Street Journal, 2011.
3. Уткин Э. А., Морозова Г. И., Морозова Н. И. Нововведения в банковском бизнесе России. М.: Финансы и статистика, 2013. 182 с.
4. Центр Финансовых Технологий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cft.ru/>.
5. Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/biznes-37/2.htm>.

УДК 637.5

**Нарыжная Екатерина Александровна, Рябов Владимир Николаевич,
Цыганкова Василиса Сергеевна**

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ИННОВАЦИОННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА

В статье определена необходимость применения информационных технологий в процессе управления социально-экономическими системами на предприятиях промышленного кластера для их инновационного развития. Обоснованы особенности развития рынка инфокоммуникационных технологий внедрения их в практику деятельности промышленных предприятий.

Ключевые слова: информационные технологии, промышленный кластер, инновационное развитие, инфокоммуникационные средства, электронная коммерция.

Naryzhnaya Ekaterina A., Ryabov Vladimir N., Tsygankova Vasilisa S.
**IMPROVED MANAGEMENT OF INFORMATION AND INNOVATION TECHNOLOGIES
 IN THE INDUSTRIAL CLUSTER**

In the article the necessity of application of information technologies in the process of management of socio-economic systems in the industrial cluster for innovative development. Grounded features of the development of information and communication technologies market introduction in the practice of industrial enterprises.

Key words: information technology, industrial cluster, innovation, ICT tools, e-Commerce.

Особенности развития российской экономики, политизации экономических отношений в странах мирового сообщества, санкции и противоречивость взаимоотношений между государствами, влияют на принятие необходимых системных решений, обеспечивающих формирование общеэконо-

мических задач по переходу к инновационной социально-экономической системе развития. Основными направлениями развития промышленного кластера Северо-Кавказского федерального округа, открывающим долгосрочные перспективы, являются производство высококачественной наукоемкой продукции, с низкой материалоемкостью и энергоемкостью, требующее переподготовки креативных специалистов высококвалифицированного труда и способных к внедрению новшеств в процесс производства. Целевая стратегия развития промышленного кластера на Юге России должна обеспечиваться внедрением информационных технологий с целью обеспечения системы формирования инновационного производства в промышленности с учетом передового опыта отечественных и зарубежных технологий использования инфокоммуникационных средств.

Информационно-инновационное развитие предприятий промышленного кластера невозможно без внедрения в процесс их функционирования инфокоммуникационных средств управления. Разработка инноваций и внедрение новшеств в область информационных технологий обеспечит, по нашему мнению, конкурентоспособность промышленных предприятий. Следует учитывать, что конкурентная борьба в управленческой деятельности обычно сопряжена с определенной системой рисков. Как следствие, для уменьшения и минимизации возможных рисков целесообразно уделять особое внимание информатизации управленческой деятельности.

Моделирование деятельности предприятий промышленного кластера способствует выбору оптимального варианта инфокоммуникационных средств с целью совершенствования применения информационных технологий в управлении промышленным сектором экономики Юга России. Особое значение имеет при использовании инфокоммуникационных средств экономико-математическое моделирование на базе обоснованных решений по управлению деятельностью предприятий промышленного кластера, что обеспечивает им конкурентное преимущество по отношению к предприятиям, действующим в тех же сегментах регионального рынка и не использующим экономико-математические методы в управлении. Промышленные предприятия Юга России в настоящее время приходят к осознанию того, что дальнейшее их функционирование невозможно без внедрения инфокоммуникационных средств и программного обеспечения с целью внедрения информационных технологий в промышленно-производственный кластер продукции потребительского сектора экономики, и рассматривают информационные системы как средство решения проблем снижения издержек производства и повышения производительности труда.

Эффективность в современных условиях для промышленности вообще и производственной сферы в частности представляет собой ценный ресурс наряду с финансовыми, материальными, человеческими и другими ресурсами. Поэтому повышение эффективности управленческой деятельности становится неотъемлемым атрибутом совершенствования деятельности предприятия в целом.

Эффективное управление промышленным кластером с применением инфокоммуникационных средств позволяет расширить возможности менеджеров, финансистов, маркетологов, руководителей производства всех рангов по анализу и обработке экономической информации для принятия высококвалифицированных управленческих решений.

Следовательно, использование информационных технологий привлекает управленческий персонал и повышает оперативность в системе оборота документов с использованием компьютерной техники, которые позволяют:

- объединить все управленческие информационные и коммуникационные потоки;
- повысить надежность и оперативность обмена информацией;
- обеспечить процесс реализации концепции гарантированной доставки электронных документов.

Информационные технологии, как правило, направлены в область интеллектуальных, наукоемких проблем. Создание визуализации данных, системная обработка изображений, создание виртуального пространства позволяют человеку погрузиться в образную среду решения сложных задач с помощью внедрения информационных технологий, приблизиться к реализации производственных задач и поставленных целей на качественно новом уровне, снизить риски при принятии управленческих решений [1, с. 121].

Телекоммуникационная техника в современных условиях стала одним из главных направлений формирования системы управления промышленным кластером как на федеральном, так и на региональном уровне. Информационные технологии в управлении способствуют трансформации предприятий с позиций изменения организационной структуры, организации процессов взаимодействия структурных подразделений к существенным изменениям функционирования кадрового потенциала, системы документооборота, фиксирования и передачи информации. Поэтому предприятия промышленного кластера в современных условиях функционируют с учетом использования электронных способов получения, хранения и распространения информации посредством инфокоммуникационных средств и информационно-коммуникационных общественных сетей.

В значительной степени это зависит от степени оптимизации и рациональности структуры управления и уровня технико-экономических показателей производства.

Высокая оперативность документооборота создается как за счет внедренных инфокоммуникационных средств, так и достаточно слаженной и оперативной работы персонала всех структурных подразделений, использующих информационные технологии в практической работе.

Одновременно оптимизация и рациональная структура управления предприятием должна отвечать следующим требованиям:

- обеспечивать гарантированную надежность функционирования инфокоммуникационных средств на всех уровнях управленческой деятельности;
- достигать высокой оперативности выполнения менеджерами управленческих функций;
- минимизировать в количественном плане наличие уровней управления и обеспечивать рациональность технической связи между органами управления;
- оптимизировать издержки на выполнение управленческих функций с использованием инфокоммуникационных средств.

Усовершенствование организационной структуры управления промышленным кластером стало возможным благодаря современным достижениям информационных технологий, которые обеспечивают взаимодействие участников бизнес-процессов в единых технологических цепочках быстрее и надежнее по сравнению с традиционными структурами управления и организационными методами контроля и координации работы в целом.

Инфокоммуникационные технологии промышленного кластера позволяют координировать и контролировать работу производственного оборудования при помощи компьютерной техники. Как следствие, сокращаются затраты времени на межоперационные переходы, становится возможным гибкое планирование и использование имеющихся информационных и аналитических ресурсов [2, с. 154].

Развитые интеллектуальные информационные системы позволяют осуществлять диагностику инновационных процессов в производственной сфере, при этом электронные коммуникации позволяют достичь более прозрачного и эффективного контроля за исполнением процесса с учетом оценки состояния деятельности сотрудников на конкретных рабочих местах; отклонения в процессах сразу становятся автоматически известными всем заинтересованным исполнителям и менеджерам. В то же время становится более оперативным и эффективным мониторинг промышленного кластера без привлечения дополнительного штата сотрудников и управляющего персонала и, как следствие, снижаются производственные издержки в целом. Одновременно появляется возможность ускорения работы системы связи участников промышленного кластера с менеджерами в случае возникающих проблем посредством проведения теле и видеоконференций, сокращения времени на проведение традиционных совещаний. Информационные технологии путем использования электронной почты и доски объявлений способствуют моментальному оповещению всех участников бизнес-процессов в производственно-промышленном кластере. Следовательно, уменьшается численность управленческих уровней на предприятиях.

Основу управленческой деятельности составляет система поддержки принятия управленческих решений, представляющая собой совокупность взаимосвязанных, целенаправленных и последовательных управленческих действий, обеспечивающих реализацию управленческих задач. Она

создает реальные условия менеджерам и руководителям любого уровня для того, чтобы не только оперировать в процессе аналитической работы и подготовки решений количественными параметрами, но и оценивать и учитывать качественные стороны управленческих процедур.

Следует иметь в виду влияние на процесс принятия управленческих решений как внешних факторов (заказчики, государственные учреждения, конкуренты, поставщики, партнеры, собственники, банки, биржи), так и внутренних факторов, которые являются основополагающими для результата деятельности промышленного кластера при принятии управленческого решения.

На стабильность развития промышленных кластеров оказывает влияние информационная и телекоммуникационная инфраструктуры, которые не только обеспечивают бесперебойную работу всех его подразделений, но и позволяют разрабатывать новые коммерческие бизнес-услуги для клиентов. Использование электронной коммерции, несомненно, может улучшить систему сбыта продукции промышленного кластера на основе применения операций, инфокоммуникационных средств и внедрения информационных технологий между производителем и потребителем продукции предприятия, то есть покупатель имеет возможность самостоятельно изучить и проанализировать предложения, размещенные на сайтах, и выбрать из них подходящие по условиям оплаты и поставки товаров посредством электронной коммерции.

Использование электронной коммерции связано с возрастанием информационной потребности производителей и потребителей для доступности к своевременной и надежной информации, позволяющей оперативно реагировать на конъюнктуру рынка, анализировать финансово-экономическое состояние промышленного кластера и эффективность производства. Следовательно, технологическая цепочка продвижения товара от производителя к потребителю может быть преодолена без обращения к деятельности посреднических организаций, со снижением при этом логистических издержек при реализации готовой продукции предприятиями промышленного кластера.

Вместе с тем позитивность применения информационных технологий в условиях реализации продукции через призму использования электронной коммерции имеет некоторые существенные недостатки, связанные порой с отсутствием совершенных инфокоммуникационных средств, не всегда достаточно подготовленного состава менеджеров, эксплуатирующих информационно-технологические системы коммуникации между подразделениями промышленного кластера. Как следствие,

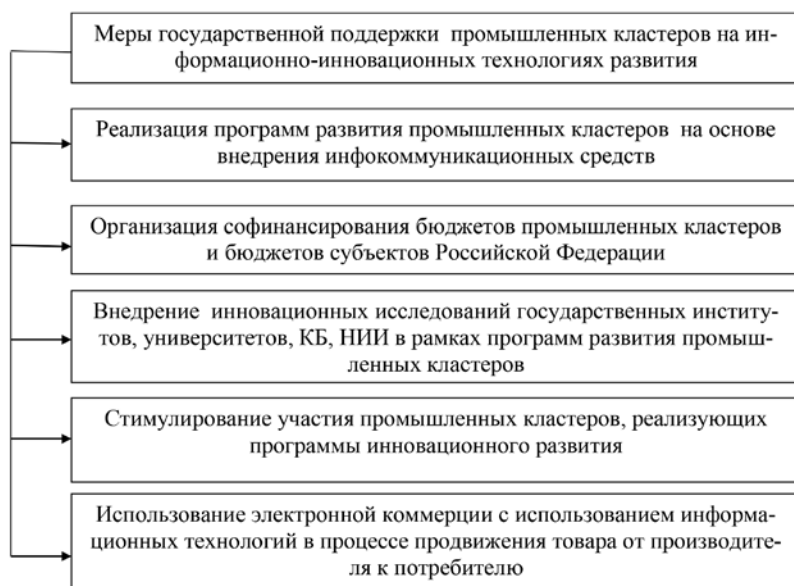

Рис. Основные направления инновационно-информационной поддержки государственных органов промышленных кластеров

возникает целесообразность обеспечения поддержки со стороны государственных и муниципальных органов власти по внедрению информационных технологий в развитие промышленных кластеров инновационных форм функционирования, представленные в соответствии с рисунком.

Таким образом, внедрение информационных технологий как системы инновационного развития промышленных кластеров является неотъемлемой частью повышения управляемости промышленного сектора экономики на федеральном и региональном уровнях, повышения производительности труда, своевременности реагирования на имеющиеся недостатки, достижения эффективности, надежности и гибкости при принятии управленческих решений с учетом единой учетной политики и результативности деятельности промышленного кластера в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Багриновский К. А., Хрусталева Е. Ю. Новые информационные технологии: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. 229 с.
2. Баронов В. В., Калянов Г. Н., Попов Ю. Н. Информационные технологии и управление предприятием: учебник. М.: Компания «Айти», 2011. 328 с.

УДК 338.24

Ребий Елена Юрьевна

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИИ

Реализация инновационной стратегии развития требует разработки системы управленческих процедур. Выбор состава и последовательности управленческих процедур крайне важен для сравнительного анализа и оценки проектов, применяемых в рамках стратегии инновации.

Ключевые слова: стратегия, инновации, промышленные комплексы, управленческие процедуры, технологические платформы.

Reby Elena Yu.

DEVELOPMENT OF STRUCTURAL COMPONENTS IN ADMINISTRATIVE PROCEDURES AND THEIR INTERACTION IN INNOVATION STRATEGY IMPLEMENTATION

The implementation of innovative development strategy takes developing management procedures. The choice of the composition and the sequence of management procedures are of extreme importance for comparative analysis and evaluation of the projects implemented under the strategy of innovation.

Key words: strategy, innovation, industrial complexes, management procedures, technology platforms.

Как концептуальный, так и структурный синтез методологии формирования стратегии инновационного развития промышленных комплексов показали, что это сложный и многоплановый процесс, связанный с поиском форм и методов управления, а также с анализом большого числа разнообразных факторов и вариантов развития предприятия в изменяющейся бизнес-среде.

Реализация принимаемой инновационной стратегии и условий развития требуют научной разработки системы управленческих процедур и их взаимосвязи, которые необходимо использовать в общей управленческой схеме по использованию и реализации стратегии инновации.

Возрастающее влияние науки и технологии на экономический рост, а также системный характер инноваций приводят к увеличению значения управленческих процедур реализации стратегии инновации, что позволяет оценить исследование обозначенной научной тематики как весьма актуальное. Возрастает также необходимость в координации взаимодействия различных типов знаний и генераторов знаний, относящихся как к различным дисциплинам, так и к различным областям фундаментальных и прикладных исследований.

Интегрально научная новизна исследования заключается в придании научно обоснованной методологической определенности управлению территориальным промышленным комплексом применительно к сложившимся управленческим условиям определенного региона.

Целью научного исследования является получение в ходе научной разработки комплекса основных методологических решений в отношении организации и осуществления федерально-регионального экономического управления территориальным промышленным комплексом с учетом конкретики условий Ставропольского края Российской Федерации.

В обеспечение достижения цели исследования в ходе его выполнения был сформулирован комплекс научных и научно-прикладных проблемных задач, среди которых разработка системы управленческих процедур по использованию и реализации стратегии инновации на предприятиях промышленного комплекса.

Для постановки и решения этой задачи необходим адекватный математический инструментарий, позволяющий в комплексе рассматривать количественные взаимосвязи влияния развития научно-технического прогресса и макроэкономических регуляторов на характер организационных и управленческих процессов на предприятии в условиях инновационного развития.

Целенаправленный поиск управленческих процедур по использованию и реализации стратегии инновации и ее элементов в условиях определенных ограничений со стороны основных целей и общей стратегии предприятия, допускающих типовые решения, может основываться на методах подобию. Лучшие из найденных решений рассматриваются как некоторые стандарты (эталон), к которым должны приближаться управленческие решения. Это позволит управлять процессом реализации стратегии инновации и осуществлять контроль их состояния с использованием стандартных стратегических решений.

Выбор структурных составляющих и последовательности управленческих процедур по использованию и реализации стратегии инновации и организации процесса ее оценки необходим для моделей, показателей, критериев, алгоритмов и программ для сравнительного анализа и оценки проектов, применяемых в рамках стратегии инновации.

Цели и стратегии рассматриваются совместно с применяемыми технологиями и подходами к управлению реализацией стратегии инновации, а также направлениями развития возможностей и повышения результативности этой стратегии. Совместно они образуют сбалансированность всех сторон организационно-производственной и управленческой системы по составу элементов. Образуется сложная система по структуре связей между элементами и свойствам системы, направленными на поддержание экономических, информационных, процессных, пространственных и других характеристик. То есть появляется возможность определить набор структурных составляющих системы управленческих процедур и их взаимосвязи, которые полностью определяют объект и субъект оценки и характеризуют его функционирование.

Совокупность этих структурных составляющих, характеризующих уровень организованности функционирования системы в отношении ее структуры, состава и свойств, образуют соответственно вектора состава системы, структуры и свойств.

Все достижимое множество управленческих процедур и их взаимосвязи для оценки и выбора системы управленческих процедур по реализации стратегии инновации формируется в области несвязанных подмножеств устойчивых и неустойчивых областей. Режимы работы внутри этих областей необходимо выбирать исходя:

- 1) из применяемых технологий и подходов к управлению реализацией стратегии инновации;
- 2) направлений развития возможностей и повышения результативности инновационной системы;
- 3) организационно-экономических моделей оценки реализации стратегии инновации в промышленном комплексе.

Описание инновационных процессов системы управления требует формирования не только многоуровневых моделей оценки и управленческих технологий инноваций, но и оценки взаимосвязей в системе по жизненному циклу создания инновационной продукции как совокупности элементов структуры и связей между этими элементами.

В зависимости от иерархического уровня используемого статистического материала анализ инновационных свойств может быть проведен по этапам процесса жизненного цикла инновационной продукции. Вид и назначение анализа определяется способом обоснования количественных значений параметров, образующих векторы целей. При экономически обоснованных значениях параметров векторов целей может быть получен экономически обоснованный уровень инновации. При предельных значениях параметров может быть проведен перспективный анализ.

Процесс формирования структурных составляющих и последовательности управленческих процедур по использованию и реализации стратегии инновации требует более детального подхода.

Применяемые технологии и подходы к управлению реализацией стратегии инновации характеризуются широкими исследованиями в области системного характера инноваций и их результативности [1, 2, 13].

К основным направлениям исследования относятся: конструктивная оценка технологий, управление преобразованиями, оценка с использованием метода Форсайт. Последний метод системно рассматривает инновационные процессы, направленные на решение целого ряда задач по усилению многостороннего сотрудничества и инновационной активности при реализации стратегии инновации.

Разработки в области системного характера инноваций способствуют появлению координационно ориентированного подхода к управлению реализацией стратегии инновации, направленного на вовлечение максимально широкого круга заинтересованных сторон в совместную научно-технологическую деятельность [8].

Координационно ориентированный подход уже успешно практикуется при реализации стратегии инновации, например, в рамках программ «Комплексные проекты» (Integrated Projects), «Сети совершенства» (Networks of Excellence), ERA-NET, Европейских технологических платформ, Технологических инициатив др. Основные рассматриваемые вопросы при этом включают:

- 1) объединение усилий наиболее значимых и заинтересованных сторон (государства, бизнеса, науки);
- 2) обеспечение выработки и реализации долгосрочных (стратегических) приоритетов в масштабах определенных секторов экономики;
- 3) технологическую модернизацию в наиболее перспективных для развития экономики направлениях.

На начальных этапах развития инновационных программ управленческие вопросы были связаны в основном с определением приоритетов при распределении научно-технических ресурсов и с финансированием технологических разработок. Однако на практике возникали сложности как в их реализации, в частности из-за фрагментации инновационной деятельности и рассредоточенности ресурсов, так и в получении стратегической информации, необходимой для принятия решений.

Поэтому в программах настоящего периода стратегический фокус Еврокомиссии был смещен в сторону комплексной инновационной политики, уделяющей значительное внимание вопросам координации.

То есть произошел переход от оптимизационной стратегии инновации, нацеленной на минимизацию негативных последствий при реализации, к координационно ориентированной стратегии, при которой лица, ответственные за принятие решений, обмениваются знаниями с другими заинтересованными сторонами, формируя новые коалиции и институты, в которых распределен «стратегический интеллект» [9, 13].

По итогам реализации различных программ технологических платформ Европейская комиссия разработала лишь общие рекомендации, основанные на общепринятых принципах управления, таких как эффективность, согласованность, подотчетность, вовлеченность и открытость, не оказывая прямого воздействия на совместную работу участников [6].

Таким образом, несмотря на широкое применение координационных механизмов, их методологическая база, позволяющая планировать и осуществлять управленческую деятельность, требует не только адаптировать направления данных исследований в российскую практику, но и рассмотреть дополнительные сферы применения данного методологического подхода.

Структурные составляющие системы управленческих процедур и их взаимосвязи при реализации стратегии инновации на основе координационно ориентированного подхода используют в первую очередь вертикальную координацию многоуровневых инновационных систем и во вторую – горизонтальную координацию структурных направлений инновационной стратегии.

Вертикальная координация многоуровневых инновационных систем связана с иерархией управления микроуровнем (отдельные предприятия, крупные промышленные комплексы), мезоуровнем (отрасли, регион) и макроуровнем (государство) [4, 11, 12, 13]. Именно эта сложность отличает инновационную стратегию от других областей деятельности.

Инновационные стратегии также исторически определялись характером институционально-технологического развития на протяжении длительного времени, которое, в свою очередь, зависело от выбранной однажды траектории развития общества. Поэтому это направление развития устойчиво и его необходимо учитывать.

Горизонтальная координация инновационной стратегии позволяет обеспечить успех инновационных процессов реализации при взаимодействии инновационной и других областей деятельности: конкурентной, региональной, финансовой, трудовой и образовательной [5].

Фактически принятие инновации как основной цели и развитие ее в общей и инновационной стратегии предприятия является основным направлением в стратегиях и других видов деятельности, что способствует более тесной интеграции инновационной деятельности с функциональными подразделениями.

Однако координационно ориентированный подход к реализации инновационной стратегии имеет свои особенности. В нем необходимо учитывать различия, которые вызваны развитием научно-технического прогресса и временем появления конкурентных продуктивно-технологических альтернатив и новых управленческих концепций. В таких условиях горизонтальная координация управленческих процессов при реализации стратегии должна быть направлена на поиск возможностей совместной разработки управленческих решений, учитывающих цели развития тех или иных направлений деятельности.

В методологическом плане эта деятельность требует тщательно организованного многостороннего решения, над которым не должны доминировать краткосрочные стратегические программы, направленные на получение прибыли и не способствующие повышению уровня развития.

Эффективные усилия по координации должны быть осуществлены в рамках схем многостороннего управления, характеризующихся прозрачными связями и подотчетностью субъектов, которая достигается при помощи обмена знаниями и реализации новых совместных проектов [6].

Сценарий реализации инновационной стратегии на примере технологических платформ в первую очередь направлен:

- 1) на достижение социально-экономической сплоченности в регионах с точки зрения такого аспекта, как равные условия труда;
- 2) принятие концепции, в которой реализуются совместные инициативы с различным числом участников – государств или секторов.

В этих условиях технологические платформы и технологические инициативы оказываются полезными при условии участия производственных компаний, научно-исследовательских организаций, субъектов финансирования и регулирующих органов в формировании исследовательских программ и связанных с ними правовых и нормативных условий [7, 10].

Для присоединения участников должна обеспечиваться информационная прозрачность: каждая технологическая платформа должна быть открыта для всех заинтересованных организаций, и никакая узкая группа лиц или организаций не должна доминировать и лоббировать свои интересы в рамках технологической платформы.

Там, где платформы являются вертикально ориентированными, секторальными (космическая, авиационная, ядерная и др.), они стремятся к меньшему числу участников, привлекая других игроков только к отдельным аспектам развития платформы. Если платформы ориентированы на технологические вызовы, которые «горизонтальны» по своей природе (например, здравоохранение или охрана окружающей среды), они обычно требуют включения широкого круга участников.

Если возрастает количество участников и усложняются вертикальные и горизонтальные связи, то требуется согласованность действий. Подобная множественность взаимосвязей используется при реализации стратегии инновации на локальном, региональном и национальном уровнях. Преимущества управленческой модели формируются с учетом таких факторов, как масштабируемость, модульность, итеративная декомпозиция (реконструкция), надежность [1].

Использование координационно ориентированного подхода к управленческим процедурам при реализации стратегии инновации и таких инструментов координации процесса, как масштабируемость, модульность, надежность, а также вертикальной и горизонтальной координации многоуровневых инновационных систем, позволяют использовать процессы создания технологических платформ при реализации стратегии инновации.

Прикладной характер инноваций предполагает вопрос о наиболее оптимальных условиях и способах продвижения рассматриваемых инновационных идей.

Тесная взаимосвязь между многоуровневыми моделями управленческих технологий по управлению реализацией стратегии инновации и направлениями развития возможностей и повышения результативности инновационной системы внедрения инноваций обеспечивается организационно-экономическими моделями оценки реализации стратегии инновации в промышленном комплексе.

Организационно экономические модели оценки реализации стратегии инновации могут быть представлены совокупностью динамически изменяющихся организационно-экономических моделей оценки, включающих систему критериев оценки конкурентоспособности стратегии развития, систему критериев оценки инновационных проектов, систему критериев оценки рисков и эффективности инновационных проектов.

Для получения более полного набора параметров оценки реализации стратегии инновационного развития необходимо ввести также и дополнительные характеристики, отражающие специфику дальнейшего развития инновационных процессов системы: организационной структуры, бизнес-процессов по этапам жизненного цикла инновационной продукции, а также стиль руководства промышленного комплекса и его предприятий, умение персонала, уровень корпоративной культуры, уровень применения информационных технологий, др.

Система обобщенных организационно-экономических показателей применяется при выборе общих управленческих решений, альтернативных вариантов инновационных проектов в целом по предприятию. Эти показатели оценивают выполнение целевой задачи проекта.

Практика подбора критериев оценки инновационных проектов показывает, что критерии обычно подбираются универсальными при оценке разнородных идей и достаточно объемными для учета вышеперечисленных особенностей оценки инновационных проектов.

В качестве обобщенных показателей организационно-экономической оценки инновационных идей (проектов) на ранних этапах жизненного цикла создания инновационной продукции в исследовании приняты:

- 1) новизна идеи (насколько нова идея и отличие идеи от существующих разработок предприятия);
- 2) реализуемость (насколько осуществима идея для предприятия);
- 3) актуальность для общества (потребителей, промышленности);
- 4) социальная значимость (каков масштаб потенциальных эффектов инновации).

Система единичных показателей направлена на оценку инновационной стратегии при ее реализации на основе обобщенных показателей и отражают особенности каждого из этапов жизненного цикла создания инновационной продукции.

При этом выбор и количество показателей определяются уровнем оценки инновационной системы на различных этапах жизненного цикла создания инновационной продукции.

Иерархическая структура процесса формирования показателей организационно-экономической оценки позволит:

- по исходным параметрам оценки идей (проектов) создания инновационной продукции и условиям рынка определить величины показателей организационно-экономических моделей, направленных на удовлетворение запросов заказчиков (потребителей);
- с учетом обеспечения показателей выбранных управленческих технологий сформировать единичные показатели организационно-экономических моделей инновации системы для каждого этапа жизненного цикла создания инновационной продукции;
- объединить локальные показатели по этапам жизненного цикла создания продукции и перейти к обобщенным показателям организационно-экономической оценки.

Из всего вышесказанного следует, что многоуровневые модели инновационной системы не только включают в себя предложенные в исследовании модели различного уровня, но и взаимодействие между ними, а также возможность расширения за счет вхождения новых появляющихся моделей оценки инновационных проектов.

Процесс оценки и отбора проектов – ключевой элемент стратегической деятельности. Он остается ключевым и при инновационной деятельности, но соответственно требует корректировки в процессе этапов принятия решения по проблеме.

Для количественной и качественной оценки управленческих процедур по использованию и реализации стратегии инновации к воздействию факторов внешней и внутренней среды в исследовании предложен подход по формализации процедуры выбора и использования системы многоуровневых моделей.

Этот подход по моделированию процесса управленческих процедур реализации стратегии инновации опирается на эволюционную концепцию, которая предполагает появление новых технологий в ходе нишевых экспериментов на микроуровне с последующим отбором и закреплением на мезо- и макроуровнях.

Эффективное управление инновациями стремится обеспечить хотя бы некоторую базовую вертикальную и горизонтальную координацию между основными субъектами инновационной деятельности. И реализация инноваций представляет собой многоуровневую управленческую деятельность, при которой основное внимание уделяется вопросам о том, каким образом происходит развитие различных функций инновационных систем и обеспечиваются связи между ними и приводит ли взаимодействие между ними к генерированию существенных инновационных продуктов.

Литература

1. Бруммер В., Коннола Т., Сало А. Многообразие в Форсайт-исследованиях: практика отбора инновационных идей // Форсайт. Т. 4. 2010. № 4. С. 56–68.
2. Бруммер В., Коннола Т., Сало А. Разработка национальных приоритетов для технологической платформы лесного сектора // Форсайт. Т. 4. 2010. № 2. С. 44–56.
3. Chataway J., Webster A., Wield D. Introduction: technologies in transition // Technovation. Vol. 19. 1999. № 6–7. P. 339–344.
4. Edquist C. Systems Innovation: Technologies, Institutions and Organisations. London, 1997
5. European Commission Innovation Policy: Updating the Union's Approach in the Context of the Lisbon Strategy. Brussels: European Commission, 2003.
6. European Commission Report on European Technology Platforms and Joint Technology Initiatives: Fostering Public-Private R&D Partnerships to Boost Europe's Industrial Competitiveness. Brussels: European Commission, 2005.
7. European Commission Stimulating Technologies for Sustainable Development: An Environmental Technologies Action Plan for the European Union. Brussels: European Commission, 2004

8. Konnola T., Unruh G. C., Carrillo-Hermosilla J. Prospective voluntary agreements for escaping technoinstitutional lockin // *Ecological Economics*. Vol. 57. 2006. № 2. P. 239–252.
9. Kuhlmann S. The rise of systemic instruments in innovation policy // *International Journal on Foresight and Innovation Policy*. V. 1. 2004. № 1–2. P. 4–32.
10. Kuhlmann S., Edler J. Scenarios of technology and innovation policies in Europe: investigating future governance // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 70. 2003.
11. Lundvall B.-A. *National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*. London, 1992.
12. Prange H. Technology and Innovation Policies in the European System of Multi-Level Governance // *Techikfolgenabschätzung-Theorie und Praxis*. V. 12. 2003. № 2. P. 178–187.
13. Smith K. Innovation as a Systemic Phenomenon: Rethinking the Role of Policy // *Enterprise and Innovation Management Studies*. V. 1. 2000. № 9. P. 73–102.
14. Smits R., Kuhlmann S. The Rise of Systemic Instruments in Innovation Policy // *International Journal of Foresight and Innovation Policy*. V. 1. 2004. № 1. P. 4–32.

УДК 330.552:338.46

Татуев Арсен Азидович

ЕГЭ КАК ТРЕБОВАНИЕ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье проблемы низкого качества знаний, отраженные в результатах последнего ЕГЭ, рассматриваются в контексте перехода национальной экономики на инновационные основы развития. Предлагается принцип непрерывного индивидуализированного образования интегрировать с финансовыми возможностями государства и населения посредством использования механизма универсальной электронной карты.

Ключевые слова: экономика знаний, единый государственный экзамен, реформа высшего образования, образовательные услуги, универсальная электронная карта.

Tatuev Arsen Azidovich

SINGLE STATE EXAMINATION AS A DEMAND WITHIN NEW ECONOMIC RELATIONSHIPS

The article offers a view on the issue of poor knowledge reflected in the latest SSE, which is seen in the context of the national economy's transition to innovation-based development. There is an idea of integrating the continuous-individualized education with the financial resources through employing the mechanism of the universal e-card.

Key words: knowledge-based economy, single state examination, reformation of higher education, educational services, universal e-card.

Единый государственный экзамен продолжает оставаться одной из самых болезненных проблем в контексте реформ российского образования. Последнее снижение порогового минимума ЕГЭ по русскому языку на двенадцать баллов вызвало как волну критики, так и поддержку со стороны общественности [2].

Однако следует внимательно отнестись к полученным результатам не столько с позиций состояния современного российского образования, сколько с позиций перспектив развития самого общества. Именно последнего, на наш взгляд, особенно не хватает.

Если обратиться к аргументам критики, то наиболее активными являются указания на то, что ныне существующая система контроля знаний уничтожает его содержание и саму среднюю школу, выпускники которой устремлены не столько к получению знаний, сколько к умению выполнять те-

сты. Многие вузы не могут набрать талантливых студентов, и ширится список тех образовательных учреждений, которые вводят дополнительные вступительные испытания.

Сторонники реформ, в частности ЕГЭ, указывают на реальную возможность поступления в столичные вузы для детей из отдаленных регионов.

Но стоит задуматься над тем, какое отношение те и другие факты имеют к будущему социально-экономическому развитию. У нас развитие образования направлено на улучшение качества отбора будущих студентов, или образование должно выполнять важные социально-экономические функции? Тогда при чем здесь вообще вопрос отбора.

Прежде всего необходимо отметить, что в условиях трансформации современного общества в общество знаний система образования становится узловым организационно-экономическим инструментом формирования нового качества человеческого капитала. При этом сами образовательные услуги превратились в объект для формирования новых экономических и финансовых отношений, которые станут основой всей социально-экономической системы.

В таком контексте все используемые инструменты реформирования образования должны не быть ориентированными на усовершенствование и развитие существующих экономических отношений, а быть адаптированными к отношениям экономики знаний.

В то же время основные цели развития системы образования, определенные на ближайшие годы, не содержат главного – постановки вопроса о становлении новой системы финансирования образования, объективно назревшей и необходимой для перехода к обществу знаний.

Увеличение доли наукоемкого производства, свойственное экономике знаний, обуславливает повышенный спрос на высококвалифицированный труд. В рыночной экономике более образованные люди имеют возможность получать более высокое вознаграждение за труд. При этом человеческий капитал, накопленный в результате обучения в вузе, выражается не только в экономической выгоде, но и в повышении качества жизни.

Таким образом, ключевым приоритетом государственной политики в сфере образования выступает повышение качества и уровня образования для всех слоев населения независимо от происхождения, доходов и места жительства граждан. В последние годы общая численность обучающихся в образовательных учреждениях всех уровней составляла в среднем около 29 млн человек в год, т. е. более 20 % населения Российской Федерации. Общая численность обучающихся в учреждениях дошкольного и общего образования составляет около 19 млн человек, численность студентов учреждений профессионального образования – около 10 млн человек [4].

Свыше 70 % всего объема финансирования из федерального бюджета направляется в сферу высшего образования. При этом все выделяемые средства нацелены на обеспечение повышения качества образования, подготовку специалистов и кадров, компетенция которых будет полностью отвечать требованиям современного рынка труда.

Высшее образование обуславливает непосредственное повышение экономической и общественной эффективности индивидуума. Образование, таким образом, выступает инвестиционной отраслью и источником роста человеческого капитала, недостижимым в других сферах деятельности. Целью современной системы образования выступает развитие общекультурного уровня, получение фундаментальных знаний, развитие умения учиться и личностных компетенций, на основе которых формируются практические навыки.

Функционирование современной системы образования направлено на повышение общекультурного уровня человека, получение им фундаментальных знаний, а также на формирование практических навыков. На сегодняшний день работодатели предъявляют достаточно высокие требования к уровню подготовки специалистов, в том числе и к обладанию широким спектром как профессиональных, так и личностных компетенций. В основе формирования высокообразованного индивида лежат следующие компетенции:

- социальные, заключающиеся в умении индивида принимать ответственные решения, работать в группе, разрешать конфликтные ситуации;
- межкультурные, выражающиеся в уважении других людей, а также в способности эффективно взаимодействовать с представителями других культур, языков и религий;
- коммуникативные, заключающиеся в грамотном владении речью и более, чем одним языком;
- информационные, выражающиеся в умении применять информационно-коммуникационные технологии;
- способность к непрерывному образованию.

Перечисленные компетенции служат инструментами накопления и развития человеческого капитала.

Инвестиции в человеческий капитал тесно связаны с проблемами функционирования рынка образовательных услуг, играющими основную роль в процессе формирования квалифицированной рабочей силы, и отражают инвестиционный характер затрат на образование со стороны обучающихся. В России на протяжении долгого периода образование было бесплатным. Сегодня возможность учиться на платной основе предоставляют как коммерческие, так и государственные вузы. Вкладывая деньги в образование, индивид тем самым принимает активное участие в накоплении своего человеческого капитала.

Кроме того, за последнее десятилетие наблюдается значительный рост численности студентов, обучающихся в университетах, институтах, академиях России. При этом стоит добавить, что согласно ежегодному обзору основных показателей ОЭСР в сфере образования, Канада, Корея и Российская Федерация лидируют среди стран-членов ОЭСР и стран «Группы двадцати» по доле молодых людей (25–34 года), имеющих высшее образование [1].

Способствуя наращиванию человеческого капитала, развитый рынок образовательных услуг оказывает заметное влияние на рынок труда. Ключевой проблемой современного высшего образования является несоответствие программ обучения потребностям бизнеса. Часто предприятию оказывается необходимым дополнительное обучение работников не только в узкопрофессиональной сфере, но и в рамках базового образования, а также для получения необходимых квалификаций. Так, задачей образовательных учреждений является прогнозирование тенденций развития рынка труда и адаптация образовательных программ в соответствии с ними.

Большое влияние на развитие инновационной деятельности в системе высшего образования оказала реализация инновационных программ в рамках приоритетного национального проекта «Образование». Так, значительное число вузов за счет бюджетных средств смогло существенно усилить инновационный компонент, заключающийся в разработке и коммерциализации научно-технологических достижений [4].

С реализацией проекта вузы-победители получили возможность использовать дополнительное финансирование и привлеченные средства в зависимости от уже имеющегося потенциала, а также профиля деятельности. Технические и классические университеты направили основной объем средств на обновление приборной базы науки и образования, вузы гуманитарно-социального профиля – на разработку новых методик обучения и подготовку кадров, в том числе для инновационного предпринимательства.

Реализация инновационных образовательных программ позволила усилить важнейшие элементы инновационной инфраструктуры вузов, как студенческие бизнес-инкубаторы, центры передачи технологий, учебно-научно-инновационные комплексы. Специфика последних заключается в кооперации научных, учебных и производственных мощностей, что в дальнейшем способствует новому качеству образования, развитию научных исследований и коммерциализации результатов научно-технической деятельности.

В информационном обществе наука становится своеобразным генератором человеческого капитала. Научно-техническая составляющая человеческого капитала становится, таким образом, одним из основных национальных приоритетов. Развитие человеческого капитала, проведение тех-

нологической модернизации производства, переход на инновационный тип развития экономики выступают основой будущего экономического роста и реальной альтернативой сырьевой специализации страны.

Модернизационный потенциал страны непосредственно зависит от последовательно проводимого перехода к инновационному экономическому развитию. Важными факторами перехода являются формирование, развитие и накопление человеческого капитала. Взаимодействие процессов развития можно быть представлено в виде спирали (образование – человеческий капитал – инновационная экономика – образование). Образование обеспечивает накопление человеческого капитала, высокий уровень человеческого капитала обуславливает успешное протекание инновационных процессов в экономике, что в свою очередь определяет внедрение в образовательный процесс новых технологий и способствует развитию человеческого капитала и т. д. В данной спирали отражается поступательное движение инновационной экономики знаний.

Наука и высшее образование должны соответствовать потребностям современного общества и перспективным тенденциям его развития. В настоящее время адаптационные возможности системы образования отстают от темпов преобразований экономики, прежде всего в динамике конъюнктуры спроса на тех или иных специалистов. Знания, приобретаемые в образовательных учреждениях, не соответствуют знаниям, требуемым от специалистов на рынке труда. Преодолеть данный разрыв можно различными способами: стажировкой, повышением квалификации, получением дополнительного образования, переподготовкой, самообразованием и т.д. В нынешних условиях все вышеуказанные способы должны реализовываться постоянно, то есть в режиме непрерывного образования. Однако все они требуют значительных затрат, в том числе финансовых.

В настоящее время можно говорить о том, что в России воспроизводство человеческого потенциала научно-технической и образовательной сферы крайне неэффективно, в том числе из-за недостаточного количества молодых кадров. Во многом это определяется материальными причинами – низким уровнем зарплаты, невозможностью решения жилищных проблем, устаревшими рабочими местами и оборудованием. Кроме того, многие исследователи отмечают изменение культурного статуса науки в России – из высшей ценности наука преобразуется в весьма заурядное в ценностном отношении социальное и культурное явление.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года определены основные направления перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития страны. В Концепции 2020 отмечается, что для перехода экономики России на инновационный тип развития требуется формирование конкурентоспособной в глобальном масштабе национальной инновационной системы и комплекса институтов правового, финансового, социального характера, обеспечивающих взаимодействие образовательных, научных, предпринимательских и некоммерческих организаций и структур во всех сферах экономики и общественной жизни. Формирование национальной инновационной системы, обеспечивающей эффективную интеграцию высшего образования и науки, может обеспечить переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста.

Согласно Концепции, особенностью перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития выступает необходимость одновременного решения задач и догоняющего, и опережающего развития. Условия глобальной конкуренции и открытой экономики делают невозможным достижение уровня развитых стран по показателям благосостояния и эффективности без обеспечения опережающего развития тех секторов российской экономики, которые определяют ее специализацию в мировой системе хозяйствования и позволяют наиболее эффективно реализовать национальные конкурентные преимущества.

Одной из проблем сложившейся модели экономического роста является увеличение доходов населения, опережающее темпы роста валового внутреннего продукта, что в свою очередь сопровождается усилением экономической дифференциации.

В связи с этим переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста должен базироваться на формировании нового механизма социального развития, основанного на сбалансированности предпринимательской свободы, социальной справедливости и национальной конкурентоспособности. Относительно развития человеческого потенциала России, Концепция определяет необходимость перехода от системы массового образования, характерной для индустриальной экономики, к необходимому для создания инновационной социально ориентированной экономики непрерывному индивидуализированному образованию для всех, развитие образования, неразрывно связанного с мировой фундаментальной наукой, ориентированного на формирование творческой социально ответственной личности;

Однако развитие инновационной деятельности в системе высшего образования сдерживается совокупностью внутренних и внешних факторов [2]. К внутренним факторам относятся:

- низкая инновационная активность преподавателей, а также нехватка специалистов в сфере инновационного менеджмента;
- устаревшая материально-техническая база вузов, опытных и экспериментальных производств и, как следствие, отсутствие полного цикла создания инновационной продукции;
- низкий уровень развития инфраструктуры вузов;
- слабое сотрудничество между университетами, а также между университетами и промышленной, экономической и социальной сферами регионов.

К внешним факторам низкой инновационной деятельности в сфере образования можно отнести:

- отсутствие механизмов активной государственной поддержки малых инновационных предприятий при вузах;
- неэффективность государственной поддержки объектов инновационной инфраструктуры.

Здесь мы выходим на самый сложный вопрос – на что и как ориентировать систему управления высшим образованием. Прежде всего необходимо устранить сформировавшееся противоречие, когда, с одной стороны, высшее образование стало ключевым фактором развития человеческого капитала, а с другой, система управления его развитием все более ориентируется на перераспределительные отношения. Это и показали результаты последнего ЕГЭ.

На наш взгляд, приоритеты управления высшим образованием следует сконцентрировать на выстраивании новой системы экономических и преимущественно рыночных отношений, охватывающих как индивидуальный, так корпоративный и общенациональный уровни. Объектом этих отношений должно стать формирование интегрированных и адресно используемых инвестиций в человеческий капитал в форме специфического финансирования развития системы высшего образования. При этом критерии эффективности данного вида инвестиций целесообразно формировать с учетом непосредственных интересов населения, как основного потребителя услуг высшей школы.

В то же время в данных мероприятиях не предусматривается непосредственная материальная заинтересованность самих студентов и институциональных структур на всех уровнях.

Технологическая возможность реализации непосредственной приоритетности мотивационных факторов открывается на современном этапе проведения административной реформы, в ходе которой был принят Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», предусматривающий выпуск универсальных электронных карт граждан.

Такая карта будет представлять собой материальный носитель, содержащий введенную в него цифровую информацию о пользователе и о его правах на получение государственных и муниципальных услуг. Соответственно, пользователями универсальной электронной карты могут быть граждане РФ, а также иностранные граждане и лица без гражданства в тех случаях, когда это предусмотрено федеральными законами.

Универсальная электронная карта станет содержательным документом, удостоверяющим личность гражданина, права застрахованного лица в системах обязательного страхования, иные права граждан на получение государственных и муниципальных услуг, в том числе в сфере образования. Таким образом, пользователи универсальных электронных карт становятся непосредственными участниками бюджетно-распорядительных отношений. В этом случае важно разработать принципы, позволяющие с помощью универсальных электронных карт организовывать распоряжение средствами бюджетов и внебюджетных фондов на различных административных уровнях и направлять их на оплату образовательных услуг, в том числе с добавлением собственных средств граждан и корпораций.

На этой основе сформируется новая структура экономических отношений, связанных с предоставлением образовательных услуг. Эти новые отношения позволят существенно увеличить доходы высшей школы и сформировать равные условия доступа к качественному высшему образованию представителей всех слоев населения. В данном контексте дополнительно развиваются мотивы роста персональных затрат на получение знаний, определяющих основную специфику соответствующих систем управления и траекторию развития управления высшей школой.

Литература

1. Взгляд на образование: индикаторы ОЭСР 2012. URL: <http://www.hse.ru/org/hse/iori/oecdedu2012>
2. ЕГЭ-гейт: проваленный экзамен российского образования. - <http://top.rbc.ru/story/859886.shtml>.
3. Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации, доклад ОЭСР, Москва, 2009. URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/6333/09.11.11-bd-rus.pdf>
4. Сапранков Д. А. Некоторые подходы к разграничению высшего профессионального образования и повышению его доступности и качества. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/4174.pdf>
5. Татуев А. А. Трансформация приоритетов модернизации высшей школы при переходе к обществу знаний // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 8 (263). С. 27–34.

УДК 336.3

Устаев Рустам Мерзеферович, Белоусов Иван Николаевич

МОДЕЛЬ ЛИЗИНГА ПРИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся преимуществ и недостатков модели лизинга при государственно-частном партнерстве. Предложены меры по устранению существующих недостатков модели лизинга при государственно-частном партнерстве в Российской Федерации.

Ключевые слова: лизинг, государственно-частное партнерство, преимущество лизинга, недостатки лизинга

Ustaev Rustam M., Belousov Ivan N.

LEASING MODEL UNDER PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

The item offers a view on the issues related to the advantages and disadvantages of the leasing model in case of public-private partnership. There is a view on the measures aiming at eliminating the existing shortcomings in the leasing model in public-private partnership in Russia.

Key words: leasing, public-private partnership, advantages of leasing, disadvantages of leasing.

Сегодня в экономике ряда зарубежных стран в качестве реальной альтернативы приватизации объектов широкое значение приобретает концепция государственно-частного партнерства (ГЧП). Данное взаимодействие государства и бизнес-сообщества представляет собой характерную черту со-

временной смешанной экономики. Государственно-частное партнерство реализуется посредством различных моделей и может приобретать различные формы. Главной же задачей является выбор наиболее оптимальной формы, при которой ГЧП будет наиболее рациональным и эффективным. Лизинг как одна из форм ГЧП обладает набором преимуществ в сравнении с обычной ссудой и представляет собой одну из наиболее приемлемых форм ГЧП для реализации в современных условиях отечественной экономики [3, с. 251].

Лизинг представляет собой совокупность экономических и правовых отношений, исходя из которых лизингодатель берет на себя ответственность по приобретению в собственность указанное лизингополучателем имущество у определенного им продавца и предоставить лизингополучателю данное имущество за плату во временное владение и пользование с правом последующего выкупа [4].

Классическая схема модели лизинга представлена на рисунке.

Рис. Классическая схема модели лизинга [3, с. 253].

Создание государственно-частного партнерства с использованием модели лизинга является сегодня весьма перспективным при существующем недостатке прямого бюджетного финансирования на исполнение программ государственного развития. Суть данного взаимодействия государства и частного сектора состоит в том, что, с одной стороны, государство заинтересовано в укреплении собственного бюджета и в увеличении налоговых поступлений, с другой стороны, бизнес более чем заинтересован в создании благоприятных условий собственного роста, в увеличении прибыли и в обретении стабильности.

Таким образом, модель лизинга государственно-частного партнерства играет весьма важную роль. Как известно, главной целью лизинговых компаний является развитие собственного бизнеса. Однако в данное понятие входит не только получение прибыли, но и стабильность экономической деятельности, диверсификация производства, способность развития в конкурентной среде и многое другое. Именно поэтому создание сглаженной системы государственно-частного партнерства на основе такого финансового стимула развития малых и средних фирм как лизинг просто необходимо.

Основные преимущества использования модели лизинга при государственно-частном партнерстве

1. Лизинг включает полное кредитование и не требует немедленного начала платежей. Арендные платежи обычно начинаются после поставки имущества арендатору либо позже.
2. Простота в получении контракта (минимальные гарантии, поскольку обеспечением сделки является само имущество). При невыполнении обязательств арендатором лизинговая компания сразу же вправе забрать принадлежащее ей имущество.

3. Гибкость в применении. По договоренности сторон лизинговые платежи могут быть ежемесячными, ежеквартальными и т. д., также, что весьма удобно, суммы платежей могут быть различными. Ставка может быть фиксированной и плавающей.
4. Возможность применения участниками лизинговой операции механизма ускоренного начисления амортизации имущества, что способствует экономии на отчислениях предприятия при уплате налога на имущество.
5. Плата за пользование имуществом причисляется к издержкам производства, что снижает налогооблагаемую прибыль лизингополучателя.
6. Риск устаревания имущества полностью ложится на арендодателя.
7. Простота в учете арендуемого имущества.
8. Платежи по лизингу не подлежат налогообложению, поскольку являются арендной платой.
9. Сумма платежей по лизингу является фиксированной [1; 2].

По своей специфике данные преимущества можно разбить на несколько групп:

- а) финансовые преимущества;
- б) инвестиционные преимущества;
- в) сервисные преимущества;
- г) практические предпринимательские преимущества.

Финансовые преимущества, связанные с лизингом при государственно-частном партнерстве, характеризуются одновременным решением вопросов приобретения необходимого имущества и его финансирования.

Инвестиционные преимущества характеризуются тем, что имущество получить в лизинг проще, нежели ссуду на его покупку, поскольку предмет лизинга может быть использован в качестве залога.

Сервисные преимущества характеризуются тем, что лизингополучатель может воспользоваться услугами по страхованию, транспортировке, монтажу, сервисному обслуживанию оборудования.

Практические предпринимательские преимущества состоят в том, что лизинговые платежи относятся к издержкам лизингополучателя, что снижает налогооблагаемую прибыль, и, как следствие, увеличивается доход лизингополучателя [3, с. 252].

Но, несмотря на существующие очевидные преимущества в использовании модели лизинга государственно-частного партнерства стоит отметить, что в целом положительная динамика развития рынка лизинга в Российской Федерации, к сожалению, не носит устойчивого характера. Тем самым достоинства в применении лизинга как современной процедуры рассмотрения проекта модели и принятия соответствующего решения по нему, а также проведения в сжатые сроки анализа бизнес-клиента и осуществление быстрого заключения сделки в современных российских реалиях становится недостатком. Потому что данная процедура эффективна там, где лизинговый рынок находится на подъеме, и соответственно востребованными становятся оперативность оценки проекта и стандартность процедур, а скорость обслуживания участников лизингового договора играет одну из главных ролей [5].

Таким образом, лизинг как форма государственно-частного партнерства пока еще не стал идеальным эффективным механизмом, с помощью которого в первую очередь государство могло бы рассчитывать на улучшение показателей развития ряда отраслей экономики страны.

На современном этапе развитию модели лизинга в нашей стране препятствует ряд серьезных факторов:

- 1) не создан пока еще благоприятный климат для долгосрочных инвестиций;
- 2) неразвитость инфраструктуры лизингового рынка;
- 3) недостаток квалифицированных кадров для лизинговых компаний.

И здесь политика федеральных и региональных органов власти должна быть направлена на устранение существующих барьеров по развитию модели лизинга при государственно-частном партнерстве и созданию условий для адаптации данной модели на территории Российской Федерации.

Так, для устранения первого барьера необходимо принятие налогового законодательства, предоставляющего льготы банкам, покрывающие риски, связанные с долгосрочным кредитованием.

Для устранения второго барьера необходимо создание современной инфраструктуры, способствующей развитию лизинга в России и включающей более широкую сеть лизинговых компаний, специализированных консалтинговых фирм и соответствующую систему обеспечения информацией о предложениях лизинговых услуг.

По решению проблемы, связанной с устранением третьего барьера, препятствующей развитию лизинговых отношений, образовательным учреждениям, находящимся на территории Российской Федерации, совместно с частным сектором экономики необходимо акцентировать внимание на развитии подготовки высококвалифицированных кадров для лизинговых компаний, так необходимых в современных условиях.

Таким образом, опыт государственно-частного партнерства, успешно применяемый в мировой практике, необходимо адаптировать с учетом особенностей российской экономики и использовать как универсальный инструмент реализации общественно значимых региональных задач. В современных условиях формирование эффективного механизма государственно-частного партнерства с использованием лизинга как инвестиционного инструмента позволит наладить взаимоотношения органов государственной и муниципальной власти с бизнесом на долгосрочную перспективу.

Литература

1. Васильев Н. М., Катырин С. Н., Лепе Л. Н. Лизинг: организация, нормативно-правовая основа, развитие. М., 2007
2. Газман В. Д. Лизинг: теория, практика, комментарии. М., 2006
3. Завьялова Е. Б., Линева И. В. Лизинг как форма государственно-частного партнерства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 251–256.
4. Корпоративный менеджмент [Электронный ресурс]. URL: www.cfin.ru
5. Новикова И. А. Лизинговые операции: учеб. пособие. Новосибирск, 2008.
6. Федорова Т. М. Методы и инструменты управления лизингом как формой инвестирования предприятий: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Ростов-н/Д, 2004. С. 186.

УДК 330.34.01, 330.342

Ушвицкий Лев Исакович, Тер-Григорьянц Анна Александровна

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ И САМОРАЗВИТИЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В статье с позиции системного подхода и концепции самоорганизации изложены научные представления по формированию механизма управления инновационным развитием социально-экономических систем различного уровня в условиях нестабильной рыночной среды.

Ключевые слова: социально-экономическая система, инновационное развитие, динамика, само-развитие, самоорганизация, адаптация, изменения, управление, управленческий цикл.

Ushvitskiy Lev Isakovitch, Ter-Grigor'yants Anna Alexandrovna
**SCIENTIFIC APPROACHES TO MANAGEMENT OF INNOVATION-BASED
DEVELOPMENT AND SELF-DEVELOPMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS**

The author employs the systemic approach and the self-organization concept to explain the scientific ideas on developing the mechanism for managing innovation-based progress in socio-economic systems of various levels under unstable market conditions.

Key words: socio-economic system, innovation-based development, dynamics, self-development, self-organization, adjustment, change, management, management cycle.

Состояние современного мирового хозяйства, интенсивность конкуренции на рынке и происходящие политические события предопределяют серьезную потребность перехода к постиндустриальной модели развития, гуманизации общественных отношений и формирования экономики знаний.

При этом конкурентоспособность государства во многом определяется эффективностью функционирования национальной инновационной сферы, зависящей в свою очередь от обоснованности долгосрочных целей развития разноуровневых организованных систем и оптимальности созданных на этой основе программ их реализации на долгосрочную перспективу в нестабильной рыночной среде. В стране назрела острая потребность совершенствования научных концепций разработки и осуществления стратегии инновационного развития национального хозяйства на долгосрочный период, что предполагает трансформацию существующих теоретических, методологических и методических подходов к обеспечению качественно нового уровня экономического роста путем эффективного использования внутреннего потенциала социально-экономических систем, их адаптации к воздействию внешних факторов и целенаправленных управленческих решений, адекватных посткризисной ситуации и способствующих обеспечению динамики общественного воспроизводства в ситуации риска и неопределенности.

Проблемы развития социально-экономических систем различного уровня на основе смены технологических укладов, цикличности, структурных сдвигов, особой роли государства изучались в работах В. Антонюк, М. Басса, Н. Винера, С. Глазьева, Дж. Гига, Ю. Гусарова, Л. Канторовича, Н. Кондратьева, Э. Лоренца, В. Леонтьева, В. Маевского, Н. Моисеева, В. Немчинова, Р. Нижегородцева, И. Пригожина, Ф. Хайека, П. Цвитановича, Й. Шумпетера, С. Янга и др. Определяющее значение инноваций в общественном воспроизводстве и экономическом развитии доказано в трудах И. Ансоффа, Ф. Броделя, П. Витфлда, П. Друкера, Дж. Кларка, Г. Менша, Э. Мэнсфилда, Й. Пиннингса, Ж. Сапира, Л. Туроу, Ф. Хайека, Й. Шумпетера и др.

В настоящее время отечественными и зарубежными учеными и практиками внесен существенный вклад в разработку теоретических основ и прикладных рекомендаций по формированию механизма управления инновационным развитием экономики. При этом в условиях формирования

постиндустриального общества важно расширить формат видения этой проблемы с точки зрения стратегического подхода к рассмотрению не только хозяйственных, но и научных, социальных, институциональных, технико-технологических аспектов экономического роста.

Учитывая преемственность концепций экономического развития и циклов, необходимо отметить наметившиеся тенденции усложнения современных теорий хозяйственного роста исходя из нелинейности и цикличности инновационного развития, которое, в свою очередь предполагает качественную модификацию компонентов, связей, отношений и механизмов функционирования организованных систем различного уровня. Возникновение новых качеств социально-экономической системы фактически означает ее переход из одного состояния в другое, сопровождающийся изменением состава или структуры.

Опираясь на представления о статике и динамике, сформулированные Н. Кондратьевым [2], отметим, что статика позволяет исследовать сложившуюся структуру социально-экономической системы, ее элементы, их связи и пропорции. Динамика предусматривает и учет закономерностей качественных и количественных изменений системы, принимая во внимание как необратимые явления социально-экономической жизни (эволюционные), так и обратимые (циклические). Вместе с тем, динамика в ходе равновесного движения системы предусматривает статические ее состояния, используемые для получения полноценных результатов, адекватных экономической реальности.

Нелинейность необходимо рассматривать и с позиции теории диссипативных структур как постоянные флуктуации, которые постоянно отклоняют систему от равновесия. Применительно же к динамике социально-экономических систем нелинейность оборачивается повышенной их реакцией на воздействие одних факторов и совершенным безразличием к другим, что обуславливает колебания, сочетающие эффекты синергии в результате совместного, комбинированного и согласованного их функционирования.

Рассмотренные подходы позволяют трактовать инновационное развитие исходя из концепции динамики с учетом циклического и волнового ее характера, определяющего системообразующие составляющие этого понятия (рис. 1).

Следует отметить, что такое свойство системы как изменчивость, на эволюционной стадии, обуславливает модификацию ее поведения, а на бифуркационной – структуры, что проявляется в реальном времени и определяет возможные траектории динамики. Если в период скачка появляются дополнительные элементы в системе и происходит замена старой ее структуры на новую, то в фазе адаптации наблюдаются изменения в функционировании как в целом системы, так и ее отдельных элементов. Отбор составляющих системы, подлежащих изменениям, осуществляется от верхнего до низового ее уровня в точке бифуркации в условиях конкуренции с учетом ограниченных производственных ресурсов, что приводит к нелинейным процессам и позволяет любую систему, являющуюся источником инноваций, рассматривать с позиций системного подхода и концепции самоорганизации.

При этом взаимодействие отдельных элементов системы усиливает или ослабляет индивидуальные возможности результативности функционирования каждого из них. Если структурные компоненты не соответствуют друг другу, то возникает отрицательный эффект, если адекватны – положительный. Например, внедрение новейших технологий обуславливает положительный эффект, а если новое оборудование эксплуатируется неквалифицированными рабочими, то возникает отрицательный синергетический эффект.

Рассматривая инновационное развитие как необратимый закономерный процесс, направленный на трансформацию характеристик конкретных объектов, полагаем целесообразным выделить ряд свойств социально-экономических систем, которые необходимо принимать во внимание в процессе разработки управленческих решений: социальная ориентация; разграничение организационной структуры и организационных процессов; иерархичность структуры; целенаправленность; стохастичность развития; самоорганизация; саморазвитие; уникальность и непредсказуемость развития.

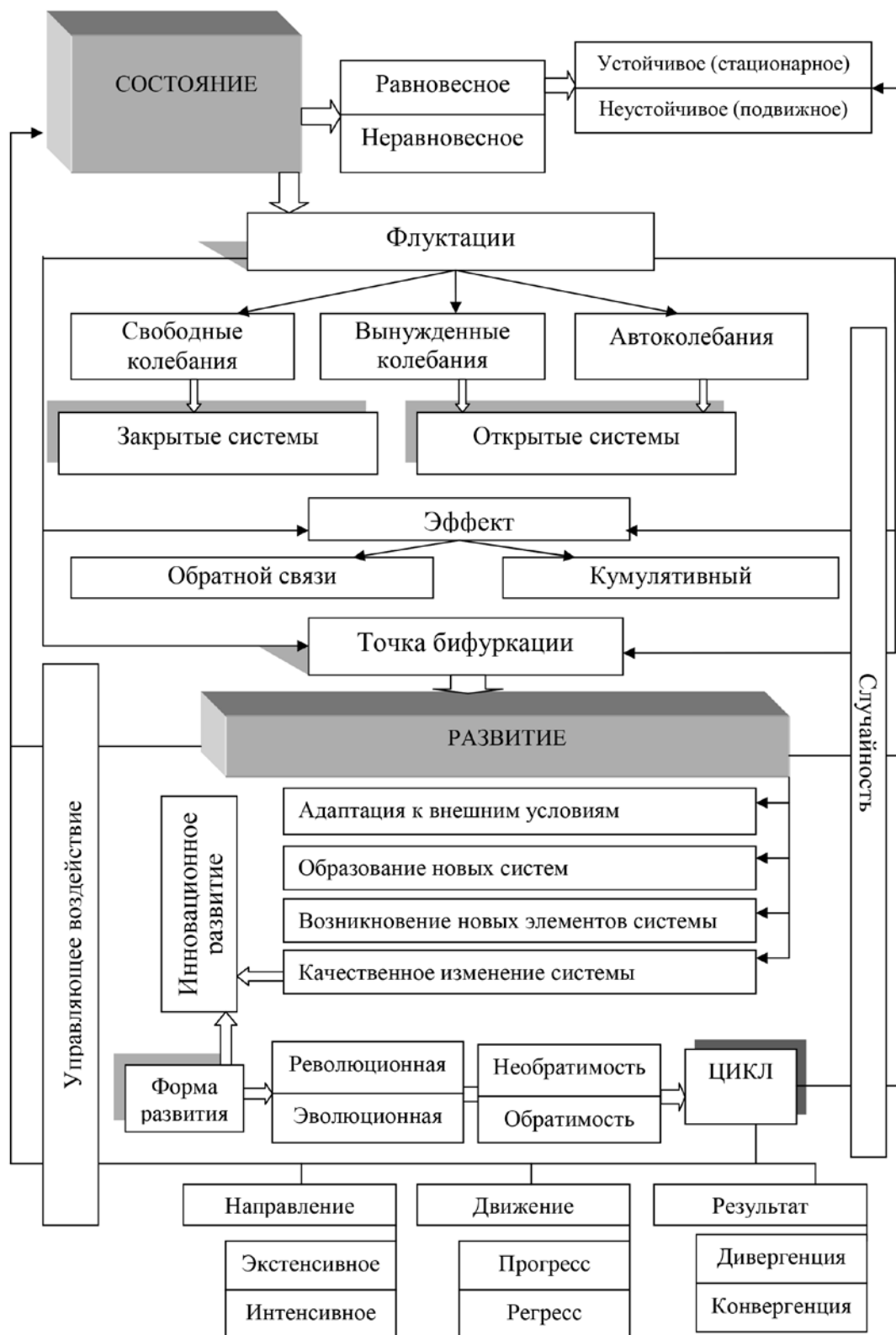

Рис. 1. Системообразующие составляющие понятия инновационного развития

Следует отметить, что о саморазвитии речь может идти, когда изменения продуцируются компонентами и элементами самой системы. Когда же качественные и количественные изменения системы являются результатом влияния внешней среды, то развитие становится организуемым и управляемым. Вместе с тем следует помнить о возможности развития, как субъекта управления, так и управляемой системы в условиях воздействия изменяющихся внешних и внутренних факторов. Роль субъекта управления чрезвычайно велика, так как ему приходится организовывать собственную деятельность, которая заключается, в том числе, в целенаправленном изменении управляемой системы, элементом которой он сам и является [4].

Управление, как целенаправленные воздействия на элементы управляемой системы, предопределяет различные ее изменения, что позволяет выделить параметры управляемой системы, подвергающиеся определенным трансформациям, которые, в свою очередь, соотносятся с процессуальными компонентами деятельности [1]. В результате управление инновационным развитием социально-экономической системы обуславливает ее целенаправленные модификации, способствующие появлению нового качественного состояния исходя из преобладания определенных детерминированных изменений над сопутствующими им случайными, хаотичными факторами.

Трансформация управляемой системы из текущего состояния в целевое (желаемое) осуществляется на основе реализации цикла управленческой деятельности (рис. 2), который включает следующие этапы:

- анализ среды предусматривает сбор необходимой информации с целью изучения особенностей, а также соотношений внешних и внутренних условий функционирования объекта управления для выделения «отправной точки», относительно которой будут анализироваться изменения системы в результате управляющих воздействий либо без таковых;
- целеполагание предполагает формулировку общих целей инновационного развития объекта, а также выбор критериев эффективности, которые наиболее объективно отражают соответствие настоящего и/или будущего состояния системы целям и задачам ее развития;
- планирование заключается в разработке стратегий, мероприятий, конкретных действий и т. д., способствующих достижению или максимальному приближению к поставленным целям в существующих или прогнозируемых условиях функционирования;
- организация управляющих воздействий предполагает реализацию предусмотренных планом совокупности мероприятий путем распределения функций между элементами системы и соответствующего ресурсного обеспечения их воплощения;
- мотивация (стимулирование) персонала, участвующего в запланированных мероприятиях, осуществляется в ходе регулирования процесса реализации управленческих воздействий для усиления положительных эффектов и нейтрализации отрицательных;
- контроль и регулирование предопределяют корректирующие воздействия, потребность в которых может возникнуть по мере поступления новой информации, получаемой в результате контрольных мероприятий, а также в случае выявления отклонений от плана;
- постоянный мониторинг развития системы заключается в регулярном наблюдении и анализе изменений состояния и структуры системы, обусловленных запланированными действиями либо бездействиями субъекта управления.

По мере завершения каждого из этапов управленческого цикла, включая и весь горизонт планирования, для успешной реализации функций управления необходимо объективно анализировать произошедшие изменения и обобщать опыт развития объекта, результаты которых должны использоваться при разработке стратегии и тактики дальнейшего управления.

Таким образом, управление инновационным развитием – это совокупность процессов управленческого цикла и форм его организации, направленных на создание и коммерциализацию новшеств путем комплексного воздействия на компоненты социально-экономических систем, их взаимосвязи и поведение. При этом организацию управления следует понимать как совокупность организацион-

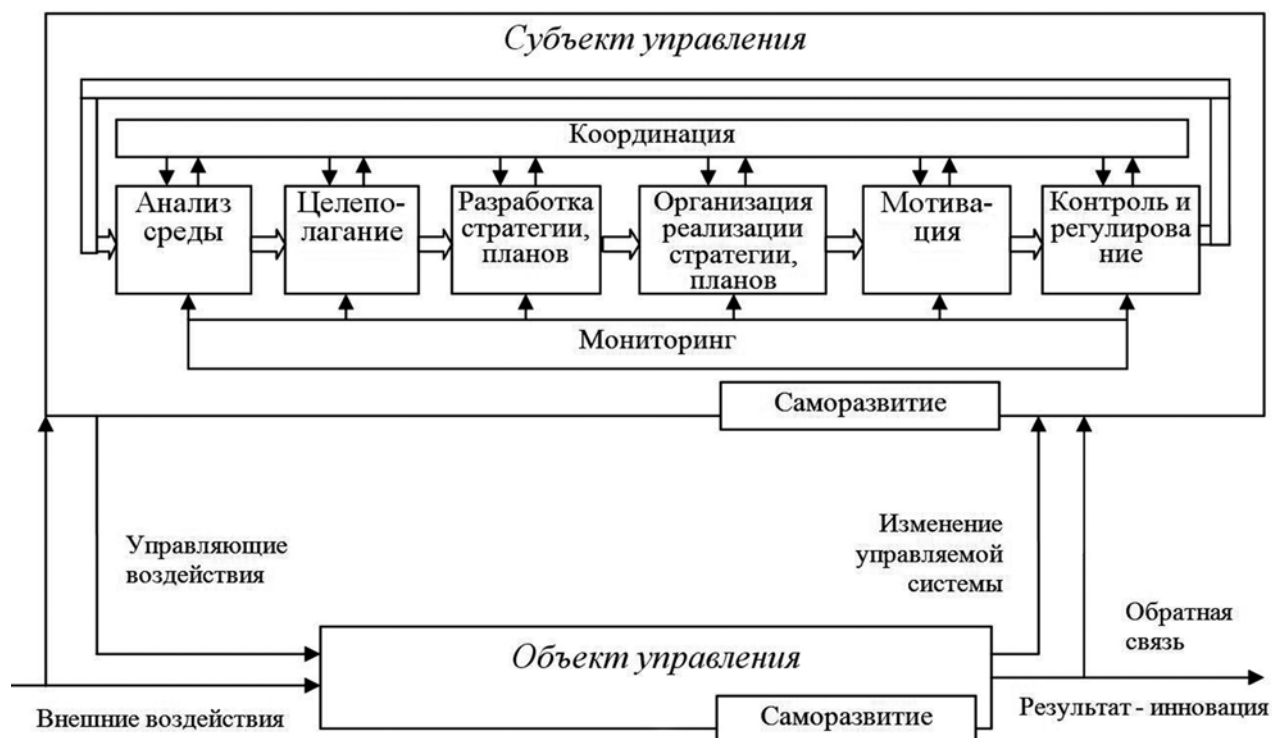

Рис. 2. Схема управления развитием социально-экономической системы как источника инновации

но-распорядительных функций, способствующих упорядочению процесса управления и соединению в единое целое его элементов на макро-, мезо- и микроуровнях, обеспечивая эффективность управленческих воздействий и, тем самым, динамику инновационного развития разноразмерных социально-экономических систем.

Социально-экономические системы, являющиеся источником инноваций, необходимо рассматривать в дескриптивном (описательном) и конструктивном аспектах, что имеет важное значение в процессе разработки управленческих моделей [3, 6]. В результате этапы управления инновационным развитием социально-экономических систем представлены на рис. 3.

При разработке управленческих моделей инновационного развития социально-экономической системы важно учитывать такие ее свойства, как:

- 1) сущность и сложность на основе анализа размерности, структуры, целостности, иерархичности и множественности описания;
- 2) связь с внешней средой, а именно, самостоятельность, открытость, совместимость;
- 3) методологию целеполагания путем идентификации целенаправленности, наследственности, надежности, оптимальности, эмерджентности и мультипликативности системы;
- 4) параметры функционирования, такие как, непрерывность, альтернативность, синергетичность, нелинейность, адаптивность, организованность.

Важным этапом управления инновационным развитием социально-экономических систем является разработка и реализация оптимальных управленческих воздействий. С позиций теории управления управляющими воздействиями называют такие сигналы, которые несут в себе информацию о требуемых воздействиях, непосредственно подаваемых в систему для осуществления ее инновационной динамики. Наряду с управляющими воздействиями всякая система испытывает и возмущающие воз-

Рис. 3. Этапы управления инновационным развитием социально-экономических систем

действия, нарушающие заданные зависимости для осуществления связей между входами и выходами системы. Возмущающие воздействия, в свою очередь, по отношению к системе могут быть внешними и внутренними. В качестве внешних возмущающих воздействий выступают рыночные колебания, а внутренними – диспропорции в производственно-технологическом, организационном, инвестиционном функционировании системы [6, 7]. В процессе управления инновационным развитием социально-экономических систем важно предусматривать такие управляющие воздействия, которые с учетом возмущающих воздействий обеспечивали бы динамичное инновационное развитие объекта управления.

В итоге, разрабатывая механизмы управления инновационным развитием социально-экономических систем, необходимо принимать во внимание следующие положения. Во-первых, в основе управляемой системы лежит некий новый продукт, представляющий собой совокупность материального, энергетического, интеллектуального и др. элементов. Исходя из конкретного сочетания этих составляющих, в соответствии с принципом самодостаточности, должна строиться иерархия управляющих воздействий с учетом основных, вспомогательных и обеспечивающих функций. Во-вторых, управление инновационным развитием базируется на материализации мыслительных процессов и идей человека, формирующих новшества во всех сферах экономики. В-третьих, система управления инновационным развитием конкретного объекта должна быть адаптивной к новым условиям, т.е. иметь способность реализовывать идеи в инновации под влиянием различных внешних и внутренних факторов, в том числе и с учетом их изменений.

Литература

1. Иващенко А. А., Новиков Д. А. Модели и методы организационного управления инновационным развитием фирмы. М.: КомКнига, 2006. 332 с.
2. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики : предварительный эскиз / авт. статей о Кондратьеве и его творчестве Ю. Н. Давыдов, Ю. В. Кочеврин, В. В. Симонов. М.: Наука, 1991. 567 с.
3. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
4. Новиков А. М. Методология. М.: Синтег, 2007. 668 с.
5. Новиков Д. А. Методология управления. М.: Либроком, 2011. 128 с.
6. Тебекин А. В. Инновационный менеджмент: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 476 с.
7. Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2008. 448 с.

УДК 338.24

Федоренко Татьяна Михайловна

О ПОДХОДАХ К ФОРМИРОВАНИЮ МЕХАНИЗМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПЕРСОНАЛА

В статье обоснована роль профессионального развития в деятельности организации. Показана взаимосвязь профессионального развития персонала со стратегией развития организации. Проанализирован зарубежный опыт стратегического подхода к развитию персонала. Предложен вариант формирования механизма профессионального развития персонала.

Ключевые слова: персонал, развитие, стратегия развития организации, система управления персоналом, механизм, профессиональное развитие.

Fedorenko Tatyana Mikhailovna

ABOUT APPROACHES TO DEVELOPING PROFESSIONAL GROWTH MECHANISM WITHIN PERSONNEL STRATEGY

The item shows the role of professional growth in the development of the organization. There is an indication of the interrelation between personnel's professional growth and the organization's development strategy. There is also an analysis into foreign experience in employing strategic approach to personnel development. There is some suggestion regarding the development of a mechanism for personnel's professional growth.

Key words: personnel, development, development strategy for organization, personnel management system, mechanism, professional development.

В условиях осуществления радикальных экономических преобразований, внедрения инновационных процессов во все сферы хозяйственной и производственной деятельности, глобализации мировой экономики вызывает глубокий интерес всемирный опыт усиления роли человеческого фактора для достижения эффективности и конкурентоспособности организаций. Организации вынуждены приспосабливаться к новым экономическим условиям хозяйствования, работать в рамках экономической нестабильности внешней среды и жесткой конкуренции. Для выживания любой организации необходим высоко квалифицированный персонал, способный решить эти проблемы. Поэтому развитие персонала – одна из приоритетных функций управления современными отечественными организациями. Кроме того, постиндустриальная стадия развития общества способствует переходу устоявшихся технологий по управлению персоналом и носящих традиционный характер, к более гибким и органическим, что, в свою очередь, требует постоянного развития персонала.

В современной организации определяющим подходом к управлению людьми является признание ценности, полезности и важности человеческих ресурсов. Однако их развитие требует инвестиционных вложений так же, как и большинство других видов экономических ресурсов.

Развитие персонала предполагает повышение уровня образования, квалификации, профессиональных навыков, накопление опыта работников. Именно увеличение работоспособности сотрудников позволяет обеспечивать увеличение объемов общественного производства и конкурентоспособности выпускаемых товаров. По оценкам специалистов Министерства труда РФ, за счет подготовки, переподготовки и совершенствования квалификации практически всех работников действующих предприятий может быть обеспечено до 30 % роста объемов производства. Кроме того, в Копенгагенской декларации по усилению европейской кооперации в профессиональном образовании 29–30 ноября 2002 года по поводу расширения сотрудничества в области образования и подготовки сказано, в частности, о современной ситуации следующее: «...переход к экономике, основанной на знаниях,

которая может достигнуть значительного роста, расширить и усовершенствовать рынок труда, усилить социальные связи, несет новые задачи по развитию человеческих ресурсов» [5].

Рассмотрим трактовку термина «развитие» в современной науке. Так, А. П. Егоршин определяет «развитие человеческих ресурсов» как комплексный и непрерывный процесс всестороннего развития личности работников организации с целью повышения эффективности их работы [3]. По мнению В. М. Масловой, развитие персонала – это совокупность мероприятий, направленных на развитие человеческого потенциала предприятий [6]. П. Э. Шлендера понимает под развитием человеческих ресурсов систему мероприятий, направленных на поддержку способных к обучению работников, распространение знаний и передового опыта, обучение молодых квалифицированных сотрудников, осознание управленческим персоналом важности развития сотрудников и снижения текучести кадров [9]. В трактовке Р. Харрисона, стратегическое развитие персонала, трудовых ресурсов представляет собой «развитие, происходящее от четкого представления о способностях и потенциале, которое работает в стратегической структуре бизнеса в целом» [1].

В данном исследовании под развитием персонала мы понимаем процесс по реализации комплекса мер по качественному изменению состава персонала организации. Данный процесс направлен на формирование у сотрудников таких качеств, которые отвечают потребностям организации, а также на развитие их профессиональных навыков. В сложившихся условиях эта работа может дать эффективный результат только в том случае, если руководство организации будет использовать стратегический подход к управлению персоналом.

Стратегический подход к развитию персонала организации позволит обеспечить привлечение, удержание квалифицированных сотрудников и повышение квалификации специалистов, тем самым повысив ее конкурентоспособность. Однако необходимо отметить, что на современном этапе в большинстве организаций не формируется и не реализуется стратегия развития персонала.

На современном этапе экономического развития зарубежные ученые выделяют следующие отличительные черты стратегического подхода к развитию персонала [11]:

- 1) развитие персонала формирует миссию и цели, а также играет роль в реализации стратегии организации;
- 2) высшее руководство организации выступает в роли лидеров, а не просто поддерживает развитие персонала;
- 3) не только специалисты по развитию кадров, но старшие менеджеры принимают участие в изучении внешней среды в связи с развитием кадров;
- 4) разрабатывается стратегия, планы и политика по развитию персонала в связи с настоящим и будущим направлениями деятельности организации;
- 5) линейные руководители не только привержены и участвуют в развитии кадров, но и вовлечены в него как стратегические партнеры;
- 6) развитие персонала стратегически интегрировано с другими аспектами управления человеческими ресурсами;
- 7) роль инструкторов расширена – они не только помогают осуществлению программ и выступают в качестве консультантов по изменениям, но и возглавляют и содействуют изменениям;
- 8) специалисты по развитию кадров оказывают влияние на культуру организации;
- 9) особое значение придается эффективности ориентированных на будущее затрат и результатов с точки зрения оценки деятельности по развитию кадров.

Разработка любой стратегии, как известно, должна учитывать и интересы руководства, и интересы ее персонала. Сущность стратегии по развитию персонала организации можно определить в следующих позициях: определение целей управления персоналом; формирование идеологии и принципов кадровой работы; определение условий для обеспечения баланса между экономической и социальной эффективностью использования трудовых ресурсов в организации [4].

Для определения возможностей разработки и реализации стратегии развития персонала организации следует воспользоваться SWOT-анализом. Для выявления данной ситуации нами был выполнен SWOT-анализ развития персонала филиала ООО «Газпром ПХГ» «Ставропольское УАВР и КРС» (табл.).

Таблица

SWOT-анализ развития персонала филиала ООО «Газпром ПХГ» «Ставропольское УАВР и КРС»

Сильные стороны	Слабые стороны
Наличие опытных управленцев. Наличие опытных консультантов. Высокая квалификация работников. Хорошо оборудованные рабочие места. Социальная поддержка работников. Современное информационное обеспечение работников организации.	Высокая текучесть кадров. Необходимость обучения персонала. Необходимость заполнения вакансий менеджеров и маркетологов. Низкомотивированный персонал. Отсутствие оценки результатов труда. Отсутствие системы аттестации персонала.
Возможности	Угрозы
Повышение профессионального и квалификационного уровня сотрудников организации. Улучшение социальной защищенности работников. внедрение эффективной системы премирования и материальной помощи. Аттестация персонала. Развитие межличностных отношений между работниками, администрацией и общественными организациями.	Отсутствие достойных претендентов на посты менеджеров / маркетологов; Слабая заинтересованность персонала в результатах труда. Миграция трудового персонала в другие организации.

SWOT-анализ показал, что в филиале практически отсутствует какая-либо система оценки результатов труда и мотивации персонала. В основном действует принцип уравниловки, какая-либо инициатива со стороны подчиненных должным образом не поощряется. Также не развиты и мотивационные механизмы. Об этом говорят, прежде всего, низкая заработная плата сотрудников, отсутствие дополнительных стимулов. При найме сотрудников решающее значение играют родственные связи, особенно на руководящие должности. В отношении продвижения кадров или карьеры можно сказать, что здесь наблюдаются застойные явления, т. е. какая-либо внутренняя система продвижения кадров отсутствует, самостоятельно сотруднику сделать карьеру крайне трудно, так как на руководящих должностях находятся «старые» кадры. Наблюдается высокая текучесть кадров, практически по всем категориям работающих. Руководители высшего звена управления филиалом относятся к руководителям бюрократического типа. Обучение и повышение квалификации также находится на крайне низком уровне и происходит в основном внутри организации. Недостаточное внимание к профессиональному развитию персонала приводит к снижению профессионализма и компетентности персонала, что, в свою очередь, влечет за собой ухудшение результативности и эффективности деятельности персонала и организации в целом.

Следовательно, для данной организации одним из приоритетных направлений реализации стратегии развития персонала может стать повышение профессионального и квалификационного уровня ее сотрудников, т. е. профессиональное развитие персонала, которое, в свою очередь, является важнейшим фактором повышения конкурентоспособности данной организации.

В литературе и в практической деятельности можно найти ряд толкований процесса профессионального развития персонала: продвижение кадров, их переподготовка и обучение, повышение квалификации, кадровый резерв, регулирование карьеры и т. п.

Под профессиональным развитием в науке понимаются систематическое подкрепление, усовершенствование и расширение спектра знаний, развитие личных качеств, необходимых для освоения новых профессиональных знаний и навыков, необходимых для выполнения обязанностей на протяжении всей трудовой деятельности сотрудника.

В западной культуре управления считается, что профессиональное развитие персонала есть кадрово-экономическая функция, цель которой – обеспечение потребности организации в квалифицированном персонале. В процессе ее реализации происходит содействие развитию индивидуальных склонностей и способностей работников с учетом изменений характера деятельности и необходимости согласования интересов производственных и индивидуальных целей. При этом планируется продвижение и развитие персонала, оценивается его развитие, осуществляется профессиональное обучение.

Как показывает зарубежный опыт, профессиональное развитие персонала оказывает положительное влияние на повышение производительности труда и улучшения деятельности персонала в организациях. Передовые зарубежные предприятия тратят на профессиональное развитие кадров на производстве – от 2 до 10 % фонда оплаты труда [2].

США, Япония, Франция имеют значительный и одновременно похожий опыт в сфере профессионального развития персонала предприятий, который признается их конкурентным преимуществом. В США предпочтение отдается привлечению специалистов нужной квалификации через рынок труда или у конкурентов. В основе организации профессиональной подготовки и обучения многих американских компаний находится три главных принципа: непрерывность профессиональной подготовки и обучения персонала для адаптации к новым технологиям и новых форм организации труда; практическая направленность профессиональной подготовки и обучения персонала; использование преимущественно активных методов обучения персонала [7].

Основой японской системы профессионального развития на предприятиях является концепция «гибкого работника»: отбор и подготовка работника не по одной, а по двум трем специальностям с последующим повышением квалификации на протяжении всей жизни [13].

Европейская система профессионального развития стратегически ориентирована на достижение конкурентных преимуществ, динамичного развития и устойчивого экономического роста. Непрерывная подготовка рабочих кадров в странах ЕС осуществляется с отрывом и без отрыва от производства, в компаниях постоянно происходит мониторинг потребностей в профессиональной подготовке и планировании дальнейшего использования обученного персонала.

Во Франции реализуется модель государственного вмешательства. Система профессионального развития персонала финансируется как государством, так и компаниями [8].

Таким образом, зарубежный опыт свидетельствует о том, что для профессионального развития кадров существует необходимость использования различных механизмов финансирования и контроля.

Профессиональное развитие персонала организации взаимосвязано с другими подсистемами системы управления персоналом (рис. 1).

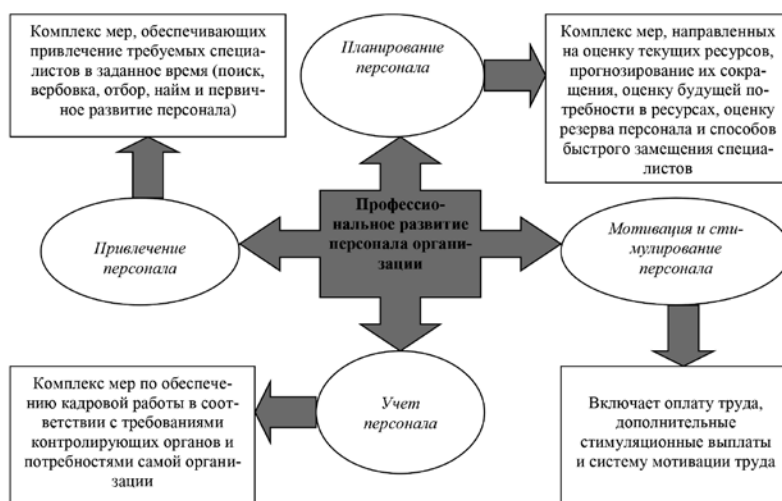

Рис. 1. Взаимосвязь профессионального развития персонала с подсистемами системы управления персоналом организации

Современный механизм профессионального развития персонала, по мнению автора, может быть представлен системой взаимосвязанных элементов, таких как: цели, задачи, принципы, методы профессионального развития персонала, методы оценки эффективности процессов профессионального развития персонала, которые обеспечивают достижение качественных изменений профессионального потенциала личности и реализацию адекватных ему способов реализации профессионализма в организации (рис. 2).

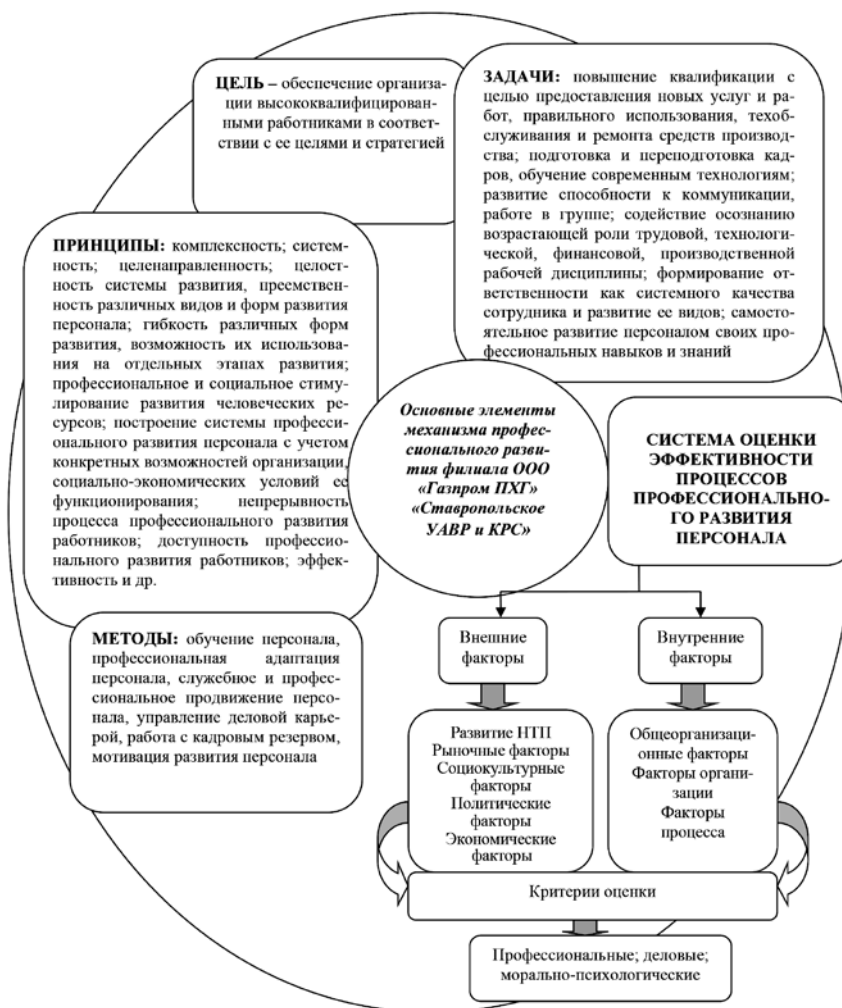

Рис. 2. Механизм профессионального развития персонала организации филиала ООО «Газпром ПХГ» «Ставропольское УАВР и КРС»

Главной целью профессионального развития персонала является обеспечение организации высококвалифицированными работниками в соответствии с ее целями и стратегией.

Для реализации механизма профессионального развития персонала необходимо решить ряд задач: повышение квалификации с целью предоставления новых услуг и работ, правильного использования, техобслуживания и ремонта средств производства; подготовка и переподготовка кадров, обучение современным технологиям; содействие осознанию возрастающей роли трудовой, технологической, финансовой, производственной рабочей дисциплины; развитие способности к коммуникации, работе в группе; формирование ответственности как системного качества сотрудника и развитие ее видов; самостоятельное развитие персоналом своих профессиональных навыков и знаний.

Важным моментом формирования механизма является и обоснование принципов профессионального развития персонала, таких как: комплексность; системность; целенаправленность; целостность системы развития, преемственность различных видов и форм развития персонала; гибкость различных форм развития; профессиональное и социальное стимулирование развития человеческих ресурсов; построение системы профессионального развития персонала с учетом конкретных возможностей организации и др.

Кроме того, механизм профессионального развития персонала включает и методы, к которым относятся: обучение, профессиональная адаптация, служебное и профессиональное продвижение персонала, управление деловой карьерой, работа с кадровым резервом, мотивация развития персонала [12].

Переход к рыночной экономике требует повышенного внимания руководства к оценке процессов развития собственного персонала.

В современной практике управления персоналом выделяется несколько групп методов оценки эффективности профессионального развития персонала, основными среди которых являются следующие [10]: количественные, качественные и комбинированные методы.

Как показывают исследования российских и зарубежных специалистов в сфере развития персонала, эффективность профессионального развития зависит от внутренних и внешних факторов. По степени управляемости факторы можно разделить на три группы: нерегулируемые, слаборегулируемые и регулируемые. Факторы внешней среды относятся к категориям нерегулируемых и слаборегулируемых факторов. К регулируемым факторам относятся в основном факторы внутренней среды [1]. При этом необходимо обратить внимание и на критерии оценки персонала.

Таким образом, формирование механизма профессионального развития персонала в филиале является важнейшим фактором его успешной деятельности, достижения поставленных целей и задач. Это особенно справедливо в современных условиях, когда развитие инновационных подходов к ведению бизнеса значительно ускоряет процесс устаревания профессиональных знаний и навыков. Внедрение в деятельность филиала предлагаемых принципов, методов и критериев оценки профессионального развития персонала будет способствовать реализации стратегии развития персонала, что напрямую повлияет на результаты конкурентоспособности организации, поможет повысить качество предоставляемых услуг и работ, снизить текучесть кадров.

Литература

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 8-е изд. СПб.: Питер, 2007.
2. Герчикова И. Н. Менеджмент. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 1997. 501 с.
3. Егоршин А. П. Управление персоналом. 3-е изд. Н. Новгород: НИМБ, 2001. 716 с.
4. Кибанов А. Я. Основы управления персоналом: учебник. М.: ИНФРА-М, 2008. 304 с.
5. Копенгагенская декларация по усилению европейской кооперации в профессиональном образовании 29–30 ноября 2002 г. URL: http://www.rusmagistr.ru/page_0002/page_0026/page_0043 (дата обращения: 18.08.2014).
6. Маслова В. М. Управление персоналом предприятия: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 159 с.
7. Моргунов Е. Б. Корпоративный университет как инструмент становления научающейся компании // Управление персоналом. 2004. № 1–2. С. 47.
8. Плутова М. И. Развитие персонала. Отечественный и зарубежный опыт управления научно-образовательным потенциалом. URL: http://xn--80aacvii1atct7h.xn--p1ai/articles/a_2087.htm (дата обращения: 24.08.2014).
9. Управление персоналом / П. Э. Шлендер [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 320 с.
10. Управление персоналом: теория и практика. Организация обучения и профессиональное образование персонала: учебно-практическое пособие / Е. А. Митрофанова [и др.]. М.: Проспект, 2012.
11. Управление человеческими ресурсами: учебник / Торрингтон Дерек [и др.]. М.: Дело и Сервис, 2004.
12. Хлопова Т. В. Эффективность методов профессионального обучения персонала российских предприятий // Проблемы прогнозирования. 2003. №4.
13. Японский журнал «QC сакуру» (Кружки качества). URL: <http://tpm-centre.ru> (дата обращения: 20.08.2014).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371

Алиева Бика Шапиевна, Мехрабова Дильшад Ашрафутдиновна

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В СЕМЕЙНОМ КОДЕКСЕ РФ И ШАРИАТА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В настоящем исследовании впервые осуществлен сравнительный анализ шариата и семейного кодекса Российской Федерации. Этот анализ показал целесообразность конструктивного взаимодействия мусульманского права и официально-государственного. Рассмотрев состояние семьи и семейного воспитания в условиях коренных социальных перемен, убедились в том, что традиционная система не должна быть разрушена до основания, ибо система непременно предполагает одновременно и преемственную связь, взаимосвязь. Конструктивная, созидательная система не отменяется и не разрушается, она трансформируется и адаптируется, приспосабливаясь к новым условиям.

Ключевые слова: Семья – основной социальный институт; шариат; семейный кодекс; социально-правовой аспект; сравнительный анализ.

Aliyeva Bika Sh., Mehrabova Dilshad A.

SOCIO-LEGAL AND ETHNIC PEDAGOGICAL ASPECTS OF GENERAL AND SPECIAL FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SHARIA (COMPARATIVE ANALYSIS)

In persisting study is for the first time realized benchmark analysis uapuama and household code to Russian Federation. This analysis has shown practicability of the constructive interaction of the moslem right and officially-state. The having Considered condition to families and household education in condition scolded social change, made sure in that that traditional system must not be ruined before basis, ибо system certainly expects simultaneously and successive relationship, intercoupling. Constructive, creative system is not cancealled and does not decay, she is transformed and adapted, adapting to new condition.

Key words: Family - a main social institute; Sharia; the household code; social-legal aspect; the benchmark analysis.

Своеобразный религиозный ренессанс, произошедший в стране за последние десятилетия, вызвал большую активность у верующих. Массовый духовный подъем последних лет открыл широкие возможности для действенного влияния ислама на семейное воспитание. «В нынешних условиях распада, когда инфляция морали, культуры, права уже обгоняет инфляцию денег, исламское влияние в нашей республике может стать серьезной опорой для укрепления единства Дагестанского общества и возрождения нравственности» [5, с.101]. Каждая семья в своей реальной жизни несет определенный тип культуры, выражает свое отношение к господствующим в обществе ценностям и идеалам. Духовное воспитание идет через религиозные ценности и ценности народной педагогики в семейном укладе: трудовые традиции, свадебные обряды, праздники, разнообразные жанры устного и народного творчества и т. д. С их помощью закладываются ценностные ориентации представлений, чувств. Обе системы воспитания – народная и религиозная – смыкаются в подходах к основным моральным общечеловеческим ценностям, в ряду которых достойное место занимают семья, категории добра и зла, счастья и др.

Одной из ведущих тенденций развития современной системы семейного воспитания должно быть осознание необходимости поиска путей и форм взаимодействия двух на первый взгляд противоречащих друг другу систем ценностей: с одной стороны – светской, выраженной в научных трудах, произведениях общественных деятелей, с другой – ценностей, корнящихся в недрах народной куль-

туры, в религиях и т. д. Появление такого подхода стало возможным в связи с признанием в каждой из названных структур общечеловеческих нравственных основ, которые, независимо от формы выражения (светской или религиозной), могут стать базовым компонентом духовного роста, преодоления кризисных явлений. Народная семейная педагогика развивалась, взаимодействуя с религией, религиозными представлениями о цели, функциях и средствах воспитания.

Несмотря на определенные различия, обе системы воспитания – народная и религиозная – смыкались в подходах к основным моральным общечеловеческим ценностям, в ряду которых достойное место занимает семья. Каковы национальные ценности семейного воспитания? Такими ценностями являются религия и труд.

Дагестан – это миниатюрная Россия, уникальный уголок земли, где лучше всего может, быть понят принят и осуществлен этнопедагогический, этноконфессиональный диалог культур, во многом благодаря благоприятной этнокультурной среды, являющейся фактором аксиологического воспитания старшеклассника, пространственно-временным отражением ментальности народа, воплощающей национальный идеал, культурный стереотип этнического бытия, апробированные механизмы передачи социального опыта, ценностных ориентаций, воспитательных обычаев и традиций. Здесь проживают более 33 народностей, в современных условиях в Дагестане на приемлемо возможном уровне достигнута межэтническая гармония, способствующая межэтнической интеграции.

Воспитание ценностного отношения к семье рассматривается в народной педагогике как процесс приобщения детей к семейным ценностям, формирования у них жизненного опыта, способов поведения в семье и ценностного к ней отношения. Главными приоритетами этнопедагогике семьи определены ценности:

- 1) осознанность сопричастности к семье и роду;
- 2) почтительное отношение к предкам, родителям и семейным реликвиям;
- 3) самоутверждение личности среди ближайшего окружения;
- 4) удовлетворение потребности к продолжению рода, отцовству и материнству;
- 5) любовь и толерантное отношение к ближнему, поддержка и защищенность в семье;
- 6) возможность самоактуализации и самореализации личности в семье.

При этом очевидно, что в основе всех занимающих людей проблем, предпочтений, оценок разных сторон жизни лежит система ценностей. В сложившейся ситуации ценностно-нормативной неопределенности, когда трансформируются новые понятия, изменяются идеология семьи и представления о ее социальном статусе, неготовыми к восприятию семьи как ценности оказались не только учащиеся, но и педагоги, и сами родители.

Семья является одной из главных социальных ценностей, и использование идей и опыта народной педагогики в семейном воспитании способствует возрождению и сохранению духовной культуры этноса. Народно-педагогические идеи должны быть естественным образом вплетены в реалии современной системы семейного воспитания.

«В жизни каждого народа семья – святыня, ставка при этом делается, в первую очередь, на мать. В этнопедагогике культ матери закономерен. Она как мать божья, а отец – патриарх вся семьи. Дети – ангелы. Домашний очаг – священный алтарь. Естественность воспитания обеспечивается, прежде всего, матерью. Родные обычаи, традиции, родной язык сохраняются именно ею. Материнский язык – живая душа нации. Мать несет в себе тысячелетнюю генетическую программу духовных исканий своего народа» [3, с.351].

Исследование системы семейного воспитания в этнопедагогической культуре дагестанцев является кардинальной теоретико-методологической проблемой. Ислам, в отличие от множества современных религий, уделяет большое внимание регламентации брачно-семейных отношений. Следует отметить, что в мусульманском обществе религия являлась (а в некоторых странах мусульманского мира и поныне остается) единственной основой регулирования этих отношений.

«Однако, несмотря на свою актуальность, семейные отношения в исламе в нашей литературе недостаточно научно проанализированы и, естественно, нуждаются в более глубоком рассмотрении в органическом единстве их прошлого и настоящего. Это, во-первых.

Во-вторых, изучение и анализ идейных основ, социальных концепций ислама по вопросам семьи не только являются для нас каким-то экскурсом в прошлое, но и имеют непосредственное отношение к современности» [2, с. 3].

Отношение ислама к женщине и регламентация брачно-семейных вопросов канонизированы в его вероучительных источниках – Коране, сунне, тафсирах и теологической литературе. Эти источники на различных этапах развития мусульманского мира играли различную роль в социальной и духовной жизни своих последователей. Появление вслед за Кораном других идейных источников ислама свидетельствует об эволюции первоначальных взглядов ислама на многие вопросы, в том числе на семейные отношения. В этой связи следует сказать, что отношение ислама к женщине и семье менялось в зависимости от изменения условий материальной жизни общества.

«Среди идейно-теоретических источников социальной доктрины ислама главное место принадлежит Корану. Письменная история ислама, в том числе семейных отношений, начинается именно с периода его канонизации» [2, с. 24]. Коран и определил во многом семейные взаимоотношения.

В исламе главным оберегом стал Коран. Каждый верующий мусульманин, даже не знавший арабского языка, стремился приобрести экземпляр этой книги, обладающей, по его мнению, свойством охранять дом от бед и несчастий. Лист бумаги, кусок ткани или кожи с изречениями из Корана считался лучшим талисманом, спутником удачи.

На формирование коранических идей огромное влияние оказали иудаизм и христианство. Прежде всего речь идет о библейских легендах, о пророках и т. д. Это касается легенды об Адаме и Еве, о первородном грехе, совершенном по вине первой женщины, сотворенной из ребра Адама и т. д. Библия рассматривает женщину как существо «второго сорта». Фактически Коран повторяет эти идеи с некоторыми принципиальными изменениями и дополнениями. Но в Коране, бесспорно, имеются и свои, новые подходы и взгляды на место женщины в семье и обществе. Согласно исламу, Коран является священной книгой, которой руководствуются в своем поведении все мусульмане. Строка за строкой Коран создает основы социально-юридической системы, которая в разной степени обращена как к мужчинам, так и к женщинам, и невозможно сказать, какому из полов в нем отдается предпочтение. В одной из первых сур Корана говорится: «Мужчины и женщины, отдающие себя служению Богу; мужчины и женщины, верующие в Бога; мужчины и женщины, выполняющие Его заповеди; мужчины и женщины, не нарушающие Его заветов; мужчины и женщины, ведущие себя скромно; мужчины и женщины, которые не предаются чревоугодию; мужчины и женщины, хранящие целомудрие; мужчины и женщины, которые всегда помнят о Боге, – все они достойны прощения, и им воздадутся великие почести».

Кроме этого постулата, в общих чертах говорящего о равноправии полов, целый ряд сур Корана специально посвящен женщинам (интересно, что права мужчин особо нигде не оговариваются).

Главная цель Корана в отношении женщины как жены – поднять престиж супруги в семье. Многочисленные строки книги побуждают мужчин никогда не нарушать принципов «Исмак биль ма-аруф» («мирного сосуществования», выражаясь современным языком) в отношении их жен. Мужей, которым не нравятся жены, Коран поучает: «Если ты испытываешь неприязнь к ней, ты испытываешь неприязнь к добру, которое ниспослано тебе Богом».

В Коране в общих чертах рассматриваются такие важнейшие проблемы семейных основ, как брак и его необходимость, согласие лиц, вступающих в брак, махр, затворничество женщины, многоженство, развод, взаимоотношения родителей и детей, наказание за супружескую неверность, имущественные отношения в семье и другие моральные, правовые нормы семейной жизни. Значительное место в Коране занимают семейно-бытовые вопросы Мухаммада, где речь идет о преимуществах его и членов его семьи по сравнению с другими мусульманами и т. д.

Система нравственных ценностей как основы духовной жизни современной дагестанской семьи является определяющей для полной характеристики целостного этнопедагогического опыта горцев. В нравственных ценностях национально-региональное, регионально-этническое не должны оказываться на первом месте: определяющими являются ценности общечеловеческие, в то же время не лишенные национальных специфических оттенков (коннотация – в конкретном, реальном действии). Человек без рода без племени – у русских самая низкая оценка человеческой личности.

Для воссоздания народных традиций и традиционной культуры семейного воспитания необходимо глубокое изучение, осмысление и сопоставление семейного кодекса и исламского шариата. Для дагестанских семей характерным является приверженность этнокультурным ценностям, обращение к историческому опыту воспитания:

- 1) семья для дагестанцев – это абсолютная ценность, это никогда не подвергалось сомнению, «отец – голова, мать – душа»;
- 2) непререкаемый абсолютный авторитет старших, и особенно старших своего тухума;
- 3) обязательное соблюдение семейных праздников, навруз байрам, праздник первой борозды как поклонение матушке земле, ураза байрам, маулид;
- 4) традиции взаимопомощи и взаимовыручки;
- 5) верность супружескому долгу, целомудрие женщины поведение [1, с. 83].

1. Согласно российскому семейному законодательству, семья, материнство, отцовство и детство в РФ находятся под защитой государства. Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможностей судебной защиты этих прав [6, с. 3, ст. 1, п. 1].

Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) – систематизированный законодательный акт, вступил в действие с 1.3.1996. СК РФ является основным законом, регулирующим условия и порядок вступления в брак, прекращения брака, признание его недействительным; имущественные и личные неимущественные отношения в семье (между супругами, родителями и детьми, в т. ч. усыновителями и усыновленными) и др. СК РФ ввел ряд изменений в российское семейное право: например, судебный порядок усыновления детей; возможность снижения до 14 лет допустимого уровня брачного возраста законодательством субъектов Российской Федерации и др.

На основе заповеди Корана и проповеди Пророка был создан шариат – свод законов о правах, обязанностях и привилегиях женщин.

«Шариат» в переводе с арабского означает «прямой путь», «источник». В этом смысле шариат как свод божественных законов сравнивается с «прямым путем» или «источником жизни». Шариат – комплекс закрепленных прежде всего священным Кораном и сунной предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности мусульман, а также выступают источниками конкретных форм, регулирующих их поведение. В этом своеобразном кодексе, построенном на религиозной основе, не заложена дискриминация женщин. Наоборот, ислам обеспечивает женщинам большее уважение, почет, безопасность, чем принято думать.

Говоря о шариате, надо всегда иметь в виду, что в исламе, в отличие от христианства, не существует деление жизни на «духовное» и «мирское» или «светское» и «религиозное». Духовное и светское сливаются в исламе в едино-неразделимое понятие.

Согласно Кораническому Откровению, супружеский союз между мужчиной и женщиной является одной из важных заповедей божьих, выполнение которых позволяет человеку обрести милость и благодать Всевышнего, познать радости семейной жизни, исполнить замысел Господа о продолжении рода человеческого. Исламское право, основывающееся на Божественном откровении Священного Корана и пророческом предании (сунне), определяет брак как духовную ценность и особый договор, заповеданные Творцом, именем которого освещаются супружеский союз между мужчиной

и женщиной, их совместный жизненный путь. «И Аллах создал для вас супруг и супругов из среды вашей, и создал для вас через супруг и супругов ваших детей и внуков, и наделил вас благими дарами», – гласит Священный Коран [4:Св. Коран].

Всевышний Аллах заповедал мужу и жене строить семью на основе любви и согласия, без какого-то ни было принуждения: «И если женщина опасается сурового отношения или равнодушия со стороны своего мужа, не будет грехом для них, если они придут меж собой к согласию и примирению. Ведь согласие – лучше всего... И если вы творите добро и праведны, истинно, Аллаху ведомы деяния ваши» [4:Св. Коран].

Исламское законодательство разрабатывается на основе Корана и хадисов изречений Пророка. Исламский закон характеризуется тем, что он запрещает людям совершать недостойные поступки.

Исламское законодательство – это совокупность постановлений шариата, касающихся действий и поступков людей.

Общим в семейном законодательстве Российской Федерации и религиозном законе – шариате является то, что они направлены на охрану семьи и укрепление внутрисемейных отношений.

Попытаемся провести анализ и найти различное, несхожее в этих законах.

I. *По семейному законодательству* Ст. 14 п. 1 не допускается заключение брака между: лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке;

по шариату же мубах – это такое действие, которое можно делать и не делать, за исполнение и неисполнение нет награды и нет греха. Все то, что не обязывает и не осуждается шариатом, входит в мубах. Не запрещается физически сильным мужчинам, имеющим состояние, способным обеспечить равенство и справедливость, жениться на двух – трех – четырех женщинах. Если нет перечисленных условий – не разрешается. Ислам не призывает к многоженству, но, учитывая возможные объективные и субъективные обстоятельства, предлагает гибкий механизм регулирования этой проблемы.

Священный Коран, определяя единобрачие как основу супружеского союза, в то же время допускает возможность повторных браков, оговаривая это соответствующими условиями и строго ограничивая количество браков до четырех [4:Св. Коран].

II. *По Российскому Законодательству* в соответствии с главой 6 «личные права и обязанности супругов» ст. 31. п. 2. вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства супругов. По П. 3 супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей [6].

Права и обязанности супругов по шариату – следование исламским принципам семейной жизни, закрепленным в Священном Коране и Сунне, укрепление любви и взаимопонимания в семье, правильное понимание и соблюдение супругами своих прав и обязанностей. Пророк подчеркивал: «Наилучшим из вас является тот, кто наилучшим образом относится к своей жене». Коран красноречиво описывает супружескую связь: «Ваши жены для вас – одеяние, а вы одеяние для них» [4:Св. Коран]. Под этим откровением подразумевается соединение, прикрытие, защита и украшение одним супругом другого. У каждого из супругов по отношению к другому имеются свои права, которые они должны блюсти, не злоупотребляя ими.

По Российскому законодательству в соответствии со ст. 31 супруги в семье равноправны. По П. 1 каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, места пребывания и жительства. По П. 2 вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства супругов. По П. 3 супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей [6]. Согласно исламскому шариату муж берет на себя материальное обеспечение семьи. Это касается питания, одежды и жилья. Если жена постоянно беспричинно проявляет непокорность, то материальное обеспечение со стороны мужа может быть прекращено. Права основаны на взаимном равноправии, за

исключением того, что касается тех особенностей, которыми наделены мужчины. Как сказано Аллахом, «... женщины имеют (по отношению к мужьям) такие же права, как обязанности, согласно шариату и разуму, хотя мужья и выше их по достоинствам» [4:Св. Коран]. Под выражением «выше их» подразумевается руководящая и ответственная роль мужчины. Мужчина спросил Пророка (Мир ему): «О посланник Аллаха, соблюдения каких прав может требовать жена от своего мужа?» Он ответил: «Ты должен кормить ее тем же, чем питаешься сам, одевать ее в то (по цене), что надеваешь сам» [4:Св. Коран].

Главенство означает не диктат, а проявление особой ответственности за семью.

IV. *О прекращении брака.* Согласно ст. 16. п. 1 брак прекращается вследствие смерти или вследствие объявления судом одного из супругов умершим. По П. 2 брак может быть прекращен путем его расторжения по заявлению одного или обоих супругов, а также по заявлению опекуна супруга, признанного судом недееспособным. Муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка [6].

Исламский шариат к разводам относится отрицательно, осуждает их и призывает к терпению и примирению. «Если вы боитесь разрыва между обоими полами, то пошлите судью из его семьи и судью из ее семьи. Если они пожелают примирения, то Аллах поможет им...» Исламский шариат наложил ряд ограничений на разводы, чтобы свести их к минимуму. Развод без насущной необходимости и без применения всех средств, способствующих его предотвращению и направленных на разрешение конфликта, является незаконным и запрещен исламом [4:Св. Коран].

После того как все способы для нахождения согласия между супругами исчерпаны, ничего не остается, как прибегнуть к крайней мере, предусмотренной в исламе, которая заключается в том, что муж инициирует развод. Ислам разрешил развод как крайнюю и нежелательную меру. Пророк сказал: «Из всего разрешенного самым ненавистным для Аллаха является развод». Или: «Нет ничего из того, что разрешил Аллах, что бы было настолько ненавистно Ему, как развод» [4:Св. Коран].

Выражение того, что развод есть ненавистное Аллаху дело указывает нам на то, что это вынужденная мера, применяемая тогда, когда наступает разлад в семье, в которой супруги не могут сосуществовать и, соответственно, следовать предписаниям Аллаха по исполнению своих супружеских обязанностей. Для них ничего не остается, как расстаться, о чем Всевышний говорит: «Если супруги разведутся, то Аллах каждого из них обеспечит по великодушию» [Св. Коран, 4].

V. *Согласно ст. 63. п. 1. семейного кодекса Российской Федерации* родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами. Родители обязаны обеспечить получение детьми основного общего образования. Родители с учетом мнения детей имеют право выбора образовательного учреждения и формы обучения детей до получения детьми основного общего образования [6].

Согласно исламскому шариату родители также имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Каждый ребенок в семье – дар Божий, требующий особого внимания и заботы. Ислам предоставил ребенку и родителю права, которые они должны блюсти по отношению друг к другу. И он запретил им все, что может нарушить эти права.

Ребенок имеет право на жизнь. Ни отец, ни мать не имеет права покушаться на жизнь своего ребенка (будь то мальчик или девочка), как это делали арабы в период джахилии. Всевышний Аллах говорит: «Не убивайте своих детей, опасаясь бедности. Мы даем пропитание и им, и вам. Воистину, убивать детей – тяжкий грех» [4:Св. Коран]. В этих словах – наставление для людей на все времена: дети в семье не тягость, а благоволение Господа. А должное воспитание детей есть почетное право и большая ответственность родителей перед ним. Ребенок имеет право на заботу, воспитание и обеспеченность всем необходимым. При этом родители не должны переусердствовать или ущемлять ребенка, заботясь о нем. Пророк говорил: «На каждого из вас наложены полномочия, и вы несете за

них ответственность». «Неизмерим грех того, кто ущемляет в пропитании». «Аллах спросит каждого уполномоченного за того, за кого он отвечает, исполнил ли он свои обязанности или нет. Вплоть до того, что спросит мужчину о его домочадцах».

VI. *Статья 87. Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей.* 1. Трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них.

2. При отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей взыскиваются с трудоспособных совершеннолетних детей в судебном порядке [6].

Одним из важнейших исламских принципов семейной жизни является правильные взаимоотношения родителей и детей в семье. Почтение к родителям со стороны детей – признак крепости и духовного здоровья семьи. «И предписали Мы человеку оказывать добро своим родителям. Мать носит его (в утробе) с тягостью и родит с болью. И вынашивание его (в утробе) до отнятия (от груди) – тридцать месяцев. А когда он достигает зрелости и достигнет сорока лет, он говорит: «Господи, внуши мне быть благодарным Тебе за блага, дарованные мне и родителям моим; внуши делать добро, угодное Тебе, и сделай для меня благое в моем потомстве! К тебе я прибегаю, и истинно, я из тех, кто покорен Тебе» [Св. Коран, 46: 15]. «Господь твой повелел, чтобы не поклонялись вы никому, кроме Него, и были добры к родителям. Если один из них или оба (родителя) достигнут преклонных лет, не смей говорить им «УФ» (пренебрегая их словами и советами), не повышай на них голоса, а обратись к ним с добрым словом. И склони пред ними обоими крыло смирения из доброты и молви: «Господь мой, окажи им милость так же, как они воспитали меня (с любовью), когда я был ребенком» [4: Св. Коран]. VII. Согласно Семейному кодексу РФ, статье 124 Пункту 1, усыновление или удочерение (далее – усыновление) является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без родителей (п. 1 введен Федеральным законом от 27.06.1998N 94-ФЗ) [6].

Согласно исламскому шариату усыновление запрещено. Ислам совершенно четко определяет систему усыновления как фальсификацию природы человека и реальности. В Коране запрещена эта традиция, причем запрещена категорически, дабы не допустить пагубных последствий. «...и не сделал ваших приемных сыновей вашими (кровными) сыновьями. (Одно дело) – ваши слова из ваших уст, Аллах же вещает (только) истину, и Он наставляет на прямой путь. Зовите же их (т. е. приемных детей по (именам) их кровных) отцов, то они все же – ваши братья по вере и ваши близкие» [4:Св. Коран].

Полный и объективный анализ сущности и семейного кодекса РФ, и исламского шариата выявил общность природы взглядов на семью, на взаимоотношения в ней всех членов. Заключение брака в Дагестане, по данным социологических исследований, происходит одновременно по законам шариата и по семейному законодательству, они взаимодополняют друг друга, а не взаимоисключают, в итоге как бы имеет место двойная ответственность. Их сосуществование реально, и они являются фактором возрождения нравственности, укрепления семьи и улучшения воспитания детей.

Литература

1. Алиева Б.Ш. Этнопедагогика дагестанской семьи. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – 288 с.
2. Вагабов М.В. Ислам, женщина, семья. – М., 1994. – 192 с.
3. Волков Г.Н. Педагогика любви: Избранные этнопедагогические сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Изд. дом магистр-пресс, 2002. – 460 с.
4. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е. – М: Наука, 1986. – 496 с.
5. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды – Махачкала: ГУП Дагкнигоиздат, 2001. – 568 с.
6. Семейный кодекс РФ в редакции Федеральных законов от 15.11.97. № 140 ФЗ. – М.: ЭЛИТ, 2004. – С. 3.

УДК 371

Арутюнян Марианна Мартуниевна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ОЖИДАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРА И ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЫ

В статье представлен учет разнообразных и изменяющихся потребностей и запросов социума к качеству образования, который обеспечивает открытость образования как социального института. Однако изучение актуальных приоритетов участников образовательного процесса и, в частности, родителей, приводит к осознанию, с одной стороны, необходимости с осторожностью относиться к использованию родительских предпочтений в качестве прямого руководства для принятия управленческих решений в области образования и, с другой стороны, возможностей и перспектив развития культуры потребительского спроса родителей как субъектов выбора и оценки деятельности школы.

Ключевые слова: оценка деятельности школы, качество образования, выбор школы, родительские предпочтения.

Arutyunyan Marianna Martunievna

URGENT PREFERENCES AND EXPECTATIONS OF PARENTS IN THE CONTEXT OF THE CHOICE AND ESTIMATION OF SCHOOL ACTIVITY

We should take into consideration diverse and changing needs and demands of the society for the transparency of education as a social institution. However, while studying the urgent priorities of the participants of the educational process, in particular, parents, we realize the need to be wary while using parental preferences as a direct guide for management decision-making in the field of education and, on the other hand, we should make account of opportunities and prospects development of a culture of consumer demands of the parents as individuals of the choice and estimation of school activity.

Key words: estimation of school activity, the quality of education, school choice, parental preferences.

Информационное взаимодействие с различными социальными субъектами, изучение и учет разнообразных и изменяющихся ожиданий, потребностей и запросов заинтересованной общественности и, в частности, родителей (или замещающих лиц, представляющих интересы учащегося), к качеству образования обеспечивает открытость образования как социального института.

В этой связи очень важно разобраться в многообразии предпочтений, ожиданий и причин, обуславливающих родительские суждения, мнения и оценку деятельности школы, побуждающих родителей совершать выбор в пользу той или иной модели образования или школы, а также в том, какая именно информация, предоставляемая школой и обществом в целом, обеспечит осознанное электоральное поведение родителей в ситуации выбора, связанного с образованием детей.

Можно констатировать, что родителями востребован широкий спектр информации, соответствующей их приоритетам и ожиданиям, на которую они полагаются в реализации своих прав и возможностей как потребители образовательных услуг и субъекты выбора и оценки деятельности школы [1, 3, 5, 7]. В этом случае важно идентифицировать информацию, востребованную родителями, изучить степень валидности атрибутов и характеристик школы, которым они отдают предпочтение, а также обеспечить заинтересованных родителей релевантной информацией, расширяющей их возможности стать информированными, активными и эффективными потребителями образовательных услуг, осознанно принимать решения, отвечающие социальным и образовательным потребностям детей и семей.

Внушительный объем и опыт исследований, посвященных открытому образованию, богатый арсенал исследовательских методик, высокая культура научного исследования, – все это побудило обратиться к изучению и анализу современных зарубежных исследований, выполненных в несколько иной, отличной от нашей, научной традиции, однако способных обогатить и детализировать наши

представления как о предмете исследовательского интереса – детерминантах, содержании и оценочно-электоральном потенциале родительских ожиданий и запросов к качеству школьного образования, так и о логике самого процесса исследования.

Так, в масштабном исследовании, осуществленном Дж. Келли и Б. Скэфиди [6], приняли участие 962 родителя школьников, из них 754 респондента предоставили полные данные для решения следующих вопросов:

- сосредотачиваются ли родители, выбирающие школу, в наибольшей степени, по их мнению, соответствующую потребностям детей, прежде всего, на результатах стандартизированных тестов, или они полагаются на разнообразные факторы, в том числе безопасность, размер класса, учебная дисциплина, возможность получения религиозного образования и пр.;
- какой информацией о школах должны быть обеспечены родители и общество в целом, что позволило бы родителям сделать осознанный выбор в отношении образования их детей?
- Важно, что все родители, выступавшие в качестве респондентов, прошли через осуществление осознанного выбора частной школы для своих детей, что, по предположению авторов исследования, может свидетельствовать о свойственной им большей способности заявлять о своих предпочтениях.

Основные выводы исследования Дж. Келли и Б. Скэфиди:

- в первую пятерку причин, по которым родители выбирают школу для своих детей, входят причины, связанные с атмосферой школы и особенностями классного руководства: «учебная дисциплина» (50,9 %), «среда обучения» (50,8 %), «небольшое количество учеников в классе» (48,9 %), «безопасность» (46,8 %), и «индивидуальный подход к ребенку» (39,3 %);
- результаты стандартизированных тестов являются одним из наименее важных показателей, на основании которых родители принимают решение о выборе школы для своих детей. Только 10,2 % из числа родителей, принявших участие в исследовании, назвали тестовые баллы в качестве одной из пяти основных причин выбора конкретной школы для своего ребенка;
- родителями востребован широкий спектр информации, призванной помочь им принять решение о выборе школы для своих детей, в том числе – количество учеников, приходящихся на одного учителя, средний размер класса (84,2 %), описание учебных программ и курсов (69,9 %), наличие религиозного образования (56 %), расовый, этнический и социально-экономический состав учеников (21,5 %) и др.;
- родители выражают желание быть информированными потребителями образовательных услуг, причем около 93 % родителей демонстрируют понимание необходимости достаточно серьезных временных затрат для получения нужной информации;
- вопреки определенным ожиданиям, родители с низким уровнем дохода, одинокие родители, а также родители, не имеющие высшего образования готовы и способны быть информированными и активными потребителями образования от имени своих детей [6].

Весьма интересно, что в качестве «самой главной» (одной из главных) причины (основания) выбора школы для своего ребенка родители назвали «лучшее качество образования» (28,2 %), «религиозное образование» (28,1 %), «учебная среда» (10,9%), «безопасность» (7 %), «небольшие размеры класса» (4,4 %), «лучше подготовка к поступлению в колледж» (4,2%) и «внимание к уникальным потребностям моего ребенка» (4,1 %). При этом ни один из респондентов не назвал «стандартизированные экзаменационные баллы» в качестве «самой важной причины» для своего выбора.

Интересные данные представлены в работе П. Ди Перна (Paul Di Perna, 2013), в которой исследованы характеристики школы, являющиеся «ключевыми» с точки зрения матерей детей школьного возраста. Обнаружено большое разнообразие «ключевых», предпочитаемых, с точки зрения матерей, атрибутов. Наиболее часто встречающимся «ключевым» атрибутом оказалось «качество образования» (15 %). Вторым предпочитаемым атрибутом был размер класса (10 %). На третьем месте оказался индивидуальный подход (9 %) [2].

Британские ученые С. Гиббонс и О. Силва [3] осуществили исследование, основными источником данных для которого были результаты лонгитюдного обследования молодежи Англии (LSYPE), в котором приняли участие примерно 15 500 четырнадцатилетних учащихся из порядка 600 средних школ Англии, а также данные о школьных и ученических характеристиках, в частности, результатах стандартных национальных тестов, собранных и хранимых Департаментом по делам детей, школ и семей Великобритании (DCSF). Исследование также включало интервью с родителями или опекунами учеников с целью собрать информацию о семье.

Анкета включала в себя обширный набор вопросов о радости, счастье и удовольствии от пребывания ребенка в школе, об общем отношении школьника к образованию, о хулиганстве и школьных факторах риска. Ученые искали ответы на следующие вопросы:

- 1) в какой степени отношения между школьниками и родителями связаны с результатами стандартных тестов?
- 2) в какой мере восприятие родителями качества школьного образования связано с переживанием их детьми счастья и удовольствия в школе?

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы:

- родительское мнение о качестве школы зависит от усредненных результатов тестов в гораздо большей мере, чем от других характеристик, причем это тезис оказался верным для родителей из разных слоев общества, не зависимо от способностей, присущих детям;
- переживание школьником счастья и удовольствия в школе слабо связано со школьной успеваемостью.

Тем не менее, исследователи отмечают признаки понимания обществом того, что качество образования не одномерно, что, наряду с успеваемостью, можно выделить ряд важных результатов, таких как «быть здоровым», «оставаться в безопасности», «наслаждаться и достигать», «внести позитивный вклад» и др., степень реализации которых можно использовать в качестве инструментов оценки качества школьного образования с гораздо большей степенью валидности.

В процессе исследования, проведенного британскими учеными Д. Зихэндлар и А. Уинклер, были опрошены 2007 родителей школьников относительно их предпочтений среди 30 школьных характеристик и 17 вариантов целей, реализуемых школой. Д. Зихэндлар и А. Уинклер обнаружили, что родители имеют самые разнообразные предпочтения в отношении как атрибутов школы, так и целей для своих детей. Тем не менее, подавляющим большинством родителей «сильный основной учебный план по чтению и математике» и «образование в области естественных наук, технологий, инженерии и математики (STEM)» ранжируются как высокие приоритеты. Кроме того, значительное большинство родителей определяет «навыки исследования и самодисциплины», «сильные навыки критического мышления» и «сильные устные и письменные коммуникативные навыки» как важные цели для своих детей. При этом позиции «подготовить студентов к тестам» и «высокие результаты тестов» заняли только 18 и 19 места из 30 школьных характеристик [7].

Так, ученые Гарвардского университета Эдвард Л. Глэйзер, Стив Пофтак и Крис на Тобио призывают с осторожностью относиться к использованию результатов исследования родительских предпочтений в качестве прямого руководства для принятия управленческих решений в области образования, обращая внимание на нетождественность понятий «высокий спрос» и «высокое качество образования». В своем исследовании Эдвард Л. Глэйзер, Стив Пофтак и Кристина Тобио выявили существенные корреляции между школьными характеристиками и родительскими предпочтениями, базируясь на большом массиве данных о выборе родителями школы среди множества государственных школ Бостона. Была выявлена высокая корреляция между результатами стандартизированных тестов по математике и популярностью школ (в начальных и старших классах), хотя использование результатов стандартизированных тестов Масачусетской комплексной системы оценки (MCAS) в качестве индикатора качества образования, по мнению самих авторов исследования, требует дополнительного обоснования. Обнаружена зависимость между популярностью школы и характеристиками района, в котором она находится, однако та-

кие характеристики как состояние школьного здания, площадь, приходящаяся на одного учащегося, наличие гимнастического зала, наличие компьютеров в классах, – оказывают значительно меньшее влияние на популярность школы.

Исследователи убеждены в том, что данные о выявленных родительских предпочтениях должны составлять основу для дальнейших исследований, связанных с качеством образования [4].

Дж. Гастингс, Р. Уилден и Дж. Уэйнштейн осуществили исследование в государственных школах г. Шарлотт (округ Мекленберг, США) с целью выявления детерминации предпочтения родителями академических показателей в качестве основных при выборе и оценке школы, а также степени влияния усилий и затрат на получение родителями информации о школе на родительские предпочтения. Было показано, что предоставление упрощенной информации об академических характеристиках школы способствует предпочтению академической успеваемости в сочетании с получением информации о шансах претендента быть зачисленным в школу [5].

Таким образом, подводя итоги проведенного анализа исследований современных зарубежных ученых, посвященных актуальным предпочтениям и ожиданиям родителей в контексте выбора и оценки деятельности школы, можно констатировать, что родителями востребован широкий спектр информации, соответствующей их приоритетам и ожиданиям, на которую они полагаются в реализации своих прав и возможностей как потребители образовательных услуг в интересах детей. Обеспечение заинтересованных родителей релевантной информацией о характеристиках деятельности школы расширяет их возможности быть информированными, активными и эффективными потребителями образовательных услуг, принимать обоснованные решения, быть полноправными участниками образовательного процесса, отвечающего социальным и образовательным потребностям детей и семей.

Однако родителям как потребителям образовательных услуг свойственна высокая степень неоднородности предпочтений, приоритетов и ожиданий в отношении школьного образования, в связи с чем исследователи, обращая внимание на нетождественность понятий «высокий спрос» и «высокое качество образования», призывают с осторожностью относиться к использованию выявленных родительских предпочтений в качестве прямого руководства для принятия управленческих решений в области образования.

Литература

1. Burgess S., Greaves E., Vignoles A., Wilson D. What parents want: school preferences and school choice / DoQSS Working Paper: University of London. No 09-01. June 2010. URL: <http://repec.ioe.ac.uk/REPEc/pdf/qsswp0901.pdf>. (дата обращения: 25.09.2014).
2. Di Perna P. Schooling in America Survey: What Do Mothers Say About K-12 Education: Polling Papers. Indianapolis: Friedman Foundation for Educational Choice, 2013. URL: <http://www.edchoice.org/Research/Reports/Schooling-in-America-Survey-What-Do-Mothers-Say-About-K-12-Education.aspx> (дата обращения: 25.09.2014).
3. Gibbons S., Silva O. School Quality, Child Wellbeing and Parents' Satisfaction. London: Centre for the Economics of Education; London School of Economics Houghton, 2009. URL: http://www.iza.org/conference_files/TAM_08/silva_o2442.pdf (дата обращения: 25.09.2014).
4. Glaeser E. L., Pofstak S., Tobio K. What Do Parents Want? An Exploration of School Preferences Expressed by Boston Parents. Boston: Rappaport Institute for Greater Boston, Harvard University, 2013. URL: <http://www.hks.harvard.edu/news-events/news/articles/what-do-boston-parents-want> (дата обращения: 25.09.2014).
5. Hastings J. S., Weelden R. V., Weinstein J. M. Preferences, Information, and Parental Choice Behavior in Public School Choice. New Haven: Yale University, 2007. URL: <http://www.nber.org/papers/w12995> (дата обращения: 25.09.2014).
6. Kelly J. P., Scafidi B. More than scores: An Analysis of Why and How Parents Choose Private schools. Indianapolis: Friedman Foundation for Educational Choice, 2013. URL: <http://www.edchoice.org/Research/Reports/More-Than-Scores--An-Analysis-of-Why-and-How-Parents-Choose-Private-Schools.aspx> (дата обращения: 25.09.2014).
7. Zeelandelaar D. and Winkler A. M. What Parents Want: Education Preferences and Trade-Offs: A National Survey of K-12 Parents. Washington, DC: Thomas B. Fordham Institute, 2013. URL: <http://www.edexcellence.net/publications/what-parents-want.html> (дата обращения: 25.09.2014).

УДК 37.013

Гузева Мария Владимировна

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается процесс развития медиаобразования в условиях информационного общества. Автором предпринимается попытка осмысления нового для современного научно-педагогического исследования понятия «медиаразвитие». Анализируются условия формирования и развития медиакомпетентности будущих специалистов в области образования.

Ключевые слова: медиаобразование, медиакомпетентность, мультимедийные технологии, медиаразвитие.

Guzeva Marya Vladimirovna

ANALYSIS OF PROBLEM FIELD IN MEDIAEDUCATION

The item dwells on the process of media-education development in the information-based society. The author attempts to comprehend media-education – a concept that is for the contemporary science-pedagogic research. There is also an analysis into the conditions for shaping and developing media-competence in future teaching experts.

Key words: media-education, media-competence, multimedia technologies, media-development.

Современному периоду развития общества присущи кардинальные изменения в сфере взаимодействия человека и информации. Роль информации и знаний сегодня значительно возрастает, так же как увеличивается и доля информационных коммуникаций. Доступность к мировым информационным ресурсам обеспечивает глобальное информационное пространство, помогающее эффективному информационному взаимодействию людей и удовлетворению их потребностей в информационных услугах [1].

На этом фоне уровень подготовленности аудитории к активному использованию информации и адекватной самостоятельной переработке медийного содержания приобретает несколько иное значение.

«Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», утвержденная Президентом РФ В. В. Путиным в 2008 году, нацеливает систему отечественного образования на информатизацию всех сфер жизнедеятельности российского общества и переход на новый качественный информационный уровень [6]. В условиях глобальной информатизации общества, формирования новой информационной окружающей среды одна из самых важных задач системы ВПО — подготовка педагога, который свободно разбирается и в своей предметной области и в перспективных информационно-коммуникационных технологиях, связанных с его профессиональной деятельностью.

В профессиональной педагогике проблема подготовки подрастающего поколения к жизни в современных медиаусловиях является одной из актуальных. Информатизация общества, внедрение в образовательную сферу средств информационных и коммуникационных технологий открывает новые перспективы для повышения эффективности учебно-воспитательного процесса, самообразования, дистанционного обучения, повышения качества и доступности образования. Медиаобразование рассматривается в качестве одного из первостепенных направлений развития информационно-коммуникационных технологий в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [2].

За рубежом исследованиями в области медиаобразования занимались Л. Мастерман, П. Гринэвей, Б. Мак-Махон, Р. Куин, К. Бээлгэт и др. В разные годы проблеме российского медиаобразования были посвящены исследования А. В. Федорова, А. В. Шарикова, Л. С. Зазнобиной, О. А. Баранова, Е. А. Бондаренко, М. И. Жабского, И. В. Вайсфельда, И. С. Левшиной, С. Н. Пензина, Г. А. Поличко, А. В. Спичкина, Ю. Н. Усова и др. Проблема развития медиаобразования широко обсуждается в настоящее время научно-педагогическим сообществом. Изучение и анализ трудов ведущих российских исследователей показало, что трактовка медиаобразования на современном этапе неоднозначна.

В Российской педагогической энциклопедии медиаобразование рассматривается как одно из направлений педагогики, в рамках которого предполагается изучение закономерностей средств масс-медиа, что в свою очередь поможет адаптации в мире медиакультуры, и освоении возможностей средств масс-медиа [5].

А. В. Федоров дает определение медиаобразованию как процессу развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа). Формирование культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники является целью медиаобразования, согласно концепции А. В. Федорова [7].

А. В. Шариков определяет медиаобразование как теоретические знания и практические умения, необходимые для овладения современными средствами массовой коммуникации как части специфической и автономной области знания педагогической теории и практики, и делает акцент на том, что медиаобразование следует отличать от преподавания других областей знания с использованием вспомогательных средств [8].

Главная задача медиаобразования — подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации. Необходимо научить человека понимать поступающую информацию, понимать последствия ее воздействия на сознание, а так же научить овладевать способами коммуникации на основе невербальных форм общения посредством технических средств и современных информационных технологий. Эхом эта мысль отзывается в учебном пособии Е. В. Мурюкиной, И. В. Чельшевой, которые в качестве одной из главных задач медиаобразования выделяют развитие критического мышления, умение понимать скрытый смысл того или иного сообщения и т. д. [4].

В нашем представлении, медиаобразование — это целенаправленный процесс и результат воспитания и обучения индивида на материалах медиа и с помощью материалов медиа, целью которого является создание внешних и внутренних условий для медиаразвития индивида в процессе усвоения им ценностей культуры, воспитания и самовоспитания, развития и социализации на материале средств массовой коммуникации.

Под медиаразвитием индивида мы понимаем преимущественно прогрессирующий процесс закономерного совершенствования компетенций индивида в соответствии с условиями информационного общества, ориентированного на качественное изменение методики и технологии получения и усвоения информации.

Проведенный анализ нормативных документов в области образования (Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года» и др.), показал несоответствие современной системы профессиональной медиаподготовки специалистов в области образования в вузе требованиям, отраженным в этих документах. Организация педагогического процесса в вузах, специализирующихся на подготовке будущих специалистов в области образования, проходит в традиционном формате. Совершенствуя систему высшего профессионального образования студентов педагогического направления подготовки, необходимо уделять внимание формированию их информационного мировоззрения, подготовке и адаптации к условиям жизни и труда в информационном сообществе, которое, с одной стороны, открывает для человека возможности доступа к новым знаниям, с другой, несет многочисленные риски и опасности. В связи с этим перед системой профессионального педагогического образования возникает необходимость решения проблемы подготовки будущих педагогов к профессиональной деятельности в условиях информационного общества; обучения их эффективному использованию возможности информационных и коммуникационных технологий и умению защищаться от негативных воздействий их применения.

Продолжая рассуждать о феномене медиаобразования, мы приходим к мысли о том, что эффективность дидактического процесса медиаобразования в значительной степени зависит от выбора и внедрения тех или иных методов обучения, приемов, организационных форм обучения и т. д.

Стремительная динамика развития общества предъявляет к современному выпускнику вуза серьезные требования, предполагающие овладение им необходимыми профессиональными компетенциями. Профессиональная компетентность специалиста определяется совокупностью профессионально значимых качеств как для личности, так и для общества в целом, позволяющих человеку реализовать себя в какой-либо конкретной трудовой деятельности [3].

Проектируя данный тезис, заключаем, что медиакомпетентность – сложное личностное образование, включающее в себя совокупность знаний о медиа, умений и навыков их практического применения, позволяющих человеку в полном объеме реализовать себя в условиях информационного общества.

Можно предположить, что преподаватель вуза, в свою очередь нацеленный на формирование медиакомпетентной личности в лице студента – будущего педагога, готовящегося к осуществлению профессиональной деятельности в условиях информационного общества, должен организовать соответствующую подготовку студентов к реализации медиаобразования в общеобразовательных учебных заведениях. Этот процесс будет успешным при реализации следующих организационно-педагогических условий образовательного процесса вуза:

- включение медиаобразовательных компетенций в стандарты высшего педагогического образования;
- наполнение дисциплин учебного плана содержанием медиаобразовательного характера;
- привлечение студентов к активной медиадеятельности в процессе изучения дисциплин учебного плана.

Реализация данных условий будет способствовать, на наш взгляд, формированию и развитию медиакомпетентности будущих специалистов в области образования, готовых к реализации медиаобразования в общеобразовательных учреждениях.

Однако здесь также необходимо выделить проблему освоения преподавателями вузов мультимедийных технологий, без чего невозможна динамичная аудиовизуальная форма подачи учебной информации и профессиональной готовности вузовских преподавателей к использованию средств медиа в практике образовательного процесса, поскольку большинство педагогов сформировались в определенной системе мышления, связанной, в большей мере, с четко организованной информацией, получаемой через стандартизированные образовательные программы, учебники, книги и журналы. Современный же студент находится в условиях, когда знания, транслируемые педагогом, перекрываются потоком информации, идущей, в том числе, со стороны средств массовой коммуникации.

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что проблема реализации медиаобразования в системе высшего профессионального образования остается актуальной и требует дальнейшего исследования, поскольку процесс формирования информационного общества, расширение коммуникаций предъявляют растущие требования к профессиональной компетентности и функциональной грамотности каждого человека, и особенно педагога.

Литература

1. Информационное общество // Глоссарий. ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlt%20\(uwsg.outtul!uh\\$lxylu](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlt%20(uwsg.outtul!uh$lxylu).
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601/
3. Куткина О. П. Педагогические условия формирования медиа-компетентности будущих библиотечно-информационных специалистов: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2006. 225 с.
4. Мурюкина Е. В., Чельшева И. В. Развитие критического мышления студентов педагогического вуза в рамках специализации «Медиаобразование». Учебное пособие для вузов / отв. ред. А. В. Федоров. Таганрог: Изд-во Кучма, 2007. 162 с.

5. Российская педагогическая энциклопедия, 1993, с. 555
6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212. Минкомсвязь России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=15.
7. Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиа-педагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. 64 с.
8. Федоров А. В., Чельшева И. В. Медиаобразование в современной России: основные модели // Высшее образование в России. 2004. № 8. С. 34–39.

УДК 371

Ромашева Наталья Борисовна, Дегтярева Марина Николаевна

ПРЕДМЕТНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТЬ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В статье представлены теоретическое обоснование и практическая реализация модели развития предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителя иностранных языков в контексте профессионального стандарта «Педагог» и ФГОС общего образования (на примере Ставропольского края).

Ключевые слова: профессиональный стандарт педагога, предметно-педагогическая ИКТ-компетентность, иностранный язык.

**Romaeva Natalia B., Degtyareva Marina N.
SUBJECT-PEDAGOGIC ICT-COMPETENCE FOR TEACHERS
OF FOREIGN LANGUAGE**

The article offers a theoretical rationale for the practical implementation of the model for developing subject-pedagogic ICT-competence in foreign language teachers given the context of the professional standard "PEDAGOGUE" and the Federal State Educational Standard for general education (example of Stavropol region).

Key words: pedagogue's professional standard, subject-pedagogic ICT-competence, foreign language.

Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», утвержденный 18 октября 2013 г. № 544н, в качестве необходимых умений современного педагога определяет владение ИКТ-компетентностями: общепользовательской, общепедагогической и предметно-педагогической. Наименее разработанным в настоящее время является предметно-педагогический компонент ИКТ-компетентности, отражающий специфику преподаваемого предмета, в том числе и для учителей иностранных языков.

Федеральные государственные образовательные стандарты начального (2009 г.) и основного (2010 г.) общего образования также предъявляют особые требования к материально-техническому и информационному оснащению образовательного процесса и соответственно совершенно новые требования к ИКТ-компетентности учителей-предметников как части их профессиональной компетентности.

За последние годы в отечественной и зарубежной науке был создан корпус исследований, в которых изучались вопросы использования средств синхронной и асинхронной коммуникации, а также учебных Интернет-ресурсов в процессе обучения иностранному языку и культуре (J. Belz, S. Thorne, S. Mills, A. Muller-Hartmann, R. O'Dowd, L. Lee, B. Г. Апальков, З. В. Возгова, Н. Н. Григорьева, М. Н. Евстигнеев, О. В. Казакова, А. Ю. Муратов, Е. С. Полат, И. Н. Розина, П. В. Сысоев, Н. С. Тырхеева, А. Ю. Уваров).

Взяв за основу компонентный состав ИКТ-компетентности учителя иностранных языков, представленный П. В. Сысоевым и М. Н. Евстигнеевым [1]: когнитивный, операционный, аксиологический, коммуникативный и рефлексивный, мы сочли необходимым добавить еще один компонент – технический, так как считаем, что технический компонент включает в себя умение педагога эффективно использовать технические средства в учебном процессе на уроке, не прибегая к помощи технического специалиста. При этом ФГОС общего образования делает акцент на том, что «эффективное использование информационно-образовательной среды предполагает компетентность сотрудников образовательного учреждения в решении профессиональных задач с применением ИКТ, а также наличие служб поддержки применения ИКТ. Обеспечение поддержки применения ИКТ является функцией учредителя образовательного учреждения» [2]. Но даже при наличии служб поддержки применения ИКТ (которые на сегодняшний день не функционируют в школе) полагаем, что современному учителю необходимо умение разбираться в многообразии технических средств обучения (ТСО) и эффективно применять их в учебном процессе. Таким образом, актуальность добавленного технического компонента не вызывает сомнения, так как технические средства обучения нового поколения объединяя в себе все преимущества современных мультимедийных и интерактивных технологий, выводят процесс обучения на качественно новый современный уровень.

В итоге нами выделены 6 компонентов предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителя иностранных языков:

- аксиологический – осознание ценности и значимости информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для эффективного преподавания иностранных языков, мотивация использования новых ИКТ в профессиональной деятельности учителя иностранных языков для решения учебных целей и задач;
- когнитивный – усвоение знаний о возможности использования ИКТ в обучении иностранному языку, а также понимание целей и задач и видение способов и результатов интеграции ИКТ в обучении иностранному языку;
- операционный – умения практического использования ИКТ в обучении иностранному языку; умение использовать технологии Веб 2.0 (социальные сервисы блогов, вики, подкастов, закладок) в обучении иностранному языку, свободное использование оболочек, предлагаемых технологиями Веб 2.0;
- коммуникативный – формирование навыков общения на изучаемом языке при помощи инфокоммуникационных технологий и использование языка как средства работы с информацией на иностранном языке; использование блогов в индивидуальной или групповой работе в классе, создание авторских блогов и подкастов, редактирование чужих вики-страниц и т. д.;
- технический – умение применять материально-технические средства, используемые для обеспечения многообразных методов обучения иностранному языку, знание и понимание принципа действия устройств, основных приёмов работы с ними, правил технического обслуживания, санитарно-гигиенических норм применения в учебном процессе;
- рефлексивный – умение адекватно оценивать уровень инфокоммуникационной компетентности, как собственной, так и учащихся, и разрабатывать программу ее развития.

За последние годы в Ставропольском краевом институте развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования (СКИРО ПК и ПРО) появилась потребность в качественном обновлении традиционных форм повышения профессиональной компетентности учителей иностранных языков на основе кредитно-модульной системы а также возможность в ее реализации через краткосрочные курсы повышения квалификации; проблемные тематические курсы; дистанционное обучение; обучение по индивидуальному плану; Интернет-форумы, конкурсы, чаты; фестиваль мастер-классов; методические семинары, семинары-практикумы; методические дни, недели в ОО; участие педагогов в конкурсах профессионального мастерства.

В соответствии с общеевропейскими принципами обучения иностранному языку были разработаны и внедрены в учебный процесс СКИРО ПК и ПРО программы на основе кредитно-модульной системы по совершенствованию предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителей иностранных языков, что оказалось перспективным средством повышения уровня их профессионального мастерства.

Разработанная модель развития предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителей иностранных языков имеет горизонтально-вертикальную структуру, дающую возможность обеспечения индивидуальной траектории профессионального развития учителей иностранных языков с учетом их разноуровневой подготовки в области инфокоммуникационных технологий (см. рисунок).

Из предложенного списка модульных программ СКИРО ПК и ПРО потенциальные слушатели могут выбрать групповые или индивидуальные образовательные маршруты прохождения курсов повышения квалификации, состоящие из отдельных модульных программ, образующих в целом возвращенную программу курсов повышения квалификации.

Повышение квалификации на основе кредитно-модульной системы позволяет учителю иностранных языков определять его индивидуальную траекторию обучения и тем самым выбирать вариативные модули в соответствии с его уровнем предметно-педагогической ИКТ компетентности: базовый, организационно-педагогический, углубленно-предметный, которые определяются на основе входного тестирования. Анкета для выявления уровня сформированности когнитивного, операционного и технического компонентов инфокоммуникационной компетентности учителей иностранных языков разработана на основе материалов сайта Learning and teaching with the Web по оценке уровня инфокоммуникационной компетентности преподавателей иностранных языков [3]. Для выявления уровней сформированности аксиологического, коммуникативного и рефлексивного компонентов мы использовали анкету, разработанную проректором по ИКТ СКИРО ПК и ПРО Ю. Н. Сергеевым [4], адаптировав ее под учителя иностранных языков.

Реализация модели развития предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителей иностранных языков на основе кредитно-модульной системы повышения квалификации происходит в два этапа.

Первый этап – этап курсовой подготовки, направленный на формирование базового, (модули «Основы компьютерной грамотности и инфо-коммуникационные технологии», «Современные технические средства обучения иностранному языку», «Дидактические возможности ИКТ в учебном процессе»), организационно-педагогического (модули «Интернет-технология как средство обучения иностранным языкам», «Разработка компетентностно ориентированных заданий по иностранному языку средствами ИКТ», «Цифровые образовательные ресурсы на уроках иностранного языка»), предметно углубленного (модули «Технические средства обучения или медиаобразование в образовательном учреждении», «Интерактивные информационные технологии как средство мотивации изучения иностранного языка», «Сетевые образовательные сообщества и проекты по иностранным языкам») уровней предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителей иностранных языков и их подготовку к эффективной работе в сети Интернет.

Второй этап – этап сетевой деятельности учителей, способствующий развитию уровня предметно-педагогической ИКТ-компетентности и их профессиональному росту, связанный с организацией эффективного взаимодействия слушателей в сетевых образовательных сообществах (портал «Открытый класс»; федеральные и региональные сетевые образовательные проекты на ресурсе «Летописи»; разработка и сопровождение сетевых образовательных проектов в Wiki-среде; участие в федеральных и региональных конкурсах проектов).

Так, например, по завершении изучения модуля «Интерактивные информационные технологии как средство мотивации изучения иностранного языка» учителя иностранных языков были ознакомлены с основными направлениями и тенденциями развития интерактивных технологий; критериями выбора и основными характеристиками интерактивных технических средств, используемых при

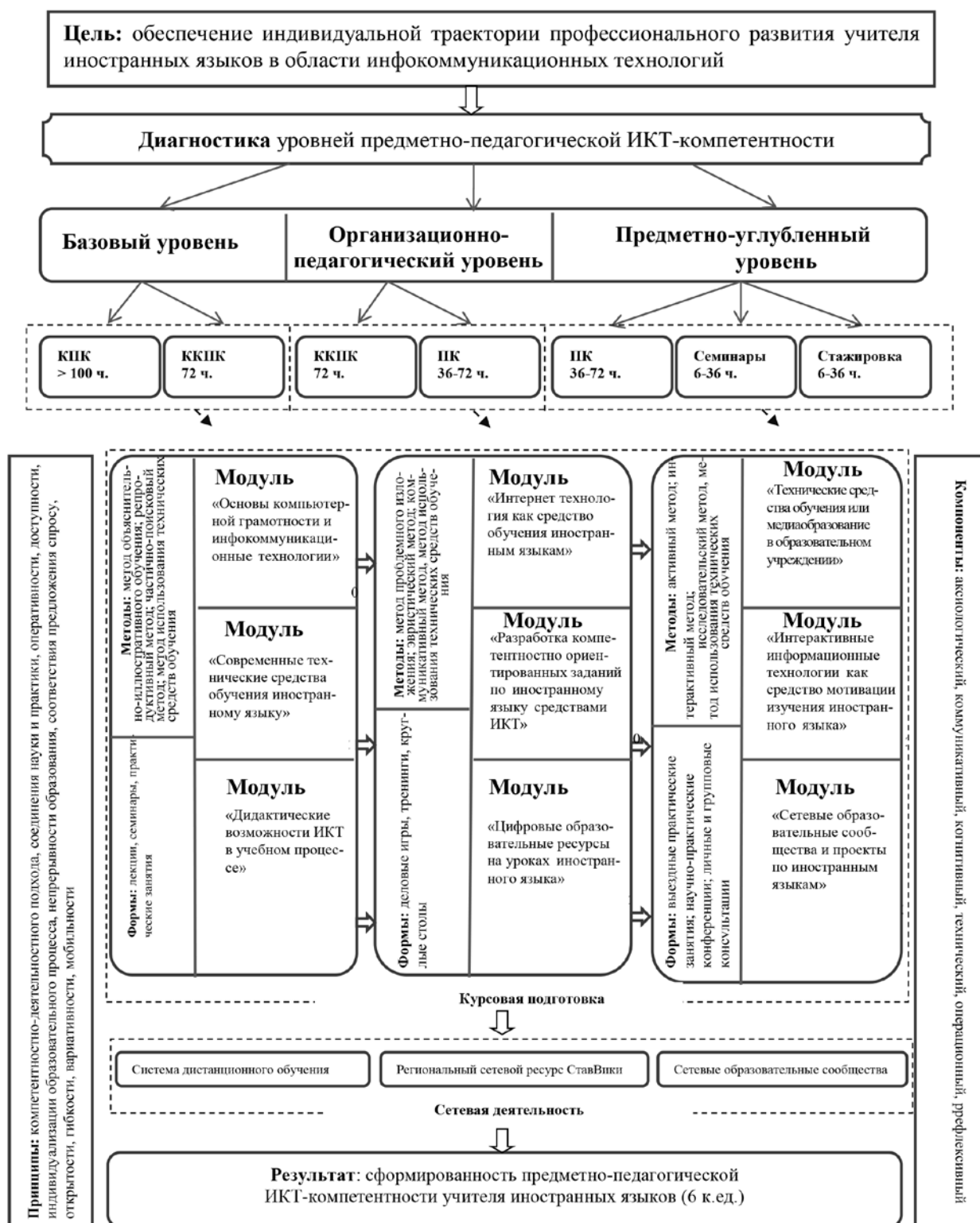

Рис. Модель развития предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителя иностранных языков на основе кредитно-модульной системы повышения квалификации

обучении иностранным языкам. Учителя научились выбирать эффективные методические приемы, технические и информационные средства для достижения цели учебного предмета «Иностранный язык» и решения его задач, а также ориентироваться в основных технических характеристиках новейших интерактивных средств. Этот модуль позволил учителям приобрести навыки комплексного подхода к решению задач использования интерактивных технологий в процессе преподавания иностранного языка, а также навыки самостоятельной работы с программными и аппаратными средствами для реализации различных видов учебных занятий и образовательных, педагогических технологий; организовать интерактивное обучение, ведущее к взаимопониманию, взаимодействию, совместному решению общих вопросов в изучении иностранного языка.

При изучении материалов данного модуля учителями было уделено особое внимание коммуникативной компетентности как основной компетентности обучения иностранным языкам, развитие которой весьма затруднительно вне языковой среды. Поэтому решение данного вопроса учителя иностранных языков видят в создании реальных и воображаемых ситуаций общения на уроке, используя для этого различные методы и приемы работы (ролевые игры, дискуссии, творческие проекты и др.). В рамках данного модуля учителям иностранных языков было предложено знакомство с учебными виртуальными турами, использование которых способствует реализации важнейшего требования коммуникативной методики «представить процесс овладения языком как постижение живой иноязычной действительности». Познакомившись с данной программой, позволяющей совершать увлекательные виртуальные экскурсии и создающей у зрителя полную иллюзию присутствия, учителя иностранных языков отметили ряд ее достоинств:

- интерактивность (в ходе «путешествия» можно приблизить или отдалить какой-либо объект, оглядеться по сторонам, подробно рассмотреть отдельные детали интерьера, обозреть панораму издалека, посмотреть вверх и вниз, приблизиться к выбранной точке или удалиться от нее, через активные зоны переместиться с одной панорамы на другую, например, погулять по отдельным помещениям и т. п.);
- значимость и мотивация (возможность «путешествовать» по разным странам, посещая парки, памятники и любые другие достопримечательности страны изучаемого языка во время урока в качестве туристов или гидов);
- индивидуализация обучения и развитие мотивированности речевой деятельности обучающихся (развивается такой вид мотивации как самомотивация, когда ролик интересен сам по себе, и это приносит удовлетворение и придает веру в свои силы и желание к дальнейшему совершенствованию, а также удовлетворение от увиденного именно через понимание языка, а не только через интересный и занимательный сюжет);
- эмоциональное воздействие на учащихся (развитие различных сторон психической деятельности учащихся, и, прежде всего, внимания и памяти).

Завершающим в серии разработанных нами модулей стал модуль «Сетевые образовательные сообщества и проекты по иностранным языкам», изучив который, учителя иностранных языков приобрели компетентность организовывать личное профессиональное пространство в сети Интернет, а именно создавать и принимать участие в работе профессиональных сетевых сообществ учителей иностранных языков, организовать обсуждение профессиональных вопросов и инициировать сетевые активности учащихся с использованием инструментов и сервисов Web 2.0. Кроме того, педагоги научились применять некоторые основные сервисы и инструменты Web 2.0 (создавать вики-страницу, вести блог, участвовать в форуме, создавать анкету или опрос с использованием специальных сервисов, настраивать поисковые системы под индивидуальные задачи, применять классификацию и т. п.) при обучении учащихся аспектам языка и видам речевой деятельности на уроках иностранного языка.

На региональных открытых ресурсах для организации сетевого взаимодействия в конце 2013 г. работали более 500 учителей иностранных языков Ставрополя. Активная работа в сетевых сообществах учителей иностранных языков проводится на ресурсе регионального узла Ставропольского

края на портале «Открытый класс» (<http://www.openclass.ru/stavkrai>). Здесь публикуются разработки уроков, обсуждаются актуальные вопросы преподавания иностранного языка, размещается информация об олимпиадах, конференциях, сетевых конкурсах для учителей и учащихся.

Особое место в организации сетевого взаимодействия учителей иностранных языков и школьников занимают региональные сетевые конкурсы и проекты в Wiki-среде (<http://wiki.srkc.ru.>), основная задача которой – создание электронного образовательного ресурса регионального содержания для взаимодействия и представления результатов проектной деятельности учащихся и учителей.

Опыт работы по организации различных форм сетевого взаимодействия учителей иностранных языков в Ставропольском крае позволяет сделать вывод о том, что этот вид деятельности дает возможность продолжения совершенствования ИКТ-компетентности учителей иностранных языков после курсовой подготовки, качественно решать задачи развития учительского потенциала и повышения их профессиональной компетентности.

Иными словами, организованное общение на курсах повышения квалификации учителей иностранного языка при помощи ИКТ позволило подготовить слушателей для дальнейшего сетевого взаимодействия и постоянного повышения их уровня предметно-педагогической ИКТ-компетентности.

Особо хотим отметить тот факт, что развитие предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителя иностранных языков не завершается с окончанием курсов повышения квалификации. Кредитно-модульная система дает возможность регулярного повышения квалификации и выбора образовательного модуля согласно запросам и потребностям слушателя в определенный временной отрезок.

Литература

1. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Компетенция в области использования информационно-коммуникационных технологий учителя иностранного языка: определение понятий и компонентный состав // Иностранные языки в школе. 2011. № 6. С. 16–20.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://standart.edu.ru>
3. Learning and teaching with the Web [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://titova.ffl.msu.ru/for-teachers/test-your-ict-competence.html>.
4. Сегреев Ю. Н. Развитие инфокоммуникационной компетентности учителя начальных классов в системе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2012. 190 с.

УДК 376.5; 159.928

Соловьева Светлана Николаевна,
Чаленко Ольга Александровна

ДЕТСКАЯ ОДАРЕННОСТЬ И ГОТОВНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ К РАБОТЕ С ОДАРЕННЫМИ СТАРШЕКЛАССНИКАМИ

В статье авторы анализируют специфические особенности одаренной личности ребенка и описывают структуру готовности учителей к работе с одаренными старшеклассниками в специализированном образовательном учреждении.

Ключевые слова: феномен одаренности, учебная мотивация, профессиональная готовность учителя.

Solovyeva Svetlana Nikolaevna, Chalenko Olga Alexandrovna
**CHILD ENDOWMENT AND TEACHERS' READINESS
TO WORK WITH GIFTED SENIOR SCHOOLERS**

The authors analyze specific features of gifted children and describe the structure of teachers' readiness to work with gifted children in a specialized educational institution.

Key words: endowment phenomenon, motivation for education, teacher's professional readiness.

Обучение одаренных детей имеет выраженную специфику, обусловленную особенностями их личности, проявляющимися в процессе учения. В данном контексте детскую одаренность необходимо рассматривать в качестве системы личностных характеристик, от которых зависит продуктивность учебной деятельности. При этом обозначенную систему определяет взаимопроникающая целостность интеллекта и всех других свойств и способностей личности, в частности, эмоциональной сферы, темперамента – эмоциональной впечатлительности, тонуса деятельности и т. д. [10].

Зарубежные и отечественные авторы при исследовании проблемы детской одаренности обосновали ряд социально-психологических характеристик данного явления.

А. М. Матюшкин проанализировал феномен одаренности в качестве детерминанты развития творческой личности подростков. При этом исследователь актуализировал и обосновал в структуре детской одаренности следующие компоненты: 1) познавательная мотивация как психическая доминанта одаренности личности; 2) выраженная творческая активность; 3) интеллектуальные, личностные возможности достижения оригинальных решений поставленных проблем; 4) развитые способности к прогнозированию и предвосхищению; 5) способность создавать идеальные эстетические, нравственные, интеллектуальные эталоны, являющиеся основой возможностей подростка давать адекватные личностные оценки явлениям социокультурного мира [9].

В. Э. Чудновский и В. С. Юркевич обосновывают развитие детской одаренности в контексте наличия у школьника внутренней учебной мотивации и соответствующих положительных эмоций [16].

Роль внутренней учебной мотивации в становлении детской одаренности отмечают многие отечественные исследователи, в частности, В. И. Чирков выделяет следующие преимущества внутренне мотивированного поведения (внутренней учебной мотивации) над внешне мотивированным поведением (внешней учебной мотивации) в развитии личности одаренного школьника:

- 1) тенденции к продолжению деятельности: как только внешнее воздействие исчезает, прекращается и внешне мотивированное поведение ученика. Внутренне мотивированное поведение ученика может быть достаточно долгосрочным даже без наличия внешнего положительного подкрепления;
- 2) предпочтение сложности и объема учебных заданий: в условиях доминирования внешней мотивации школьники делают только то, что положено, по возможности, предпочитая более простые учебные задания. Под влиянием внутренней учебной мотивации учащиеся стремятся выходить за пределы заданного и выполнять наиболее трудные учебные задания;

- 3) степень алгоритмизации деятельности: внешняя учебная мотивация отрицательно сказывается на когнитивной гибкости личности, значительно снижает творческую инициативу учеников, детерминирует их стремление действовать по шаблону в решении учебных задач. В свою очередь внутренняя учебная мотивация положительно влияет на когнитивную гибкость школьников, обеспечивает условия для выполнения учебных действий, требующих эвристичности;
- 4) креативность: внешняя мотивация подавляет креативность учеников, так как не создает условий для необходимой вариативности, спонтанности учебной деятельности. Внутренняя учебная мотивация создает условия для учебного творчества учащихся;
- 5) эмоции: внешне мотивированное поведение учеников в значительной степени управляется отрицательными эмоциями. Внутренняя учебная мотивация вызывает эмоции интереса и удовольствие от процесса учения;
- 6) обучение: внутренняя учебная мотивация способствует более успешному освоению учебной программы;
- 7) самоуважение: преобладание внутренней учебной мотивации повышает самоуважение учащихся [15].

Ряд исследователей в феномене детской одаренности выделяют не только конструктивные, но и деструктивные социально-психологические характеристики личности. В частности Н.С. Лейтес актуализирует следующие положительные и отрицательные черты детской одаренности (см. таблицу) [8].

Таблица

Положительные и отрицательные черты детской одаренности

Детская одаренность	
Положительные черты	Отрицательные черты
Высокие умственные возможности: способность быстро схватывать смысл принципов, понятий, положений; потребность сосредоточиться на заинтересовавших сторонах проблемы и стремление разобраться в них; способность подмечать, рассуждать и выдвигать объяснения.	Повышенная тревожность: обеспокоенность, тревожность в связи со своей непохожестью на сверстников.

В свою очередь А. О. Василенко выделяет следующие положительные социально-психологические характеристики личности одаренных старшеклассников:

- 1) потребность в саморазвитии: стремление к саморазвитию, самоактуализация, самостоятельности;
- 2) склонность к рефлексии: самодисциплина в процессе учения; развитые волевые качества; устойчивость к неопределенным ситуациям; ответственность и интернальный локус контроля;
- 3) креативность и интеллектуальные особенности: устойчивые интеллектуальные мотивы; наличие внутренней мотивации и устойчивая творческая активность; высокий уровень умственного развития; стремление категоризировать материал, выдвигать гипотезы; умение видеть противоречия и проблемы при решении учебных задач; склонность к учебным задачам дивергентного типа; оригинальность и гибкость мышления; легкость генерирования идей; легкость ассоциирования; высокая концентрация внимания, отличная память.

В ряду отрицательных черт личности автор актуализирует следующие социально-психологические характеристики одаренных старшеклассников:

- 1) интеллектуально-социальная диссинхрония: трудности в общении со сверстниками; скрытый или явный конфликт с учителями; социальная автономность; стремление к доминантности;
- 2) эмоциональная уязвимость: повышенная чувствительность; недостаток эмоционального баланса; наличие тревожности; завышенная самооценка; обостренное чувство справедливости и т.д. [3].

Работа с одаренными старшеклассниками требует от учителя соответствующей профессиональной готовности. В связи с этим рассмотрим одно из наиболее общих, базовых понятий нашей статьи – категорию готовности, которая была введена в научный оборот Б. Г. Ананьевым в 50–60-е годы XX столетия. Несмотря на то, что обозначенная категория используется в психологии и педагогике достаточно долго, его однозначного понимания в отечественной научной мысли на данный момент нет. Наиболее общая трактовка дефиниции «готовность» дается справочной литературой. Например, психологический словарь под редакцией В. В. Давыдова определяет готовность следующим образом: «Готовность к действию – это состояние мобилизации психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективное выполнение определенных действий». При этом в психологическом контексте феномен готовности имеет три смысловых оттенка: 1) наличие у личности человека необходимых знаний, умений и навыков, являющихся субъективным условием успешности выполнения деятельности; 2) способность к надситуативной реализации нормативной программы действий в качестве реакции на появление неопределенной внешней ситуации; 3) устойчивая мотивация совершить какое-либо действие [4, с. 94].

Данное определение (как и многие другие) дает наиболее общее определение готовности, поэтому конкретизация ее сущностных и структурно-содержательных характеристик, требует более конкретного научно-категориального анализа этого понятия.

При всей множественности подходов к изучению категории готовности, практически все исследователи отмечают ее взаимосвязь с явлением деятельности. В этом плане готовность является определяющим условием эффективности деятельности, т. е. дифференцированной активностью человека, настраивающей его личность на будущую деятельность [7, с. 182].

При этом, важно, что готовность является как целью, так и результатом специализированной подготовки личности к какой-либо деятельности [5].

В свою очередь, М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович, подчеркивая взаимосвязь деятельности и готовности, связывают последнюю:

- 1) с определенной деятельностной мотивацией;
- 2) качествами личности человека, определяющими возможность выполнения данной деятельности.

При этом, по мнению авторов, в зависимости от условий деятельности личность проявляет как устойчивые, так и надситуативные качества. В этом плане готовность характеризуется процессами адаптации и самореализации личностного потенциала в деятельности, что и является одной из причин деятельностной успешности человека в определенный временной период профессионального становления [6].

Ряд исследователей подчеркивают, что готовность является не только предпосылкой, но и регулятором деятельности, отмечая при этом, что в структуру готовности входят не любые знания, а фонд действенных знаний и не любые свойства личности, а лишь те, которые обеспечивают соответствующей деятельности наибольшую продуктивность [12].

В контексте смыслового содержания категории деятельности и процесса подготовки к деятельности в отечественной науке структурировались два ведущих подхода в понятийном определении явления готовности: функциональный и личностно-деятельностный. При функциональном определении готовности акцент делается на особых состояниях психики, обеспечивающих положительную динамику качественных уровней достижений в какой-либо деятельности. В рамках личностно-деятельностного подхода готовность определяется как качество, устойчивая творчески ориентированная характеристика личности, формирующееся в процессе подготовки к определенному виду деятельности [14].

В частности, Р. Д. Санжаева определяет готовность как сложную динамическую структуру, которая является условием развития и творческой самореализации личности в деятельности [11].

Т. А. Синьковская отмечает, что понятие «готовность к деятельности» является наиболее общим – это готовность к жизненной практике в целом, к вхождению в новую среду, к самореализации в творческой деятельности, к переносу знаний и способов деятельности из одной сферы в другую, к деятельности в новых, постоянно изменяющихся условиях, к адекватной самооценке [18].

Предметное поле нашей статьи обуславливает необходимость рассмотрения понятия «готовность к профессиональной деятельности» в его структурно-содержательном аспекте. Анализ соответствующих источников позволил констатировать, что единого понимания данного понятия (так же, как и понятия готовности) в науке не определено.

Разные авторы вносят следующие сущностные и структурные характеристики в обозначенное понятие:

- 1) готовность как вооруженность обучающегося необходимыми для успешного выполнения знаниями, умениями и навыками, как способность к экстренной реализации имеющейся программы действий [13];
- 2) готовность к профессиональной деятельности как личностное образование, включающее в себя положительное отношение к профессии и достаточно устойчивые мотивы деятельности; черты характера, адекватные требованиям, предъявляемые профессией; специальные способности; устойчивые профессионально-важные особенности восприятия, памяти, внимания, мышления, эмоционально-волевых качеств [6];
- 3) готовность специалиста как профессиональная пригодность и профессиональная подготовленность к деятельности. В структуре обозначенной готовности выделяются три компонента: мотивационно-ценностный, когнитивный, операционно-исполнительский [2];
- 4) готовность к профессиональной деятельности как структурный компонент в модели профессионально-личностного развития специалиста. При этом в структурном плане в данной готовности выделяются нравственно-психологическая, содержательно-информационная и операционально-деятельностная готовность [17];
- 5) профессиональная готовность учителя как ведущий регулятор педагогической деятельности. При этом основу профессиональной готовности педагога составляют знания и свойства личности, обеспечивающие наибольшую продуктивность его профессиональных действий [1].

В свою очередь анализ готовности учителя к педагогической работе с одаренными старшеклассниками в структурно-содержательном аспекте позволяет выделить в данной готовности следующие составляющие:

- 1) положительное отношение к работе с одаренными школьниками и достаточно устойчивые мотивы соответствующей педагогической деятельности;
- 2) черты характера и специальные способности, адекватные требованиям, предъявляемые спецификой педагогической работы с одаренными старшеклассниками;
- 3) устойчивые профессионально-важные особенности восприятия, памяти, внимания, мышления, эмоционально-волевых качеств;
- 4) ориентационный компонент: знания и представления об особенностях и условиях работы с одаренными детьми, о требованиях, предъявляемых такой работой к личности учителя;
- 5) операциональный компонент: владение способами и приемами работы с одаренными старшеклассниками;
- 6) волевой компонент: наличие самоконтроля, самомобилизации, умение управлять педагогической действительностью при работе с одаренными школьниками;
- 7) оценочный компонент: самооценка работы с одаренными детьми, способность к анализу ее эффективности и последующей коррекции [6].

Таким образом, личность одаренного старшеклассника обладает выраженными специфическими чертами, что предполагает соответствующую профессиональную подготовленность учителей к работе с такими детьми в условиях специализированных образовательных учреждений.

Литература

1. Андреев В. И. Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс: учебное пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2005.
2. Белинская А. Б. Формирование практической готовности социальных педагогов к разрешению конфликтов среди подростков в учебном коллективе: дис. ... канд. пед. наук. М., 1997.
3. Василенко А. О. Психологические условия поддержки психического здоровья старшеклассника в образовательном процессе лица: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2007.
4. Давыдов В. В. Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983.
5. Дурай-Новикова К. М. Формирование профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1989.
6. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психология высшей школы: особенности деятельности студентов и преподавателей вуза. Минск: Изд-во БГУ, 1978.
7. Зритнева Е. И. Воспитание будущего семьянина в современной России: дис. ... д-ра пед. наук. Ставрополь, 2006.
8. Лейтес Н. Легко ли быть одарённым? Проблемы воспитания и обучения одарённых школьников: Заметки психолога // Семья и школа. 1990. № 6.
9. Матюшкин А. М. Загадки одарённости. Проблемы практической диагностики. М.: Школа-Пресс, 1993.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2-х т. /АПН СССР. М.: Педагогика, 1989.
11. Санжаева Р. Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 1997.
12. Сериков В. В. Формирование у учащихся готовности к труду (Педагогическая наука – реформе школы). М.: Педагогика, 1988.
13. Столяренко Л. Д. Основы психологии: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2003.
14. Францева Е. Н. Психологическая готовность к инновациям в профессионально-педагогической деятельности у будущих учителей: дис. ... канд. пед. наук. Армавир, 2003.
15. Чирков В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3.
16. Чудновский В. Э., Юркевич В. С. Одарённость: дар или испытание. – М.: «Знание», 1990.
17. Шмелева Н. Б. Профессионально-личностное развитие специалиста социальной работы. Ульяновск, 1997.
18. Синьковская Т. А. Проблема готовности будущего учителя информатики к использованию технологий дистанционного обучения. Конгресс конференций «Информационные технологии в образовании» («ИТО-2003»). <http://ito.edu.ru/2003>.

УДК 37

Толокнеева Елена Ивановна

ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАННОГО РОДИТЕЛЬСТВА МОЛОДЕЖИ СРЕДСТВАМИ ПРЕНАТАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В статье актуализируются вопросы формирования у студенческой молодежи осознанного родительства, важности учета в этом процессе особенностей пренатального развития ребенка, повышении пренатальной компетентности будущих родителей и подчеркивается значимость данного феномена в жизни как каждого отдельного человека, так и всего человечества.

Ключевые слова: пренейт, внутриутробное развитие, родительство, ответственное родительство, воспитание молодежи, пренатальная педагогика, пренатальная компетентность.

Tolokneeva Elena Ivanovna

DEVELOPING PARENTHOOD AWARENESS IN YOUTH THROUGH PRENATAL PEDAGOGY

The item offers a view on the issues related to developing parental awareness in the student youth, importance of taking into account the prenatal development of the child, increased prenatal competence in the future parents, as well as stress the significance of this phenomenon both for individuals and for the mankind at large.

Key words: prenatе, intrauterine development, parenthood, responsible parenthood, youth upbringing, prenatal pedagogy, prenatal competence.

На современном этапе общественного развития происходят значительные изменения в различных сферах жизнедеятельности человека, которые существенным образом затрагивают семейные отношения и родительство.

Несмотря на то, что в последние годы в отечественной научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи, современное общество все еще характеризуется длящимся демографическим кризисом. Продолжается рост сиротства и родительской несостоятельности, ухудшается физическое и психическое здоровье детей и взрослых, перемещаются проблемы здоровья из групп престарелого населения в группы детей и молодёжи, ухудшается качество населения как демографической базы для его воспроизводства, нивелируется политическая, экономическая и социальная значимость института семьи как основы государственности и общечеловеческого благополучия.

По мнению многочисленных исследователей, для современной России характерно изменение устоев семьи, а именно основной линией внутрисемейных отношений становится супружество, отодвигая родительство на второй план, происходит девальвация ценностей семейного образа жизни, рождения и воспитания детей. Поэтому уместно говорить об интенсивно проявляющем себя в российском обществе кризисе родительства.

В связи с этим в современных условиях представляется особенно актуальным тщательное изучение феномена родительства, требует пристального внимания поиск путей решения демографических проблем и минимизации деструктивных процессов в молодёжной среде, необходимости нравственного и физического оздоровления населения. Все это возможно, на наш взгляд, путём совершенствования института семьи, что является необходимым условием развития личности и социума, общественной стабильности и прогресса. Социальный институт семьи является главным оплотом сохранения народных традиций, истории, культурной преемственности поколений, национальной безопасности государства. Поэтому пристальное внимание исследователей различных областей науки – демографов, психологов, педагогов, социологов, культурологов, философов, медиков – привлечено сегодня как к анализу кризиса семьи и родительства, так и к выявлению антикризисных страте-

гий. Они необходимы для формирования продуманной семейной политики со стороны государства и продуктивной деятельности общественных организаций в этом направлении.

Для любой страны стратегически важно, чтобы будущее поколение людей было лучше и гармоничнее прежнего, следовательно, необходимо найти эффективные способы оздоровления общества, одним из которых, очевидно, является грамотно организованная просветительская и образовательная деятельность с семьей и ещё не состоящими в браке будущими родителями.

Перемены, происходящие в современном российском обществе, государстве, образовании, предъявляют новые требования к качеству и содержанию отношений образовательных учреждений и семьи. По-прежнему, по мнению педагогов-практиков и учёных, самой сложной проблемой остаётся привлечение родителей к образованию и развитию собственных детей. Если ещё недавно для успешного родительства было вполне достаточно стихийных педагогических знаний, то на сегодняшний день переход от преимущественно общественных форм воспитания к семейным увеличивает нагрузку и ответственность родителей. Сегодня, чтобы стать полноценным родителем, недостаточно просто родить ребёнка, нужно расширять материнские и отцовские компетенции, просвещаясь у специалистов или более опытных родителей.

Значимой на государственном уровне задачей выступает целенаправленная подготовка молодых людей к будущему родительству. Поскольку, чем адекватнее и конкретнее будет сформирована система их представлений о родительстве, чем более информированы и практически подготовлены будут молодые люди к выполнению роли родителей, тем выше вероятность создания полноценной семьи и успешного воспитания детей.

Семья может являться, с одной стороны, мощным фактором развития и эмоционально-психологической поддержки личности, с другой стороны, источником психической травмы и связанными с ней разнообразными личностными расстройствами: неврозами, психозами, психосоматическими заболеваниями, сексуальными пerversиями и отклонениями в поведении. Поэтому в последние годы возросло число федеральных, региональных, муниципальных целевых программ и проектов, предметом которых выступает процесс целенаправленного взаимодействия с семьей с целью формирования осознанного родительства.

Осознанное родительство в психологическом дискурсе понимается как идеальный вариант реализации себя личностью в родительстве [2]. По Е. Г. Смирновой, осознанное родительство – это интегральное психологическое образование личности отца и/или матери; оно представляет собой систему взаимодействия ценностных ориентаций, родительских установок, чувств, отношений, позиций и родительской ответственности, способствующих формированию гармоничного стиля семейного воспитания [8]. Осознанное родительство предполагает высокую степень понимания себя, собственных реакций, мотивов родительского поведения, семейных ценностей; понимание своего супруга, его реакций и мотивов семейного поведения; осознание чувства родительского единства [2, с. 18].

Подготовка к осознанному родительству начинается задолго до социального и духовно-нравственного созревания и взросления личности, оно определяется родительской программой и реально сложившейся моделью родительской семьи и родительского дома. Следовательно, проявления родительства у молодого человека зависят от индивидуально-типологических и личностных особенностей его родителей, а также от социально-психологических характеристик родительской и формирующейся собственной семьи.

Вплотную к вопросу создания собственной семьи и рождения ребенка молодежь подходит в период обучения в вузе, поэтому именно в это время прослеживается острая необходимость осуществлять работу по формированию осознанного родительства и развитию навыков просоциального семейного воспитания в рамках учебно-воспитательного процесса. Это обуславливает необходимость просвещения молодых людей, будущих родителей, ответственных за здоровье нового поколения и нации.

Данная проблема находит отражение и в законодательстве. В частности, в статье 52 Закона Российской Федерации «Об образовании» обозначена ответственность родителей за рождение и воспитание детей. Действует Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Россий-

ской Федерации «О мерах по совершенствованию акушерско-гинекологической помощи населению Российской Федерации» от 30 марта 2006 г. № 223, где подчеркивается значимость подготовки семьи к рождению ребенка.

Основные положения концепции образования и просвещения взрослых в сфере семейного воспитания рассматриваются в контексте теоретических и практических моделей перинатальной психологии, ресурсной семейной психотерапии и пренатальной педагогики. В презентации Международной организации ассоциаций перинатального образования (ОМАЕР) говорится, что широкое внедрение пренатального образования может иметь целый ряд благотворных последствий: личностный рост родителей, укрепление их взаимоотношений, обеспечение нормально протекающей, прожитой в полноценном общении с пренейтом (еще не родившимся, формирующимся ребенком) беременности и более легкого родоразрешения. В связи с этим несомненен тот факт, что обучение студентов как потенциальных родителей имеет огромную важность и возможно в рамках изучения пренатальной педагогики.

Освоение фундаментальных компетенций в сфере пренатальной педагогики позволяет изменять ценностные представления студентов о детях как высшей ценности семьи, рода, общества, о матери как субъекте воспитания, развития малыша и родителе, ответственном за жизнь и здоровье ребенка в пренатальный период. По мнению ряда ученых, фундаментализация знаний по пренатальной педагогике выступает фактором, стимулирующим студентов к самообразованию в вопросах изучения системы отношений «мать – дитя – отец», саморегуляции эмоционально-психической сферы, самооздоровления и освоения вербальных и невербальных способов коммуникации матери, отца и ребенка в пренатальный период его развития.

Многие исследователи в области психологии и педагогики (В. В. Абрамченко, О. В. Алифиренко, И. В. Добряков, Н. П. Коваленко, Е. В. Могилевская, Р. В. Овчарова, Н. Д. Подобед, А. Ю. Сувинова, Г. Г. Филиппова, Ж. В. Цареградская, Е. В. Четверикова, Н. А. Чичерина, Ю. И. Шмурак и др.) теоретико-эмпирическим путем подтвердили важность пренатального развития ребенка как основы для его будущего воспитания, обучения и полноценного и творческого включения в человеческую культуру. Не вызывает сомнения тот факт, что многие черты характера будущего человека формируются в процессе внутриутробного периода, так как новорожденный к моменту своего появления на свет уже прожил девять месяцев, которые в значительной степени определяют свойства личности, уровень физического здоровья и направления его дальнейшего развития.

Более ста лет назад ученые обратили внимание на то, что в мозгу новорожденных детей имеются атрофированные нейроны, от которых в значительной степени зависит интеллект будущего ребенка. Было выдвинуто предположение, что они атрофируются в период внутриутробного развития ребенка в связи с их невостребованностью. Однако при систематическом и целенаправленном раздражении анализаторов путем опосредованного воздействия на ребенка через организм матери или непосредственном воздействии на его тактильный и слуховой анализаторы возможна активизация нейронов и стимуляция процесса образования межнейронных связей (А. М. Бертин, Т. Верни, М. Е. Комова, М. Л. Лазарев и др.).

Работы специалистов в области теоретической медицины, объясняющие пути записи информации на клеточном уровне, позволяют также предположить, что психологическая среда матери влияет на внутренние свойства клеток ребенка. Следовательно, результатом организованного, целенаправленного, систематического воздействия на пренатальную общность «мать – пренейт», является для ребенка фундаментальной профилактикой генетически не обусловленных соматических и психических расстройств, способствует формированию здорового, уравновешенного, творческого и открытого человека, обладающего физическим здоровьем и психологической готовностью к развитию новых связей с миром.

Нельзя отрицать важность воспитания ребенка, особенно в первые годы жизни, равно как и эффективность самовоспитания, когда взрослый человек берет на себя ответственность за собственное развитие. Однако ученые уверенно заявляют, что ни первое, ни второе не оказывают того фундаментального воздействия, которое присуще пренатальному воспитанию.

В тот же момент широкое распространение обучения родителей, будучи, безусловно, положительным явлением, имеет и свою обратную сторону. Если обучение проводится недостаточно компетентными специалистами, возможно появление большого количества негативных последствий вплоть до формирования у родителей нездоровых амбиций, выражающихся в стремлении к несвоевременно раннему развитию детей. Завышенные притязания и требования к пренейтам и к детям раннего возраста, неправильные воспитательные установки приводят к перенапряжению, к развитию у детей нервно-психических нарушений и т. д.

В связи с этим становится особенно актуальной проблема создания качественных методических разработок для будущих родителей, организации для них различного рода обучающих курсов, осуществления социально-психолого-педагогического сопровождения семьи и подготовки высококвалифицированных профессионалов социальной и психолого-педагогической сферы. Это еще раз подчеркивает важность введения пренатальной педагогики в учебный процесс вуза, что значительно расширит представления студенческой молодежи о внутриутробном развитии ребенка и возможности положительного влияния на данный процесс, а в дальнейшем позволит внедрить полученные знания при осуществлении своей профессиональной деятельности по оказанию помощи семье в период ожидания ребенка.

В процессе реализации разноуровневого пренатального обучения у подрастающего поколения будут формироваться умения по сохранению собственного здоровья и здоровья будущих детей, развитию пренейтов в пренатальный период, становлению чувства осознанной родительской и гражданской ответственности за здоровье нации. В результате чего, по нашему мнению, сформируется культура осознанного родительства, повысится пренатальная компетентность молодежи, снизится количество прерываний беременности, укрепятся семейные узы, улучшится репродуктивное здоровье многих будущих родителей и, как следствие, будет рождаться больше здоровых, всесторонне развитых детей.

Следовательно, одним из решений демографических проблем современной России является создание стратегии охраны и укрепления репродуктивного здоровья населения. В своих выступлениях академик РАМН Т. Б. Дмитриева подчеркивает, что в охране психического здоровья детей необходимо разрабатывать и применять новые подходы. Нельзя не согласиться, что с этим связана насущная потребность в современном осмыслении теоретических основ перинатологии, причём не только ее медицинских вопросов, но и таких важных разделов, как перинатальная психология и пренатальная педагогика.

Выделение в перинатологии области пренатальной педагогики было обусловлено, с одной стороны, развитием науки и получением многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что у пренейта рано развиваются психические функции, о возможности установить с ним обратную связь. С другой стороны, возникло понимание, что профилактика осложнений течения различных этапов репродуктивного процесса во многом может быть основана на предоставлении женщине и мужчине тщательно отобранной информации об этом, снижающей тревогу перед неизвестным, на усвоении ими целого ряда навыков, на выработке поведенческих стереотипов.

Однако к числу серьезных недостатков существующих программ этой направленности И. В. Добряков относит отсутствие комплексности [1, с. 178]. Занятия в данной области призваны способствовать развитию компетенции обучающихся на разных уровнях: педагогическом, биологическом, психологическом, социальном, культурном. Информационно-просветительское сотрудничество культуры, медицины, психологии и педагогики имеет важное социальное значение – обращает внимание общества на возможность формирования личности, начиная с пренатального периода, меняет отношение к внутриутробному ребенку, способствует воспитанию у будущих родителей необходимых социальных навыков. Именно поэтому в свете современных исследований многим ученым представляется оптимальной разработка комплексной программы пренатальной педагогики, что обеспечит синтез обучающего и воспитательного воздействия на студенческую молодежь. Поскольку в про-

цессе изучения пренатальной педагогики студенты не только усваивают необходимые знания, но и вырабатывают у себя ответственное отношение к половым связям, зачатию ребенка, его развитию.

Таким образом, пренатальная педагогика, оказывая многоплановое воздействие на молодежь, осуществляет профилактику искусственного прерывания беременности, развивает чувство родительства посредством формирования духовной связи между родителями и нерожденным ребенком, способствует нормальному течению беременности и рождению здоровых, желанных детей, укрепляет семьи, делая их более гармоничными и стабильными, и, как следствие, имеет большое значение для развития здорового социума в целом. Следовательно, значимость пренатальной педагогики в современном обществе неопределимо высока, и эта важнейшая наука интенсивно развивается, заявляя о себе как о самостоятельной области знаний, необходимой в практике семейных отношений.

Литература

1. Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010.
2. Ермихина М. О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2004.
3. Коваленко Н. П. Семья и просветительство – грани взаимодействия. Материалы международного форума. СЕМЬЯ, НАУКА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО – 15, 16, 17 мая 2014 года, Санкт-Петербург / под общей ред. профессора Н. П. Коваленко. СПб, 2014.
4. Подобед Н. Д. Внутриутробное воспитание плода // Перинатальная психология и акушерство: учебное пособие / под ред. проф. Н. А. Жаркина. Волгоград: Волгоградская медицинская академия, 2001.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации «О совершенствовании акушерско-гинекологической помощи в амбулаторно-поликлинических учреждениях» от 10 февраля 2003 г. № 50.
6. Сувилова А. Ю. Развитие пренатальной компетенции у студентов в вузе // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып.12. Пятигорск: ПГТУ, 2011.
7. Чичерина Н. А. Пренатальное воспитание и его интегративные функции // Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции по пренатальному воспитанию «Медико-психологические аспекты современной перинатологии». М.: Academia, 2003.
8. Смирнова Е. Г. Психолого-педагогическое сопровождение формирования осознанного родительства в молодой семье [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-formirovaniya-osoznannogo-roditelstva-v-molodoi-s-0>
9. Пехота Г. В. Пренатальное воспитание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.metodikinz.ru/publ/?page=.tss.minsk&dept=27>
10. Образовательный портал «Слово». Педагогика. Абрамова А. А. Несознательное родительство? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/45934.php>

УДК 37. 061 + 659.4.012.12

Фомина Елена Алексеевна

ПРОДВИЖЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассмотрена специфика продвижения образовательных услуг вузов на рынке, выявлены сложившиеся тенденции и возможные его перспективы в секторе массовых коммуникаций.

Ключевые слова: высшее образование; образовательные услуги; продвижение услуг; маркетинговые коммуникации.

Fomina Elena Alekseevna

PROMOTION OF EDUCATIONAL SERVICES: TRENDS AND PROSPECTS

The article offers a view on the promotion of educational services provided by universities, as well as the trends and future prospects in the area of mass-communications.

Key words: higher education, educational services, promotion of services, marketing communications.

В российском менталитете долгое время присутствовало представление об образовании как некоей духовной ценности, общественном благе и, соответственно, об образовательной деятельности как гуманистической, наполненной просветительским смыслом. Социально-экономические преобразования, происходящие в нашей стране с начала 90-х гг. прошлого века в полном смысле слова привели к переоценке многих ценностей, в том числе и ценности образования. Государство утратило монополию в сфере образования, появились возможности для функционирования негосударственных образовательных учреждений (и организаций), разработки образовательных программ, нерегламентированных правовыми документами, но востребованных гражданами, новые формы обучения и др. Общепринятым стал и термин «образовательные услуги».

Отнесение образования к сфере услуг до настоящего времени вызывает явное или неявное психологическое сопротивление у фактических участников этого рынка, однако оно требует совершенно определенных действий по реализации образовательных услуг, с одной стороны, и их вдумчивого потребления, с другой.

В нашей статье представлены результаты исследования, целью которого являлось изучение особенностей продвижения образовательных услуг. В качестве метода исследования был использован метод контент-анализа. Работа проводилась на массиве из 70 текстов, куда вошли опубликованные в различных периодических и Интернет-изданиях статьи и тезисы, учебные пособия, рекламные сообщения, текст с корпоративных сайтов авторитетных вузов страны. Для освещения указанной проблематики были выделены факторы, названные «особенности маркетинга образования», «продвижение с помощью массовых коммуникаций», «ориентация на личные коммуникации».

Е. А. Неретина и А. Б. Макарец отмечают, что в отличие от предприятий производственной сферы и других учреждений сферы услуг у образовательных организаций имеется ряд важных особенностей [1, с. 88]:

- нацеленность на преобразование личности потребителя, приращение ценности человека как личности, гражданина, работника;
- активное вовлечение потребителей в процессы оказания и получения образовательных услуг;
- высокая интенсивность контактов производителя и потребителя образовательной услуги;
- отсроченность оценки результатов обучения до применения знаний и навыков в практической деятельности, а также зависимость результатов от условий будущей жизни и работы выпускника.

Применительно к вузам выделяются еще две особенности:

- социальная ответственность вуза за подготовку специалистов;
- появление новых образовательных потребностей в услугах вуза по мере их удовлетворения.

Понимание образования как услуги требует обратиться к проблеме жизненного цикла товара (услуги), его отдельным этапам, и рассуждать о нем с использованием терминологии маркетинга. Под маркетингом, вслед за О. А. Рябковым, будем понимать управление продвижением товара или услуги от производителя к потребителю с момента их создания до момента их гибели [3].

К важнейшим элементам маркетинга относят четыре «р»: product, price, place, promotion.

Product – образовательные услуги, предоставляемые учреждением (организацией), в системе общего или профессионального образования связаны с реализацией образовательных программ различного профиля или направления (специальности). Эта сфера регулируется Федеральными государственными образовательными стандартами, и поэтому уникальность программ, по сути, относительна. Она заключается не в том, чему особому учат школы или вузы, а, скорее в том, как они это осуществляют. Единственный вид образования, который позволяет предложить и уникальные программы, и особые условия их реализации, – это дополнительное образование, в том числе профессиональное, и повышение квалификации.

Так как услуги не имеют осязаемого воплощения, их производителям рекомендуется операционализировать наиболее важные для потребителя параметры услуги и представлять их максимально наглядно. В сфере образования эти функции выполняют образовательные стандарты, учебные планы и программы; сведения о методах, формах и условиях обучения; сертификаты, лицензии, дипломы; характеристики рынка труда по предлагаемым профессиям для учреждений профессионального образования.

Price – стоимость образовательных услуг в системе государственного общего и профессионального образования служит вполне определенным ориентиром для иных субъектов данного рынка. Цена, которая намного ниже, может вызвать у потребителя сомнение в квалификации учителей и преподавателей, наличии учебного оборудования и других условий организации учебного процесса. Не случайно подготовку технических специалистов осуществляют преимущественно государственные вузы, т. к. этот сектор образовательных услуг является более затратным в материальном отношении.

Достаточно высокая цена образовательных услуг является своего рода заявкой на элитарность образовательного учреждения.

Place – местоположение учебного заведения (организации) в городе, состояние зданий и сооружений, оснащенность его кабинетов и лабораторий необходимым оборудованием влияют на успешность продаж, т. е. на количестве желающих в нем обучаться.

Promotion, или маркетинговые коммуникации, используются для демонстрации важных характеристик трех других элементов маркетинга-микс с целью повышения заинтересованности потребителя в покупке товара (услуги). В этом контексте универсальные принципы любой маркетинговой стратегии, в том числе и подходящие для маркетинговой деятельности образовательного учреждения, будут включать: анализ слабых и сильных сторон организации, ресурсов и рисков на рынке, уточнение специфики предложения конкурентов и на основе таких данных формулирование собственных конкурентных предложений. При этом образовательные учреждения учитывают тот факт, что принятие решения о приобретении услуги является многосторонним процессом. Приобретателями услуги могут выступать родители или работодатель обучающегося, потребителем оказывается сам обучающийся, часто представитель более молодого поколения. Работодатель также может выступать и в роли косвенного потребителя образовательной услуги, принимая на работу выпускника вуза.

В соответствии с классической теорией маркетинга комплекс маркетинговых коммуникаций включает несколько частей, среди которых различают массовые (стимулирование сбыта, рекламу, связи с общественностью) и индивидуальные коммуникации. А. П. Панкрухин предлагает относить сюда все средства, способные сообщить нечто существенное о продукции, а также о стратегии и политике организации [2, с. 16].

В реальной практике с 90-гг. присутствуют два направления интеграции маркетинговых коммуникаций [5, с. 22]: 1) между компонентами комплекса продвижения и 2) интеграция между комплексом продвижения и другими составляющими комплекса маркетинга, несущими коммуникационные функции. Реализация интегрированного подхода означает использование организационных, экономических, технических, информационных и других средств и методов в продвижении образовательных услуг.

Анализ текстов, посвященных продвижению образовательных услуг, позволяет отметить понимание их специфики, в связи с чем элементы комплекса продвижения неравномерно используются в коммуникационной практике образовательных учреждений.

Фактор «продвижение с помощью массовых коммуникаций» указывает на явное предпочтение в процессе продвижения PR-технологий, затем стоит упомянуть рекламные коммуникации. Использование средств комплекса продвижения, связанных с финансовыми затратами (стимулирование сбыта, реклама), затруднительно для учреждений общего образования, имеет сезонную специфику для всей системы образования, поэтому присутствует нечасто. На сегодняшний день можно говорить о ряде тенденций в сфере продвижения образовательных услуг:

- кооперация образовательных учреждений, относящихся к одному и тому же и к разным уровням образования;
- «маркетинг отношений», что проявляется в заключении договоров о сотрудничестве с компаниями о повышении квалификации сотрудников, об открытии в школах профильных классов и др.;
- Интернет-коммуникации с внешней и внутренней общественностью с ориентацией на правило «трех кликов»;
- развитие технологий Интернет-продвижения в форме блогов, социальных сетей;
- мобильный маркетинг;
- разработка и продвижение собственного бренда;
- разработка фирменного стиля;
- кобрендинг с коммерческими организациями;
- активное взаимодействие с внешней общественностью;
- последовательная работа вузов с молодежной аудиторией в логике «абитуриент – студент – выпускник»;
- работа с внутренней аудиторией: обучающимися и сотрудниками;
- событийный PR: проведение конференций, конкурсов, фестивалей, участие вузов в выставках и др.;
- продвижение вузов с помощью собственных коротких программ на региональном телевидении;
- ориентация на активное присутствие в информационном пространстве и доверительные отношения с целевыми аудиториями;
- разработка разнообразных дополнительных образовательных услуг.

Некоторые из названных тенденций характерны для высшего образования, иные являются достаточно «универсальными».

В целом полученные данные по фактору «ориентация на массовые коммуникации» позволили обратить внимание, что образовательными учреждениями отдается предпочтение способам продвижения с «ориентацией на личные коммуникации» на том или ином этапе. Названная тенденция особенно актуальна для страны в период демографического кризиса и повышения конкуренции между образовательными учреждениями.

Возможные перспективы продвижения образовательных услуг связаны с ориентацией на разработку научно обоснованных стратегий, проведение исследований рынка как исходный пункт построения стратегий продвижения по формуле RACE (исследование, планирование, общение, оценка) [4, с. 51]. В вузах эти перспективы реализуются в форме создания и функционирования отделов маркетинга.

Итак, на сегодняшний день, продвижение образовательных услуг в нашей стране отличается целым рядом особенностей, но в целом основано на концепциях сбыта иных товаров и услуг и позволяет использовать опыт зарубежных образовательных учреждений. Образовательные услуги как никакой другой вид деятельности находятся под пристальным вниманием общества, что обеспечивает им непреходящую популярность.

Литература

1. Неретина Е. А., Макарец А. Б. WEB-сайт вуза как важный инструмент маркетинговых коммуникаций // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Экономика и менеджмент». Вып. 12. 2009. № 41 (174). С. 85–94.
2. Панкрухин А. П. Коммуникации и продвижение образовательных услуг на рынке // PR в образовании. 2004. № 1. С. 14–26.
3. Рябков О. А. Специфика продвижения образовательных услуг в условиях современной российской экономики // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 3 Электронный ресурс. Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-39-392012/item/1172-2012-03-27-08-26-07>
4. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика: учеб пособие. М.: Дело, 2006. 552 с.
5. Шульц Д. Е., Танненбаум С. Н., Лаутерборн Р. Ф. Новая парадигма маркетинга: Интегрируемые маркетинговые коммуникации: пер. с англ. Москва: ИНФРА-М, 2004. 231 с.

УДК 159.9:376.1

Халяпина Людмила Владимировна

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ И ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье дано обоснование и описание системы психолого-педагогического сопровождения детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья в учреждениях дополнительного образования, ориентированной на социальную адаптацию, коррекцию недостатков в физическом и психическом развитии детей данной категории.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, дети-инвалиды, инвалидность, сфера дополнительного образования детей, дети с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивное образование.

Khalyapina Lyudmila Vladimirovna

PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGIC ASSISTANCE TO DISABLED AND HANDICAPPED CHILDREN IN THE SYSTEM OF COMPLEMENTARY EDUCATION

Rationale and description of a system for psychological-pedagogic assistance to children with disabilities in institutions for optional education, aiming at social adjustment and correction of physical and psychological deficiencies in such children.

Key words: psychological-pedagogic assistance, children with disabilities, disability, optional education, handicapped children, inclusive education.

В настоящее время в России в силу целого ряда причин наметилась тенденция к увеличению числа лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, в том числе и детей.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), более миллиарда человек, или около 15 % населения мира (согласно оценке глобальной численности населения 2010 года), живут с какой-либо формой инвалидности. Согласно «Всемирному обзору в области здравоохранения», око-

ло 785 миллионов человек в возрасте 15 лет и старше (15,6 %) имеют инвалидность. По оценкам, представленным в «Докладе о глобальном бремени болезней», детская инвалидность составляет более 5 % из всего числа детей (95 миллионов человек), живущих на Земле, от рождения до 14 лет [1].

Инвалидность – одна из составляющих человеческого существования; термин, объединяющий различные нарушения, ограничения активности и возможного участия в жизни общества; сложный феномен, отражающий взаимодействие между особенностями человеческого организма и особенностями общества, в котором этот человек живет [1].

В Федеральном законе «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)», принятом Государственной Думой 2 июня 1999 года, закреплено следующее определение: «Лицо с ограниченными возможностями здоровья – это лицо, имеющее физический и (или) психический недостаток, которые препятствуют освоению образовательных программ без создания специальных условий для получения образования» [8].

Данные всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) свидетельствуют, что в мире около 200 миллионов детей с ограниченными возможностями. Сегодня практически в каждой пятой семье рождается ребенок с физическими или умственными недостатками в развитии. Категория таких детей крайне неоднородна, однако их общей основной особенностью является нарушение или задержка в развитии.

Дети с ограниченными возможностями здоровья – это дети, имеющие различные отклонения психического или физического плана, которые обуславливают нарушения общего развития, не позволяющие детям вести полноценную жизнь. Синонимами данного понятия могут выступать следующие определения таких детей: «дети с проблемами в развитии», «дети с особыми потребностями», «дети с трудностями в обучении», «дети, нуждающиеся в помощи», «дети, нуждающиеся в поддержке государства», «дети-инвалиды» и пр.

Детями с ограниченными возможностями здоровья принято считать детей с нарушением психофизического развития, нуждающихся в специальном (коррекционном) обучении и воспитании. Однако наличие того или иного дефекта (недостатка) не предопределяет неправильного, с точки зрения общества, развития.

Сегодня во всем мире реализация прав детей с ограниченными возможностями здоровья на образование рассматривается как одна из приоритетнейших задач политики государств в области образования.

С 2008 года в Российской Федерации действует Конвенция о правах инвалидов, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН. Конвенция впервые рассматривает вопросы реализации прав инвалидов не с позиции их приспособления к жизни общества, а с позиции устройства жизни общества таким образом, чтобы в нем учитывались потребности и особенности инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья. В Конвенции установлено, что государства-участники признают право инвалидов на образование и принимают исчерпывающие меры для реализации этого права.

Законодательство Российской Федерации в соответствии с основополагающими международными документами в области образования предусматривает принцип равных прав на образование для лиц с ограниченными возможностями здоровья – как взрослых, так и детей. Гарантии прав детей с ограниченными возможностями здоровья на получение образования закреплены в Конституции РФ. Основным законом, регламентирующим конституционное право на образование, является Закон РФ от 29.12. 2012. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

В Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» в числе ключевых проблем в сфере детства четко обозначены проблем: социальная исключенность уязвимых категорий детей (детей, нуждающихся в особой поддержке государства); дифференциация в доступе отдельных категорий детей к качественному основному и дополнительному образованию [6].

Среди мер, направленных на государственную поддержку детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, обозначены следующие:

- 1) реализация прав детей различных категорий на получение общедоступного и качественного бесплатного общего образования на основе модернизации общего образования в полном соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов;
- 2) развитие системы дополнительных образовательных услуг на бесплатной основе, инфраструктуры творческого развития и воспитания детей;
- 3) законодательное закрепление правовых механизмов реализации права детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья на включение в существующую образовательную среду на уровне дошкольного, общего и профессионального образования (права на инклюзивное образование);
- 4) обеспечение предоставления детям качественной психологической и коррекционно-педагогической помощи в образовательных учреждениях;
- 5) обеспечение замены медицинской модели детской инвалидности на социальную, в основе которой лежит создание условий для нормальной полноценной жизни в соответствии с положениями Конвенции о правах инвалидов;
- 6) создание условий для социализации детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья с внедрением их в среду здоровых сверстников и обеспечением их участия в культурной и спортивной жизни и других массовых мероприятиях;
- 7) создание системы творческой реабилитации, вовлечение детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья в занятия физкультурой и спортом [6].

Все перечисленные меры могут и должны быть реализованы в системе дополнительного образования детей.

Безусловно, нельзя игнорировать роль и возможности, которыми сегодня располагают учреждения дополнительного образования детей. Такие учреждения готовы и могут оказать реальную помощь в разработке моделей работы по обучению, воспитанию и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья, реализации мероприятий, направленных на социализацию детей с особыми потребностями.

В проекте межведомственной программы развития дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 года сфера ДОД названа одним из приоритетов инновационного развития России, определена как один из наиболее развивающихся сегментов рынка образовательных услуг с высоким уровнем активности. В числе основных направлений реализации программы обозначена разработка и реализация подходов, технологий, методов и программ интеграции в систему дополнительного образования детей с ОВЗ [5].

Сегодня система дополнительного образования детей создает особенные возможности для обновления содержания образования в соответствии с задачами перспективного развития Российской Федерации, условия для отработки новых образовательных моделей и технологий.

Сфера ДОД обладает следующими особенностями:

- 1) свободой выбора обучающимися и родителями образовательной программы, режима ее освоения, смены программ и организаций;
- 2) возможностями удовлетворения индивидуальных и/или групповых потребностей, которые объективно не могут быть учтены в системе общего образования;
- 3) широким набором видов деятельности, позволяющим обучающимся осуществлять выбор, исходя из собственных интересов и способностей;
- 4) ограниченной регламентацией поведения и общения, возможностью проявления инициативы, индивидуальности и творчества;
- 5) гибкостью (мобильностью) образовательных программ;
- 6) общественно-значимой связью с практикой (социальной, профессиональной);
- 7) возможностями межвозрастного взаимодействия и оформления возрастных переходов в сфере ДОД [5].

Значимость развития системы дополнительного образования детей в России обусловлена указанной спецификой.

В числе принципов развития сферы ДОД одну из значимых позиций занимает – поддержка программ, ориентированных на группы детей, требующих особого внимания государства и общества.

В августе 2014 г. на заседании Правительства Российской Федерации озвучены основные ожидаемые результаты реализации Концепции развития дополнительного образования детей, в том числе создание и внедрение модели адресной работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Исходя из понимания психолого-педагогического сопровождения как целостной, системно организованной деятельности, в процессе которой создаются социально-психологические и педагогические условия для развития каждого ребенка в образовательной среде (инклюзивное образование), психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья можно рассматривать как комплексную технологию поддержки и помощи ребенку и родителям с целью освоения первыми образовательных программ, успешной социальной адаптации, реабилитации и личностного роста детей в социуме, а также обучения и коррекции недостатков в физическом и /или психическом развитии обучающихся.

Цель психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья очерчивает круг задач, к числу которых можно отнести:

- систематическое отслеживание статуса ребенка и динамика его психического развития в процессе обучения; помощь (содействие) ребенку в решении актуальных задач развития, обучения, социализации: учебные трудности, проблемы с выбором индивидуального маршрута обучения, нарушения эмоционально-волевой сферы, снятие нервно-психического напряжения, проблемы взаимоотношений со сверстниками, родителями, педагогами; коррекция самооценки;
- создание социально-педагогических условий для развития личности ребенка и его успешного обучения;
- создание психолого-педагогических условий преодоления социальной пассивности, формирования самостоятельности, ответственности и активной жизненной позиции, преодоления отчужденности и формирования коммуникативных навыков;
- психологическое обеспечение образовательных программ;
- обучение педагогов (родителей) психолого-педагогическим технологиям сотрудничества со своим ребенком, приемам и методам его воспитания и обучения в условиях семьи и оказания им психологической поддержки [2].

Следует выделить два направления психолого-педагогического сопровождения:

- актуальное, ориентированное на решение уже имеющихся трудностей, возникших у ребенка;
- перспективное, ориентированное на профилактику отклонений в обучении и развитии.

Содержание работы по сопровождению ребенка с ОВЗ, в условиях общеобразовательного учреждения, представлено отечественными учеными-практиками следующими модулями.

1. Диагностический: обеспечение своевременного выявления индивидуальных психофизиологических особенностей детей с ОВЗ, состояния здоровья, условий семейного воспитания, адаптивных возможностей и уровня социализации с целью получения исчерпывающей объективной информации и разработки программы коррекционных мероприятий по оказанию психолого-медико-педагогической помощи в условиях образовательного учреждения;
2. Коррекционно-развивающий: реализация психолого-педагогических условий успешной социализации ребенка с ОВЗ через разработку и внедрение в образовательном учреждении индивидуальных программ психолого-педагогического сопровождения, выбор оптимальных методов и приемов обучения в соответствии с особыми образовательными потребностями ребенка; обеспечение социальной защиты ребенка в случаях влияния психотравмирующих факторов и обстоятельств;

3. Консультативный: обеспечение своевременного и квалифицированного психолого-педагогического консультирования детей и их семей по вопросам реализации дифференцированных психолого-педагогических условий обучения, воспитания, коррекции, развития и социализации обучающихся, выбора стратегии воспитания и приемов коррекционного обучения ребенка с ОВЗ;
4. Информационно-просветительский: информирование и просвещение участников педагогического процесса по вопросам организации и осуществления психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ [2].

В целом модель сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях общеобразовательного учреждения может быть использована для построения модели сопровождения ребенка в системе дополнительного образования, однако должна быть существенно расширена и конкретизирована. С учетом указанных выше особенностей сферы дополнительного образования детей, особенностей категории детей с ОВЗ и детей-инвалидов, следует рассмотреть содержание социально-педагогического модуля.

Основная роль в сопровождении детей с ОВЗ в условиях учреждений дополнительного образования принадлежит специалистам психолого-педагогического профиля. Содержание социально-педагогического модуля предполагает развитие у специалистов, работающих с детьми с ОВЗ следующих интегративных характеристик:

- 1) положительное отношение к детям с ОВЗ, готовность работать с ними и их родителями;
- 2) навык разработки индивидуальных маршрутов для детей с ОВЗ;
- 3) владение технологиями психолого-педагогического сопровождения ребенка с ОВЗ по разработанному индивидуальному маршруту;
- 4) владение методами работы в междисциплинарных командах;
- 5) знание дополнительных (вспомогательных) технологий сопровождения ребенка с ОВЗ;
- 6) умение в процессе коллективной работы, объединяющей отдельных детей и педагогов, делать акцент на возможностях детей с ОВЗ.

Таким образом, рассмотренные нами особенности системы психолого-педагогического сопровождения детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, позволяют судить о многогранности и сложности данного процесса. Важной задачей остается организация конструктивного сотрудничества всех организационно-педагогических структур в решении обозначенных проблем.

Литература

1. Доклад о глобальном бремени болезней [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.who.int/topics/global_burden_of_disease/ru/
2. Инклюзивное образование как основное направление развития региональной системы образования детей с ограниченными возможностями здоровья: научно-методический сборник / Н. А. Палиева и др. Ставрополь: СКIROПАиПРО, 2013. 246 с.
3. Малофеев Н. Н., Шматко Н. Д. Базовые модели интегрированного образования // Дефектология. 2008. № 1. С. 71–78.
4. Постановление ГД ФС РФ от 02.06.1999 N 4019-II ГД О Федеральном законе «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)»
5. Проект межведомственной программы развития дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 года. <http://минобрнауки.рф>
6. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3CeWKKjw1>
7. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
8. Федеральный Закон от 29.12. 2012. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

УДК 37.378.048.2

Харченко Леонид Николаевич

АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В статье предложена и обосновывается модель программы подготовки преподавателя высшей школы (этап аспирантуры), разработанная на основе модульно-профессионального и компетентностного подходов и, интегрирующая формальный и неформальный компоненты образования.

Ключевые слова: высшая школа, модель преподавателя, модель программы подготовки преподавателя, формальный компонент программы, неформальный компонент программы.

Kharchenko Leonid N.

AUTHOR'S TRAINING MODEL FOR TEACHERS OF HIGHER EDUCATION SCHOOL

There is an introduction and explanation of a training programme model for teachers in higher education (postgraduate stage) that is developed relying on module-professional and competence-based approach, and which incorporates both formal and informal components of education.

Key words: higher education, teachers model, programme model for training teachers, formal component of education, informal component of education.

Специфика российского высшего образования состоит в том, что здесь наблюдается разрыв между качеством образования и ростом требований к компетенциям преподавателей. Не соответствие того, чему учат будущих (и действующих) преподавателей, тому, что требуют профессионально-педагогические ситуации, может быть охарактеризовано как кризис сферы высшего образования, т. е. система образования готовит преподавателей к функционированию в «уходящем», «вчерашнем» типе вуза. В такой ситуации необходимо существенное преобразование системы их подготовки.

Конструирование модели программы подготовки преподавателя вуза, прежде всего, было направлено на преодоление противоречий, сложившихся в системе подготовки научно-педагогических кадров:

- между объективной потребностью вузов в новом качестве подготовки научно-педагогических кадров (более широко – в новом качестве преподавателя вуза), реализуемой на принципах гуманистической парадигмы образования и процессами деиндивидуализации и дегуманизации в социально-педагогической среде;
- необходимостью ориентации программ обучения на личность преподавателя, возрастание субъектности преподавателя, его общекультурное, индивидуально-личностное развитие и существующей практикой подготовки преподавателей, основанной на информационно-знаниевом подходе, с преобладающим лекционно-семинарским методом преподавания, закоренелым формализмом;
- объективными требованиями интеграции профессионально-модульного и компетентностного подходов, открытости образовательных систем, использования потенциала не только формального, но и неформального образования в системе подготовки преподавателей и недостаточной динамикой данных процессов, излишне акцентированный крен в сторону утилитарного, узкоспециализированного подходов к практике подготовки научно-педагогических кадров.

Наличие перечисленных и многих других противоречий связано с тем, что в настоящее время в педагогике научных исследований по диагностике, анализу и оценке качества преподавательской деятельности в вузе пока еще недостаточно (Е. Ю. Васильева, М. Зиновкина, И. Ф. Исаев, О. Г. Смолянинова, Ю. В. Сорокопут и др.). Несколько лучше обстоит дело в психологии, где имеется ряд работ по педагогической рефлексии деятельности преподавателя вуза, рассматриваются отдельные

показатели педагогической культуры преподавателя вуза, требования к личности преподавателя, его профессиональной компетентности (В. С. Агапов, А. А. Деркач, М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, М. И. Плугина, Е. А. Садовская и др.).

В то же время обозначились две проблемы, которые существенно изменяют представления об образовательных программах. Первая проблема связана с использованием компетентностного подхода к программе подготовки преподавателя вуза. И если для первых этапов обучения в вузе (бакалавриат и магистратура) уже разработаны ФГОСы на компетентностной основе, то для этапа подготовки аспирантов и соискателей как будущих преподавателей высшей школы или применения такого подхода к программе профессиональной переподготовки «Преподаватель высшей школы» данный процесс только начинается.

Вторая проблема заключается в игнорировании формальными (формализованными) системами образования в нашем государстве неформальной составляющей образования, которая по некоторым данным [2], по своему значению и влиянию на личность человека превосходит формальное образование.

В данной связи проблема разработки модели программы подготовки преподавателя вуза к многообразной научно-образовательно-воспитательной деятельности на основе компетентностного подхода является важной и перспективной проблемой для теории и практики развития высшего образования.

Необходимо отметить, что отечественное высшее образование имеет богатый опыт построения квалификационных моделей специалистов (В. Е. Анисимов, Н. С. Пантина, Н. Г. Печенюк, Е. Э. Смирнова, А. П. Сопиков, Н. Ф. Талызина, Г. И. Хмара и др.), но в современных условиях развития высшей школы необходимо не только обеспечивать достаточный уровень профессиональной подготовки преподавателя, но и характер социального существования в профессиональной жизни.

Наша позиция в отношении конструирования модели программы подготовки преподавателя высшей школы заключается в следующем:

- в процессе ее разработки и реализации знания, навыки и умения необходимо дополнить и трансформировать в новое качество – профессиональную компетентность преподавателя, как способность и готовность к новым видам профессиональной деятельности;
- компетенции, составляющие профессиональную компетентность преподавателя, мы предлагаем разделить на две группы: базовые компетенции (теоретико-методологические, научно-исследовательские, психолого-педагогические, методические, предметные), достаточные для работы в традиционной (функционирующей) образовательной системе, и ключевые компетенции (инновационно-коммерческие, информационно-технологические, воспитательно-развивающие, проективно-менеджерские, коммуникативно-рефлексивные), необходимые для работы в развивающейся образовательной системе;
- конструируя структуру программы и наполняя ее содержанием, необходимо использовать потенциал неформального (и информального) образования, т. е. создавать интегрированный вариант программы, подчинив целевому единству (например, эффективной подготовке преподавателя высшей школы), модули как формального, так и неформального компонентов программы;
- разработка программы должна основываться на модели преподавателя вуза, которая, в свою очередь, должна отражать особенности типа (исследовательский, инновационный, технологический, образовательный, региональный и пр.) вузовской системы.

Основываясь на вышеизложенном, мы сформулировали научное определение «модели преподавателя вуза», на которое опирались при моделировании программы подготовки. В нашем понимании это обобщенная профессионально-личностная структурно-функциональная характеристика преподавателя, включающая базовые и ключевые компетенции, обеспечивающие готовность и способность преподавателя осуществлять профессионально-педагогические и социально-экономические функции в режиме, как традиционной (функционирующей), так и диверсифицированной (развивающейся) модели вуза.

Поскольку содержание базовых и ключевых компетенций подробно изложено в нашей монографии [3], в данном месте мы не будем останавливаться на их характеристике.

Итак, отталкиваясь на компетентностной модели преподавателя, в исследовании мы осуществили разработку модели программы подготовки преподавателя и сформулировали определение процесса подготовки преподавателя в контексте нашего исследования.

Процесс подготовки преподавателя вуза – это теоретически созданный, а затем реализованный в пространстве современного вуза концептуально-инструментальный конструкт, отражающий цель, направленность, субъект-объектный состав, содержание процесса подготовки преподавателя к осуществлению эффективной профессиональной деятельности на основе формирования базовых и ключевых компетенций в структуре его профессиональной компетентности.

Предложенная в данной статье модель программы отражает ее структурное построение, содержание же ее наполнение, как показывает практика реализации образовательных программ в высших учебных заведениях, в каждом отдельно взятом случае будет оригинальным. Более того, будет оригинальным содержание неформального компонента программы, так как содержание неформального образования (включая информальное) значительно более обширно, чем может вместить программа обучения.

Поскольку структурные компоненты программы (или модули) по названию совпадают с наименованием компетенций в структуре профессиональной компетенции преподавателя, мы применили для их именования термин «профессиональный модуль» и в соответствии с названием ввели и использовали модульно-профессиональный подход. Отличие профессионального модуля от учебного состоит в том, что его содержание профессионально ориентировано и при реализации осуществляется на основе андрологических и коммуникативных парадигмальных взглядов, обусловленных составом обучающихся и обучающихся в рамках программ обучения преподавателей.

Еще одной особенностью организации обучения в рамках неформального компонента программы должно быть развитие между всеми участниками обучения сетевого взаимодействия. Это связано с тем, что информационные технологии, используемые как в сферах образования и профессиональной деятельности, так и в быту, значительно расширяют «когнитивный диапазон человека» [1, с. 24–29], а также инициируют к проявлению субъектом инициативы в получении информации и соответственно мотивируют к ее усвоению [1, с. 24–29]. Происходит это в условиях психологического комфорта, поскольку содержание информации, ее качество и количество определяются рамками субъектных предпочтений личности и обмен информацией не связан с реальным коммуникативным воздействием партнера, преподавателя, консультанта и т. д.

Как уже было отмечено, определение концептуальных ориентиров программы подготовки преподавателей, должно осуществляться с учетом процесса диверсификации вузовских систем и их миссии, и, исходя из этого, разрабатывается модель преподавателя, а, затем, и модель программы его обучения. Важным условием выступает то, что для того или иного типа вуза делается акцент в подготовке преподавателя на те или иные компетенции и, соответственно, на те или иные модули программы. Так, для вуза исследовательского типа необходимо усиление (углубление, расширение) теоретико-методологического, научно-исследовательского, проектно-менеджерского, инновационно-коммерческого компонентов подготовки. Для вуза, ориентированного на оказание образовательных услуг, должен быть акцент в подготовке преподавателей на психолого-педагогические, методические, предметные, информационно-технологические, воспитательно-развивающие аспекты обучения.

Вхождение преподавателя вуза в профессиональную, а, тем более в инновационную деятельность, находит свое отражение в изменении сознания личности, в ее отношении к инновациям, их восприятию и дальнейшему участию в их продуцировании и реализации в профессиональной деятельности [4].

Практика показывает, что у опытных и, тем более у начинающих преподавателей, в процессе адаптации к изменениям в профессиональной деятельности, наблюдается повышенная тревожность и неуверенность, поэтому в программу подготовки преподавателей, необходимо также включать тренинги по нормализации их психоэмоциональной сферы [5]. Мы также предполагаем, что преподаватель вуза, подготовленный к инновационной деятельности, не только сможет быстро адаптироваться, но и предвидеть возможное развитие событий, т. е. будет обладать способами опережающей деятельности.

Отталкиваясь от данных посылов, мы предлагаем для внедрения в практику программу обучения на третьей ступени высшего образования, разработанную на основе модульно-профессионального и компетентностного подходов и интегрирующую формальное и неформальное образование. Для того чтобы наглядно представить структуру программы, мы ее приводим в виде таблицы:

Таблица

**Структура модели программы подготовки преподавателя
высшей школы**

ФОРМАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ			
ИНВАРИАНТНАЯ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ			
Модули программы, направленные на формирование базовых компетенций		Модули программы, направленные на формирование ключевых компетенций	
№ модуля	Наименование модуля	№ модуля	Наименование модуля
1.	Теоретико-методологический	6.	Проектно-менеджерский
2.	Научно-исследовательский	7.	Инновационно-коммерческий
3.	Психолого-педагогический	8.	Воспитательно-развивающий
4.	Методический	9.	Информационно-технологический
5.	Предметный	10.	Коммуникативно-рефлексивный
ВАРИАТИВНАЯ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ (элективные и специальные курсы)			
11.	«Инновационные направления профессиональной деятельности преподавателя современного вуза»		
12.	«Развитие творческих способностей преподавателей» (с тренингом креативности)		
13.	«Психолого-педагогическая поддержка преподавателей» (преодоление тревожности, неуверенности, возрастание стрессоустойчивости)		
14.	«Профессионально-педагогическая деятельность преподавателя в среде студентов, проявляющих агрессивное поведение»		
15.	«Физическая культура и здоровый образ жизни» (поддержка физической формы и преодоление вредных привычек)		
НЕФОРМАЛЬНЫЙ (ВКЛЮЧАЯ ИНФОРМАЛЬНЫЙ) КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ			
№ п.п.	Вид образовательной деятельности	№ п.п.	Вид образовательной деятельности
16.	«Клуб начинающих преподавателей»	20.	Постоянное развитие профессионального тезауруса (чтение и обсуждение с коллегами научной, педагогической, методической литературы, нормативных документов)
17.	Методологические и теоретические семинары (кафедральные, межкафедральные, факультетские, вузовские, межвузовские), посвященные актуальным проблемам научно-педагогической деятельности	21.	Обучение и взаимообучение в социальной профессиональной сети, посредством Интернет, локальной сети вуза, свободного общения
18.	Научные и научно-практические конференции различного уровня, посвященные проблемам научно-педагогической деятельности в вузе	22.	Взаимопосещения занятий преподавателями с последующим обсуждением и рефлексией представленного педагогического опыта
19.	Мастер-классы опытных преподавателей	23.	Самооценка, самоанализ, саморефлексия собственной научно-педагогической деятельности
ИТОГОВАЯ АТТЕСТАЦИЯ			
САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ			

Предвосхищая вопрос о так называемом кандидатском минимуме, мы ответим на него так: по нашему мнению, может быть два варианта:

- 1) всю предварительную подготовку к послевузовскому этапу образования целесообразно перенести в магистратуру, и уровень подготовленности к освоению программы послевузовского образования и выполнения научной квалификационной работы (диссертации) определять на основе результатов конкурсного отбора и профессиональной диагностики;
- 2) содержание дисциплин кандидатского минимума (философия и история науки, иностранный язык, научная специальность) может быть «растворено» (интегрировано, «смыслосвязано») в теоретико-методологическом, психолого-педагогическом, предметном, коммуникативно-рефлексивном и др. модулях программы.

Обращаем внимание на то, что для эффективной реализации программы, необходимо соблюдать следующие условия:

- состав, содержание и проблематика модулей программы должны отражать современные особенности соответствующих областей рыночной экономики, роли и места в ней вуза, преподавателя вуза;
- целевая и практическая направленность подготовки преподавателей должна быть направлена не только на мотивацию и понимание, но и на отработку определенных умений и навыков, «живое» участие в одном или нескольких этапах учебного или учебно-профессионального процесса;
- процесс обучения должен сочетать эффективные дидактические средства и методы активизации образовательной деятельности при минимизации формальных ограничений для обучаемого и обучающего, взвешенное сочетание коллективного, индивидуального и самостоятельного обучения;
- направления и содержание подготовки преподавателей должны быть перспективны, востребованы практикой их непрерывного образования и рынками образовательных и научно-исследовательских услуг, и труда;
- важен и необходим конкурсный подбор состава (исключение традиционного распределительного подхода к определению состава обучающихся преподавателей) и творческое (психолого-педагогическое) взаимодействие исполнителей (обучающих преподавателей, тьюторов, тренеров и пр.) программы;
- постоянно должна сохраняться возможность выбора и быстрая смена различных технологий обучения, преобладать субъектные технологии, активизирующие учебно-познавательные процессы всех участников реализации программы.

Добавим, что образовательный процесс в рамках программы, корпоративная культура всех организаторов обучения [6, с. 8–11] будут способствовать достижению целей программы подготовки преподавателей, в которой профессиональное обучение строится как пространство имитационного воспроизведения необходимых профессиональных ситуаций, в ходе которого у обучающихся формируются профессиональные качества не только более высокого уровня, но и качественно нового типа – проектно-менеджерского, рыночного, интегративного.

Литература

1. Бериулава Г. А., Бериулава М. Н. Методологические основы инновационной сетевой концепции развития личности в условиях информационного общества. Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе // Материалы XV Международной научно-методической конференции 29.10.2010 года. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 24–29.
2. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 182 с.
3. Харченко Л. Н. и др. Преподаватель современного вуза: компетентностная модель: монография. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012. 186 с.

4. Харченко Л. Н., Кочергин С. Г., Паштаев Б. Д. и др. Инновационно-коммерческая деятельность преподавателя современного вуза: монография / под общ. ред. проф. Л. Н. Харченко. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2011. 228 с.
5. Харченко Л. Н. и др. Проектирование программы неформального образования и психологической поддержки преподавателя в первые годы работы в вузе. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012. 124 с.
6. Мельникова Е. В. Улучшения в стиле кайдзен // Методы менеджмента качества. 2007. № 3. С. 8–11.

УДК 376.3

Шеховцова Татьяна Сергеевна, Борозинец Наталья Михайловна

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ ДЕТЕЙ НА ФРОНТАЛЬНЫХ ЛОГОПЕДИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ В УСЛОВИЯХ ГРУППЫ КРАТКОВРЕМЕННОГО ПРЕБЫВАНИЯ

В статье представлено экспериментальное исследование, посвящённое выделению и апробации условий успешной логопедической работы по развитию лексико-грамматической стороны речи у детей с общим недоразвитием речи в процессе предшкольной подготовки.

Ключевые слова: дошкольное образование, лексико-грамматическая сторона речи, общее недоразвитие речи, фронтальные логопедические занятия, группы кратковременного пребывания, предшкольная подготовка.

Shehovtsova Tatiana S., Borozinets Natalia M.

DEVELOPMENT OF LEXICAL-GRAMMATICAL PART OF CHILD SPEECH AT FRONTAL CLASSES OF SPEECH THERAPY IN SHORT-STAY GROUPS

The item offers a view at an experimental research aiming at detecting and testing the conditions for successful speech therapy for developing lexical-grammatical speech in children suffering from general speech delay through preschool training.

Key words: preschool education, lexical-grammatical area of speech, general speech delay, frontal classes of speech therapy, short-stay groups, preschool training.

Овладение речью – одно из важных достижений в развитии ребёнка дошкольного возраста. Осваивая речь, ребёнок овладевает знаковой системой, которая становится мощным средством развития его сознания, мышления, общения, управления своим поведением. От уровня сформированности речи ребёнка, в частности, её фонетико-фонематической и лексико-грамматической стороны, зависит уровень овладения учебной деятельностью, школьными знаниями, умениями и навыками в соответствии с программными требованиями. В связи с этим формирование устной речи детей дошкольного возраста в психологической и педагогической литературе рассматривается в числе важнейших задач. Речевой базой для обучения в школе, особенно по предметам гуманитарного цикла (русский язык, литературное чтение, окружающий мир и т. д.), является сформированность лексико-грамматической стороны речи, поэтому особенно важным является своевременное выявление и устранение её нарушений у детей дошкольного возраста.

Изучая проблему развития лексико-грамматической стороны речи у детей с речевыми нарушениями на фронтальных логопедических занятиях в условиях группы кратковременного пребывания, мы столкнулись с рядом противоречий.

Во-первых, нарушения лексико-грамматической стороны речи давно изучаются в логопедии, но продолжают оставаться стойкими и распространёнными у детей дошкольного возраста. Во-вторых, в дошкольных образовательных учреждениях комбинированного и компенсирующего вида имеется опыт проведения фронтальных логопедических занятий по развитию лексико-грамматической стороны речи, но организация таких занятий в группах кратковременного пребывания изучена в недостаточной степени и осложняется особенностями функционирования таких групп. В-третьих, обнаружено противоречие между наличием потенциальных возможностей для проведения фронтальных логопедических занятий в группах кратковременного пребывания детей с целью предшкольной подготовки и отсутствием таких занятий. Для разрешения указанных противоречий рассмотрим сущность групп кратковременного пребывания и возможности оказания логопедической помощи в данных условиях.

Несмотря на то, что в современных дошкольных образовательных учреждениях имеются логопедические пункты и логопедические группы, далеко не всем детям, имеющим нарушения речи, оказывается логопедическая помощь. Это связано с нехваткой мест в детских садах, большим количеством детей с нарушениями речи, закрытием логопедических групп и логопедических пунктов. Эти проблемы потребовали организации других видов дошкольного образования.

Одной из новых организационных форм оказания психолого-педагогической поддержки детям дошкольного возраста, не охваченных образовательным процессом, стала организация групп кратковременного пребывания с целью предшкольной подготовки [1, 2, 4].

Группы кратковременного пребывания, с одной стороны, обеспечивают запросы родителей, не имеющих возможности или не стремящихся по каким-либо причинам отдавать ребёнка в детский сад на весь день. С другой стороны, такие группы призваны обеспечить детям дошкольного возраста необходимые условия для развития и равный старт для обучения в школе.

Группы кратковременного пребывания (ГКП) – это вариативная форма дошкольного образования, которая создаётся для детей раннего и дошкольного возраста с целью обеспечения их всестороннего развития. Также в ГКП имеется возможность оказания консультативно-методической поддержки родителям (или законным представителям) в организации воспитания и обучения ребёнка, его социальной адаптации и формировании предпосылок учебной деятельности.

Содержание образования в ГКП направлено на реализацию направлений концепции дошкольного воспитания, образовательных программ, рекомендованных Министерством образования РФ. В группах проводятся индивидуальные, подгрупповые и фронтальные занятия, в основе которых лежат разнообразные виды детской деятельности. Режим работы такой группы определяется местными условиями и потребностями населения.

Группа кратковременного пребывания помогает обеспечить ребёнку разнообразие видов деятельности, расширить круг общения со сверстниками и взрослыми, сформировать умения быть инициативными в разных социальных ситуациях.

Деятельность специалистов, работающих в группе кратковременного пребывания, состоит из систематической, построенной на диагностической основе, коррекционной работы с воспитанниками и консультативной помощи их родителям по своему профилю. Для этого логопед, психолог и другие специалисты должны подобрать диагностический инструментарий, быть готовыми к тесному сотрудничеству с педагогами и родителями, выработать программу действий индивидуально с каждым ребёнком и с группой в целом.

На практике по разным причинам далеко не во всех группах кратковременного пребывания оказывается логопедическая помощь детям, нуждающимся в ней, либо традиционно проводятся индивидуальные логопедические занятия. Но исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что группы кратковременного пребывания располагают возможностями организации и проведения фронтальных логопедических занятий, особенно в случаях наличия в группе нескольких детей с нарушениями речи.

Преимущества фронтальных логопедических занятий в том, что они предусматривают усвоение произношения ранее поставленных звуков в любых фонетических позициях и активное использование их в различных формах самостоятельной речи. Одновременно обеспечивается дальнейшее расширение речевой практики детей в процессе ознакомления с окружающим миром. На фронтальных логопедических занятиях организуются совместные игры, обеспечивающие межличностное общение, разные виды деятельности для развития коммуникативной, планирующей и знаковой функции речи.

Главной особенностью, отличающей организацию фронтальных логопедических занятий в группе кратковременного пребывания от фронтальных логопедических занятий в ДОУ, на наш взгляд, является кратковременность пребывания детей в группе и неежедневное её посещение. С одной стороны, это осложняет процесс коррекции речи, но с другой стороны, позволяет организовать другие формы фронтальных логопедических занятий – комплексные (интегрированные).

Следовательно, целью нашего исследования стало выявление условий развития лексико-грамматической стороны речи на фронтальных логопедических занятиях в группе кратковременного пребывания детей с целью дошкольной подготовки.

Эксперимент проводился на базе ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт» в группе кратковременного пребывания детей с сохранным и отклоняющимся развитием с целью дошкольной подготовки, где автор статьи работала в качестве логопеда. В эксперименте приняли участие дети с ОНР – общим недоразвитием речи, рассматриваемом в логопедии как сложное речевое расстройство, при котором у детей нарушено формирование всех компонентов речевой системы, относящихся к её звуковой и смысловой стороне, при нормальном слухе и сохранном интеллекте.

Экспериментальное исследование, проводившееся в течение учебного года, проходило в 3 этапа.

1. Констатирующий этап: проведение логопедического обследования детей по традиционным методикам, в ходе которого из 12 детей, регулярно посещающих группу, были выявлены 5 детей с ОНР III уровня и 1 ребёнок с ОНР II уровня.
2. Формирующий этап: были определены и апробированы условия развития лексико-грамматической стороны речи в группе кратковременного пребывания детей, разработан и внедрён комплекс соответствующих фронтальных логопедических занятий.
3. Контрольный этап: путём повторного обследования лексико-грамматической стороны речи у детей с ОНР определялась эффективность выделенных условий и предложенного комплекса фронтальных логопедических занятий.

Рассмотрим эти этапы подробнее.

В ходе констатирующего эксперимента были выявлены следующие нарушения лексико-грамматической стороны речи детей. Так, словарь детей характеризовался пассивностью; недостаточной сформированностью смыслового значения слов, обозначающих предметы и действия; малым количеством слов, выражающих признаки предмета по форме, цвету, материалу; редким употреблением служебных частей речи. Своеобразие овладения грамматическим строем проявлялось в медленном темпе его усвоения, в дисгармонии развития морфологической и синтаксической систем языка, семантических и формально-языковых компонентов.

На основе теоретического анализа специальной литературы и данных, полученных на констатирующем этапе эксперимента, были определены условия развития лексико-грамматической стороны речи на фронтальных логопедических занятиях в группе кратковременного пребывания детей дошкольного возраста, имеющих речевые нарушения. Рассмотрим эти условия.

Первое условие: комплексное построение фронтального логопедического занятия, включающее развитие всех сторон речи детей, а также психологической базы речи.

Опираясь на методические разработки Е. А. Пожиленко [3] и собственный практический опыт, мы разработали комплекс логопедических занятий. Они проводились во фронтальной форме по типу организованной образовательной деятельности детей. На каждом занятии комплексно реша-

лись задачи по развитию лексического запаса (расширение, уточнение и активизация предметного, предикативного и атрибутивного словаря), грамматического строя речи (навыков словообразования, словоизменения и построения предложений), произносительной стороны речи (звукопроизношения, фонематического слуха, звукослового анализа и синтеза), связной речи, мелкой и общей моторики, восприятия, внимания, памяти, мышления.

Важно отметить, что комплексное построение фронтального логопедического занятия по развитию лексико-грамматической стороны речи обязательно включало закрепление правильного звукопроизношения, отработанного на индивидуальных логопедических занятиях. Весь лексико-грамматический материал подбирался с учётом изучаемого звука для его автоматизации и дифференциации. Физминутки и пальчиковые гимнастики также носили речевой характер и были направлены не только на развитие общей и мелкой моторики, но и на автоматизацию или дифференциацию изучаемого звука.

Второе условие: применение средств обучения, основанных на компьютерных технологиях.

Фронтальные логопедические занятия включали использование цикла специализированных компьютерных программ «Картина мира» («В городском дворе» и «Лента времени»), разработанных сотрудниками Института коррекционной педагогики Российской Академии образования (ИКП РАО). Данные программы стали перспективным средством коррекционно-развивающей работы, и их внедрение в структуру фронтальных логопедических занятий дало возможность улучшить качество обучения, повысить мотивацию детей к получению и усвоению новых знаний. Нами были использованы различные учебные модули этих компьютерных программ, в частности, модуль «Калейдоскоп картин», который включал такие разделы, как «Картинка», «Картинка и текст», «Текст и картинка». Исходя из названий разделов, становится понятным, что с их помощью обучение ведётся в гармоничном сочетании наглядного, словесного и практического методов, имеющих тот или иной приоритет в зависимости от цели упражнений (речь подкрепляется картинкой или картинка речью). Отметим, что дети имели возможность не только наблюдения и оречевления картинок, проецирующихся на экран, но и самостоятельной (под руководством логопеда) деятельности с помощью ноутбука по выбору и комбинированию картинок. Даже самые стеснительные дети активизировались и проявляли речевую инициативу в дальнейшем. Благодаря этому стало возможным выполнение следующих видов речемыслительной деятельности:

1) конструирование на основе своих представлений разнообразных, но единых по своей структуре картин действительности применительно к любому промежутку года с учётом региональных особенностей климата: явления реальные и нереальные; типичные и редкие; все возможные для заданного промежутка дополнения сезонных картин. Словесно это выражалось в предложениях, построенных по принципу «если ..., то ...» и т. п.;

2) изменение сезонных картин с устранением имеющихся в них несоответствий между сезоном года, погодой, занятиями и одеждой детей, видом дерева и состоянием земного покрова (бывает – не бывает в данный промежуток времени). Словесно это выражалось в предложениях, построенных по принципу «..., потому что...» и т. п.;

3) трансформирование картин жизни городского двора, характерных для одного сезона, в картину другого сезона года. Словесно это выражалось в предложениях, построенных по принципу «..., а...», «..., но...» и т. п.

Цикл компьютерных программ «Картина мира» предоставил возможность целенаправленно формировать умение представлять осваиваемое предметное содержание в разных знаковых формах, свободно переходить от одной к другой. За счёт наличия специальной «настройки» обеспечивалась возможность индивидуального подбора уровня сложности предлагаемых в калейдоскопе фраз с учётом особенностей речевого развития детей и задач обучения в этой области. Модуль позволил последовательно наращивать меру самостоятельности ребёнка в установлении соответствия между образом и словом.

Третье условие: учёт структуры речевого нарушения у детей, что выражалось в определенной последовательности закрепления звуков, отработанных на индивидуальных логопедических занятиях.

Каждое фронтальное логопедическое занятие имело в своей основе лексический и грамматический материал, содержащий определённый отрабатываемый звук. Тем самым создавались различные фонетические условия для его закрепления. Последовательность закрепления соответствующих звуков была определена с учётом последовательности изучения букв в школе для детей с тяжёлыми нарушениями речи и представлена следующим образом: закрепление звуков [с], [л], [ш], [р]; дифференциация звуков [с] – [ш]; дифференциация звуков [р] – [л]; закрепление звуков [з], [ж]; дифференциация звуков [з] – [ж]; закрепление звуков [ч], [ц], [щ]; дифференциация звуков [ч] – [ц], [ч] – [щ]. Данная последовательность обусловлена доступностью различения звуков на слух и усвоением звуков в произношении. Необходимо отметить, что мы отсрочили во времени работу над акустически парными или артикуляторно сходными звуками, что позволило предупредить их смешение на слух или в произношении.

Четвёртое условие: сюжетно-тематическая организация занятий.

Сюжетно-тематическая организация занятий и разнообразие в преподнесении речевого материала способствовали спонтанному развитию лексико-грамматической стороны речи, поддержанию интереса, внимания и положительного эмоционального состояния детей. Например, лексическая тема «Времена года» отрабатывалась на занятиях: «Зимние забавы», «Цвета и оттенки», «Ранняя весна». Разнообразие занятий заключалось в использовании различных вариантов их организации. Это были воображаемые путешествия и экскурсии; привлечение сказочных литературных персонажей (например, Карлсон, Чебурашка, Буратино и др.) или необычных, придуманных героев (например, инопланетяне Зак и Жак); использование сюжетных и пейзажных картин (например, пособие «Двенадцать месяцев»). Постоянное использование различного наглядного и речевого материала по всем лексическим темам способствовало переходу образов-представлений в образы-понятия.

Пятое условие: коммуникативная направленность занятий.

Весь процесс коррекционного обучения имел четкую коммуникативную направленность. Усваиваемые элементы языковой системы включались в непосредственное общение детей с педагогом и между собой. Дети учились не только отвечать на вопросы, но и задавать их, проявлять инициативу в общении. Важно было научить детей применять отработанные речевые операции в аналогичных или новых ситуациях, творчески использовать полученные навыки в различных видах деятельности (игровой, творческой, трудовой).

Шестое условие: систематичность проведения фронтальных логопедических занятий.

Фронтальные логопедические занятия проводились по 30–40 минут один раз в неделю в течение 15 учебных недель. Постоянная смена видов деятельности детей, использование разных методов и приёмов обучения, необычность игр, свобода передвижения и общая добродушная атмосфера способствовали поддержанию интереса и активности в течение всего занятия. Знания, умения и навыки, полученные детьми на фронтальных логопедических занятиях, закреплялись родителями дома.

Седьмое условие: присутствие родителей на логопедических занятиях с последующим индивидуальным и общим консультированием, а также закреплением речевых умений дома.

В процессе коррекционной работы очень важно тесное сотрудничество логопеда и родителей для закрепления речевых навыков, приобретенных детьми на логопедических занятиях. Одной из наиболее продуктивных форм такого сотрудничества мы считаем присутствие родителей на фронтальных логопедических занятиях и посильное участие в них, тем более что условия группы кратковременного пребывания позволяют это сделать.

Родители имеют возможность наблюдать за успехами детей, видеть их трудности в усвоении речевого материала или общении с товарищами, наблюдать за выполнением детьми различных заданий, чтобы потом провести аналогичные дома. Также родители учатся видеть и слышать ошибки детей, чтобы затем исправлять аналогичные, но уже в других условиях. Раскрывая в доступной форме задачи и содержание логопедических занятий, мы знакомили родителей или лиц, их заменяющих, с приёмами педагогического воздействия, необходимыми для осуществления дифференцированного

подхода к каждому ребёнку. Также консультировали, как выполнять те или иные задания дома, в какие речевые игры играть, как осуществлять контроль над речью детей, следить за чётким произношением, обращать внимание на грамматически правильное употребление слов и построение предложений.

После каждого занятия проводилась краткая консультация о том, на что особенно необходимо обратить внимание в процессе общения с детьми в различных условиях. Таким образом, мы акцентировали внимание родителей на сознательном включении их в коррекционный процесс.

На контрольном этапе исследования был проведён анализ и систематизация результатов экспериментальной работы по развитию лексико-грамматической стороны речи детей на фронтальных логопедических занятиях в условиях группы кратковременного пребывания. Дети смогли повысить свой уровень развития лексико-грамматической стороны речи: стали более инициативны в речевом плане, у них расширился и активизировался словарный запас, они научились грамматически верно оформлять свои высказывания, стали использовать распространённые и сложные предложения. Помимо этого у детей расширились знания об окружающей действительности, они овладели новыми понятиями, их высказывания стали более информативными.

Таким образом, работа по развитию лексико-грамматической стороны речи у детей дошкольного возраста с ОНР в условиях группы кратковременного пребывания является эффективной, если соблюдаются следующие условия: 1) комплексное построение фронтального логопедического занятия, включающего развитие всех сторон речи детей, а также психологической базы речи; 2) применение средств обучения, основанных на компьютерных технологиях; 3) учёт структуры речевого нарушения у детей, что выражается в определенной последовательности закрепления звуков, отработанных на индивидуальных логопедических занятиях; 4) сюжетно-тематическая организация занятий; 5) коммуникативная направленность занятий; 6) систематичность проведения занятий; 7) присутствие родителей на логопедических занятиях с последующим индивидуальным и общим консультированием, а также закреплением речевых умений дома.

Результаты проведённого исследования будут интересны и полезны специалистам, практикующим в области интенсивного развития и дальнейшего совершенствования системы дошкольного образования для обеспечения равных стартовых возможностей всех детей при поступлении в школу.

Литература

1. Борозинец Н. М., Евмененко Е. В., Жукова С. В., Шеховцова Т. С. Организация и содержание предшкольной подготовки детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях группы кратковременного пребывания // Психолого-педагогическая поддержка жизнедеятельности ребёнка в условиях предшкольного образования (рекомендации для родителей, воспитателей, учителей) / под общей ред. Н. Б. Ромаевой. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2008. Ч. II. 124 с. С. 80–110.
2. Землянкина И. В. Группа кратковременного пребывания – одна из альтернативных форм дошкольного образования (из опыта работы) [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru> (дата обращения 21.03.2012).
3. Пожиленко Е. А. Волшебный мир звуков и слов: пособие для логопедов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 224 с.
4. Слюсарева Е. С., Шеховцова Т. С. Индивидуальная коррекционно-педагогическая работа как форма подготовки к школе детей в центре предшкольного образования // Дошкольное образование в Томске: история и современность: Материалы Региональной научно-практической конференции. Томск: ЦНТИ, 2010. 264 с. С. 247–251.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316 159.9

Галяпина Виктория Николаевна**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО
СООБЩЕСТВА В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ:
ФАКТОРЫ ВЗАИМНОЙ АДАПТАЦИИ**

В статье представлены результаты качественного исследования представлений мигрантов (представителей народов Северного Кавказа) и принимающего сообщества (русских) о проблемах, связанных с миграцией, и факторах, обуславливающих взаимную адаптацию. На основе анализа выявлены зоны наибольшего несоответствия, которые могут являться основой проблем межкультурного взаимодействия

Ключевые слова: мигранты, принимающее население, взаимная адаптация, фокус-группы.

Galyapina Victoria Nikolaevna**INTERACTION BETWEEN MIGRANTS AND HOST COMMUNITY IN STAVROPOL
REGION: MUTUAL ADJUSTMENT FACTORS**

The item presents the results of a quality research into the ideas prevalent among migrants (peoples of the North Caucasus) and among the hosting community (ethnic Russians) concerning the issues related to migration and the factors responsible for mutual adjustment. The analysis serves basis for detecting the areas of the largest incompatibility, which may lie in the core of intercultural issues.

Key words: migrants, host population.

Как показывает анализ литературы, миграция является все более и более распространенным явлением нашего времени [22]. При этом есть определенные территории, являющиеся наиболее привлекательными для мигрантов. В Северо-Кавказском Федеральном округе таковыми являются Ставропольский край и г. Ставрополь. Сюда направляются основные потоки этнической миграции из республик Северного Кавказа [5]. Это оказывает непосредственное влияние не только на демографические и социально-экономические процессы в крае, но и на межэтнические проблемы.

Коллективом Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Высшей школы экономики проводились эмпирические исследования в России (Международный проект MIRIPS – Mutual Intercultural Relations In Plural Societies), в которых в том числе участвовали этнические группы мигрантов и принимающего населения Ставрополя, Кабардино-Балкарии и Чечни [13].

Также можно отметить исследования, которые проводились в рамках проекта «Создание системы мониторинга и прогнозирования этнополитических и этносоциальных процессов в Ставропольском крае», осуществленного на основе договора между Правительством Ставропольского края и Ставропольским государственным университетом, а также исследования, которые выполнены лабораторией этноконфликтологии Центра конфликтологии Института социологии РАН на базе СГУ [1;2;4;7;10]. А также исследование адаптации вынужденных мигрантов с Северного Кавказа [6].

Однако большинство этих исследований проводилось непосредственно после событий, связанных с контртеррористической операцией на Северном Кавказе, когда миграционные потоки в основном были связаны с вынужденной миграцией. В настоящий момент ситуация изменилась, в этой связи важным, на наш взгляд, является рассмотрение проблем взаимоотношений мигрантов и принимающего населения уже вне ситуации военных действий, а в большей степени – в контексте проблем этнической миграции, аккультурации и межкультурного взаимодействия.

Мы рассматриваем представителей народов Северного Кавказа, переехавших в Ставропольский край, как внутренних мигрантов на основе следующих критериев: они покинули прежнее место жительства, их переезд сопровождался пересечением установленных административных границ, территориальное перемещение было подчинено определенной цели, подтвержденной мотивацией приспособиться к новой среде либо приспособить эту среду для своего проживания и развития. В качестве такой выступали стремление обезопасить свою жизнь и жизнь членов семьи, создать им лучшие материальные условия, воссоединиться с родственниками, получить образование и др. [11].

В своем исследовании мы опирались на теорию аккультурации [14; 15; 8; 19; 24; 27] и рассматривали процесс взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества как двунаправленный. Мы основывались на результатах последних исследований Д. Берри и Д. Сем, в которых доказывалось, что при контакте изменения происходят не только в группе мигрантов, но и в группе принимающего большинства [25]. При взаимодействии обе группы подвержены изменению ценностей, норм, социальных установок.

Также мы использовали Интерактивную модель аккультурации (Interaction acculturation model), ориентированную на изучение взаимного соответствия стратегий мигрантов и принимающего сообщества [20]. Боурхис и его коллеги, соотнося стратегии мигрантов и принимающего общества, выделили наиболее успешные взаимные стратегии, приводящие к консенсусу, и менее успешные, приводящие к проблемам и конфликтам. В контексте нашего исследования также важна идея Боурхиса и его коллег о том, что тип взаимного соответствия определяется не столько реальным поведением и действиями, сколько восприятием действий и намерений другой группы [20].

Целью исследования является выявление факторов, влияющих на взаимную адаптацию мигрантов (представителей северокавказских народов) и принимающего населения (русских) в Ставропольском крае.

Исследование было проведено в рамках качественной парадигмы. Нами использовался метод фокус-группы, который позволял получить широкий спектр реакций, мнений и установок, более или менее репрезентативный по отношению к исследуемой популяции [3]. Фокус-группа позволяла на основе «коллективных разговоров» [21], группового обсуждения и коллективной деятельности рассмотреть различные проблемы взаимной адаптации мигрантов и принимающего сообщества [23].

Гайд для фокус-группы состоял из 4 блоков вопросов: отношение к миграции, образы мигрантов и принимающего населения, взаимоотношения между мигрантами и принимающим населением, пути налаживания взаимодействия принимающего населения и мигрантов.

Выборка. В исследовании нами использовалась целевая выборка, а также выборка максимальной вариации. В исследовании приняли участие 8 фокус-групп, состоящих из 6–8 человек. Группы были разделены с учетом этнической принадлежности, пола, возраста: русские из числа местного населения Ставропольского края 4 группы – юноши 17–25 лет, мужчины 26–60 лет, девушки 17–25 лет, женщины 26–60 лет; представители народов Северного Кавказа в Ставропольском крае 4 группы – юноши 17–25 лет, мужчины 26–60 лет, девушки 17–25 лет, женщины 26–60 лет.

Фокус-группы проводились на русском языке 100–120 минут. И мигрантам (представителям народов Северного Кавказа), и представителям принимающего общества (русским) – задавались одинаковые вопросы, что позволяло выделять зоны совпадений и разногласий. Велась аудиозапись, которые далее были транскрибированы¹.

При анализе применялись коды – «живые», интуитивные и априорные, сконструированные. Использовалось осевое кодирование. Анализ осуществлялся с применением обоснованной теории [26]. Данное исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

¹ Стилистика ответов опрашиваемых полностью сохранена.

1. На основе *представлений мигрантов* – представителей народов Северного Кавказа, проживающих в Ставропольском крае, были выделены следующие факторы взаимной адаптации.

1.1. Факторы, характеризующие мигрантов (образ самих себя):

1.1.1. Демографические характеристики – мужской пол и молодой возраст мигрантов, по их собственному мнению является фактором риска:

«...никогда не слышал о проблемах у взрослых мужчин...» (юноши 17–25 лет)

«... девушкам легче, они же после учебы идут домой, в кафе не сидят...не провоцируют...» (девушки 17–25 лет).

1.1.2. Личностные характеристики, по мнению мигрантов, помогающие им быть принятыми местным сообществом – воспитанность, образованность, высокая социальная активность, умение показать себя, коммуникабельность, личностная гибкость:

«... если ты приехал просто так, то и лезут во всякие приключения. А если есть цель, то ты проявляешь себя, тебе некогда...» (юноши 17–25 лет).

1.1.3. Отношение к миграционному процессу. Мигранты к этому имеют неоднозначное отношение, оно зависит от вида миграции, субъекта миграции, ожиданий. Вынужденная и временная миграции не способствуют эффективной адаптации; также снижает успех адаптации отсутствие информации и понимания последствий миграции. Канал миграции и территория, влияют на адаптацию, но направленность влияния пока не ясна (наличие социальных связей и сетей в одних ситуациях помогает, в других – мешает, близость территории также иногда помогает, иногда мешает:

«...большинство чеченцев, ...их заставила уехать, покинуть свой дом эта проклятая война» (женщины 26–60 лет)

«...я бы поехал в Мекку из-за паломничества...» (юноши 17–25 лет)

«Приехала, так как здесь брат, тетя...»(девушки 17–25 лет)

«Неизвестность меня всегда пугает...Когда на длительный срок уезжаешь, то менталитет чуть забывается...» (юноши 17–25 лет)

1.1.4. Социально-психологические и этнопсихологические характеристики. По мнению самих мигрантов, им помогают адаптироваться, повышают принятие местным сообществом и эффективное взаимодействие с ним владение русским языком, этнический патриотизм наличием русских друзей, осознание мигрантами того, как они воспринимаются принимающим сообществом. Гиперпозитивная этническая и религиозная идентичности, воспринимаемая мигрантами дискриминация в ситуации учебы, работы, поиске жилья, абсолютно позитивный этностереотип, восприятие мигрантами своей культурной исключительности, стратегии взаимодействия с принимающим населением, основанные на силе приводят к негативным установкам на межкультурное общение, появлению агрессивным формам взаимодействия и способствуют снижению эффективности адаптации):

«вот кавказца всегда можно отличить по акценту...» (юноши 17–25 лет)

«И ... когда мы в автобусе ехали, ... зашла женщина с ребенком, ...кавказец ... уступил. Это у нас инстинкт, даже не то чтоб обычай, инстинкт. Нас этому учили с детства...» (мужчины 26–60 лет)

«Ну вот, я считаю, что девушка везде должна подчеркивать свою национальность, только в хорошем смысле, ... если она идет, ...почему плохо свою культуру, вот мне нравится, например, идут мои девушки – чеченки, ингушки, мы уже их знаем, мне, например, приятно...» (девушки 17–25 лет)

«Ислам – самая удобная религия и самая лучшая. Там все ясно и понятно, как жить, все написано...» (юноши 17–25 лет)

«Все русские, когда узнают нашу культуру, хотят ее выполнять...» (мужчины 26–60 лет)

«... мой сын что только не делал, но его декан в упор не замечал..., пришлось перевестись в другой вуз...» (женщины 26–60 лет)

«... знаете, я считаю, что где бы человек ни родился, он должен всегда нести свои традиции, свою культуру, свой менталитет показывать, но в хорошем смысле...» (мужчины 26–60 лет)

«кавказцы очень гостеприимные, своего никогда не бросят, у нас есть стержень...» (юноши 17–25 лет)

«Вы можете представить, что кавказский парень говорит: давай выйдем, спокойно поговорим, разберемся...!?» (девушки 17–25 лет)

1.2. Факторы, характеризующие принимающее население.

1.2.1. Демографические – женский пол и возраст старше среднего у принимающего сообщества, по мнению мигрантов, не способствует эффективному взаимодействию принимающего сообщества с мигрантами.

«Женщины из местного сообщества хуже, чем мужчины, они большие националисты, несдержанные...» (девушки 17–25 лет).

1.2.2. Личностные качества, способствующие принятию мигрантов – воспитанность, образованность, доброжелательность, толерантность способствует формированию адекватных взаимных образов и в целом эффективному взаимодействию.

«... они добрые, более отзывчивые, стремящиеся прийти на помощь...» (девушки 17–25 лет)

«...местный еще и не задумывается над тем, что делает, что ему сказали, то он и говорит...» (юноши 17–25 лет).

1.2.3 Социально-психологические и этнопсихологические характеристики – знание своей культуры и уважение других культур, этнический патриотизм русских повышают авторитет русских в глазах мигрантов, способствуют эффективному взаимодействию. Воспринимаемая физическая, экономическая, психологическая и культурная угрозы, явно негативный гетеростереотип русских, исламофобия и дискриминационные установки принимающего населения снижают успех взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения:

«...вот у русских такая история, а они ее не знают, не хотят знать, культуру забыли...» (женщины 26–60 лет)

«...вот если бы они понимали нашу культуру, уважали бы ее, то многое бы изменилось..., ведь они же не хотят нашу лезгинку ...» (юноши 17–25 лет)

«А часто за русскую девушку заступиться некому, или есть, но они не заступаются... И женщины, и мужчины пьют... Женщины курят» (женщины 26–60 лет)

«... я вот был во многих местах, там у русских очень сильная исламофобия...» (мужчины 26–60 лет)

Также при описании русских мигранты – представители народов Северного Кавказа говорили, что русских не так много, они не очень хороши, раньше они были похожи на кавказцев, и это было хорошо, а сейчас они должны измениться. Такое стремление мигрантов принизить численность русских, сделать русских похожими на себя – это желание минимизировать тревогу меньшинства относительно большинства, и стремление минимизировать тревожность, обусловленную нестабильностью и непонятностью «русской среды». В целом, можно отметить, что мигранты воспринимают угрозу и выстраивают некие стратегии защиты.

1.3. К группе факторов, характеризующих воспринимаемые культурные различия, были отнесены опора на коллективистские ценности мигрантов (поддержка родственников и близких, ориентация на общественное мнение, групповое решение проблем, значимость групповых идентичностей и др.), более высокий статус мужчины, негативное отношение к женщине, уважение к старшим, опора на традиционализм, особенность социального контроля (опора на этнокультурные нормы, а не нормы закона, контроль со стороны семьи и рода). Все эти факторы мешают налаживанию эффективных взаимоотношений мигрантов и принимающего населения. Однако мигранты отмечали, что при таком отличии важно всегда искать что-то общее – общие интересы, общее государство, общую ценность семьи и др.:

«...нельзя позорить семью, не проявляют своих чувств, нельзя демонстрировать отношения..., нельзя в брак с другими этносами» (девушки 17–25 лет)

«У нас запрещено пить, курить, у нас мужчины выше женщин... У нас более уважительное отношение к родителям и старшим» (женщины 26–40 лет)

«У нас так заложено, что вот мой сын за границей, но даже отсюда я его контролирую, круглые сутки мы говорим ему: смотри, смотри, смотри!» (женщины 26–60 лет)

1.4. Факторы, описывающие ситуацию взаимодействия мигрантов и принимающего населения. Негативные факты история межгрупповых контактов снижают успех взаимной адаптации, позитивные – повышают. В этой связи важным моментом является историческая грамотность, которая может снижать мифологизацию, и, соответственно, снижать негативное воздействие этого фактора:

«Наши родители, которых выселили когда-то, ...их вывалили, собственно говоря, на улицу. Мой отец похоронил по дороге в Казахстан шестерых детей, он их даже похоронить не мог, потому что поезд не останавливался, и он их выбрасывал в окно поезда...» (женщины 26–60 лет)

Некорректная деятельность СМИ, недоверие к федеральной власти, неэффективная миграционная и национальная политики, отсутствие общественной безопасности, угроза терактов, по мнению мигрантов, дестабилизирует их взаимоотношения с принимающим населением, создает негативный контекст:

«Тема национализма преподносится не так... Сейчас все сводят к национальности... Вообще не надо акцентировать на том, кто это сделал, нужно говорить, что нарушили нормы. Не нужно СМИ указывать национальность...» (женщины 26–60 лет)

«Наши губернаторы с экранов телевизоров не должны людей настраивать друг против друга, сеять вражду между ними, они должны, наоборот, улаживать эти конфликты (мужчины 26–40 лет)

Наличие национальнокультурных обществ, оказывающих социальную, экономическую, психологическую, этнокультурную поддержку мигрантам, наличие открытых диалоговых площадок способствуют эффективной адаптации мигрантов и налаживанию взаимоотношений мигрантов и принимающего населения:

«Нужны места для совместных встреч. Нужно вот такие собрания делать только не с кавказской молодежью, а со всей. Нужно все для общения. Чтобы обсуждали наболевшие проблемы...» (юноши 17–25 лет)

2. Факторы взаимной адаптации, выделенные на основе представлений принимающего населения Ставропольского края.

2.1. Факторы, характеризующие мигрантов.

2.1.1. Демографическая характеристика – молодой возраст. Молодые мигранты – как юноши, так и девушки – по мнению «местных», имеют больше шансов быть непринятыми:

«их девушки только с виду тихие, а в тихом омуте черти водятся...» (женщины 26–60 лет)

2.1.2. Личностные характеристики мигрантов, которые могут им помочь успешно адаптироваться в принимающем сообществе: желание мигрантов интегрироваться в местное сообщество, стремление не выделяться и быть похожим на «местных», полезность территории, толерантность:

«Как это: они хотят сюда приехать, хотят здесь жить и не хотят интегрироваться? Вот это как?» (женщины, 26–60 лет)

2.1.3. Социально-психологические и этнопсихологические характеристики мигрантов. Стремление противопоставить себя местным, восприятие мигрантами своей культурной исключительности, плохое владение русским языком, негативные стереотипы мигрантов в принимающем сообществе, гипертрофированная этническая и религиозная идентичность, стратегии взаимодействия, ориентированные на силу, не способствуют успешной адаптации мигрантов:

«Мне кажется, что мигранты пытаются себя поставить так, чтобы казаться более уверенными в себе. Хотя это не так, нам местным кажется, что это не так. Мы знаем, что они только временно здесь, но они более напыщенные. Чтобы увидели меня, я покажу себя, что я уверен в себе» (девушки, 17–25 лет)

«Мне на самом деле очень нравится, как они друг за друга стоят горой. Мы говорим вот, что русские вроде, да, единая сила. Но если так подумать, если у них какая-то беда случается – у них все сразу бросаются на помощь, а у нас, если что-то случилось, наоборот, все стараются обойти стороной» (девушки, 17–25 лет)

«...они наглые, сразу вытаскивают оружие..., вот маршрутчик, ему человек не заплатил, так он выскочил и сразу ножом пырнул, сходу...» (женщины 26–60 лет)

«все на «понтах»...» (мужчины 26–60 лет).

2.2. Факторы, характеризующие принимающее общество (образ самих себя).

2.2.1. Личностные характеристики, способствующие эффективному взаимодействию с мигрантами: уважение и знание своей собственной культуры, толерантность, доброжелательность, чувство хозяина:

«даже если ты его не уважаешь, просто води себя достойно. Не ругайся с ним, не дерись. Просто приятное общение, чтобы и тебе было приятно поговорить с человеком, и он с тобой приятно поговорил» (юноши, 17–25 лет).

2.2.2. Отношение к миграции. Негативное восприятие миграции усиливает воспринимаемую угрозу, миграция видится как бесконтрольный проблемный процесс, влекущий за собой возрастание уровня социальной тревожности, угрозы социальной безопасности, роста коррупции, повышения уровня безработицы:

«Уже весь Ставропольский край, ситуация ухудшается, уже скоро нужно уезжать, я не знаю, куда-нибудь. И сейчас бегут почему-то, я не знаю почему. Русские говорят, надо бежать из Ставрополя, Ставропольского края в Краснодар, хотя их там тоже полно, я не понимаю этого» (девушки, 17–25 лет)

«Сразу уровень криминала растёт, убийства....Только сплошные убийства, там ограбил...» (женщины, 26–60 лет).

2.2.3. Социально-психологические и этнопсихологические характеристики русских – представителей принимающего сообщества. Адекватный автостереотип русских, этнический патриотизм способствуют созданию позитивного образа русского и в целом эффективному взаимодействию с мигрантами. Размываемая этническая идентичность, наличие исламофобии, дискриминационные установки и агрессивные стратегии взаимодействия с мигрантами снижают эффективность взаимодействия мигрантов и принимающего населения:

«Мы ведь великая духовная нация!» (женщины, 26–60 лет);

«Я с ним начал общаться и думал, ... что он не очень высокого уровня... А потом, когда с ним пообщался, оказалось, что человек сочиняет стихи, очень ... начитан, смотрит интеллектуальные фильмы, разбирается в искусстве, ... он для меня был как непрочитанная книга» (юноши, 17–25 лет).

2.3. Факторы, отражающие культурные различия между мигрантами и принимающим населением: закрытость кавказских культур, враждебное отношение мигрантов к культурным отличиям, религиозным традициям, стремление к традиционализму, этнокультурные особенности ведения хозяйства, традиционные различия в характере отношений между разными полами, зависимость от общественного мнения, противоречивость культурных норм по отношению к женщинам, различия в социальном контроле (местное население ориентируется на соблюдение законодательства, взаимодействие с органами представительной власти, мигранты строго ориентированы на общественное мнение, мнение ближайшего окружения (семьи, рода) и традиционные нормы культуры (религиозные нормы), которые выступают основными регуляторами поведения. Выделенные различия приводят к непониманию и негативно влияют на взаимодействие принимающего населения с мигрантами:

«Неуважение к женскому полу, у многих есть такое, что она должна только готовить, тебе все делать, а уважение к ней не обязательно» (девушки, 17–25 лет);

«я к тому, что там они жестки, там ведь, во-первых, просто убьют, там контроль социальный в этой среде, там они не разбалуются. А здесь, да, они приезжают, в том числе и за этим» (мужчины, 26–60 лет);

«а потому что там они у родителей, у дедушек себя так вести не будут ... Для них старшие – это авторитет» (девушки, 17–25 лет).

2.4. Факторы, характеризующие ситуацию взаимодействия мигрантов и принимающего населения. Негативные события исторического прошлого – депортация, войны, конфликты – снижают взаимную адаптацию, положительные события, интернациональная политика – повышают:

«Это изначально из истории пошло, война, сколько там вырезали, и самого Шамиля, его считай, купили. И мне кажется, сама ... история со временем – всё равно это у людей как бы пришло, в горячих точках когда воевали» (юноши, 17–25 лет).

Некорректная деятельность СМИ, недоверие к власти, отсутствие системной долгосрочной национальной политики приводят к конструированию у принимающего сообщества негативного образа мигранта с Северного Кавказа, снижают эффективность решения проблем взаимодействия мигрантов и принимающего населения.

«Но это тоже стереотипное мнение в СМИ. Вот сразу замечают, что человек с Северного Кавказа, и сразу начинают уделять этому внимание, подчеркивают, и фотографию его, что это именно он» (девушки, 17–25 лет);

«На самом деле, конфликты на национальной почве, но нам пытаются сказать «нет», «не надо». Почему? Потому что власть боится...» (мужчины, 26–60 лет)

В качестве способов решения сложившихся проблем между мигрантами и принимающим населением были выделены повышение общего уровня осведомленности об этнокультурных различиях, как со стороны местного населения, так и со стороны мигрантов; организованные межкультурные контакты; прозрачность действий властей; контроль СМИ; эффективность единого правового поля; действенность мер национальной политики; создание общих площадок для обмена опытом, активного досуга (преимущественно востребовано представителями младшего поколения (17–25 лет).

«Во всех высших учебных заведениях, техникумах прошли «круглые столы», где бы были дети всех национальностей, занимались объединительными делами ... как КВН. Неформально, кто хочет» (женщины 26–60 лет)

Сопоставление факторов, выделенных в фокус-группах мигрантов и принимающего населения, позволяет глубже понять причины, обуславливающие возникновение проблем во взаимоотношениях между ними, реципрокность представлений и возможные пути решения проблем.

Кроме того, исследование показало, что и мигранты, и местное население практически одинаково воспринимают суть проблем миграции, выделяют различия в культурах, а также практически одинаково описывают ситуацию взаимодействия. Можно сказать, что здесь позиции мигрантов и представителей принимающего сообщества реципрокны.

Наибольшие расхождения выявлены во взаимных образах мигрантов и принимающего населения. Местные жители более адекватно оценивают как представителей народов Северного Кавказа, так и себя, отмечают и положительные, и отрицательные качества. Мигранты воспринимают себя только в положительных красках, образ же русских у них – в основном негативный. Образ «местного» в представлениях и мигрантов, и самих местных имеет много совпадений. Большая степень расхождений проявляется в образе мигранта. Это, соответственно, может быть почвой для проблем и конфликтов.

Наиболее неблагоприятный прогноз для взаимной адаптации у мигрантов связан с такими их характеристиками, как молодой возраст и мужской пол, тогда как местные считают, что девушки-мигранты также несут в себе потенциальную угрозу, и не всегда готовы их принимать.

При описании личностных характеристик, значимых для адаптации мигрантов, также выявлены отличия: мигранты считают, что адаптироваться им помогут социальная активность, возможность «показать себя», образованность, воспитанность, а местные считают, что главным является ориентация мигранта на интеграцию в местное общество и полезность для региона.

Представления мигрантов и принимающего сообщества относительно стратегий взаимодействия очень близки. И те, и другие считают, что при разрешении проблем мигрантам с Северного Кавказа важно «показать» себя, при разрешении конфликта они используют агрессивные меры, об-

ращаются к помощи группы. Для местных характерно стремление договориться, вступить в вербальный контакт, решить все миром, использовать в основном личный ресурс.

Местные жители в целом негативно относятся к миграции, мигранты неоднозначно (позитивно – к временной миграции, направленной на учебу, работу, карьерный рост, негативно – к вынужденной, связанной с вооруженными конфликтами, выселением). У мигрантов доминирует тенденция на возвращение домой, что в целом снижает стремление к ассимиляции и интеграции в местное сообщество.

Были выявлены значимые различия в восприятии последствий сложившейся ситуации миграции в Северо-Кавказском Федеральном округе. Местные жители очень четко сформулировали эти последствия в негативных тонах, которые являются основой воспринимаемой экономической, психологической, физической угроз. Мигранты вообще на этом не акцентировали внимание.

При выделении мер, позволяющих снизить проблемы, возникающие во взаимоотношениях мигрантов и принимающего населения, и мигранты и местные жители были единомышленны. Повышение этнокультурной компетентности, формирование надэтнических идентичностей, поиск общего, личные контакты и диалог, акцент на личностную идентичность и ответственность, обмен опытом, опора на общероссийские законы, формирование поликультурной среды, контроль за СМИ, а также системность и неформальность всех проводимых мероприятий и, по мнению мигрантов и принимающего сообщества, будут способствовать налаживанию конструктивного межкультурного общения.

В целом, исследование показало, что факторы, которые можно отнести к «объективным» – культурные различия, факторы, описывающие ситуацию взаимодействия, демографические характеристики участников взаимодействия воспринимаются и мигрантами, и принимающим населением практически одинаково. Наибольшие расхождения в представлениях мигрантов и принимающего населения были выявлены в факторах, которые достаточно субъективны и, как правило, конструируются на основе личного опыта и под влиянием общественно-политического дискурса. Наибольшие расхождения связаны с образом мигранта, с теми качествами, которые помогают мигранту успешно адаптироваться, а также воспринимаемые последствия миграции – воспринимаемая дискриминация (у мигрантов), воспринимаемая угроза (у принимающего сообщества).

В сложившейся ситуации один из конструктивных выходов – это формирование у всего населения края толерантности к разнообразию, инаковости, но исследование показывает, что пока общество не готово к этому, и мигранты, и принимающее сообщество указывали на необходимость «похожести», при этом, мигранты апеллировали к прошлому, говорили, что «русские были на нас похожи, но утратили свои традиции» (что плохо), а принимающее сообщество апеллирует к настоящему и будущему («мигранты должны меняться»).

Результаты данного исследования могут быть использованы при планировании миграционной политики и при разработке мер, способствующих успешной взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения в регионах России.

Литература

1. Авксентьев В. А., Бабкин И. О., Медведев Н. П., Хоц А. Ю., Шнюков В. В. Ставрополь: этноконфликтологический портрет. Ставрополь, СГУ, 2002
2. Авксентьев В. А., Иванова С. Ю., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шаповалов В. А., Шульга М. М. и др. Некоторые аспекты интеграции мигрантов в местное сообщество (на примере Ставропольского края): монография // Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования / под ред. А. В. Понеделькова, А. В. Старостина, В. В. Рудого, С. С. Змияка. Ростов н/Д Изд-во: СКАГС, 2008.
3. Белановский С. А. Метод фокус-групп. М.: Издательство Магистр, 1996.
4. Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сборник научных статей / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.
5. Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа и пути их решения. М., 2012 С. 77–90

6. Жогин Б. Г., Маслова Р. Ф., Шаповалов В. К. Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002.
7. Иванова С. Ю., Лутовинов В. И. Современный российский патриотизм. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 320 с.
8. Ключникова Л. В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и межгруппового восприятия (на примере немцев, выехавших из стран СНГ на постоянное место жительства в Германию): автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 2001. 26 с.
9. Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
10. Медведев Н. П. О некоторых проблемах этнополитической стабильности на Северном Кавказе // Политическая регионалистика и этнополитика: проблемы централизации / под общей ред. Н. П. Медведева. Вып. 8. М.: Издательский Дом МИСиС, 2010.
11. Рыбаковский Л. Л. Миграционные процессы: понятие, формы, виды и стадии. М., 2000.
12. Стефаненко Т. Г. Адаптация к новой культурной среде и пути ее оптимизации. М., 1999.
13. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / под ред Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко. М.: РУДН, 2009.
14. Berry J. W. Psychology of acculturation. In R. W. Brislin (Ed.), *Applied cross-cultural psychology*. Newbury Park, CA: Sage. 1990. P. 232–253.
15. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 1997. 46. P. 5–34.
16. Berry J. W. Research on multiculturalism in Canada // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 663–675.
17. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology: International Review*. 2006. Vol. 55(3). P. 303–332.
18. Berry J., & Sam D. Acculturation and adaptation. In J. Berry, M. Segall, & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Social behavior and applications*. Boston: Allyn&Bacon. 1997. Vol. 3. P. 291–326.
19. Birman D. Acculturation and human diversity in a multicultural society. In E. J. Trickett, R. J. Watts, & D. Birman (Eds.), *Human diversity: Perspective on people in context*. San Francisco: Jossey-Bass. 1994. P. 261–284.
20. Bourhis R., Moïse L. C., Perreault S., Senécal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // *International Journal of Psychology*. 1997. Vol. 32(6). P. 369–386.
21. Kamberelis G., & Dimitriadis G. Focus groups: Strategic articulations of pedagogy, politics and inquiry. In N. K. Denzin, & Y. Lincoln S. (Eds.), *Collecting and interpreting qualitative materials*. Thousand Oaks, CA: Sage.
22. Liamputtong P. *Qualitative Research Methods*. South Melbourne, Australia: Oxford University Press. 2008. P. 375–402.
23. Koser K. & Laczko F. (Eds.) *World migration report 2010. The future of migration: building capacities for change*. Geneva: International Organisation for Migration. 2010.
24. Liamputtong P. *Cross-Cultural Research and Qualitative Inquiry* // *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*. July 2010, 1(1). P. 16.
25. Liebkind K., Jasinskaja-Lahti I. The influence of experiences of discrimination on psychological stress: A comparison of seven immigrant groups // *Journal of Community and Applied Social Psychology* 2000. № 10. P. 1–16.
26. Sam D. L., Berry J. W. Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5. P. 472–481.
27. Strauss A. and Corbin J. *Basice of Qualitative Research*. Newbury Park: Sage. 1990.
28. Ward C. Acculturation. In D. Landis & R. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage. 1996. P. 124–147.

УДК 159.9.07

Дрожжина Наталья Борисовна

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКОВ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются основные подходы к исследованию экономического сознания личности, обосновывается применение метода экспериментальной психосемантики в исследовании экономического сознания подростков. Приводятся результаты экспериментально-психологического исследования.

Ключевые слова: экономическое сознание личности, психосемантика, обыденное сознание личности, семантический дифференциал.

Drozhzhina Natalia B.

ECONOMIC AWARENESS IN ADOLESCENTS: PSYCHOSEMANTIC ASPECT

The article focuses on the major approaches to investigating the economic awareness, as well as offers rationale for the experimental psychosemantics method in studying economic awareness in adolescents. There are also results of an experimental-psychological research provided.

Key words: economic awareness, psychosemantics, common awareness, semantic differential.

Современное развитие российского общества, характеризующееся экономической нестабильностью, несоответствием уровня интенсивности социальных, политических, духовных изменений возможностям людей адаптироваться к ним, определяет постановку и решение проблемы формирования экономического сознания подростков как одного из значимых и актуальных направлений психологии [1].

Экономическое сознание большинством ученых определяется как системная составляющая сознания, высший уровень отражения экономических отношений общественно развитым человеком. Экономическое сознание проявляется в субъективной оценке экономического статуса личности, в представлении и отношении личности к собственности, деньгам, экономическому риску, бедности, богатству и другим экономическим объектам, является результатом социализации субъекта и приобретает определенную значимость в деятельности человека (А. В. Филиппов, С. В. Ковалев, Т. И. Заславская, Р. В. Рыбкина, К. Касьянова).

Существуют различные интерпретации и методологические подходы к определению понятия «экономическое сознание». В зарубежной психологии принято использовать термины «экономическое мышление» и «экономическое поведение» (А. Смит, Дж. Катона, М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, В. Парето).

В отечественной психологии значительный вклад в научное осмысление экономического, сознания, его сущность внесли Л. Н. Абалкин, К. А. Улыбкин, А. К. Уледов, Ж. Т. Тощенко, В. Э. Бойко, которыми экономическое мышление, идеология и психология рассматриваются как одна из основных форм отражения существующих экономических отношений и как результат социализации человека. Значительный интерес для исследования экономического сознания представляют работы Т. И. Заславской и Р. В. Рыбкиной, К. Касьяновой, Б. Н. Миронова, А. Г. Вишневого), в которых обосновывается категория «экономическая культура», Л. С. Борисовой – о формировании экономического сознания молодежи, А.В. Филиппова и С.В. Ковалева – о взаимосвязи экономического сознания и самосознания.

В структуре экономического сознания выделяют – экономические нормы, интересы; экономические мотивы; экономическое мышление; экономические представления; чувства и эмоции в экономической сфере; ощущения и восприятия в экономической сфере (Дейнека О. С.).

Хотя все люди имеют представления в сфере экономики, которые так или иначе усваиваются в процессе социализации, личностный смысл и субъективная оценка их, представленная в индивидуальном сознании, различны. В этой связи можно предположить, что существуют гендерные отличия в восприятии и оценке себя и общества с позиции экономических составляющих обыденного сознания личности [2].

Психологическими методами исследования послужили специально разработанная методика частного ролевого семантического дифференциала, которая включала 55 качественных прилагательных, описывающих качества человека, отражающие экономическое сознание (прагматичный, умеет прогнозировать события, предприимчивый, склонный у риску и др.), так и общие (сильный, успешный, умный и др.) и 14 ролевых позиций: Я; Бедный человек (с низким достатком); Богатый человек (с высоким достатком); Я через 15 лет; Типичный представитель нашего общества; Экономически грамотный человек; Предприниматель (бизнесмен); Человек, который вызывает уважение; Безработный; Мужчина; Женщина; Человек, который на меня не похож; математические – методы количественной и качественной обработки эмпирических данных – факторный анализ.

В экспериментально-психологическом обследовании приняли участие 50 человек – учащиеся 8 «А» и 8 «Б» класса МОУ СОШ № 34 г. Ставрополя в возрасте 14 лет (25 мальчиков, 25 девочек).

Затем были сформированы выборки испытуемых в зависимости от пола и произведена обработка семантического дифференциала с помощью факторного анализа. В результате обработки данных были выделены факторные структуры и найдены нагрузки по факторам. При интерпретации выделенных факторов мы рассматривали как обобщенное содержание шкал-дескрипторов, так и характер размещения ролевых позиций в полученном семантическом пространстве.

Анализ результатов мужской выборки испытуемых. В результате факторизации первичных данных мужской выборки испытуемых выделилось 5 факторов, из которых 2 значимых и общий уровень дисперсии их составил 25,65 %, 15,13 % соответственно.

Первый фактор объясняет 25,65 % общей дисперсии и является биполярным. В него вошли следующие шкалы: рациональный (0.81), бережливый (0.80), умный (0.80), современный (0.80), сильный (0.79), ценит деньги (0.75), практичный (0.70), активный (0.70), красивый (0.70), и с отрицательным знаком – нерациональный (–0.88), слабый (–0.85), глупый (–0.85), расточительный (–0.80), устаревший (–0.80), непрактичный (–0.78), трусливый (–0.78), не склонный к риску (–0.78), безобразный (–0.77), пассивный (–0.76).

Наибольшую нагрузку по данному фактору имеют роли: экономически грамотный человек (2.11), предприниматель (бизнесмен) (0.91), богатый человек (с высоким достатком) (0.60), мужчина (0.59), я через 15 лет (0.52), человек, вызывающий уважение (0.44), Я (0.35)

На отрицательном полюсе – Бедный человек (с низким достатком) (–1.24), человек, который на меня не похож (–1.11), безработный (–0.79), женщина (–0.77), типичный представитель нашего общества (–0.48).

Выделенные шкалы позволили интерпретировать данный фактор как «рациональность – иррациональность», где образ экономически грамотного человека и предпринимателя (бизнесмена) противопоставляется образу бедного человека (с низким достатком), безработному, с которыми испытуемые мужской выборки не хотят идентифицироваться.

Образ экономически грамотного человека и предпринимателя характеризуется как рациональный (0.81), бережливый (0.80), умный (0.80), современный (0.80), сильный (0.79), ценит деньги (0.75), практичный (0.70), активный (0.70), красивый (0.70), а образы бедного человека (с низким достатком), безработного характеризуются как нерациональный (–0.88), слабый (–0.85), глупый (–0.85), расточительный (–0.80), устаревший (–0.80), непрактичный (–0.78), трусливый (–0.78), не склонный к риску (–0.78), безобразный (–0.77), пассивный (–0.76).

Образы Я и Я через 15 лет в выборке испытуемых расположены на полюсе рациональности, причем через 15 лет испытуемые будут обладать этим качеством в большей степени, чем в настоящем.

Также образ мужчины, как более рационального, противопоставляется образу женщины, которая, как и типичный представитель нашего общества, воспринимается менее рационально.

В данном факторе присутствуют шкалы, неоднородные по содержанию, например, «смелый», «сильный», «красивый», поэтому можно говорить о том, что происходит слияние всех трех факторов Ч. Осгуда: «Оценка», «Сила», «Активность». По мнению Ч. Осгуда, такая модификация происходит

по механизму «денотативного сцепления», а, по мнению А. Г. Шмелева, наиболее подвержены такому сцеплению узкие по своему денотативному значению наборы шкал. В этом случае «семантический дифференциал становится более чувствительным к таким предметно специфическим слоям опыта, которые накоплены в ходе индивидуальной жизнедеятельности конкретного человека». (А. Г. Шмелев)

Второй фактор (15,13 %) также оказался биполярным. Его составили шкалы: предприимчивый (0.89), умеет прогнозировать события (0.86), лидер (0.84), бережливый (0.84), сильный (0.83), прагматичный (0.80), настойчивый (0.66), и с противоположным знаком – расточительный (–0.85), не предприимчивый (–0.84), не умеет прогнозировать события (–0.67), не склонный к риску (–0.63).

Наибольшую нагрузку по данному фактору имеют роли: богатый человек (с высоким достатком) (1.66), предприниматель (бизнесмен) (1.65), я через 15 лет (0.86), человек, который вызывает уважение (0.80), экономически грамотный человек (0.78), мужчина (0.65), Я (0.34).

На отрицательном полюсе расположились роли: человек, который на меня не похож (–1.90), бедный человек (с низким достатком) (–0.62), безработный (–0.51), типичный представитель нашего общества (–0.41), женщина (–0.33).

Выделенные шкалы позволили интерпретировать данный фактор как «Предприимчивость». Образы богатого человека и предпринимателя характеризуются как предприимчивые (0.89), умеющие прогнозировать события (0.86), лидеры (0.84), бережливые (0.84), сильные (0.83), прагматичные (0.80), настойчивые (0.66), и находятся рядом с образами я через 15 лет (0.86), человек, который вызывает уважение (0.80), экономически грамотный человек (0.78), мужчина (0.65) что может указывать на то, что через 15 лет испытуемые воспринимают себя как более предприимчивых, чем в настоящем времени и хотят быть предпринимателями и богатыми людьми (с высоким достатком).

Привлекает внимание тот факт, что образ мужчины, с которым идентифицируются испытуемые, как и в первом факторе, и характеризующийся как предприимчивый (0.89), умеет прогнозировать события (0.86), лидер (0.84), бережливый (0.84), сильный (0.83), прагматичный (0.80), настойчивый (0.66), противопоставляется образу женщины, которая воспринимается как расточительная (–0.85), не предприимчивая (–0.84), не умеет прогнозировать события (–0.67), не склонная к риску (–0.63).

Также испытуемые мужской выборки образ типичного представителя нашего общества воспринимают как расточительный (–0.85), не предприимчивый (–0.84), не умеет прогнозировать события (–0.67), не склонный к риску (–0.63), противопоставляют образу экономически грамотного человека и характеризуют его как предприимчивый (0.89), умеет прогнозировать события (0.86), лидер (0.84), бережливый (0.84), сильный (0.83), прагматичный (0.80), настойчивый (0.66).

Анализ результатов женской выборки испытуемых. В результате факторизации первичных данных женской выборки испытуемых выделилось 4 фактора, из которых 2 значимых и общий уровень дисперсии их составил 24,26 %, 15,91 % соответственно.

Первый фактор объясняет 24,26 % общей дисперсии и является биполярным. В него вошли следующие шкалы: бережливый (0.86), ценит деньги (0.84), расчетливый (0.83), умеет прогнозировать события (0.80), скупой (0.79), рациональный (0.77), не склонный к риску (0.77), прагматичный (0.77), умный (0.75), и с отрицательным знаком – не умеет прогнозировать события (–0.92), расточительный (–0.91), непрактичный (–0.91), склонный к риску (–0.90), глупый (–0.90), веселый (–0.90), слабый (–0.89), безнравственный (–0.89), авантюрист (–0.88), добрый (–0.88), щедрый (–0.84).

На положительном полюсе расположились роли: богатый человек (1.35), мужчина (1.29), экономически грамотный человек (1.18), предприниматель (бизнесмен) (0.46), я через 15 лет (0.45), человек, который вызывает уважение (0.33).

На отрицательном полюсе расположились роли: женщина (–1.54), бедный человек (с низким достатком) (–1.48), человек, который на меня не похож (–0.67), типичный представитель нашего общества (–0.50), безработный (–0.42), Я (–0.13).

Анализ выделенных шкал показал, что данный фактор можно назвать «бережливость – расточительность».

В обыденном сознании подростков женской выборки испытуемых богатый человек (с высоким достатком), а также экономически грамотный человек ассоциируется с мужчиной и характеризуется такими качествами как бережливый (0.86), ценит деньги (0.84), расчетливый (0.83), умеет прогнозировать события (0.80), скупой (0.79), рациональный (0.77), не склонный к риску (0.77), прагматичный (0.77), умный (0.75), в то время как образ женщины ассоциируется с образом бедного человека, типичного представителя нашего общества и безработного и характеризуется как – не умеет прогнозировать события (–0.92), расточительный (–0.91), непрактичный (–0.91), склонный к риску (–0.90), глупый (–0.90), веселый (–0.90), слабый (–0.89), безнравственный (–0.89), авантюрист (–0.88), добрый (–0.88), щедрый (–0.84).

Себя подростки женской выборки испытуемых относят к полюсу расточительности, хотя и в незначительной степени, а в будущем через 15 лет видят себя уже более бережливыми и богатыми и экономически грамотными.

Второй биполярный фактор (15,91 %) составили шкалы: практичный (0.91), рациональный (0.90), не склонный к риску (0.90), умный (0.87), прагматичный (0.86), ценит деньги (0.86), решительный (0.84), активный (0.78), сильный (0.77), и с отрицательным знаком – не практичный (–0.88), не умеет прогнозировать события (–0.86), склонный к риску (–0.84), глупый (–0.80), нерациональный (–0.80).

На положительном полюсе расположились роли: предприниматель (бизнесмен) (1.91), экономически грамотный человек (0.84), богатый человек (0.73), мужчина (0.69), я через 15 лет (0.68), Я (0.50), человек, который вызывает уважение (0.25).

На отрицательном полюсе расположились следующие роли: бедный человек (с низким достатком) (–1.11), человек, который на меня не похож (–1.11), типичный представитель нашего общества (–1.09), женщина (–1.01), безработный (–0.33).

Анализ выделенных шкал показал, что данный фактор можно назвать «Практичность».

По данному фактору в обыденном сознании подростков образ предпринимателя, экономически грамотного человека, богатого человека, ассоциируется с мужчиной и характеризуется как практичный (0.91), рациональный (0.90), не склонный к риску (0.90), умный (0.87), прагматичный (0.86), ценит деньги (0.86), решительный (0.84), активный (0.78), сильный (0.77), а бедный человек с низким достатком), типичный представитель нашего общества, безработный ассоциируется с образом женщины и характеризуется как не практичный (–0.88), не умеет прогнозировать события (–0.86), склонный к риску (–0.84), глупый (–0.80), нерациональный (–0.80).

При этом образ Я и в большей степени образ Я через 15 лет воспринимается испытуемыми как практичный. Сравнительный анализ выделенных факторов показал, что по количеству выделилось одинаково 2 значимых фактора и в мужской и в женской выборке испытуемых, следовательно, когнитивная сложность пространства одинакова примерно у испытуемых.

Анализ ролевых позиций показал, что испытуемые мужской выборки воспринимают экономически грамотного человека, богатого человека и предпринимателя с позиции рациональности-иррациональности, и предприимчивости, а испытуемые женской выборки испытуемых с позиции бережливости – расточительности и практичности. В обыденном сознании подростков мужской выборки образ Я и Я через 15 лет ассоциируется с предпринимателем, богатым человеком и экономически грамотным человеком, в то время как подростки женской выборки воспринимают себя как более расточительных, нерациональных, чем мужчины, что, возможно, соответствует общепринятым стереотипам обыденного сознания в сфере экономики. Таким образом, установлено, что на уровне обыденного экономического сознания у подростков существуют различия, обусловленные гендерными особенностями:

- 1) для подростков мужской выборки присуще восприятие в экономической сфере через такие конструкты как «рациональность – иррациональность» и «Практичность», а для подростков женской выборки – через такие конструкты как «бережливость – расточительность» и «Практичность»;

- 2) подростки мужской выборки идентифицируют себя с рациональным, предприимчивым, экономически грамотным человеком, предпринимателем и богатым человеком, подростки женской выборки идентифицируют себя с расточительным, бедным и типичным представителем нашего общества;
- 3) в восприятии подростков женской выборки испытуемых образ мужчины характеризуется как рациональный, предприимчивый, бережливый, умеющий прогнозировать события, умный, прагматичный;
- 4) В восприятии подростков мужской выборки испытуемых образ женщины характеризуется как иррациональный, расточительный, не умеющий прогнозировать события, не склонный к риску, нерешительный, не предприимчивый;
- 5) типичный представитель нашего общества, как и образ безработного человека характеризуется как иррациональный, расточительный, не умеющий прогнозировать события, не склонный к риску, нерешительный, не предприимчивый;
- 6) полученные результаты позволяют учитывать гендерные особенности экономического сознания подростков с целью разработки способов его формирования, а также с целью использования полученных данных при прогнозировании вероятностного поведения подростков в различных экономических ситуациях, при коррекции индивидуального и группового экономического поведения подростков в современных рыночных условиях.

Литература

1. Абрамова В. А. Информационно-коммуникативный аспект формирования современного массового экономического сознания // Коммуникация в современном мире. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В. В. Тулупова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2009.
2. Дрожжина Н. Б. Специфика психосемантики нравственного сознания у юношей и девушек с различными психотипологическими особенностями личности // Научно-образовательное издание «Социально-гуманитарные знания». М., 2012. № 9. С. 210–215.

УДК 169.9

Евмененко Елена Владимировна

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗЕ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В статье рассматриваются некоторые подходы к пониманию сущности и значимости психолого-педагогического обеспечения инклюзивного образования студентов из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в условиях получения профессионального образования в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: инклюзивное образование, психолого-педагогическое обеспечение, сопровождение, социально-профессиональное самоопределение.

Evmenenko Elena Vladimirovna

INCLUSIVE APPROACH TO EDUCATIONAL ACTIVITIES IN UNIVERSITY: PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGIC ASSISTANCE

The article focuses on certain approaches to understanding the issue and meaning of psychological-pedagogic assistance to inclusive education for students with disabilities and handicaps under professional training in a higher educational institution.

Key words: inclusive education, psychological-pedagogic assistance, maintenance, social-professional self-guidance.

Одной из важных инноваций отечественного образования является его доступность для ряда социальных групп, имеющих особые образовательные потребности и стартовые возможности. В их числе дети с ограниченными возможностями здоровья и дети-инвалиды.

Министерство образования и науки РФ приводит данные о том, что среди 450 тыс. детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, обучающихся в общеобразовательных учреждениях России, только 15 тыс. продолжают обучение в высших образовательных учреждениях [5].

Принятие и вступление в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ дало новый импульс привлечению в высшие учебные заведения абитуриентов из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, а получение высшего профессионального образования становится наиболее эффективным механизмом социальной интеграции названной категории лиц.

Однако инклюзивное образование в процессе своего внедрения в вузе, как и в других образовательных системах, может сопровождаться как организационными трудностями, связанными с отсутствием безбарьерной среды, так и проблемами, имеющими социальный и психолого-педагогический характер – распространение стереотипов и предрассудков, в том числе, отказ субъектов принять интеграцию и стать участниками инклюзивного процесса.

В этих условиях очевидной становится необходимость организации специальной деятельности, обеспечивающей эффективность инклюзивного обучения. Такая деятельность, по мнению М. М. Товкаловой, предполагает не только формирование обучающее-реабилитирующей среды для всех субъектов образовательного процесса, но и создание, внедрение психологических механизмов, снижающих степень влияния ограниченных возможностей студентов на жизнедеятельность, механизмов, формирующих у них ощущения социальной полноценности, активности, уверенности в своих силах [3].

В основу нашей публикации положены идеи о необходимости психолого-педагогического обеспечения образовательной деятельности вуза в условиях инклюзивного обучения студентов из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья и определения в процессе инклюзивного

обучения и подготовки к профессиональной деятельности траектории развития их личностного потенциала с целью успешной интеграции в общество.

В настоящее время имеется значительное количество теоретических и прикладных исследований отечественных и зарубежных авторов, в которых представлены различные аспекты инклюзивного образования (Э. И. Леонгард, Б. Д. Корсунская, Г. Л. Зайцева, Н. Н. Малофеев, Н. Д. Шматко, Л. М. Шипицына, А. Н. Коноплева, Т. С. Зыкова, Т. В. Пелымская, Т. Л. Лещинская, М. Л. Любимов, Н. М. Назарова, Л. И. Тигранова, Е. А. Шкатов, Л. Е. Шевчук, Л. М. Кобрина, Эйнскоу Мэл., Armstrong F., Nes K., Oliver M. и др.).

Проблема психолого-педагогического обеспечения как и в целом, так и в образовательном процессе в частности нашла своё отражение в тесной взаимосвязи с процессом становления психологической службы в отечественных системах образования, психолого-педагогического сопровождения субъектов образовательного процесса.

В исследованиях А. Г. Асмолова, М. Р. Битяновой, Л. А. Головей, И. В. Дубровиной, А. К. Колеченко, А. А. Крылова, А. А. Реана, Е. Ф. Рыбалко и др. уделяется внимание вопросам психологического обеспечения в контексте деятельности психологических служб и психологического сопровождения.

Необходимо отметить, что понятие «психолого-педагогическое обеспечение» шире понятия «сопровождение».

Е. И. Казакова в результате проведённых исследований под категорией «сопровождение» рассматривает непосредственное или опосредованное взаимодействие педагогических, медицинских работников, учащихся, в результате которого оказывается помощь ребёнку в разрешении возникающих проблем [4].

Сопровождение, по мнению М. Р. Битяновой, как система профессиональной деятельности предполагает создание комплекса условий (социальных, психолого-педагогических и др.) для успешного обучения и психологического развития ребёнка. При этом педагог-психолог образовательного учреждения участвует в процессе развития именно в форме сопровождения, а не руководит им или оказывает помощь [1].

Таким образом, психолого-педагогическое обеспечение предполагает создание условий для сопровождения.

Под психолого-педагогическим обеспечением инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в вузе понимается система комплексной деятельности, помогающая субъектам образовательного процесса получить полноценное профессиональное образование, не только интегрируясь в образовательное учреждение, а полностью, максимально самостоятельно реализовать свой личностный потенциал с учётом индивидуальных особенностей, личных и профессиональных интересов, уникальности [3, 4].

Психолого-педагогическое обеспечение инклюзивного образования в вузе определяется нами как организованная система, направленная на развитие всех компонентов личностного потенциала субъектов образовательного процесса, независимо от их возможностей: когнитивных, рефлексивных, аффективно-волевых, деятельностных.

Среди основных задач психолого-педагогического обеспечения инклюзивной образовательной деятельности вуза можно выделить:

- 1) снижение уровня дезадаптации студентов (неспособность адаптироваться к условиям и требованиям образовательного учреждения). Решить данную задачу возможно, организовав работу с первокурсниками при поступлении в вуз, когда их знакомят с особенностями организации, содержания и правилами обучения, способствуют установлению взаимоотношений в академической группе, с сотрудниками структурных подразделений и преподавателями; оказывая своевременную помощь при затруднениях в процессе учебной деятельности, во взаимоотношениях с другими субъектами, а также в случае возникновения поведенческих девиаций;
- 2) помощь профессорско-преподавательскому составу в организации индивидуализации обучения – диагностика индивидуальных особенностей студентов из числа лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, консультации для преподавателей с це-

лью оказания помощи в построении учебных планов, индивидуальных программ обучения, определения приемлемых технологий аттестации студентов, максимально учитывающих индивидуальные особенности обучающихся и уровень их возможностей;

- 3) помощь преподавателям в решении проблем, возникающих в процессе образовательной деятельности, с коллективами обучающихся и преподавателей;
- 4) повышение учебной мотивации, способствующей активности и желанию учиться у студентов, а также педагогической мотивации – неотъемлемой части деятельности преподавателей;
- 5) снижение уровня тревожности перед будущей профессиональной деятельностью в процессе психологического консультирования и приобретении молодыми людьми компетенций, необходимых для самостоятельной жизни;
- 6) содействие повышению уровня профессиональной информированности обучающихся, их жизненному и профессиональному самоопределению, формированию навыков эффективного поведения у выпускников вуза – лиц из числа инвалидов и с ограниченными возможностями здоровья на рынке труда;
- 7) повышение психологической компетентности руководителей структурных подразделений, преподавателей и родителей.

Содержанием психолого-педагогического обеспечения субъектов инклюзивного образовательного процесса становится развитие мотивационной сферы личности, а именно: способность определить собственное место в различных социальных сферах, в том числе профессиональной, сформированность ценностных ориентаций, положительно влияющих на познавательную деятельность личности, ее самосознание и моральное состояние. При этом положительная динамика «внутренней позиции» личности приобретает решающее значение.

Интересы, цели, возможности личности, пути преодоления препятствий (проблем), осложняющих самостоятельное достижение планируемых результатов в обучении, самовоспитании, общении, становятся предметом психолого-педагогического обеспечения инклюзивной образовательной деятельности.

Социально-профессиональному самоопределению личности, формированию ее способностей, ценностных ориентаций, повышению конкурентоспособности на рынке труда и адаптации к условиям реализации собственной профессиональной карьеры способствует система соответствующих методов психолого-педагогического обеспечения. Кроме того, применение соответствующих методов оптимизирует психологическое состояние, что приводит к разрешению (снижению актуальности) психологических проблем, влияющих на успешность учебной деятельности, профессиональную и социальную самореализацию.

Основными направлениями психолого-педагогического обеспечения образовательной деятельности в вузе в процессе инклюзивного обучения студентов из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья являются:

- 1) повышение психолого-педагогической компетентности всех участников образовательного процесса. Данная система мер предусматривает организацию для преподавателей и специалистов структурных подразделений вуза программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации; разработку программ сопровождения участников инклюзивного образовательного процесса и включение в них модулей социально-психологической направленности на основании результатов мониторингов; включение преподавания специальных дисциплин, как средства воспитания психологической культуры студентов, в вариативный компонент учебного плана; издание популярной литературы, пропаганда психологических знаний средствами массовой информации и т. п.;
- 2) обеспечение психологической безопасности и развивающего характера образовательной среды. Данное направление предусматривает внедрение системных мер по предупреждению и устранению негативного воздействия образовательной среды на развитие личности

обучающихся, способствует повышению социально-психологической компетентности всех участников образовательного процесса, а именно – обеспечивается возможность адекватного выбора личностью своего жизненного пути, самостоятельного решения проблем и выбора поведения, соответствующего различным жизненным ситуациям;

- 3) социально-психологический мониторинг – система информационного сопровождения инновационных процессов в образовательной деятельности, позволяющая администрации, педагогическому коллективу оценивать результативность воздействия психолого-педагогических технологий, как традиционных, так и инновационных, на качество обучения и личностные достижения обучающихся; основываясь на объективных данных мониторинга, принимать управленческие решения и распределять кадровые, финансовые и иные ресурсы;
- 4) психолого-педагогическая экспертиза – позволяет контролировать соответствие реализуемых образовательных, воспитательных, социальных программ, индивидуальных образовательных маршрутов и других составляющих образовательной среды, решаемым задачам с учётом психофизических особенностей обучающихся;
- 5) социально-психологическое проектирование – система комплекса мероприятий (социальных, педагогических, психологических и т.д.) для решения задач образования и развития обучающихся с учетом их возможностей усваивать предлагаемые объемы информации, не испытывая при этом эмоционального дискомфорта. Психологическая составляющая в образовательном проектировании позволит сохранять и укреплять психическое и социальное здоровье всех участников изменений, происходящих в образовательной деятельности вуза, в результате осуществления инклюзивного образования.

Таким образом, психолого-педагогическое обеспечение инклюзивного подхода к образованию в вузе – это специальная деятельность образовательного учреждения по созданию, внедрению и обслуживанию социально-психологических и педагогических механизмов обучающего взаимодействия, устраняющих и минимизирующих различия в возможностях студентов всех категорий (из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья и с сохранными возможностями) в получении знаний, развитии и проявлении индивидуальности в различных сферах жизнедеятельности, в том числе профессиональной.

Содержательная сторона психолого-педагогического обеспечения инклюзивного образования студентов-инвалидов и студентов с ограниченными возможностями здоровья представлена рядом компонентов, каждый из которых регулирует отбор форм и методов содержания их подготовки к реализации себя в профессиональной деятельности и интеграции в обществе в целом.

Процессуальная сторона психолого-педагогического обеспечения инклюзивного образования отражает регуляцию процесса взаимодействия субъектов на всех этапах обучения в вузе, базирующегося на принципах групповых норм, правил, архитектурной среды, поддерживающего общения, что обеспечивает, в конечном итоге, целостный механизм деинвалидации.

Литература

1. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. М: Совершенство, 1998. 298 с.
2. Волосовец Т. В. Проблемы трудоустройства выпускников специализированных (коррекционных) образовательных учреждений и профессионального образования инвалидов // Воспитание и обучение детей с нарушениями в развитии. 2012. № 4. С. 3–10
3. Тавакалова М. М. Социально-психологическое обеспечение инклюзивного обучения инвалидов бое-вых действий: дис. ... канд. психол. наук. М.: РГБ, 2007.
4. Шипицына Л. М., Казакова Е. И. Комплексное сопровождение и коррекция развития детей-сирот: социально-эмоциональные проблемы: учебное пособие. СПб.: Институт специальной педагогики и психологии, 2000. 108 с.
5. Электронный журнал об образовании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.akvobr.ru/>.

УДК 37.017.92

Козловская Галина Юрьевна

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПЕДАГОГОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы формирования личностно-профессиональной направленности педагога инклюзивного образования, ценностные компоненты личностно-профессиональной готовности к работе с лицами с ОВЗ в инклюзивном образовании в отечественной и зарубежной педагогике.

Ключевые слова: инклюзивное образование, личностно-профессиональная направленность, гуманистические ценности профессиональной деятельности, социальный конструктивизм.

Kozlovskaya Galina Yurjevna

AXIOLOGICAL PRIORITIES IN STRUCTURE OF PERSONAL-PROFESSIONAL ORIENTATION OF TEACHERS INVOLVED IN INCLUSIVE EDUCATION

The article dwells on the issues related to the development of personal-professional orientation in teachers involved in inclusive education; value components of personal-professional readiness to work with disabled people in inclusive education, as such issues are discussed in in national and international pedagogic science.

Key words: inclusive education, personal-professional orientation, humanistic values of professional activity, social constructivism.

Широкое внедрение идей инклюзии в образовательные учреждения России в значительной мере зависит от квалификации кадров, высокого уровня их профессиональной компетентности, свободного владения своей профессией, готовности к постоянному профессиональному росту.

Несмотря на то, что формированию профессиональной компетентности и ключевых компетенций специалистов в педагогических исследованиях уделяется достаточно много внимания, процесс формирования инклюзивной компетентности на разных уровнях образовательной вертикали пока не получил системного отражения [2, 7].

Подготовка педагогов для реализации инклюзивного образования в основном направлена на формирование знаний об особенностях детей и подростков с нарушениями развития и учета их в педагогическом процессе, технологические аспекты проектирования инклюзивной образовательной среды [3], вопросы методического обеспечения инклюзивного образовательного процесса [2, 6]. При этом значительно меньше внимания обращается на профессионально-личностную готовность педагога к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

В работах Н. М. Назаровой, И. М. Яковлевой отмечается, что профессионально-личностная готовность педагога к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья включает профессионально-гуманистическую направленность личности, в том числе ее профессионально-ценностные ориентации, профессионально-личностные качества и умения.

Профессионально-гуманистическая направленность личности проявляется в осознании педагогом гуманистических ценностей профессиональной деятельности, удовлетворенности ею, целеустремленности в овладении профессиональным мастерством, действенности и активности личности в достижении гуманистических целей и задач воспитания и обучения детей.

Отношение к ценностям, определяющим феноменологию инклюзивного образования, является одним из приоритетов профессионально-личностной готовности педагога с «особым» ребенком, так как сами ценности выступают в роли связующего звена между личностью и социумом. Аксиологический вектор детерминирует поведение человека, выступая призмой мировосприятия и регулятором системы взаимоотношений во всех сферах человеческой деятельности.

В связи с этим формирование ценностей инклюзивного образования является одной из наиболее приоритетных задач профессиональной подготовки педагогических кадров.

В то же время анализ имеющихся работ показывает, что трактовка системы профессионально-ценностных ориентаций педагога инклюзивного образования имеет разное содержание, что связано с трактовкой самой концепции инклюзивного образования.

В работах, рассматривающих «инклюзивное образование» применительно к детям (лицам) с ограниченными возможностями здоровья (И. М. Яковлева, С. В. Алехина), преобладает подход к моделированию аксиологического поля педагога с позиции понимания «ограниченных возможностей здоровья» как недостатка и нарушения. Это соответствует классической концепции дизонтогенеза, но в определенной степени способствует формированию ментальных установок, характерных в большей степени для культуры интеграции, нежели для культуры инклюзии. Как отмечает И. М. Яковлева, педагог, готовящийся работать с детьми с ограниченными возможностями здоровья, должен принять следующую систему профессионально-ценностных ориентаций: признание ценности личности человека независимо от степени тяжести его нарушения; направленность на развитие личности человека с нарушением в развитии в целом, а не только на получение образовательного результата; осознание своей ответственности как носителя культуры и ее транслятора для людей с нарушениями в развитии; понимание творческой сущности педагогической деятельности с детьми с ограниченными возможностями здоровья, требующей больших духовных и энергетических затрат и др. [9].

Важная составляющая профессионально-личностной готовности педагога, работающего с лицами с ограниченными возможностями здоровья, по мнению И. М. Яковлевой, – готовность к оказанию помощи, рассматриваемая как интегральное личностное качество, включающее милосердие, эмпатию, толерантность, педагогический оптимизм, высокий уровень самоконтроля и саморегуляции, доброжелательность, умение наблюдать, способность суммировать наблюдения и использовать увеличившийся объем информации о ребенке (взрослом) для оптимизации педагогической работы; перцептивные умения; креативность, творческий подход к решению проблем, задач педагогической работы и др. [9].

К значимым личностным качествам относятся также деонтологический менталитет как проявление педагогом деликатности и тактичности, в том числе умения соблюдать конфиденциальность служебной информации и личных тайн воспитанника; ответственность за выбранные цели, задачи, содержание, методы обучения и воспитания ребенка с ограниченными возможностями здоровья, так как изначально такой ребенок является более зависимым от педагогической помощи, чем нормально развивающиеся сверстники [7].

Таким образом, в рамках данного подхода профессионально-личностная готовность педагога к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья предполагает сформированность целого комплекса качеств, которые основываются на гуманистической парадигме, основанной на традиционном дифференцированном образовании. По мнению Э. Варгас-Барон и У. Янсен, при многих позитивных свойствах, данная образовательная модель, исходя из приоритета концепта коррекции, приводила к стигматизации и дискриминации лиц с ОВЗ в социальном плане. Соответственно, не каждый педагог, работающий в общеобразовательном учреждении с нормально развивающимися детьми, способен к работе с ребенком, имеющим ограниченные возможности здоровья в силу, в том числе, и ценностно-мотивационных установок [1].

Отечественные и западные исследователи (Э. Варгас-Барон, У. Янсен, М. Фуко, Г. Иттерстад и др.), рассматривающие инклюзивное образование в рамках идеи включающего общества, опираются на социальную модель, в основе которой реализует себя идея социума, строящего отношения, пытающегося понять и содействовать социальной практике Других (нетипичных), непохожих. Эта позиция под Другими (нетипичными) подразумевает людей, принадлежащих к культурному, религиозному, этническому, языковому меньшинствам, одаренных, имеющих психофизические, социальные, поведенческие отклонения от общепринятых норм либо в положительную, либо в отрицательную сторону и др. [1, 4].

Основой этой концепции выступают масштабные проблемы современности, не решенные до сих пор, и рассматриваемые с позиций мультикультурности и размывания границ понятий «норма-отклонение» в разных сферах бытия. В современном обществе огромное число людей имеют проблемы с психофизическим состоянием, какие-либо отклонения от нормы, группу инвалидности (нередко «ребенокинвалид») и др. В связи с этим в последнее время в философском дискурсе активно обсуждаются теории, связанные с внедрением и распространением инклюзии: она считается одной из важнейших задач государственной политики в области образования. Именно инклюзия благодаря своей гибкой организации образовательного процесса способна предоставить для людей, попавших в трудные жизненные обстоятельства и имеющих разного рода проблемы, адекватную форму обучения.

Обращение к инклюзии в современности не случайно. По мнению А. Ю. Шеманова, традиционная система образования Других (нетипичных) в специальных, нередко закрытых, образовательных учреждениях не рождает «социальную ситуацию развития» (по Л. С. Выготскому). В таких условиях у Других (нетипичных) не формируются коммуникативные, познавательные и профессиональные умения, они оказываются изолированными от широких социальных контактов, предъявляя иждивенческие требования к социуму. Это не способствует проявлению Другого (нетипичного) как самостоятельной личности, что сказывается в итоге на их невостребованности и отчужденности в обществе, дальнейшей изоляции и ощущению безысходности своего бытия.

В современном мире происходит модернизация всех сфер жизни, в том числе, сферы образования. Происходит и изменение отношения к Другим/нетипичным: люди признают их права на уникальность и уважение независимо от критерия их «инакости». Идея инклюзии родилась в рамках масштабных изменений в понимании прав человека, его достоинства, идентичности, а также механизмов социальных и культурных процессов, определяющих его статус и влияющих на обеспечение его прав. Перемена в отношении к людям с инвалидностью стала лишь одним из проявлений этих изменений.

Инклюзивное образование исходит от того, что каждый обучаемый – неповторимая и уникальная Личность со своими интересами, способностями и потребностями, требующая индивидуального подхода в процессе обучения и гибкости в разработке учебных программ, учитывающих эти особенности, поэтому индивидуальный подход требует от преподавателя высокого профессионализма, включающего в себя такие качества, как этичность, гибкость, деликатность, умение услышать и понять Другого. Более того, инклюзивное образование формирует свою собственную шкалу ценностей (аксиологию), где ключевыми являются следующие принципы: каждый человек, независимо от способностей и достижений, имеет право на образование и поддержание приемлемого уровня знаний, самовыражение и личный прогресс, общение, дружбу и поддержку. Сторонники этого подхода (Дж. П. Холл, Г. Иттерстад) подчеркивают, что инклюзивный тип образования должен внедряться не в специализированные учреждения, а в обычные, массовые средние школы, ССУЗы и ВУЗы, что способствует формированию благоприятной атмосферы гуманизма, толерантности, добра и милосердия, умению понять и принять Другого/нетипичного, повышает эффективность образовательного процесса, способствует успешной социализации и самореализации, выступает эффективным средством коммуникации с социумом и борьбы с дискриминацией [8].

В основе этого подхода лежит социальная модель понимания Другого/нетипичного и защиты его прав, в том числе, от дискриминации. Девизом этого подхода можно назвать идею создания инклюзивного общества, в котором всегда найдется место для Другого/нетипичного, несмотря на различие культурно-смысловых миров и их ценностей. К проблеме Другого/нетипичного здесь подходят с точки зрения методологии социального конструктивизма, позволяющего критиковать общество, направленно изменять его и активно влиять на социальную государственную политику.

Ценностный смысл инклюзии в данной модели связан с изменением статуса обучаемого и включение его в субъектные отношения через преодоление изоляции и отчуждения обучаемого, активизацию личностной позиции и дезактуализацию своей «особенности» [4]. Внедрение инклюзивного образования способствует реструктуризации культуры учебного заведения, захватывая в свой

процесс всех: преподавательский состав, учащихся и их родителей, которые также становятся активными субъектами инклюзивного образовательного процесса. Само многообразие, непохожесть учащихся друг на друга выступает в качестве мощного потенциального ресурса, способствующего развитию и проявлению творческого начала. В целом, инклюзивное образование представляет собой уникальный процесс доступного образования для каждого, в рамках которого ликвидируются барьеры, связанные с непохожестью обучаемых, и создаются условия для самораскрытия потенциалов, заложенных в человеке.

Необходимо подчеркнуть, что социальная модель инклюзии в некоторых случаях может выступать в качестве объекта для критики. Во-первых, не всегда приемлема помощь Другим, связанная с их включением в процесс образования (например, сюда можно отнести людей с серьезными нарушениями зрения, слуха, с интеллектуальной недостаточностью). Во-вторых, сама идеология инклюзии подразумевает деление людей на «нормальных» и «Других»/«нетипичных» (инвалидов, неспособных), что искажает идею общности, групповой солидарности и равенства людей.

В целом, в рамках этого подхода культурное различие воспринимается как условие дальнейшего развития и взаимодействия. В результате внедрения методологии социального конструктивизма само общество и его институты благожелательно встречают Другого/нетипичного, адекватно включая его в социальное функционирование, тем самым способствуя его росту, развитию и самовыражению на равных правах.

Во втором подходе к инклюзии изучается процесс становления, формирования и развития человека в рамках определенного культурного ландшафта, его социализация и освоение присущих обществу представлений, норм и ценностей. В результате внедрения этого подхода функционирует дефектология, о которой говорилось выше [1, 4, 8].

В настоящее время оба эти подхода реализуются в России в рамках внедрения инклюзивного образования как универсального эффективного процесса, способствующего формированию социальной субъектности, адаптации, социализации, самореализации, расширения социально-познавательного потенциала Другого/нетипичного.

Именно с учетом существования и практического функционирования этих подходов к инклюзии в России необходимо формировать аксиологические приоритеты педагога инклюзивного образования. Преподаватель, внедряя идеологию инклюзии, должен руководствоваться высокими моральными принципами. Это гуманность, толерантность, милосердие, доброта, благопристойность, терпение, наряду с уважением к Другому/нетипичному, без потери чувства меры и самообладания. Педагог инклюзивной группы не должен забывать, что именно на нем лежит ответственность за физическое, интеллектуальное, эмоциональное и духовное здоровье обучаемых, поэтому он содействует благоприятному микроклимату для получения различных знаний. Любая его информация должна быть позитивной, не принижающей личности обучаемых. Он должен быть беспристрастным, одинаково доброжелательным и благосклонным ко всем обучаемым, укрепляя их самоуважение и веру в свои силы, показывая им возможности совершенствования. Более того, преподаватель поощряет в своих воспитанниках развитие самостоятельности, желание сотрудничать и помогать Другим/нетипичным. Оценивая достижения обучаемых, педагог стремится к объективности и справедливости, не завышая и не занижая искусственно оценки. Более того, педагог должен обладать культурой речи и общения, не провоцируя скандалов и не оскорбляя никого, даже если оппонент не всегда прав. Главная его задача – выслушать и понять мнение Другого/нетипичного, выстраивая компромиссную модель поведения. В целом, в рамках инклюзивного образования этический облик преподавателя как наставника, старшего товарища очень важен. Он должен сочетать в себе благородство в помыслах, словах и поступках, быть преданным своему делу и искренним с обучаемыми.

В рамках процесса инклюзивного образования в качестве ведущих методологических принципов для максимального принятия Другого/нетипичного преподавателю рекомендуется внедрять и сочетать различные подходы, в том числе, системный, командный, средовой, кондуктивный, инди-

видуальный. Системный подход подразумевает преемственную, взаимосвязанную цепочку «инклюзивная школа – профессиональное образовательное учреждение – инклюзивная жизнедеятельность». Командный подход акцентирует внимание на взаимодействии специалистов с семейным окружением нетипичных обучаемых. Средовой подход производит анализ окружающей среды и ее влияние на то, чего достигает Другой/нетипичный в процессе обучения. Кондуктивный подход подключает семью и ее как положительное, так и отрицательное влияние на степень включенности Другого/нетипичного в среду обучения. Одним из главных подходов в рамках инклюзии можно назвать индивидуальный подход к Другому/нетипичному, зависящий от личности преподавателя, выстраивающего методику и стратегию прогрессивного обучения. Индивидуальный подход к обучаемым исходит из учета их личностных характеристик и знания психологии и тесно связан с творческим подходом. Благодаря подобному творческому подходу каждый человек осуществит саморазвитие и сможет реализовать все свои потенции, став истинным и полноправным членом общества. Именно творчество является одним из базовых критериев нормативности развития и адаптации индивида к среде. Творчество, трактуемое как процесс создания чего-то нового, ценностного, можно рассматривать предельно широко применительно к инклюзивному образованию. Подобное уточнение, по мнению А. Ю. Шеманова, приводит к идее того, что творчество есть: 1) среда обучения; 2) процесс соединения способности мышления и деятельности; 3) процесс создания человеком самого себя, благодаря чему он преобразуется, изменяется, креативно перестраивается, становится иным, обретая новые возможности саморазвития; 4) процесс создания собственного духовного мира ценностей и взглядов на мир; 5) процесс обнаружения новых смыслов бытия в результате образования [8].

Педагог, обладая креативным мышлением, не должен бояться отступить от стандартного в решении методологических задач, осуществляя инклюзию. Более того, учитывая нетипичность обучаемых, происходит энактивизм, то есть «вдействие познающего субъекта» (в нашем случае одновременно и преподавателя, и обучаемого) «в познаваемую им среду, их взаимное влияние (циклическую детерминацию), взаимное сотворение и возникновение», «в результате чего трансформируется среда и перестраивается сам ум (и сама личность творца), обретая новые возможности для своего развития» [8].

В целом, инклюзивное образование есть специфическая форма организации учебно-воспитательного процесса, в котором принимается и понимается любой обучаемый независимо от индивидуальных особенностей. Это процесс совместного образования типичных и Других/нетипичных обучаемых, в рамках которого реализуется методика индивидуального подхода. Инклюзия как своеобразная философия удовлетворяет потребности в образовании, раскрывает и развивает индивидуальные способности, поддерживает и придает уверенность, способствует хорошей адаптации, социализации, самореализации, приобретению опыта (коммуникативного, социального, психологического). В рамках инклюзии учитываются индивидуальные особенности и интеллектуально-личностный потенциал, которые развиваются, переводятся в созидательное русло и оцениваются в позитивном плане. Все это создает условия для дальнейшего проявления и жизнедеятельности Другого/нетипичного в социуме. Итогом внедрения подобного образования является гармонически развитая личность, не дистанцирующая себя от общества и не чувствующая отчуждения, способная к самостоятельной и полноправной жизни в обществе.

Литература

1. Варгас-Барон Э. Раннее вмешательство, специальное образование и интеграция: фокус на республике Беларусь. Минск, 2009. 94 с.
2. Назарова Н. М. Теоретические и методологические основы образовательной интеграции. Портал психологических изданий [Электронный ресурс]. URL: http://psyjournals.ru/inclusive_edu/issue/43976_full.shtml [Теоретические и методологические основы образовательной интеграции – Инклюзивное образование: методология, практика, технологии].

3. Гайдукевич С. Е. Организация образовательной среды для детей с особенностями психофизического развития в условиях интегрированного обучения: учеб.-метод. пособие. Минск: БГПУ, 2006. 98 с
4. Ахметова Д. З., Нигматов З. Г., Челнокова Т. А. Педагогика и психология инклюзивного образования: учебное пособие. Казань: Издво «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. 255 с.
5. Пургина Е. И. Философские основы инклюзивного образования в контексте специального федерального государственного образовательного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 152–156.
6. Сунцова А. С. Теории и технологии инклюзивного образования: учебное пособие. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 110 с.
7. Шевелева Д. Е. Аксиологическое измерение инклюзивного образования в постиндустриальном обществе // Материалы 7-х всероссийских заочных Педагогических чтений памяти И. Я. Лернера «Образование в постиндустриальном обществе: философско-педагогические, историко-педагогические, теоретические и прикладные аспекты» [Электронный ресурс]. URL: [http:// pedagog.vlsu.ru/fileadmin/ Dep_pedagogical/konf_lerner/ Scheveleva_D.E..pdf](http://pedagog.vlsu.ru/fileadmin/Dep_pedagogical/konf_lerner/Scheveleva_D.E..pdf).
8. Шеманов А. Ю. Другой как «неспособный»: социальный конструктивизм vs. медиализация // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/112.html&j_id=9.
9. Яковлева И. М. Профессионально-личностная готовность педагога к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Вестник МГОПУ. Серия «Педагогика». 2009. № 6. С. 140–144

УДК 159.94

Корлякова Светлана Георгиевна, Ванскова Елена Леонидовна

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ПСИХОМОТОРНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ МУЗЫКАНТОВ

В статье представлены результаты экспериментального исследования структуры психомоторных способностей учащихся и студентов, обучающихся на разных ступенях музыкального образования.

Ключевые слова: психомоторные способности, музыкально-исполнительские способности, музыкально-исполнительская деятельность.

Korlyakova Svetlana Georgiyevna, Vanskova Elena Leonidovna
STRUCTURE OF MUSICIANS' PSYCHOMOTOR SKILLS: STUDY RESULTS

The article presents the results of an experimental research into the structure of the psychomotor skills in students of music at various levels of their studies.

Key words: psychomotor skills, music-performance skills, music-performance activities.

Психомоторика в той или иной форме проявляется при ее изучении и формировании в психических процессах, состояниях и свойствах человека. Разработка этой проблемы важна для решения не только теоретических, но и практических задач, возникающих в сфере профотбора и становления музыканта-профессионала, в педагогической психологии и психологии способностей, в психодиагностике, в психологической подготовке музыканта к концертному выступлению и т. д.

Осуществленный нами теоретический анализ выявил противоречия в отношении методологических подходов к определению сущности психомоторных способностей и проблеме их диагностики (П. А. Рудик, 1935; Е. П. Ильин, 1976, 2003; Н. А. Розе, 1970; В. П. Озеров, 1976–2002 и др.).

Основополагающим для нашего исследования явилась концепция В. Д. Шадрикова, в которой способности и деятельность рассматриваются в диалектическом единстве их формирования и развития: «... любую конкретную деятельность можно дифференцировать на отдельные психические

функции. Психические функции реализуют наиболее общие, родовые формы деятельности, которые выступают в качестве исходных при ее анализе. Следовательно, адекватно описать структуру психических функций можно только как психологическую структуру деятельности, а развитие способности – как развитие системы, реализующей эти функции, как процесс системогенеза. Архитектоника этой системы в основных компонентах должна совпадать с архитектурой функциональной системы трудовой деятельности, однако содержание каждого компонента будет специфичным для каждой способности так же, как и для каждой предметной деятельности» [1, с. 214–215]. Концепция способностей В. Д. Шадрикова состоит в том, что любой человек обладает психическими свойствами, которые являются общими способностями, а в процессе выполнения определенной деятельности происходит приспособление общих способностей к требованиям деятельности. Развившиеся в соответствии с конкретным видом деятельности общие способности становятся специальными (профессиональными) способностями.

Таким образом, согласно целостной концепции способностей В. Д. Шадрикова, мы можем говорить о том, что формирование психомоторных способностей музыкантов как специальных происходит в специальной музыкально-исполнительской деятельности.

Способность музыканта-исполнителя к беглой игре во многом является врожденной и зависит от психофизиологических особенностей, которые обеспечивают работу моторно-двигательных центров головного мозга, центральной и периферической нервной системы. Приступая к формированию навыков игры на музыкальном инструменте, учащийся использует общие психомоторные способности, развитые до некоторого уровня в предшествующих видах деятельности. Общие психомоторные способности, относящиеся до этих пор к абстрактным качествам, приобретают в музыкально-исполнительской деятельности конкретность. Сложность и эффективность выполнения психомоторной исполнительской деятельности музыканта во многом зависит от уровня развития его общих психомоторных способностей.

Результаты теоретического анализа позволили нам прийти к выводу: психомоторные способности музыканта – общие психомоторные способности, которые приобрели черты оперативности под влиянием требований психомоторной музыкально-исполнительской деятельности. Они реализуются в исполнительской технике музыканта, являются динамическим компонентом музыкально-исполнительских способностей и включают в себя мышечную силу, выносливость, быстроту движений, координацию, двигательную память, функционирование которых обеспечивается общим психомоторным развитием индивида и особенностями его нейродинамики.

Схематично общая иерархическая структура психомоторных способностей музыкантов представлена на рис.

Рис. Общая иерархическая структура психомоторных способностей музыкантов

Одной из задач нашего исследования [2] явилась разработка конкретных тестов, а также их подбор и модификация для оперативной диагностики психомоторных способностей музыкантов-исполнителей. Для решения поставленных исследовательских задач возникла необходимость подобрать такой тестовый материал, который будет пригоден для обследования группы испытуемых за непродолжительное время. С этой целью мы применили комплекс экспресс-методик диагностики психофизиологических свойств, общих психомоторных способностей, а также метод экспертной оценки психомоторных исполнительских способностей музыкантов.

Испытуемыми стали учащиеся фортепианного отделения детской музыкальной школы, студенты и концертмейстеры-пианисты среднего и высшего профессионального музыкального учебного заведения.

Цель исследования: контролируя эффект «естественного развития», проследить, изменяется ли уровень развития психомоторных способностей на протяжении обучения единообразно или существуют различные паттерны (образцы) их соотношения; на этой основе уточнить характер кривой и определить типичный ход и временные закономерности индивидуального развития психомоторных способностей музыкантов, обучающихся на разных ступенях системы музыкального образования. Изучая психомоторные способности музыкантов, мы опирались на системообразующие критерии трудовой деятельности, выделенные В. А. Ганзеном [3]: силовой, временной, пространственный, информационный компоненты

Диагностика психофизиологических свойств и общих психомоторных способностей респондентов осуществлялась в процессе эксперимента с помощью прибора для системной диагностики человека «Активациометр».

Диагностика психофизиологических свойств включала в себя исследование силы-слабости нервной системы, подвижности-инертности, баланса, лабильности нервных процессов.

Диагностика общих психомоторных способностей включала в себя исследование следующих параметров:

- силовой компонент: максимальная сила и статическая мышечная выносливость, дифференцированная чувствительность усилия;
- временной компонент: реакция на движущийся объект, простая двигательная реакция и реакция выбора, быстрота движений, дифференцированная чувствительность времени;
- пространственный компонент: двигательные ощущения, координация движений, дифференцированный порог проприоцептивной чувствительности в двигательном анализаторе;
- информационный компонент: двигательная память пространства, времени, усилия.

Диагностика психомоторных музыкально-исполнительских способностей испытуемых осуществлялась методом экспертной оценки следующих компонентов в процессе исполнения испытуемыми концертной (экзаменационной или зачетной) программы:

- силовой компонент: мышечная сила (качество звука, артикуляция, динамика);
- временной компонент: выносливость (мануальная выносливость, техника мелкая и крупная), быстрота движений (ловкость, темповое единство, метроритмическая точность);
- пространственный компонент: координация (межмышечная и сенсомоторная);
- информационный компонент: двигательная память (на деятельность, действие, операцию).

Полученные экспериментальные данные выявили, что на разных этапах музыкального образования структура психомоторных способностей музыкантов неоднородна.

На этапе обучения в детской музыкальной школе структура представляет собой образование, в которой имеются единичные связи во временном и пространственном компонентах, а в силовом компоненте вовсе отсутствуют. Межкомпонентная связь в большей степени проявляется в общей психомоторной памяти усилия, времени, пространства с психомоторными исполнительскими компонентами «Двигательная память» ($r=0,61$, $p \leq 0,05$), «Выносливость. Быстрота движений» ($r=0,75$, $p \leq 0,01$), «Координация» ($r=0,70$, $p \leq 0,01$). Пространственный компонент общей психомоторики имеет толь-

ко внутренние связи на уровне достоверной значимости ($r=0,54$, $p \leq 0,05$). Полученный результат подтверждает малую взаимозависимость общих психомоторных и исполнительских способностей испытуемых в период обучения в музыкальной школе

В этот период происходит формирование общей координации организма и сенсомоторной координации (слуховой, зрительной, двигательной), ощущения правильных движений вообще и организации музыкально-игровых движений, осваиваются и отрабатываются элементы музыкально-исполнительской техники, развиваются способности обобщать элементы музыкально-исполнительской техники. Исполнительский процесс на фортепиано (инструменте по своей природе полифоническом) достаточно сложен, складывается из ряда одновременных и параллельно протекающих действий, освоение которых требует временных затрат: выполнение разных задач правой и левой рукой, осуществление сложного действия педализации, быстрой ориентировочной реакции, распределение и переключение внимания, проверка слухом результата исполнения и т. д.

Перечисленные выше задачи решаются во временном, пространственном компоненте психомоторных способностей, что подтверждено результатами эксперимента. Составляющие силового компонента в значительной степени отвечают за решение художественно-выразительных задач, которые, как показала экспертная оценка, развиты в музыкальной школе значительно меньше по сравнению с последующими этапами обучения.

На этапе обучения в среднем профессиональном учебном заведении количество взаимосвязей увеличивается. В связи с этим изменилась и структура психомоторных способностей музыкантов. Наибольшее количество достоверно значимых взаимосвязей общих и исполнительских способностей зафиксировано в блоках «Временной» ($r=0,65$, $p \leq 0,05$) и «Информационный» ($r=0,67$, $p \leq 0,01$)

Изменение учебной нагрузки в сторону увеличения, работа над произведениями более сложными в техническом плане, чем в музыкальной школе, мотивация на овладение профессией музыканта, высокие требования к подготовке специалистов меняют стиль работы студента над музыкальным произведением. Об этом говорят и межкомпонентные взаимосвязи. Например, процесс выработки сенсомоторных координаций неразрывно связан с музыкально-слуховыми целевыми установками, с художественным образом, направляющим двигательную деятельность исполнителя.

Во временном компоненте общих психомоторных и исполнительских способностей имеются многочисленные достоверные взаимосвязи. Полученный факт можно интерпретировать как активное задействование временного компонента в овладении музыкантом мелкой и крупной техникой, в выработке ловкости, мануальной выносливости, освоении сложных метроритмических рисунков, в поиске целесообразных движений.

В группах студентов вуза зафиксировано наибольшее число взаимосвязей компонентов психомоторных общих и исполнительских способностей, особенно в блоке «Временной компонент». Это обусловлено тем, что исполнение большинства музыкальных произведений в вузе связано с быстрым действием. «Механизмом» повышения максимальной частоты движений является феномен «усвоения ритма», сформулированного в виде физиологического закона А. А. Ухтомского [4]. Сущность феномена усвоения ритма состоит в повышении лабильности нервных центров (в нашем исследовании эта связь достоверна на уровне $p \leq 0,05$; $p \leq 0,001$). Нервные центры при воздействии внешнего раздражителя способны генерировать импульсы возбуждения с большей частотой, чем прежде (стадия внешнего усвоения ритма). Затем нервные центры становятся способными генерировать импульсы возбуждения с такой же частотой самостоятельно, без воздействия внешнего раздражителя (стадия внутреннего усвоения ритма). Данная закономерность прослеживается во взаимосвязи величины лабильности нервных процессов с временным компонентом психомоторных способностей.

Результаты, полученные в группах студентов вуза, могут свидетельствовать о более высоком уровне развития психомоторных способностей музыкантов на данном образовательном уровне: чем выше уровень музыкального образования, тем большее количество взаимосвязей появляется. Меж-

компонентные взаимосвязи также показали, что, в отличие от результатов, полученных в среднем профессиональном учебном заведении и тем более в музыкальной школе, число взаимосвязей общей психомоторики и музыкально-исполнительской психомоторики значительно увеличивается

В связи с полученными результатами можно сделать вывод о том, что в процессе традиционного обучения у музыкантов накапливается багаж разнообразных технических приемов, которые непосредственно связаны с общим психомоторным развитием индивида. В связи с этим на каждой ступени музыкального образования меняется структура психомоторных способностей обучающихся. Если на этапе обучения в музыкальной школе в структуре психомоторных способностей преимущественное положение занимает информационный компонент (двигательная память), то на следующем этапе музыкального образования (в среднем профессиональном учебном заведении) содержание структуры заполняется за счет взаимосвязей общей психомоторики не только с двигательной памятью исполнителя, но и с его мышечной силой, выносливостью, быстротой движений, сенсомоторной и межмышечной координацией. На более высоком образовательном уровне (в вузе) структура психомоторных способностей усложняется за счет взаимосвязей составляющих всех компонентов, а наибольшее число взаимосвязей выявлено во временном компоненте психомоторных способностей.

Изменение структуры психомоторных способностей на каждом уровне образования говорит о динамическом характере способностей. Своеобразие структуры обусловлено учебными музыкально-исполнительскими задачами и свидетельствует о неравномерном характере формирования компонентов психомоторных способностей в качественном отношении.

Литература

1. Шадриков В. Д. Происхождение человечности: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Логос, 2003. 296 с.
2. Корлякова С. Г. Генезис и формирование психомоторных способностей музыкантов: дисс. ... д-ра психол. наук, М., 2009. 401 с.
3. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд. ЛГУ, 1984. 176 с.
4. Ухтомский А. А. Физиология двигательного аппарата: Собр. соч. Л.: ЛГУ, 1961. Т. 3. С. 28–36.

УДК 159.99

Плугина Мария Ивановна

ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются вопросы создания в высшей школе психолого-акмеологической службы, обеспечивающей повышение качества образования посредством оптимизации личностно-профессионального развития всех субъектов образовательного процесса: студентов и преподавателей.

Ключевые слова: образовательный процесс, преподаватель, психологическая служба, психолого-акмеологическое сопровождение, профессиональная деятельность, развитие, студент, субъект деятельности.

Plugina Maria Ivanovna

PSYCHOLOGICAL-ACMEOLOGICAL SUPPORT TO PERSONAL-PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF HIGHER EDUCATION

The article offers a view on issues of establishing a psychological-acmeological service in higher education, which would contribute to the level of training through improved personal-professional development of all the parties involved – students and teachers.

Key words: process of education, teacher, psychological service, psychological-acmeological support, professional activity, development, student, subject of activity.

Вопросы, связанные с созданием и функционированием психологической службы в высшей школе, организацией психолого-акмеологического сопровождения личностно-профессионального развития всех субъектов образовательной среды вуза приобрели свою актуальность по целому ряду причин: модернизация образовательных систем, тенденции развития современного высшего образования, повышение требований к подготовке будущего специалиста, потребность общества в преподавателе нового типа и т.д.

Сама проблема организации служб практической психологии в образовательных системах стала предметом научного исследования ведущих психологов и педагогов: Э. В. Балакирева, В. И. Богословский, Л. Н. Бережнова, С. А. Векилова, В. Г. Воронцова, Л. А. Григорьева, Г. В. Данилова, И. Ф. Дьяконов, В. П. Петров, В. В. Семикин, О. А. Штройс и др.

Анализ этих и других исследований показывает, что наиболее часто при организации служб психологической помощи, поддержки, сопровождения речь идет о студентах как субъектах образовательного процесса. В частности, широко известны исследования Л. Н. Бережновой, В. И. Богословского и В. В. Семикина, в которых представлены использующиеся в практической психологии программы и технологии личностно-профессионального сопровождения студентов. В качестве основы при разработке их программ рассматривается антропоцентрический подход (предложенный И. Ф. Дьяконовым и В. П. Петровым), суть которого заключается в признании того, что каждый человек обладает теми или иными качествами, которые могут быть реализованы в профессиональной деятельности [8, с. 19].

Эти и другие ученые при определении целей и задач психологических служб, которые создаются в вузах, акцентируют внимание на главном их назначении – организации психологического сопровождения развития личности и деятельности будущего специалиста. А процесс сопровождения представляют как многоуровневое взаимодействие субъектов образовательного пространства, спо-

собствующее профессиональному самоопределению студента, его личностному развитию [3; 6; 8]. При этом исследователи отмечают, что сопровождение студентов в вузе выступает как специально организованный и контролируемый процесс приобщения субъектов образовательной деятельности к взаимодействию, сотрудничеству, где молодой человек получает квалифицированную помощь в формировании ориентированного поля профессионального развития и психолого-педагогическую поддержку [8]. Осуществляется эта поддержка и помощь посредством включения в процесс сопровождения ректората, руководителей факультетов, преподавателей, методистов, психологов и т. д.

В исследованиях В. И. Богословского научное сопровождение образовательного процесса в вузе также рассматривается как особый вид взаимодействия субъектов. Интерпретируется это взаимодействие как система, предоставляющая субъекту образовательного процесса ориентационное поле научно-исследовательской деятельности, в котором он осуществляет выбор оптимальных условий своего профессионального становления и роста [3, с. 46]. Практика показывает, что оказывать помощь в этом выборе могут как специалисты психологических, методических служб, так и преподаватели вуза. В частности, в исследованиях последнего времени можно выделить работы, в которых отмечается роль преподавателя в реализации целей, задач и функций психологического сопровождения студентов. Например, в работах В. С. Агапова, В. И. Диановой, В. П. Зинченко, Е. В. Корепановой, Е. Б. Моргунова и др. определены требования к преподавателю, участвующему в сопровождении, и представлена модель личности преподавателя, способного к формированию психологического сопровождения через гуманистические духовно-эмоциональные отношения со студентами [1; 6].

Такой подход заявлен и во многих других исследованиях, связанных с организацией психологической помощи, поддержки студентов. Так в большинстве исследований практически совпадает представление о ведущей цели этой деятельности: полноценная реализация профессионально-психологического потенциала личности и удовлетворение потребностей обучаемых как субъектов образовательной среды (В. И. Богословский, Л. Н. Бережнова, И. Ф. Дьяконов, И. Н. Зотова и др.). Постановка и решение задач психологического сопровождения соотносится с этапами и задачами профессионального обучения и воспитания в вузе: адаптация, интенсификация, идентификация.

С этим можно согласиться. Однако возникает ряд вопросов, которые требуют своего разрешения: в какой мере преподаватель вуза может включаться в этот процесс, обладает ли он тем уровнем профессионально-педагогической и психологической компетентности, который необходим для оказания квалифицированной помощи студентам в разрешении проблем личностно-профессионального развития, нуждается ли сам преподаватель в такой квалифицированной помощи? Ответ на эти вопросы можно найти, если внимательно изучить те изменения, которые сегодня происходят в образовании. Одно из них связано с процессами гуманитаризации и психологизации образовательных систем. Последнее связано с актуализацией вопроса формирования и повышения психолого-педагогической компетентности вузовских преподавателей [6]. Следовательно, необходима специально организованная работа, направленная на решение этой задачи. Качественно выполнить заказ профессионального сообщества в контексте обозначенной задачи могут, с одной стороны, службы и структурные подразделения, осуществляющие обучение преподавателей вуза на этапе последиplomного обучения, с другой стороны – специалисты психологической службы.

И здесь нельзя обойти вниманием тот факт, что в последнее время актуализировалась проблема развития службы психологического сопровождения на стадиях вхождения человека в профессию, ее осуществления на всех последующих этапах профессионального становления, а также в период прекращения профессиональной деятельности. Разрешение этой проблемы стало одним из значимых направлений в исследованиях акмеологов: А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, Э. Ф. Зеер, В. В. Лучков, Е. А. Яблокова и др. В основном этот вопрос ставился и рассматривался в контексте идеи непрерывного образования (НО) взрослых и необходимости организации службы психолого-акмеологического сопровождения профессионала в период его переподготовки и повышения квалификации.

Стоит признать, что идея оказания психологической помощи, поддержки человека на этапах самостоятельного осуществления профессиональной деятельности возникла не сегодня. По мнению Г. С. Никифорова, сама идея психологического обеспечения профессиональной деятельности вызревала в недрах практической психологии, заявляя о себе при решении тех или иных проблем [5, с. 16]. В частности, в исследованиях В. И. Богословского и Л. Б. Лаптевой проблема научного сопровождения рассматривается с точки зрения идеи личностного и профессионального развития современного педагога [3, с. 15]. Это можно отнести и к другим видам профессиональной деятельности. Иначе говоря, существующий опыт показал, что процесс вхождения и осуществления специалистом профессиональной деятельности будет осуществляться более эффективно, если практическая психология направит свои усилия на создание оптимальных условий для профессионально-личностного развития субъекта деятельности.

При оказании психологической поддержки и сопровождения взрослых на различных этапах профессионального становления, по мнению Е. А. Яблоковой, возникла идея создания психолого-акмеологических служб [7]. Сегодня исследователями разработаны и эффективно внедряются в практику психолого-акмеологические службы различного уровня. Первые службы такого типа практически не отличались от психологических служб и рассматривались как организационные системы реального использования возможностей психологии для решения актуальных задач профессионального развития субъекта труда. С развитием технического прогресса, появлением новых информационных технологий, изменением систем профессиональных отношений и т. д., все чаще на первое место стали выдвигаться вопросы, связанные с требованиями, выдвигаемыми не только к деятельности, но и личности профессионала. Это в свою очередь потребовало использования более глубоких знаний о личности, а среди этих знаний ведущее место стала занимать психология.

Востребованность психологии в практике привела к тому, что были пересмотрены и разработаны новые типовые структуры психологических служб, их статус, характер деятельности, цели, задачи и т. д. Сами психологи были призваны решать следующие задачи: оказание помощи в работе кадровых подразделений; формирование и повышение трудовой мотивации; оптимизация психологического климата; обеспечение психологической компенсации неблагоприятных функциональных состояний, возникающих в процессе деятельности; психокоррекция негативных форм социального поведения и др. [2].

При работе с аудиторией взрослых людей появились новые требования к психологическим службам, изменились некоторые функции, были поставлены новые задачи и т. д. Именно это обусловило возникновение идеи создания психолого-акмеологической службы, которая имела ряд отличных от уже существующих психологических служб признаков. К таким признакам в первую очередь, по мнению исследователей, можно отнести специфические предпосылки возникновения подобных служб и постановку задач, которые решаются с позиций акмеологического подхода. Так основными предпосылками возникновения современной психолого-акмеологической службы являются использование научного акмеологического знания для решения задач прогрессивного личностно-профессионального развития, формирование корпоративных отношений и паттерналистского стиля руководства в современных социокультурных условиях, достижение социального партнерства, оказание помощи в проектировании успешных стратегий и пр. [4].

Одновременно стали разрабатываться концепции психолого-акмеологических служб в различных сферах профессиональной деятельности. Функционирование таких служб осуществлялось в рамках идей психологического сопровождения специалистов на различных этапах профессионализации. Все вопросы организации и функционирования психолого-акмеологической службы находят свое отражение и в сфере высшего образования.

Независимо от сферы реализации идей психолого-акмеологического сопровождения сама психолого-акмеологическая служба в общем виде определяется как структурная система, обеспечивающая с помощью психологических и акмеологических средств:

- продуктивное использование кадрового потенциала организации, успешность профессиональной деятельности и прогрессивное личностно-профессиональное развитие кадров, повышение эффективности самой организации, ее развитие и повышение конкурентоспособности;
- развитие субъекта за счет актуализации личностного потенциала, сохранения и пополнения резервных возможностей самого субъекта деятельности в единстве с активизацией потенциала среды, направленного на создание психологически комфортных условий деятельности [2; 4].

Сегодня представители акмеологического направления рассматривают такие службы и как форму обеспечения личностно-профессионального развития человека, и как условие повышение профессионализма деятельности через формирование профессионализма личности (А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, Л. И. Катаева и др.). По мнению большинства исследователей этого нового научного направления, именно акмеологические и психолого-акмеологические службы являются составной частью системы акметехнологического обеспечения личностно-профессионального развития субъекта деятельности.

И если основной целью функционирования таких служб является акмеологическое обеспечение личностно-профессионального развития человека, то опосредованная цель связана с созданием психологически комфортных условий для достижения успеха в профессиональной деятельности, что в свою очередь является основой для социокультурного преобразования среды жизнедеятельности человека [2].

Можно выделить целый ряд частных целей деятельности акмеологических и психолого-акмеологических служб: оказание психолого-акмеологической поддержки в личностно-профессиональном развитии и преодолении факторов риска в профессиональной деятельности; психологизация и педагогизация среды как фактора успешности профессиональной деятельности; психолого-акмеологическое обеспечение системы подбора, расстановки, аттестации и повышения квалификации кадров и пр. [2; 4].

Обозначенные цели, по мнению представителей акмеологии, должны операционализироваться следующими задачами: определение психологического содержания деятельности специалистов применительно к конкретной профессиональной области; изучение условий и факторов среды, влияющих на эффективность профессиональной деятельности; исследование процесса и результатов успешности профессиональной деятельности; определение особенностей личностно-профессионального развития конкретного специалиста, его личностно-профессионального профиля на каждом этапе профессионализации; выявление резервных возможностей личности в целях активизации личностно-профессионального потенциала и оптимизации деятельности; разработка акмеограмм и составление на их основе программ личностно-профессионального совершенствования; выявление механизмов, закономерностей движения личности к вершинным достижениям – «акме» и т. д. [2; 4; 6].

Бесспорно, это достаточно широкий круг задач, и их решение требует создания многофункциональной психолого-акмеологической службы с необходимым и достаточным количеством специалистов. Те психологические службы, которые сегодня существуют в образовательных сферах, и опыт которых часто пропагандируется, не всегда выполняют обозначенные задачи. Но, тем не менее, большинство из них берут на себя выполнение наиболее важных, первостепенных задач в области личностно-профессионального развития субъектов образовательной среды на различных этапах профессионализации, т. е. осуществляют процесс психолого-акмеологического сопровождения личностно-профессионального развития всех субъектов образовательного процесса в высшей школе. И в первую очередь необходимо вести речь о сопровождении студентов и преподавателей.

Необходимость проведения соответствующей работы с преподавателями вуза объясняется тем, что только подготовленный преподаватель, способный разрешать собственные проблемы личностно-профессионального развития, будет ориентирован на конструктивное взаимодействие с каждым студентом и будет готов оказывать ему помощь в проектировании успешной жизненной стратегии. Это еще раз подтверждает, что функционирование психолого-акмеологической службы в вузе не должно быть направлено только на студента. Сегодня свою состоятельность доказала идея необходимости ока-

зания квалифицированной помощи преподавателям высшей школы в решении психолого-педагогических проблем при выполнении профессиональных задач; в разрешении жизненных ситуаций и в период осуществления ими образовательной и самообразовательной деятельности; в постановке и достижении цели, связанной с формированием профессионализма личности и деятельности [1].

Безусловно, проектирование системы психолого-акмеологического сопровождения профессионального становления преподавателей высшей школы требует научного обоснования. Это обоснование должно опираться на гуманистическую парадигму, связанную с развитием преподавателя как субъекта деятельности, познания и общения. При этом должны учитываться базовые потребности личности в наличии позитивных жизненных целей и перспектив; в самоактуализации, самореализации и самосовершенствовании; в конструктивном взаимодействии с социумом, посредством удовлетворения потребностей в комфортных межличностных отношениях, в реализации творческого потенциала и т.д. Но сегодня уже накоплен положительный опыт деятельности психологов и акмеологов с представителями различных сфер профессиональной деятельности, в том числе и с преподавателями высшей школы. Бесспорно, существует еще много проблем, противоречий, требующих своего разрешения в практике организации деятельности по сопровождению профессионального становления вузовского преподавателя. В частности, этому вопросу недостаточно внимания уделяется со стороны руководителей вузов; не в полной мере отработаны экономические механизмы функционирования подобных служб; отсутствует четкая организация взаимодействия всех подструктур, обеспечивающих повышение кадрового потенциала; не созданы условия для подготовки специалистов, обеспечивающих эффективность учебного процесса в системе повышения квалификации; не разработана научно обоснованная система акмеологического сопровождения профессионального становления преподавателей на этапе послевузовского образования и т. д.

Несмотря на это следует отметить, что в тех вузах, где каждый субъект (студенты, преподаватели, другие субъекты педагогического взаимодействия) имеет возможность получить квалифицированную помощь практических психологов, психолого-акмеологическая служба рассматривается самими субъектами и как необходимый компонент образовательной среды, и как одно из ведущих условий повышения качества образовательного процесса в целом.

Проведенный анализ показал, что вопросы, связанные с личностно-профессиональным становлением и развитием субъектов образовательного процесса, оптимизацией этого процесса не могут рассматриваться вне контекста идеи создания психолого-акмеологических служб. Создание такой службы в вузе, организация психолого-акмеологического сопровождения позволит обеспечить более эффективное решение двух важных задач: с одной стороны, сопровождение профессионально-личностного развития студентов, с другой, преподавателя как субъекта совместной деятельности, что позволит повысить качество функционирования высшего образования.

Основой для исследования проблемы психолого-акмеологического сопровождения личностно-профессионального развития субъектов образовательного процесса и ее практического разрешения могут стать теоретические разработки, практический опыт и методология акмеологии. Акмеология придает новый вектор не только профессиональному, но и личностному становлению субъекта деятельности, позволяя формировать профессионализм деятельности через профессионализм личности.

Литература

1. Агапов В. С., Плугина М. И. Акмеология профессионального становления преподавателей высшей школы. М., 2012. 489 с.
2. Акмеология / под общ.ред. А. А. Деркача. М.: РАГС, 2004. 688 с.
3. Богословский В. И. Научное сопровождение образовательного процесса в педагогическом университете: Методологические характеристики: монография. СПб., 2000. 142с.
4. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология. М. – СПб, 2003. 252 с.
5. Никифоров Г. С. Надежность профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во СПбУ, 1996. 172 с.

6. Плугина М. И. Акмеологическое сопровождение профессионального становления преподавателей высшей школы. М., 2008. 416 с.
7. Психолого-акмеологическая служба. Настольная книга практического психолога. Методическое пособие / под ред. Е. А. Яблоковой. М.: РАГС, 2001. 256с.
8. Сопровождение личностно-профессионального развития студентов в педагогическом вузе. Научно-методическое пособие. СПб., 2002. 158 с.

УДК 159.922.4

Собильская Анна Сергеевна

ЭТНИЧЕСКОЕ Я – КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

В статье представлен сравнительный анализ представления об этнической идентичности и этническом самосознании как составляющих этнического Я личности в отечественной и зарубежной психологии. При работе над категорией этнической идентичности и этнического самосознания авторы обычно рассматривают отечественные подходы, в то время как не менее интересными являются зарубежные точки зрения. Обобщение зарубежного опыта показывает, что этническая идентичность представляется как социокультурный феномен.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническое самосознание, личность, этнические меньшинства, социокультурные феномены.

Sobilskaya Anna S.

ETHNIC SELF AS REFLECTION OF INNER WORLD

The item offers a comparative analysis of the ideas regarding the ethnic identity and the ethnic awareness as parts of the personal ethnic self in the national and international psychology. When working on the category of the ethnic identity and the ethnic awareness authors typically take into view the national approaches while international viewpoints are equally interesting. Summarization of the international experience shows that the ethnic identity appears as a socio-cultural phenomenon.

Key words: ethnic identity, ethnic awareness, personality, ethnic minorities, socio-cultural phenomena.

Внутренний мир человека – это сложный комплекс составляющих элементов, который не вписывается в рамки одной теории. Понимание расширенной категории этнического Я следует понимать в совокупности составляющих этническое самосознание и этническая идентичность. Этническое Я человека – это своеобразное восприятие себя и окружающих в мозаичном пространстве поликультурного социума. Подобные представления позволяют человеку формировать из этих образов восприятия свой собственный образ мира.

Образ мира позволяет субъекту работать с преобразованной реальностью. Исходя из положения о том, что образ мира является основополагающим компонентом культуры этноса, следовательно, он позволяет вырваться из гомогенности мира, расставляя акценты значимости и формируя мир предметов (Артемьева, 1999). В человеческих культурах способ организации неоднородности определяет основные черты стиля существования, что позволяет использовать ауто- и гетеростереотипы для построения семантических пространств картины мира. Границы психосемантики позволяют исследовать содержание языковых единиц в триедином пространстве: этнокультурном, социокультурном и ментальном.

В. Н. Дружинин, предложивший категорию «внутренний мир субъекта», предлагает выделять четыре составляющих психического: 1) сознание; 2) подсознание, регулирующие поведение; 3) бессознательное, никак не проявляющееся в поведении; 4) внутренний мир субъекта. При этом внутренний

мир субъекта – это в большинстве своем чувства, которые испытывает субъект и которые даны переживающему их индивиду. Данную точку зрения поддерживает и Т. Н. Березина, которая определяет внутренний мир как богатство мыслей и чувств индивида. Она считает, что этот внутренний мир, с одной стороны, субъективен, так как принадлежит только тому, кто в нем живет, а с другой стороны социален, так как включает в себя (в мысли, чувства, фантазии человека) образы других людей [1, с. 27].

Эволюция концепции самосознания в широкой исторической перспективе, анализ которой позволяет понимать самосознание как рефлексивный уровень сознания. В. Ю. Хотинец, проводя анализ теоретических концепций становления самосознания как рефлексивного уровня сознания, пришла к выводу, что познание собственной души считалось одним из достойнейших занятий древнегреческих мыслителей: Фалеса, Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля. Их способы познания души построены на выведении умозаключений о природе души. Этническое самосознание является «квинтэссенцией» этничности человека. В этом состоит подход В. Ю. Хотинца, считающей, что этническое самосознание есть система представлений и оценок, этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизни этноса, благодаря которой человек осознает себя в качестве представителя этнической общности. Как результат индивидуального и группового творчества, этническое самосознание проявляется на трех уровнях – на уровне личности (этнофора), на уровне этноса в целом (общеетнический уровень) и на уровне отдельных социальных групп этноса (например, семьи или, как в нашем случае, городской общности) [3].

С позиций Л. С. Выготского (1982) и А. Н. Леонтьева (1985), системный анализ человеческого сознания, в которое включаются и житейские представления об окружающих людях, этнических группах и себе («обыденное сознание»), требует изучения значения как единицы сознания. Система значений может быть организована в некие повествовательные структуры, вызывающие в сознании субъекта целостный контекст ассоциативных связей.

С точки зрения Ф. С. Эфендиева в условиях обновления общественной жизни раздвигается динамика развития национального самосознания, углубляется интерес к познанию культурного классического наследия, вырабатывается новое явление в сфере духовной культуры. Исследование проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности этнокультурного и национального самосознания, раскрытие причин их взаимосвязи и влияния друг на друга имеет большое научно-теоретическое значение.

Национальное самосознание – не плод биологического взаимодействия человека с окружающим миром, а сложная система духовного процесса, детерминированного и взаимообусловленного постоянно изменяющейся динамичной реальностью. Изменяющаяся реальность в самых разных сферах национального бытия влияет на человека, его национальное самосознание. За долгие годы, в период нивелирования этнической сущности и этнического самосознания многих народов в СССР, возникший вопрос о собственных этнических корнях привел к проявлению этноцентризма (Ф. С. Эфендиев, 1999) [4, с. 72].

Согласно С. В. Лурье, культура этноса дает человеку возможность определить себя в мире и дать ему такой образ мира, в котором он мог бы действовать. Культура составляет ту часть благоприобретенного поведения, которую человек разделяет с другими членами его этноса.

Определяя место человека в этнокультурном пространстве, следует отметить основополагающее значение этнической идентичности. Идентичность индивида является результатом попытки соединить социальные роли, которые он выполняет, и его психологические диспозиции с теми моделями личности, которые считаются одобренными в культуре, к какой принадлежит конкретный индивид. Эта интеграция является важным внутренним свойством личности (Ю. П. Платонов, 2007) [2, с. 50].

Ю. П. Платонов рассматривает развитие этнической идентичности с позиций онтогенетического подхода. Не маловажное значение Ю. П. Платонов отводит месту индивида в этническом обществе, которое представляет собой этническое большинство. Так, он считает, что в детстве представители меньшинства предпочитают не свою группу, а группу большинства. С возрастом и развитием этнической идентичности, а также становлением этнического самосознания происходит сдвиг

к «внутригрупповой ориентации на свою этническую группу». Это позволяет людям сохранить или восстановить позитивную этническую идентичность, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности.

Современные зарубежные подходы к проблеме идентичности опираются на концепцию социальной идентичности подходы Henri Tajfel. Henri Tajfel, выделяя некоторые концептуальные подходы к этнической идентичности подчеркнул индивидуальный уровень при анализе понятия «идентичность», данное понятие с его точкой зрения связано с Я-концепцией. Разработанная Henri Tajfel (1982) теория социальной идентичности, дает представление, что социальная идентичность сильно влияет на самовосприятие и, следовательно, является Центральным локусом оценки. Сила и слабость личности во многом зависит от состояния личности, важной для личности референтной группы, оценки личностью аут-группы. При этнической и расовой принадлежности формы оценок являются межгрупповыми, что оказывает влияние на самоидентификацию личности.

Следовательно, можно утверждать, что самоидентификация личности, позволяет отвергать внешние суждения и мнения об их собственной этнической группе, а также, создать свои собственные критерии, для того, чтобы оспорить и опровергнуть мнение доминирующей группы. При самоидентификации люди могут диссоциировать себя с референтной группой, тем самым создавая дополнительные психологические осложнения для себя. Данная теория социальной идентичности породила значительное влияние на исследования этнической идентичности [9].

Среди современных исследований этнической идентичности в зарубежной психологии можно выделить подходы Joseph E. Trimble and Ryan Dickson (Western Washington University). Они считают, что конструкт, этнической идентичности, может быть лучше всего понят через рассмотрение его этимологическое происхождение. Термин «этнический» имеет латинские и греческие корни – *ethnicus* и *ethnikas* как смысл нации. Оно может быть использовано исторически для обозначения людей, как язычников [6].

Adriana J. Umaña-Taylor, Marcelo Diversi and Mark A. Fine изучали проблему формирования этнической идентичности и самоуважения у латиноамериканских подростков. Процесс развития идентичности может быть более сложной задачей для представителей этнической группы меньшинств, чем для членов групп большинства. В результате исследований авторы пришли к выводу, что этническая идентичность, является более характерным и актуальным явлением для представителей групп этнических меньшинств, чем для тех, кто является членами большинства. Идентификация с одной этнической группой может быть сложной задачей, так как все подростки, в том числе подростки из групп меньшинств сталкиваются с идентификацией с менее мощным большинством европейской и американской культуры. Наряду с трудными задачами этнической идентификации, этническому меньшинству подростков приходится столкнуться с несколько негативными стереотипами, связанными с их этнической группой (Rotheram & Финнея, 1987; Spencer & Dornbusch, 1990) [5].

Jean S. Phinney (California State University, Los Angeles, Department of Psychology) отмечает, что существует «широко противоречивые определения и мер этнической идентичности, которая делает обобщения и сравнения различных исследований сложной и неоднозначной». В настоящее время наиболее широко используется определение конструкта в психологии, разработанное Jean S. Phinney (1990, 2000, 2003). Она утверждает, что, «этническая идентичность – это динамический, многомерный конструкт, который характеризует личность, или ощущение себя как члена этнической группы» (2003). С ее точки зрения определение идентичности в отдельную подгруппу, позволяет общее происхождение, по культуре, расе, религии, языку, родственным связям, или месту происхождения. По мнению Jean S. Phinney, «этническая идентичность – это не фиксированная категория, а скорее гибкая и динамичная структура, понимание себя и национальности. Этническая идентичность формируется и изменяется у физических лиц, в зависимости от понимания ими их этнической принадлежности, под воздействием социокультурных условий» (2003) [8].

Joey J. Lee (2013), исследуя проблему этнической идентичности как социокультурного феномена, предлагает рассматривать данную категорию через игру. В частности, с его точки зрения механические игры, будут способствовать продвижению нового понимания идентичности и этнических стереотипов национальных меньшинств.

В своем исследовании Joey J. Lee рассматривает вопросы конструирования, создания и оценки нового класса цифровых игр, благоприятных для личности, как инструмент продвижения нового понимания собственной идентичности и понимания этнических меньшинств исключая стереотипы. Его исследование построено на основе азиатского-американского опыта, в том числе влияние Азии было ориентировано на такие стереотипы, как миф «модели меньшинств». В этой конструкции на основе исследования, качественных и количественных данных было установлено, что восприятие Азиатско-американских стереотипов, способствует размышлениям и мыслям о собственной идентичности [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что проявление этнической идентичности является важным обстоятельством человеческого существования в мире. Определяя свое этническое Я, человек не просто определяет свое место в окружающем его пространстве, но и определяет такие личностные составляющие как этническое самосознание, самооценка и самоуважение. Глобализация мирового пространства приводит к нивелированию этнической идентичности, в маленьких городах и сельских поселениях наблюдается обратный процесс, который приводит к обособлению по этническому принципу. Презентуемая этническая идентичность и обособление со своей группой, используется личностью как защитный механизм, позволяющий выжить в полиэтническом пространстве социума.

Литература

1. Березина Т. Н. Исследование внутреннего мира человека методом анализа характеристик мысли и образа // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 27–37.
2. Платонов Ю. П. Психология национального характера. М.: Академия, 2007. С. 50
3. Хотинец В. Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человека // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 60–61.
4. Эффендиев Ф. С. Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик, 1999.
5. Adriana J. Umaña-Taylor, Marcelo Diversi and Mark A. Fine. Ethnic Identity and Self-Esteem of Latino Adolescents: Distinctions Among The Latino Populations. Journal of Adolescent Research. 2002. № 17. P. 303.
6. Joseph E. Trimble and Ryan Dickson. Ethnic Identity. URL: http://pandora.cii.www.edu/trimble/research_themes/ethnicity_identity.htm
7. Lee J. J. Game Mechanics to Promote New Understandings of Identity and Ethnic Minority Stereotypes. Digital Culture & Education. URL: <http://www.digitalcultureandeducation.com/cms/wpcontent/uploads/2013/12/lee.pdf>.
8. Phinney J. Ethnic identity and acculturation. In K. Chun, P. B. Organista, & G. Marin (Eds.), Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research (Pp. 63–81). Washington, DC: American Psychological Association.
9. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 322

Белашов Иван Иванович

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТРАДИЦИЙ

В статье рассматриваются различные подходы к традиционным религиям в условиях новых трендов общественного развития. Одним из основных вопросов, касающихся влияния религии на жизнь современного общества, является определение реальной роли религиозного в публичном пространстве. Составляющие этого вопроса: соотношение частного и публичного элементов в функции религии в современном обществе, а также степень восприятия религиозной традиции как составной части этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: религия, общество, религиозные практики, религиозное сознание, традиции, идентичность, историческая память, социальная аномия, стабильность, глобализация.

Belashov Ivan Inanovich

TRADITIONAL RELIGIONS UNDER GLOBALIZATION: SOCIAL FUNCTIONS OF PRESERVING IDENTITY AND TRADITIONS

The article provides a view on various approaches to traditional religions given the new trends in the social development. One of the major issues related to the influence of religion on the modern society is determining the true role of the religious in the public space. The parts within this issue that are worth mentioning include the ratio between the private and the public in the modern society as well as the acceptance of religious traditions as part of the cultural identity.

Key words: religion, society, religious practices, religious awareness, traditions, identity, historical memory, social anomia, stability, globalization.

Для общего понимания проблемы роли религии в жизни современного общества целесообразно ответить сначала на вопрос, в какой ипостаси сегодня религия воспринимается большинством граждан: доктринальной и целеполагающей, либо в этнокультурной, либо в синтезе этих элементов. По мнению польской исследовательницы И. Боровик, «общие черты религиозности в странах Западной и Восточной Европы: представление себя как «католик», «англиканин», «православный» не обязательно фиксирует связь с определённым религиозным институтом или организацией. И там и здесь отмечается низкий уровень религиозной практики...» [4, р. 137]. Эта мысль подкрепляется данными мониторинговых социологических исследований, проводившихся на территории Российской Федерации специалистами «Левада-центра» [11].

Несмотря на некоторые колебания, количество крещёных по православному обряду граждан России, соблюдающих одни из наиболее важных элементов религиозной практики, достаточно невелико. Подавляющее большинство сознательно отказывается от них, однако не переставая идентифицировать себя православными христианами.

В обстановке переходного периода начала 1990-х гг. религия была одной из наиболее естественных идеологических и духовных альтернатив для граждан постсоветских государств. Как отмечали священнослужители в серии интервью, проведённых нами в рамках одного из исследований, в это время (первая половина 1990-х гг.) в храмах ощутимо увеличилось число людей, которые не просто пришли ради традиции, но называли себя верующими и стремились выполнять необходимые религиозные обряды. К началу нового тысячелетия большая часть этих людей храмы покинула, вер-

нувшись к привычному для себя секулярному образу жизни. Поиски мировоззрения «от противного» уже практически прекратились, люди стали глубже задумываться над тем, что есть вера в Бога и насколько они могут отнести себя к верующим. В то же время многие не хотят отрываться от традиции предков, несмотря на то что предыдущие несколько поколений по большей части являлись носителями секулярного мировоззрения. Передача традиции во многих семьях была фактически прервана, информация о религии поступала весьма поверхностная, иногда для того, чтобы почувствовать себя, например, православным христианином, человек считал достаточным носить нательный крест, причём во многих случаях даже не задумываясь над тем, был ли этот символ освящён как того требуют церковные правила.

Такой тренд в целом мог бы привести к постепенному снижению интереса к религии в обществе и дальнейшей приватизации религии по аналогии с европейским паттерном. Однако религия не была вытеснена из публичного пространства. Ситуация стала развиваться в направлении частичной десекуляризации и всё большего присутствия религии в публичном пространстве. До некоторой степени такая динамика обуславливалась сложностями поиска идеологической опоры для постсоветского общества, так как оказалось, что традиционные религии демонстрируют стабильный уровень доверия со стороны населения, а также реально способны исполнять ряд значимых социальных функций: в первую очередь сохранения и передачи исторической традиции, миротворчества, культурного взаимодействия.

Более того, религия в общих чертах обеспечивает стабилизацию индивидуальной и групповой идентичности, поддерживая сохранение старого содержания (в форме учения, ритуалов, моральных императивов, ролевых ожиданий, символов etc) и предлагая индивидам основу для реконструирования их идентичности в рамках меняющегося бытия. Иными словами, разрушение или коренная трансформация советской идентичности могли компенсироваться только за счёт наличия и продвижения не менее глубоких идентичностных паттернов, традиций, имеющих долгую историческую память и способную дать индивидам возможность сформулировать для себя ответы на основополагающие вопросы: «кто я?» и «кто мы?».

Таким образом, религия, в первую очередь традиционная для данной территории, даже не будучи смысло-жизненной основой для людей, обладает имманентным свойством поддерживать личную и групповую идентичность, продолжать историческую традицию и соединять прежние смыслы личностного и группового бытия с новыми, появляющимися в процессе социально-экономических трансформаций.

Австралийский социолог Г. Мол в книге «Идентичность и сакральное» описывал основную функцию религии как стабилизацию индивидуальной и групповой идентичности. Согласно Молу, религиозные традиции и институты сопротивляются постоянным изменениям в обсуждении социальной значимости, следовательно, позволяют индивидам и группам получить более надёжные якоря для собственной устойчивости [8, р. 3]. Религия помогает обеспечивать предсказуемость и непрерывность, в которых нуждается индивид для сохранения чувства психологической стабильности. Среди механизмов, посредством которых религия сакрализует идентичность, Г. Мол называет «объектификацию», которая является тенденцией к соединению разнообразных элементов богатства бытия в трансцендентную систему отношений, в которой они выглядят более упорядоченными, более содержательными, вечными [8, р. 11]. И это на сегодня для современного российского общества одна из важнейших функций, реализация которой позволит как укрепить российскую гражданскую идентичность, так и обеспечить непрерывную трансляцию, передачу традиций, скрепляющих историческую память нации.

В то время как религия может обращаться более к частной, приватной стороне личности, чем к иным аспектам идентичности, это не подразумевает, что она обращается к групповой идентичности в меньшей степени. Каждая из основных мировых религий сакрализует групповую идентичность до равной или даже более высокой степени, чем идентичность индивидуальную. Также многие отмечают, что усиление модернизации часто ведёт к распространению ощущения социальной аномии (по-

лучающегося из-за разреженной или лоскутной идентичности), что вызывает широкое возрождение религиозного сознания как реакции на модернизацию, с её упором на социальный и технологический прогресс, науку и опыт, плюралистическую секуляризацию государственной структуры и капитализм.

Чётко очерченная основательная идентичность стимулирует психологическую устойчивость и уверенность в себе. Утрата идентичности в результате даёт состояние, когда индивид ощущает «детерриториоризацию». Детерриториоризация воспринимается как один из основных ударов глобализации на культурную систему [1, p. 43].

В процессе модернизации, детерриториоризация включала внешнюю силу (чаще всего, государство), исключая или включая людей в рамках географических границ и контролируя трансграничный доступ и обмен. Подобная детерриториоризация обеспечивает граждан стабильностью и ощущением центрированности. Движение от модерна к современной глобализации, как представляется, затрудняет процесс детерриториоризации [3, p. 181].

Американский социолог Хосе Казанова поясняет, что «...под детерриториоризацией подразумевается смещение культурного феномена с его «естественной» территории. Культурные системы на всём протяжении истории были территориально закреплены... Глобализация угрожает разорвать значимые связи между священными временами, священным пространством и святыми людьми, общими для всех мировых религий, и с ними представляющиеся сущностными связки между историей, людьми и территориями, которые определяли все цивилизации» [5, p. 415].

Но глобализация также открывает людям новые пути для ретерриториоризации самих себя. Некоторые ищут ретерриториоризацию через рабочие коллективы, группы поддержки (сообщества одиноких матерей, общества анонимных алкоголиков и т. д.) и любые типы виртуальных групп, созданных для стимулирования ощущения общности или для обмена информацией и идеями относительно некоторых важных проблем. В этом сегменте обычные секулярные проблемы или интересы служат средством для формирования идентичности. Другие люди во всевозрастающем числе ищут ретерриториоризацию через религию. Причина выбора религии в таких случаях заключается в том пути для ретерриториоризации, который она предлагает, а именно то, что она вплоть до последнего времени была весьма основательной платформой, базировавшейся на национальной общности. Из-за того что религия и национальная принадлежность по большей части «укоренены» в географии, утрата национального этоса многих разворачивает лицом к религии как к первичному источнику идентичности.

Модернизация может рассматриваться в том числе как совокупность процессов, усиливающих индивидуализм, доминанту либеральных ценностей, целеполагания, исходящего из норм эффективности и экономического роста. По причине того, что модернизация ослабляет традиции, она ослабляет также социальные основания, которые поддерживают религию как традиционный институт. Однако религия продолжает играть роль в поддержке национальной, региональной или классовой идентичности в индустриальном капиталистическом обществе, например, в Северной Ирландии, католической части Франции, польском движении «Солидарность», православном возрождении в России [2, p. 121].

Как отмечает британский социолог Г. Дэви, «номинальное причисление себя к исторической церкви остаётся относительно высоким». Люди ищут непрерывность во времени и обстоятельствах. Мировые религии отвечают индивидуальной потребности обладать чувством привязанности – социальной, иногда географической, космологической, временной и метафизической. Никакие иные источники культурной значимости не обладают исторически обусловленными ответами на человеческие потребности для формирования безопасной идентичности» [5, p. 12].

В то же время, учитывая столь важную функцию традиционных религий, следует принять во внимание следующее обстоятельство. Исторические церкви, несмотря на их продолжающееся присутствие в религиозном и социальном пространстве, вполне очевидно теряют свою способность дисциплинировать религиозное мышление крупных сегментов населения, особенно среди молодёжи. И до той степени как будущие поколения демонстрируют относительно невысокую приверженность христианским идеям и ритуалам, они также мало будут соответствовать ожиданиям церкви по зна-

чимости последней в их индивидуальной и коллективной жизни. Ситуация показывает, что религия утрачивает способность подкреплять свои притязания на обладание абсолютной истиной. При этом фиксируются успешные усилия церкви предложить новые способы передачи истины, равно как и новые формы коллективной и национальной идентичности. В более раннее время церковь обеспечивала истины, оформленные как комплекс символов и норм, которые были привязаны к коллективному самосознанию и идентичности. Сегодня как нормы, так и смыслы, обеспечиваемые церковью, трансформировались, но не исчезли вовсе.

Религии, в первую очередь традиционные, на сегодня воспринимаются именно как хранители традиций и национальной идентичности, а не как трансляторы абсолютной истины. Религиозные традиции зачастую обеспечивают готовые ответы, когда плюрализм и иные формы современного бытия угрожают установившемуся порядку и, следовательно, идентичностям индивидов и групп. Религия помогает обеспечивать предсказуемость и непрерывность, в которых нуждается индивид, для сохранения чувства психологической стабильности.

Даже в современном мире религия редко выступает как сугубо частное явление. Индивидуальные верования формируются абстрактно, но в связи с другими и в рамках специфического контекста. Внутренняя система значений не может существовать без обращения к предыдущей традиции.

Как показывает практика, на текущем этапе продолжается постепенный отход от восприятия религии как формы обязательства (обязанности, долга) к усиливающемуся акценту на потребление. Иными словами, то, что до недавнего прошлого было просто привито или унаследовано, теперь стало делом личного выбора. Я иду в церковь (или иную религиозную организацию) потому, что я этого хочу, может, ненадолго, может, навсегда, но для удовлетворения своих личных потребностей, а не в русле социально одобряемого поведения, и я буду продолжать туда ходить до тех пор, пока она (церковь) будет удовлетворять мои потребности, но у меня нет никаких обязательств ни начинать, ни продолжать эту практику, если я сам этого не желаю.

Моя причастность или моя приверженность в то же время может быть довольно сильной, значительной, минимальной или просто целесообразной или рациональной. Такие установки характерны для современного общества; индивидуализация и приватизация религии на уровне, находящемся вне публичной сферы, довольно значительны. Поддерживая церковь или её мнение по значимым социальным вопросам, индивиды не стремятся к тому, чтобы соответствовать доктринальным идеалам личного и коллективного бытия.

Таким образом, следует, на наш взгляд, в чисто практическом смысле, дифференцировать функции церкви как религиозного института, в обязанности которого входит индоктринация и распространение вероучения и религиозных практик, и функции хранителя и транслятора традиций. Это обусловлено в первую очередь тем, что запрос общества именно на вторую функцию неизмеримо выше, чем на первую, исходя из того, что, как отмечает российский исследователь Александр Верховский, «очевидно, что Россия всё-таки остаётся очень секулярной страной...». По его мнению, «сама религиозная ситуация с 90-х годов изменилась не столь сильно, как кажется по относительно обилию религиозных сюжетов в СМИ. Религиозность граждан России, как показано в исследованиях... растёт, но растёт медленно и по-прежнему остаётся на довольно низком уровне. Она лишь частично связана с большими религиозными традициями, представляет собой, скорее, некий религиозный бульон, включающий обрывки разных вер, парарелигиозных и паранаучных представлений» [10, с. 157].

В то же время большинство граждан ожидает от традиционных религий как сохранения и укрепления традиций, национальной идентичности и обеспечения межкультурной и межконфессиональной коммуникации, так и распространения позитивных морально-нравственных паттернов, иначе говоря, деятельности по укреплению основ общества. Г. Дэви отмечает, что «...люди, которые сами не принимают участия в церковной жизни, хотят, чтобы представители церкви соблюдали и поддерживали привычный социальный и моральный порядок, обеспечивали представление такого образа жизни, который представляется верным, моральным и правильным, несмотря на то что он давно не является

нормой для всего населения» [7, р. 26]. Звучит несколько парадоксально, но в обществе, которое само не готово следовать строгим морально-нравственным принципам, есть очевидный запрос на присутствие в публичном пространстве института, который бы эти принципы исповедовал и распространял. Большинству необходим если не морально-нравственный идеал, то, по крайней мере, уверенность в том, что есть люди, которые живут в соответствии с более высоким моральным императивом и, что ещё более важно, способны своим авторитетом и образом жизни приостановить процесс определённой моральной деградации общества. Ещё раз подчеркнём: это же большинство вовсе не собирается жить по морально-нравственным установкам христианства или ислама, это основательно секуляризованные люди, возможно, декларирующие близкую к церковной систему ценностей (т. н. общечеловеческие ценности), но реально действующие в рамках иной ценностной системы. Не исключено, что для многих из них наличие в публичном пространстве традиционных религий и их мировоззрения является одним из якорей, не позволяющих в современном глобализирующемся мире до конца оторваться от своих исторических, культурных и, что не менее важно, морально-нравственных корней.

Итальянский исследователь Э. Паче отмечает: «Во многих европейских странах религия сегодня выполняет функции защитника коллективной идентичности и памяти, даже если эти самые общества становятся всё более мультиконфессиональными» [9, р. 42]. С нашей точки зрения, данное мнение столь же справедливо и для России как одной из европейских стран. Религиозные лидеры, как подчёркивает далее Паче, «принимают идею о том, что потенциал и сила религии должны всё больше работать в коммуникативном качестве. Они могут и далее устанавливать нравственные и доктринальные нормы, но они могут и восстановить романтическое чувство бытия сообществом, коллективной идентичностью, происходящей из христианской системы ценностей, проецирующей единство в обществе, характеризующемся социальной, религиозной и идеологической дифференциацией» [9, р. 42–43].

Возможно, восстановление этого чувства бытия единым сообществом, воссоздание коллективной идентичности в новых политических реалиях, сохранение, трансляция исторической памяти и культурной традиции, в которой важнейшее место занимает культура межрелигиозного мира, и является на сегодня важнейшей функцией традиционных религий в современном российском обществе.

Принимая это во внимание, следует отметить, что традиционные религии как естественные хранители духовно-нравственных основ народов в сотрудничестве с государством и гражданским обществом выступают в качестве одной из основных конструктивных сил, укрепляющих мир и согласие в регионе. Миссия традиционных религий на Кавказе состоит в формировании прочных социальных, духовных и нравственных связей между представителями народов, населяющих регион, стимулировании интереса к межкультурной и межрелигиозной коммуникации в регионе, поощрении взаимопроникновения традиций различных народов в повседневной жизни, воспитании и развитии у граждан основ культуры мира, укреплении духовно-нравственных устоев общества, осознании себя единой нацией с общей исторической судьбой и перспективой.

Также миссия традиционных религий реализуется через социальную, просветительскую и миротворческую деятельность. Традиционные религии являются главными партнёрами государства и гражданского общества в реализации значимых социальных проектов, касающихся как поддержки обездоленных групп населения, так и воспитания подрастающего поколения на основе ценностей патриотизма, добродетели, социальной ответственности, равнодушия к судьбам сограждан и своей страны. В условиях распространения (в первую очередь через Интернет) большого объёма недостоверной информации о духовно-нравственных и доктринальных основах традиционных религий, социальной и гражданской позиции духовенства просветительское служение традиционных религий является одним из главных условий формирования у граждан неискажённых представлений как о собственной культурной и религиозной традиции, так и о культуре и религии своих сограждан, относящихся себя к иным традициям. Миротворческое служение традиционных религий, как показывает практика, является безусловно необходимым компонентом для сохранения и поддержания межэтнического и межконфессионального мира и согласия в регионе.

В России, как и во многих европейских странах, к функциям традиционных религий прибавилась ещё одна – хранителя коллективной идентичности и памяти всего социума, несмотря на то что сами общества являются поликонфессиональными. Традиционные религии являются одним из самых значимых символических ресурсов в процессе конструирования и поддержания национальной идентичности. На текущем этапе традиционные религии становятся, по сути, важнейшим средством коммуникации, передачи и сохранения коллективной национальной идентичности, что, несомненно, повышает их значимость в процессе укрепления и дальнейшего развития российского гражданского общества.

Литература

1. Basch L., Schiller G., Blanc C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation States. N.Y.: Gordon and Breach, 1994.
2. Beckford J. Social Theory and Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Berger P., Berger B., and Kellner H. The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. N.Y.: Vintage, 1974.
4. Borowik I. Orthodoxy Confronting the Collapse of Communism in Post-Soviet Countries // Social Compass. 2006. Vol. 53.
5. Casanova J. Religion, the New Millennium, and Globalization // Sociology of Religion. N.Y., 2001. Winter. P. 415–526.
6. Davie G. The Sociology of Religion. L.: Sage Publications, 2007.
7. Davie G. Vicarious religion: A Methodological Challenge // Everyday religion: Observing Modern Religious Lives. Ammerman N., ed. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
8. Mol H. Identity and the Sacred: A Sketch for a New Social-Scientific Theory of Religion. Oxford: Basil Blackwell, 1976.
9. Pace E. Religion as Communication: The Changing Shape of Catholicism in Europe // Everyday religion: Observing Modern Religious Lives. Ammerman N., ed. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
10. Верховский А. М. Конституционно-правовые основы светскости в России и споры вокруг их интерпретации // Религии и светское государство. Принцип laïcité и в мире и Евразии / под ред. А. Агаджяня, К. Русселе. М., 2008.
11. Официальный сайт Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/archive/religiya/khodite-li-vy-k-prichastiyu-esli-da-kak-chasto-v-ot-oproshennykh-kotorye-kreshcheny>

УДК 81-119:316.722

Гринивецкий Юлиан Евгеньевич

РОМАНТИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье рассмотрен романтизм в ракурсе социокультурного феномена. Проведено исследование различных социокультурных направлений с точки зрения романтизма и сделано обобщение.

Ключевые слова: йенский романтизм, социокультурный феномен, философия романтизма, романтическое течение, культура романтизма.

Grinivetskiy Yulian Evgenievich

ROMANTICISM AS SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

The article dwells on Romanticism viewed as a socio-cultural phenomenon. There has been an investigation into various socio-cultural phenomena from the stance of Romanticism with certain generalizations made.

Key words: Jena Romanticism, socio-cultural phenomenon philosophy of Romanticism, Romanticism movement, Romanticism culture.

В настоящей статье мы рассмотрим романтизм (Romantik) как социокультурный феномен. На сегодняшний день в нашей стране имеется ряд фундаментальных работ, освящающих проблематику немецкого романтизма (Deutsch Romantik). Среди них можно назвать следующие: «Мистерия духа» (В. И. Грешных); «Немецкий романтический роман» (К. Г. Ханмурзаева); «Драма немецкого романтизма» (А. В. Карельского); ряд сборников И. В. Карташовой по проблемам романтизма.

В силу этого можно сказать о том, что романтизм – явление, с момента рождения которого прошло более двух столетий, несет в себе актуальность и сегодня, продолжая интересовать ученых всего мира. Сохранилась актуальность по той причине, что достаточно многие идеи обозначенного направления оказались близки XXI веку и были востребованы его художественные формы.

В качестве идейного и художественного течения, а также реакции на эстетику классицизма романтизм возник в культуре Америки и Европы в конце XVIII – 1-й половине XIX века. След своего первоначального проявления он оставил в поэзии и философии Германии в 1790-е годы. В этой стране он появился в среде философов и писателей йенской школы. Представителями этого направления являются Л. Тик, В. Г. Ваккенродер, Новалис, братья Шлегели. В работах Ф. Шеллинга и Ф. Шлегеля была систематизирована философия романтизма. Дальнейшее развитие немецкого романтизма отличается интересом к мифологическим и сказочным мотивам. Наиболее ярко это выражается в трудах Гейне, Якоба и Вильгельма Гримм и Гофмана [7]. Немного позднее, в 1820-е годы, романтизм распространился во Франции, Англии и некоторых других странах. Характеризуется он изображением ярких бунтарских страстей, одухотворенной природы, утверждением самоценности духовной и творческой жизни человека [7].

В процессе своего развития во многих странах романтизм облекался в яркую национальную окраску, которая была обусловлена конкретными традициями культуры и историческими событиями. В «мировоззрении» романтизма было акцентировано внимание на идею поиска национальной самобытности. Это оказало большое влияние на становление национального самосознания России и многих стран мира.

В каждой отдельно взятой культуре романтизм отражался по-разному: в частности, в неординарных историях (у французов); в контексте мистификации (у немцев); в личности, противопоставляющей себя разумному поведению (у англичан). В связи с этим становится актуальным вопрос, что же послужило объединяющим элементом всего этого в единое течение – романтизм? Так, главной стратегией этого течения являлось изображение внутреннего мира личности и его душевной жизни, сделать же это было возможно посредством исторических материалов, мистики и т. п. Необходимо было выразить феномен внутренней жизни и ее иррациональность.

Йенский романтизм (Jena Romantik), как течение, возник на определенном этапе общественно-го развития и формировался в тесной взаимосвязи с политической, эстетической, этической, научной, философской, социальной и иными формами иррационального, художественно-образного и рационального освоения мира [1].

Анализируя период романтизма, необходимо подчеркнуть, что он оказал значительное влияние на динамику временного континуума от сентиментализма и классицизма. Посредством него происходит рефлексия уклада человеческой жизни изнутри и появляется психологизм в настоящем его проявлении.

Как социокультурный феномен романтизм оказал влияние на различные сферы жизни общества, распространился на идеологию и политику. Он наблюдался в поведении людей, их психологии, одежде, литературе, архитектуре, изобразительном искусстве [1].

Рассматривая романтизм как социокультурный феномен в ракурсе изобразительного искусства, отметим, что современники художника О. А. Кипренского (1782–1836) в своих замечательных портретах отразили не только названное течение, но и взгляд на человека как на независимую личность, и элементы реализма.

В дореволюционном периоде в мире существовала четкая иерархия, он не был хаотичен, и каждая личность занимала свое место. В послереволюционный период «пирамида» общества была уничтожена, а новая еще не создалась, и поэтому у каждого отдельного человека присутствовало чувство одиночества. Тогда господствовало своеобразное представление о жизни, о том, что она есть поток и игра, в которой одним повезет, а другим нет. В связи с этим в данный период времени набирают свои обороты азартные игры. Игорные дома появляются и в России, и в других странах мира. Начинают публиковаться руководства по игре в карты. В это время также появляются образы игроков в литературных произведениях. Создается образ человека, играющего с судьбой. Среди литературных произведений европейских писателей в качестве примера можно назвать «Красное и черное» Стендаля (само название несет в себе смысловую нагрузку игры в рулетку!), «Игрок» Э. Гофмана. В русской литературе – «Игроки» Н. Гоголя, «Пиковая дама» А. Пушкина. Так, герой романтического периода является игроком, стремящимся в игре ощутить и испытать силу рока. Кроме этого, в литературе и жизни преобладает идея движения. Для героев литературных произведений характерно постоянное движение, т. е. они постоянно уезжают и приезжают. В произведениях литературы отображаются образы странствий, почтовой кареты. Примером может служить путешествующий Чичиков либо Чацкий, одной из крылатых фраз которого является «Карету мне, карету!». Данная литературная идея достаточно четко вырисовывает жизнь личности в непрерывно меняющемся мире [2].

Общей константой романтических героев становится ощущение собственной исключительности и перфекционизма. Собственное «Я» считается наивысшей ценностью, и в этой связи у романтического героя появляется и закрепляется эгоцентризм. При этом личность концентрируется на себе и понимает, что вступает в конфликт с окружающим миром. В свою очередь, действительность выступает необыкновенным и фантастическим миром, как например, в сказке «Щелкунчик» (Гофмана), либо, напротив, уродливым, как в сказке «Крошка Цахес». Для названных произведений характерны странные события, в них оживают предметы и вступают между собой в беседы, демонстрирующие разрыв действительности и идеалов, ставший отличительной чертой лирики романтизма.

Россия практически до XIX века пребывала в состоянии некой культурной изоляции. Романтизм как течение появился на 7 лет позже, чем в Европе. В связи с этим можно сказать о некоторой его подражательности. Для русской культуры было характерно отсутствие противопоставления человека Богу и миру. Появляется В. Жуковский, меняющий на русский лад немецкие баллады: «Людмила» и «Светлана».

Романтизм в 1-й половине XIX века стал проекцией интереса в искусстве. В глубь личности, в её «дух», «Я» переместился сам предмет искусства. Двухвековой классицизм, включая Шиллера и Канта, базировался на отдельных способностях человека и их выдвигании. Особенно активно подвергались обсуждению чувственные и рационалистические человеческие способности в про-

цессе познания им мира. Преобладала идея о том, что качествами человеческого «Я» являются логика, фантазия, рассудок, чувство, разум и воображение. Однако было загадкой, что же это такое – человеческое «Я»?

Романтизм попытался проникнуть в глубину человеческой сущности. Здесь и во многих иных направлениях имели место свои преувеличения и увлечения. Сущность внутреннего мира человека достаточно быстро стала рассматриваться как фундамент всего бытия, как настоящее и единственное пространство божественного [6]. Искусство рассматривалось как человеческая деятельность наивысшего совершенства, а жизнь человека – как художественное произведение. Но не представляется возможным охватить все устройство мира только ограниченным человеческим «Я». В связи с этим появилось неудержимое «романтическое» стремление познать мироустройство в его изменении и движении. Такое одновременное становление и разрушение достаточно полно находило свое выражение в самом «романтическом» музыкальном языке (Вагнер, Шопен и т. п.). Человеческая жизнь в таком стремлении осознавалась как граница между реальностью и ирреальностью. Подобное явление параллельного существования в нескольких мирах в романтизме приобрело название двоемирия. В области искусства это выражалось в большом количестве символов, поскольку ирреальность возможно передать только намеком. Культура романтизма была буквально пронизана необычайно многозначной и богатой символикой. Например, для музыки периода романтизма характерно развитие лейтмотива как способа выражения символов звукового мира.

Появление романтизма как течения в конце XVIII в. Было обусловлено социально-историческим фактором, т. к. данное течение со стороны интеллигенции было реакцией на буржуазную революцию Франции как неудавшуюся. Сама революция как способ переустройства мира стала разочарованием, поскольку собственной победой перечеркивала идеалы, к которым стремилась [5]. Как любое истинное художественное явление, романтизм многолик. В его облик каждая художественная школа и страна добавляли что-то свое. Отношение художника к собственному результату творчества романтики йенского периода (Шлегель Ф.) определяли как «романтическую» иронию. Романтики университетского города Гейдельберга считали народные сказания пиком красоты и мудрости человека и тщательным образом их собирали (братья Гримм). Для «романтиков» Англии (Шелли и др.) было характерным погружение в мистический мир Англии периода Средневековья. В Америке появился детективный жанр. Склонные к романтизму архитекторы использовали «псевдоготический стиль».

Наиболее активно романтизм проявлялся в музыке и литературе, а в образе «романтического» художника сочетались поэт и музыкант (В. Ф. Одоевский). Удивительным фактом было смешение романтизма и ампира (Empire) как в одном произведении, так и в творчестве художника в целом. Примером может послужить ампирическая опера Ф. Глинки «Жизнь за царя» и опера романтическая «Руслан и Людмила» [8].

В целом романтизм можно охарактеризовать как бурное идейно-художественное течение, охватившее социальные и духовные области жизни различных стран. Так, в 1820–1830-е гг. в литературно-художественной критике развернулся спор между «классиками» и «романтиками», сыгравший большую роль в судьбе искусства и литературы, поскольку оказал влияние на устранение эстетических норм классицизма и проложил дорогу прогрессирующим явлениям из области художественной жизни [8].

Романтизму присущи одновременно раскованность духа человека и его стремление проникнуть в «тайны души», внимание к личности человека становится обостренным, происходят попытки познать что-то индивидуальное и неповторимое в характере человека и явлениях жизни. Все это является важнейшими элементами «программы» романтизма. Персонажи Лермонтова, Бетховена, Пушкина стремятся к самоутверждению своей индивидуальности, способны противостоять как обществу, так и самой судьбе.

Архитекторы размышляли над судьбой архитектуры и пришли к выводу о необходимости пересмотра канонов классицизма. Рос интерес к Средневековью, древности, что обусловило возобновление построек в стиле готики. Совместно с неоготикой романтизма в русской архитектуре появились

и другие направления, которые были обращены к опыту фольклорной архитектуры, традициям архитектуры русского зодчества древности. В начале XIX века в художественной жизни Европы возник интерес к экзотике Востока и искусству Древнего Египта, что вызвало появление в архитектуре различных «ориентальных» направлений.

Оказал свое влияние романтизм и на религию. В романтизме с точки зрения религиозного аспекта выделяют два направления. Инициатором первого является Ф. Шлейермахер (работа «Речи о религии»). В своей работе он отобразил религию, точнее, ее понимание как внутреннее, пантеистически окрашенное переживание. Это направление оказало сильное воздействие на процесс становления и развития протестантского либерального богословия. Второе направление выражается в общей тенденции романтизма позднего периода к ортодоксальному католицизму и в реставрации ценностей и устоев культуры Средневековья. Это находит свое выражение в трудах Новалиса («Христианство, или Европа»).

Среди основных особенностей романтического стиля можно назвать следующие: игровая стихия (она растворила эстетические грани классицизма); интерес к нестандартному; восприятие в романтическом творчестве мифа как образца; истолкование мира символами; стремление к максимальному увеличению арсенала жанров; опора на фольклор; эстетическая интерпретация религии; идеализация архаических культур.

На основании изложенного можно заключить, что романтизм как социокультурный феномен представляет собой внутренне противоречивое, сложное духовное направление культуры рубежа XVIII–XIX века, оказавшее огромное влияние на все сферы духовной жизни. Как социокультурный феномен романтизм имел огромное значение для общества России и ряда других стран.

Литература

1. Аркан Ю. Л. Очерки социальной философии романтизма. Из истории немецкой консервативно-романтической мысли. СПб.: Наука, 2003. 380 с.
2. Банковская Н. П. Типология романтического мышления. Киев, 1992. 117 с.
3. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1986. 334 с.
4. Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур. - Л.: Наука, 1981 – 306 с.
5. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Издательство политической литературы, 1991. – 464 с.
6. Карельский А. В. Драма немецкого романтизма. – М.: Медиум, 1992 - 336 с.
7. Тертерян И. Н. Романтизм как целостное явление // Вопросы литературы. 1983. № 4. С. 151–181.
8. Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: Пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 456 с.
9. Benjamin Walter. Der Begriff der Kunstkritik in der deutschen Romantik (1919) // Benjamin Walter Gesammelte Schriften. Bd. I, 1. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1980. 414 s.
10. Frank M. «Romantische Ironie» als musikalisches Verfahren: am Beispiel von Tieck, Brahms, Wagner und Weber // Athenäum. Bd. 13. Paderborn: Schöningh, 2003. S. 163–189.

УДК 316.35

Истомина Анна Петровна

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются элементы организационной культуры высшего учебного заведения, а также ее структурные и содержательные уровни. Предлагается модель организационной культуры вуза на основе выделенных элементов и уровней.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, организационная культура, элементы организационной культуры, ценности, структура организационной культуры, модель организационной культуры.

Istomina Anna P.

MODEL OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

The article focuses on certain elements of organizational culture in an institution of higher education as well as its structural and essential levels. There is a model proposed for organizational culture within a university based on the elements and levels in question.

Key words: higher educational institution, organizational culture, elements of organizational culture, values, structure of organizational culture, model of organizational culture.

На системном эмерджентном уровне анализа организационной культуры основным изучаемым признаком выступает ее структура, логическое описание ее компонентов и функций, отображающих существенные свойства культуры организации в целом. Вопросы структурного содержания организационных культур исследуются там, где важно определить, какой характер и направленность имеет та или иная организационная культура, что позволяет отнести ее к тому или иному типу. Существует целый ряд научных подходов, описывающих те или иные типологические особенности организационных культур, которые можно систематизировать по следующим признакам:

- 1) национальная специфика: типология Г. Хофстеда, Ф. Тромпенаарса, Ф. Клухольма – Ф. Строберга;
- 2) специфика вида деятельности: типологии Т. Дила – А. Кеннеди, Р. Рюттингера, М. Бурке;
- 3) внутренний климат организации: типологии М. К. де Врие – Д. Миллера, А. Вилдавского;
- 4) гендерная специфика: типология С. Медок – Д. Паркин;
- 5) ценности и ценностные ориентации: типологии К. Камерона – Р. Куинна, Р. Блейка – Д. Мунтона, У. Ноймана, С. Ханди.

В зарубежной исследовательской практике приведенные выше типологии также называют моделями организационной культуры. По мнению отечественных ученых, понятие «модель» в большей степени связано с изучением уровней (структурных и содержательных) и элементов организационной культуры. Безусловно, единства в принятии некой конкретной непротиворечивой модели организационной культуры нет, тем более в частном вопросе определения модели (моделей) организационной культуры высшего учебного заведения.

Так, Ю. С. Тюнников и М. А. Мазниченко [6, с. 69] обязательными элементами организационной культуры вуза называют собственную идеологию, отвечающую целям и потребностям конкретной организации; целенаправленно культивируемые ценности, имеющие консолидирующий эффект; коммуникационное единство вуза. По мнению Г. И. Мальцевой [2], элементами организационной культуры вуза выступают: миссия; командный дух, стиль руководства и лидерства; деловой этикет общения; фирменный стиль; студенческая субкультура; культурные традиции. Н. Д. Стрекалова [4, с. 206] к элементам корпоративной культуры вуза относит коллективные ценности, преобладающие убеждения, детерминирующие приоритеты организации; нормы поведения («правила игры»), оказы-

вающие влияние на методы принятия решений и повседневные действия сотрудников организации; символы и символические действия, влияющие на культуру организации. При этом вышеназванными учеными отмечается, что содержательное наполнение указанных элементов существенным образом детерминировано спецификой конкретного вуза (одно- или многопрофильность, направления подготовки, особенности профессорско-преподавательского состава и студенческого контингента, соотношение бюджетного и внебюджетного источников финансирования и др.). Анализ работ отечественных исследователей по проблематике структурирования и моделирования организационной культуры показал, что к компонентам организационной культуры вуза чаще всего относят следующие:

- 1) миссия, идеология, стратегия развития;
- 2) ценности и ценностные ориентации;
- 3) нормы поведения и взаимодействия;
- 4) организационный климат, коммуникации;
- 5) атрибуты, символы и символические действия.

Ядром организационной, как и любой другой культуры, являются ценности, определяющие нормы поведения и взаимодействия, формулировку миссии и организационную телеологию, организационный климат. Ценности находят отражение и ретранслируются в символах, социальных ритуалах, моделях поведения, традициях, официальной документации организации и т. п. Применительно к организационной культуре М. Сухорукова [5, 40] называет ценности стимулом, необходимым условием для любого взаимодействия внутри организации. Опираясь на труды отечественного психолога Д. А. Леонтьева, М. Сухорукова [5, 41] указывает основные формы существования корпоративных ценностей:

- 1) идеалы – сформулированные административными лидерами организации и разделяемые ими же обобщенные представления о совершенстве в различных проявлениях и сферах деятельности организации;
- 2) воплощение этих идеалов в действиях членов коллектива внутри организации;
- 3) внутренние мотивационные структуры личности сотрудников организации, инициирующие воплощение в своем поведении и деятельности корпоративных ценностных идеалов.

Структуру динамики формирования и развития организационной культуры исследователь представляет в виде «пирамиды ценностей» в их конкретном проявлении (рис. 1):

Рис. 1. «Пирамида ценностей»

Применительно к организационной культуре вуза коллективные ценности и доминирующие убеждения основываются на степени приоритетности компонентов телеологии, то есть определяют иерархический и дифференцированный порядок ценностных приоритетов: что является важным для

сотрудников и студентов, а что нет. Организационная культура каждого вуза имеет свой уникальный набор ценностей, отражающих особенности его генезиса и развития, формирования морфологии, социокультурной эволюции.

Анализ базовых ценностей организационных культур высших учебных заведений, проведенный Ю. С. Тюнниковым [6, с. 72], показал, что объединяющим эффектом обладают такие ценности, как профессионализм, компетентность, самореализация, инициативность, ответственность, гибкость, коллективизм (умение работать в команде), креативность, здоровый образ жизни. В качестве системообразующих ценностей оргкультуры вуза выступают специфические ценности отрасли профессиональной подготовки студентов. Приведенный перечень ценностей подтверждается данными исследования Г. И. Мальцевой и О. В. Горшковой [3, с. 42], выявивших следующие доминирующие ценности одного из вузов РФ: ответственность; доброжелательность к коллегам и клиентам; дружеские отношения между коллегами, взаимовыручка, поддержка; порядочность, честность; профессионализм, компетентность; умение работать в команде; ориентация на результат.

По мнению Ю. С. Тюнникова и М. А. Мазниченко [6, с. 73], оргкультура вуза предполагает баланс собственно организационных (высшего учебного заведения как автономной организации), социальных (являющихся отражением государственной образовательной политики), отраслевых (отрасли получаемой специальности), профессиональных (ценности академического сообщества), социально-групповых (студенческого и преподавательского сообщества как социальных групп) и личностных ценностей, а также баланс ценностей организационной культуры отдельных кафедр, факультетов и других структурных подразделений.

Основываясь на выделении элементов (в частности, ценностей) организационной культуры вуза, можно определить следующие структурные уровни.

1. Организационная культура профессионального педагогического сообщества, выражением которой выступают разделяемые большинством педагогов ценности и нормы, а также тип профессионального мышления (конструктивные: увлеченность профессорско-преподавательского состава кафедры определенной исследовательской проблемой, выстраивание коллегиальных отношений со студентами «на равных» и т. п.; деструктивные: панибратство в общении со студентами, халатное отношение к исследовательской, воспитательной или общественной работе).
2. Организационная культура отрасли подготовки специалистов. Указанный тип культуры не всегда прослеживается в вузе в явном виде, однако наличие культуры неизбежно в первую очередь потому, что обучение и воспитание квалифицированного специалиста предполагает формирование у него готовности входить в корпоративную культуру профессионального сообщества, а также проектировать и формировать ее. Студент, приобщившийся к нормам и ценностям организационной культуры предприятий той отрасли, в которой он будет работать, более успешно и быстро пройдет процесс профессиональной адаптации.
3. Организационная культура профессионального академического сообщества. Помимо выполнения образовательных функций современный университет является еще научно-исследовательским центром. Привлекая студентов к практической исследовательской деятельности, вуз формирует у них научный этос – культуру, отвечающую современному состоянию науки и нормам научного сообщества.
4. Организационная культура вуза как образовательного учреждения. Высшее учебное заведение одновременно является составной частью отечественной системы образования и мирового образовательного пространства, в связи с чем его оргкультура учитывает тенденции отечественного и мирового образовательного процесса и пропагандирует имидж университета, его уникальность среди вузов подобного профиля.
5. Организационная культура вуза рассматривается как совокупность оргкультур факультетов (институтов или других структурных подразделений образовательного учреждения). В ситуации многопрофильности вуза различия в организационных культурах факультетов могут быть значительны.

Т. А. Антопольская [1, с. 5–6] предлагает содержательную уровневую модель организационной культуры, в структуру которой включает:

- 1) информационно-когнитивный уровень (философия образовательного учреждения, миссия; культура вербальной и невербальной коммуникации; специфика социальной рефлексии основных субъектов организационной культуры: студенты, преподаватели, менеджеры);
- 2) социорегулирующий уровень (ценности, смыслы, система мотивации и организации труда профессорско-преподавательского состава, способ принятия важнейших решений, касающихся жизни организации – единолично или демократическим путем, – система санкций, наказаний и поощрений как студентов, так и преподавателей, методы оценки достижений в учебной и внеучебной деятельности, осуществление контроля);
- 3) организационно-психологический уровень (тип лидерства, социально-психологический климат внутри коллектива преподавателей и академических групп, взаимопомощь, степень лояльности обучающихся и сотрудников к высшему учебному заведению);
- 4) предметно-технологический уровень (традиции организации пространства, дизайн, интерьер, экстерьер, внешний вид студентов и сотрудников вуза).

Синтез выделенных элементов организационной культуры высшего учебного заведения, а также ее структурных и содержательных уровней позволяет предложить следующую её модель (рис. 2):

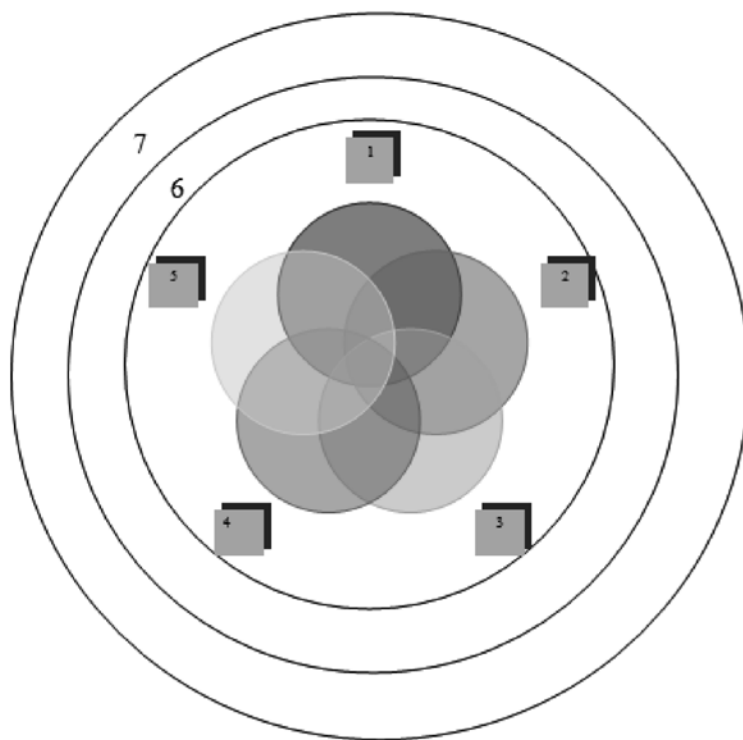

Рис. 2. Уровни организационной культуры вуза:

- 1 – организационная культура администрации вуза, определяющая характер управления, менеджмента в вузе;
- 2 – организационная культура профессорско-преподавательского состава; 3 – организационная культура учебно-вспомогательного персонала (лаборанты, методисты, документоведы и др.); 4 – организационная культура административно-хозяйственного, инженерно-технического, производственного и обслуживающего состава;
- 5 – организационная культура студентов; 6 – организационная культура единицы структуры вуза (институт, факультет, кафедра, лаборатория, центр, отдел и т. д.); 7 – организационная культура вуза, как элемента системы образования и мирового образовательного пространства.

Компоненты приведенной модели организационной культуры вуза не могут рассматриваться исключительно аналитически дифференцированно, так как находятся в непрерывном взаимном влиянии и взаимодействии. Их дифференциация носит достаточно умозрительный аналитический характер и зависит от позиции наблюдателя, осуществляющего процедуру анализа. Системное единство представленных компонентов основывается на их взаимообращенности, что позволяет в экстраполяции данной модели на конкретную организационную культуру придерживаться постулатов кибернетики второго порядка и теории Н. Лумана об аутопоиетических и самореферентных свойствах социальных систем.

Литература

1. Антопольская Т. А. Организационная культура вуза в теории, социальных представлениях студентов и технологии обучения // Вестник высшей школы. 2005. № 7. С. 3–9.
2. Мальцева Г. И. Университетская корпоративная культура // Университетское управление. 2005. № 2 (35). С. 95–103.
3. Мальцева Г. И., Горшкова О. В. Роль корпоративной культуры в формировании эффективного университета // Университетское управление. 2006. № 2 (42). С. 40–44.
4. Стрекалова Н. Д. Корпоративная культура и стратегия вуза: проблемы взаимодействия // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: международные лихачевские научные чтения (г. Санкт-Петербург, 14–24 мая 2002 г.). Секция 5. СПб., 2002. С. 205–208.
5. Сухорукова М. В. Ценности как ключевой элемент организационной культуры // Управление персоналом. 2000. № 11. С. 39–44.
6. Тюнников Ю. С., Мазниченко М. А. Корпоративная культура как фактор конкурентоспособности вуза // Высшее образование в России. 2005. № 10. С. 69–77.

УДК 343.82-053.6

Корольков Константин Васильевич

ДЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ПРИЧИНА РЕЦИДИВА

В статье рассматривается десоциализация индивидов, отбывающих наказание за совершенное преступление в местах лишения свободы. На основе анализа данных источников и сравнения исправительных колоний с другим «тотальным институтом» – армией делается вывод о том, что именно десоциализация в местах лишения свободы является основной причиной повторного совершения индивидом преступления.

Ключевые слова: десоциализация, места лишения свободы, преступление, рецидив, тотальный институт, пенитенциарная политика, интеграция в общество.

Korolkov Konstantin V. DESOCIALIZATION AT CORRECTION FACILITIES AS REASON BEHIND REPEATED OFFENSE

The item offers a view on desocialization in people serving their terms at correction facilities. An analysis of the respective data and a comparison with another type of “total institution” – military service – allow concluding that desocialization at correction facilities stands behind repeated offenses.

Key words: desocialization, correction facilities, offense, repeated offense, total institution, penitentiary policy, integration into society.

Анализ статистических данных показывает, что в России среди людей, освободившихся из мест лишения свободы, велик процент тех, кто вновь совершает преступления [1, с. 3]. В то же время основной задачей уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего функционирование

пенитенциарной системы Российской Федерации, является предотвращение повторного совершения преступления [2, с. 14]. Но согласно данным той же статистики, отечественной уголовно-исполнительной системе далеко не всегда удается справиться с поставленной задачей.

Отбыв наказание, которое установил суд за содеянное, человек покидает места заключения, становится свободным и возвращается в общество. При этом следует отметить, что общество не ждет его «с распростертыми объятиями», оно относится к нему подозрительно. Чтобы преодолеть такое отношение, индивиду необходимо пройти процесс интеграции в общество. Также следует отметить, что речь идет именно об интеграции, поскольку просто адаптация не является успешным результатом воспитательно-исправительного воздействия.

Выйдя на свободу, человек вполне может выстроить такую систему поведения, которая позволит ему игнорировать нормы социальной жизни, не работать, жить за счет совершения преступлений, другими словами, чувствовать себя совершенно комфортно, ведя антисоциальный образ жизни, поскольку не сумел адаптироваться к общественным нормам. Отсюда продуктом воспитательно-исправительного воздействия в местах лишения свободы должен являться лишь интегрированный в общество индивид.

Однако, пытаясь интегрироваться в общество, отбывший срок наказания индивид, как правило, сталкивается с серьезными проблемами.

Во-первых, человек, вернувшийся из мест лишения свободы, нуждается в поддержке близких людей. Между тем таковая ему отнюдь не гарантирована. Контакты с человеком, отбывавшим наказание, не всегда желательны для его родственников; у них к тому времени может быть налажена другая жизнь, нередки разводы. Определенное количество отбывающих связанное с лишением свободы наказание, вообще не имеют близких. Длительная изоляция разрушает привычные для личности социальные связи, в том числе наиболее интенсивные. А. Н. Олейник приводит данные собственных исследований, согласно которым в России 20,9 % людей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, разведены, а 50,2 % никогда не были женаты (замужем) [3, с. 38].

Чтобы рассмотреть еще одну группу проблем, связанных с десоциализацией в местах лишения свободы, следует обратиться к концепциям Г. Беккера, И. Гоффмана, и др., которые известны под общим названием теории стигматизации. Согласно данной теории, человек, имеющий судимость и, тем более, находившийся в заключении, носит на себе «клеймо». Такое «клеймо» появляется у него под влиянием авторитетных групп общества. Это способствует тому, что в быту у человека нередко возникают серьезные проблемы, прежде всего, с трудоустройством. Работодатель воспринимает такого человека в первую очередь как бывшего преступника, который не заслуживает доверия. При этом человек длительное время пребывал в условиях, кардинально отличающихся от тех, которые являются привычными для того сообщества, в котором он находится в настоящее время. Данные обстоятельства приводят к тому, что такому человеку приходится в течение длительного времени прилагать довольно серьезные усилия для того, чтобы интегрироваться в общество. Нередко эти усилия оказываются безрезультатными. Главная причина в данном случае – восприятие обществом этого индивида как человека с устоявшимся девиантным поведением.

Анализируя процесс отбывания наказания в местах лишения свободы, А. В. Димитров и В. П. Сафронов приходят к выводу, что в ходе данного процесса человек, осужденный к лишению свободы, как минимум трижды вынужден адаптироваться:

- 1) оказавшись в местах лишения свободы, человек приспосабливается к нормам режима учреждения, групповым нормам сообщества заключенных, к условиям труда, быта;
- 2) по принципу прогрессивной системы – при изменении условий отбывания уголовного наказания: при переводе из воспитательной колонии в исправительное учреждение;
- 3) во время привыкания к условиям жизни на свободе, работе в трудовом коллективе, семье после освобождения из мест лишения свободы [4, с. 93].

Любая из названных ситуаций предполагает достаточно резкое изменение жизненных условий – бытовых, трудовых, условий режима учреждения. Также необходимо учитывать отношения между осужденными в местах лишения свободы, которые изобилуют нюансами, особым этикетом и условностями, что в высшей степени усложняет адаптацию к ним, особенно для тех, кто впервые отбывает наказание или находится под арестом в следственном изоляторе. Существует немалый риск того, что вследствие указанных факторов человек получит значительную долю негативных эмоций и негативного опыта.

Таким образом, вследствие влияния указанных факторов происходит десоциализация индивида в процессе отбывания наказания в местах лишения свободы.

На индивида, отбывающего наказание в местах лишения свободы, влияют качественно новые для него формальные и неформальные нормы. Не следует забывать и о психологическом состоянии человека, попавшего в места лишения свободы. Он переживает глубокий психологический и социальный стресс: согласно свидетельствам людей, лишенных свободы, они испытали серьезное потрясение, впервые оказавшись под стражей в изоляторе временного содержания; социальные связи также были разрушены, таким образом люди испытывали нужду в социальной поддержке. В результате человеку, находящемуся в заключении, остается рассчитывать лишь на самого себя. У наказания в виде лишения свободы появляются и другие черты, а также увеличивается его степень и глубина: человек оказывается в социальной изоляции, его жизненное пространство становится атомизированным. По результатам исследований можно судить о том, насколько деформировано и разрушено оказывается то социальное пространство, к которому привык человек. Люди, отбывающие наказание в местах лишения свободы, не изолированы друг от друга, характер заключения совместный, 25,9 % лишенных свободы людей характеризуют свое повседневное состояние с помощью терминов одиночества. Нуждаясь в социальной поддержке, заключенные в то же время демонстрируют низкий уровень ее ожидания, он значительно ниже в местах заключения, чем в обществе. В тюрьме человек рассчитывает только на себя и не ждет поддержки со стороны. При этом именно там он в ней нуждается особенно остро.

Таким образом, можно говорить о том, что человек, находящийся в местах лишения свободы, имеет серьезную потребность в социальной поддержке даже для того, чтобы решить обычные вопросы (например, доступ к средствам гигиены), но при этом разрыв социальных связей серьезно осложняет удовлетворение этой потребности. Данное противоречие он пытается компенсировать поиском других, возможных здесь механизмов социализации, которые возможны в реальных на данный для него момент условиях. Если эти механизмы будут найдены (это практически всегда имеет место) и использованы (это также практически всегда имеет место по причине безысходности), то произойдет десоциализация индивида.

Во времена СССР, практически на протяжении всего его существования, при реализации пенитенциарной политики основным инструментом исправления являлся труд. Люди, осужденные к лишению свободы, активно использовались в качестве дешевой рабочей силы. Это считалось в обществе справедливым: посредством активной, подчас тяжелой трудовой деятельности человек, совершивший преступление, компенсировал обществу ущерб, нанесенный своим преступлением, и искупал – хотя бы в какой-то степени – свою вину. Не менее правильным и справедливым общество считало пожизненно наклеенный ярлык преступника в глазах сотрудников пенитенциарной системы, как и ярлык «отмотавшего срок» в глазах законопослушных граждан.

Нынешнее российское общество сохранило данный стереотип, основной чертой которого является убеждение о неискоренимости преступника. В этой связи основной объем наказания определяется не столько лишением свободы, сколько наличием пакета ограничений нормального удовлетворения потребностей различного свойства. Таким образом, деятельность пенитенциарных учреждений способствует не исправлению преступника, а направлена на создание «идеального» з/к.

Причины объективного характера кроются в том, что отечественная пенитенциарная политика основана на карательно-репрессивных принципах. В результате «за последние сорок лет в советских и российских исправительно-трудовых учреждениях побывало приблизительно 40 миллионов человек, и в перспективе мы наблюдаем дальнейшую криминализацию общества» [5, с. 31].

При этом не следует забывать о немалом числе тех, кто, возвращаясь после отбывания наказания, не ставит своей целью интеграцию в общество, а стремится лишь адаптироваться. Это граждане, не воспринявшие в отношении себя позитивного потенциала воспитательно-исправительных воздействий. В данном случае наличие дезинтегрирующих факторов не является определяющим, так как в отношении этих людей десоциализация настолько глубока, что бессильны, как правило, возможные действенные и многочисленные ресоциализирующие факторы. При этом адаптация для таких представителей может быть вполне успешной, но внешняя поддержка социальных норм будет являться не результатом исправления и перевоспитания, а будет являться результатом стремления не оказаться вновь в местах лишения свободы. По словам П. А. Сорокина, это акт воздержания, который вызван угрозой наказания.

Отсюда вытекает следующее: в учреждениях отечественной пенитенциарной системы человек, отбывающий наказание, подвергается глубокой десоциализации; именно эта десоциализация в первую очередь осложняет интеграцию индивида в общество по освобождении из мест лишения свободы. Следует отметить, что:

- возможности индивида, стремящегося интегрироваться в общество, по причине этой десоциализации серьезно ограничены;
- индивид, ставящий целью по освобождении не интеграцию, а адаптацию к общественным нормам, нацелен на это по причине глубокой десоциализации, которой он подвергся, отбывая наказание, связанное с лишением свободы.

Также необходимо принять во внимание следующий момент. Неудачные попытки индивидов, освободившихся из мест лишения свободы, интегрироваться в общество нередко приводят их к возвращению на путь совершения преступлений. Рецидивная преступность вызывает более суровое наказание, при этом десоциализация индивида, фактически приведшая к рецидиву, а также его безуспешные попытки интеграции (безуспешные вследствие этой самой десоциализации!) – согласно ст. 61 УК РФ – не являются обстоятельствами, смягчающими вину, и судом не учитываются. Что подтверждается ранее сделанным выводом: десоциализация в местах лишения свободы есть определяющий фактор, осложняющий процесс социальной интеграции человека, освободившегося из мест лишения свободы.

Следующий вывод: более глубокая степень десоциализации, которой подвергся индивид в местах лишения свободы, порождает больше сложностей в интеграции. Агенты общественного контроля выделяют индивиду сравнительно мало времени на интеграцию. При этом индивиду довольно непросто освободиться от норм, ценностей и представлений тюремной субкультуры, прежде всего, вследствие криминализованности общества:

- навыки, в том числе совершения преступлений, приобретенные в местах заключения оказываются востребованными в ряде слоев общества; это психологически осложняет интеграцию;
- криминализация глубоко затрагивает нормы поведения большинства представителей российского общества, независимо от классовой принадлежности. Р. Бенедикт и М. Мид в рамках социогенетического подхода отмечают, что интегрированные в личность социокультурные элементы становятся для человека нормой чувствования, мышления и действия [6].

Следует особо подчеркнуть, что речь идет о глубокой десоциализации, поскольку в принципе избежать ее во время нахождения в пенитенциарных учреждениях невозможно. В данном же случае процесс десоциализации зачастую необратим и приводит впоследствии к рецидиву.

В качестве примера можно провести параллели между пенитенциарными учреждениями и таким социальным институтом, как армия. Армия также, согласно теории И. Гоффмана, относится к «тотальным институтам», полностью отвечая тем признакам, которые выделял Гоффман.

В Советском Союзе все мужское население проходило службу в Вооруженных Силах. Для этого осуществлялся всеобщий призыв, за уклонение от которого следовала ответственность, предусмотренная, согласно ст. 80 УК РСФСР [7, с. 4]. Тот же порядок, согласно ст. 337, 338, 339 УК РФ, сохраняется в Российской Федерации [8, с. 700].

То есть почти все мужское население СССР к 18 годам достигшее согласно Закону совершеннолетия, но не сформировавшееся в личностном отношении, на срок от одного до трех лет помещалось, по теории Гофмана, в экстремальные условия. В настоящее время (имеется в виду Российская Федерация) процесс в целом воспроизводится. Однако вернувшись в результате демобилизации в прежние условия жизни, вчерашние солдаты успешно проходили процесс социальной интеграции: трудовая деятельность, создание семьи, карьерный рост и т. д. То же самое в целом можно сказать и о современности. (Военнослужащие, проходившие воинскую службу в так называемых «горячих точках», испытали на себе глубокую десоциализацию, прежде всего, не вследствие пребывания в условиях «тотального института», а вследствие влияния на ситуацию военно-политических факторов, и эта группа военнослужащих является исключением).

Очевидно, что оба института обеспечивают – каждый своему контингенту – аналогичные условия, поскольку и тот и другой институты соответствуют признакам, выделенных Гофманом у следственных им «тотальных институтов».

При этом данные социальные институты обладают схожими чертами и непосредственно между собой:

- 1) армия и любое российское пенитенциарное учреждение являются государственными учреждениями;
- 2) деятельность армии и учреждений пенитенциарной системы осуществляется на основе требований, закрепленных законом (режим или устав);
- 3) в рамках данных институтов предполагается вынужденная десоциализация;
- 4) присутствует неформальное влияние («дедовщина» и тюремная субкультура);
- 5) существует необходимость социальной интеграции.

Несмотря на наличие значительного количества схожих черт у двух социальных институтов, социальная интеграция, как правило, в большей степени удается демобилизовавшимся, нежели освободившимся. Достаточно сказать, что, по данным МВД, в 2013 году доля рецидивных преступлений составила 49,6 % [9].

Таким образом, можно сделать вывод: причины десоциализации осужденных в местах лишения свободы, заложены в особенностях самой пенитенциарной системы и в отношении общества к этим особенностям.

Литература

1. Щербаков С. В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 26 с.
2. Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу РФ. М.: Издательство «Экзамен», 2005. 576 с.
3. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России. М., 1999. 258 с.
4. Димитров А. В., Сафронов В. П. Основы пенитенциарной психологии: учебное пособие. М.: Московский психологический социальный институт, 2003. 176 с.
5. Ромм М. В., Андриенко Е. В. и др. Теория социальной работы: учебное пособие. URL: <http://sociologia/view-romm.txt.full.html> (дата обращения 21.02. 2013)
6. Марцинковская Т. Д., Марютина Т. М., Стефаненко Т. Г. и др.. Психология развития : учебник для студ. высш. психол. учеб. заведений / под ред. Т. Д. Марцинковской. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2007. 528 с. URL: <http://referati.me> (дата обращения 30.06. 2014)
7. Уголовный кодекс РСФСР. URL: <http://pravo.levonevsky.org> (дата обращения 21.02. 2013)
8. Комментарии к уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. 2-е изд., доп. и испр. М.: Юрайт-Издат, 2003. 760 с.
9. Состояние преступности – январь – декабрь 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru> (Дата обращения 26.06.2014.)

УДК 316.35:39

**Крапивенский Анатолий Соломонович, Коломок Оксана Ивановна,
Зенина Наталья Васильевна**

ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИЯМИ ТОС НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В статье рассматривается проблема повышения эффективности действий организаций территориального общественного самоуправления (ТОС) по развитию традиционной региональной культуры с помощью универсальных технологий, лежащих в плоскости менеджмента и связей с общественностью.

Ключевые слова: *территориальное общественное самоуправление, казачество, традиционная культура, технологии, эффективность.*

**Krapivensky Anatoly Solomonovich, Kolomok Oksana Ivanovna,
Zenina Natalia Vasilievna**

TECHNOLOGY FOR DEVELOPING TRADITIONAL COSSACK CULTURE BY ORGANIZATIONS OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT IN VOLGOGRAD AREA

The article focuses on the issue of improving the performance in territorial public self-government organizations (TPS) aiming at the development of the regional culture through universal technologies related to management and PR.

Key words: *territorial public self-government, Cossack culture, traditional culture, technologies, efficiency.*

Критерием эффективности любых управленческих технологий, применяемых на региональном уровне, является «качество жизни населения территорий» [1, с. 226]. В контексте рассматриваемой нами проблематики это означает, что в результате применения организациями территориального общественного самоуправления (ТОС) Волгоградской области технологий развития традиционной культуры казачества, разумеется, на территориях ее доминирования, проживающие в границах ТОС жители, должны остаться удовлетворенными итогами данного процесса.

При этом развитие традиционной культуры, по сути, реализуется путем связей с общественностью, т. е. методами PR-технологий. Субъектом управления в данном случае являются организации ТОС, а объектом – целевая группа реципиентов: граждане, проживающие в границах ТОС, на которых субъектом управления оказывается информационное воздействие с целью приобщения к духовным ценностям и архетипам традиционной культуры в процессе ее развития. Заметим, что в связях с общественностью различают два типа субъектов: базисный – в чьих интересах на целевую группу оказывается информационное воздействие, т. е. инициатор данного процесса (в нашем случае – организации ТОС), и технический – распространяющий информацию, может не совпадать с базисным, например, средства массовой информации (СМИ) и коммуникации (СМК).

Полевой этап фундаментального научного исследования «Организации территориального общественного самоуправления как инструмент развития традиционной культуры казачества на территории Волгоградской области» (поддержанный РГНФ научный проект № 14-13-34007) проводился в период с 16.06.2014 по 27.07.2014 путем анкетирования совершеннолетних жителей, проживающих в границах 25 организаций ТОС, расположенных на территории 5 муниципальных образований (Алексеевского, Калачевского, Кумылженского, Серафимовичского и Урюпинского муниципальных районов) Волго-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-34007

градской области, имеющих богатые казачьи традиции. Всего было проанкетировано 1250 респондентов (по 50 на территории каждой из 25 выбранных организаций ТОС), что удовлетворяет требованиям валидности полученных результатов исследования, предъявляемых стандартом ISO серии 9000.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос «Можно ли сказать, что Вы в целом удовлетворены деятельностью организации ТОС, на территории которой Вы проживаете, по развитию традиционной культуры казачества?». Большинство респондентов (66,48 %) положительно ответили на данный вопрос. Однако более трети жителей, проживающих в границах исследованных организаций ТОС (33,52 %) недовольны результатами её деятельности, что не позволяет признать её высокоэффективной и требует разработки практических рекомендаций по совершенствованию деятельности ТОС.

Следует отметить, что «казачество представляет собой субэтнос, то есть специфически организованную группу людей, исторически сложившуюся в результате совместной деятельности по освоению определенной территории и сохранившую себя стабильной референтной группой благодаря общности культуры и самосознания» [2, с. 68], обобщенно-этимологически слово «казаки» означает «вольные люди, выполняющие службу по защите границ» [3, с. 4]. Поэтому «четких и однозначных характеристик казачьей этничности найти не удалось. В результате основными субъектами процесса возрождения казачества стали не потомки казаков как таковые, а участники движения за возрождение казачества» [4, с. 43].

Поэтому технологически перспективным является приобщение к традиционной культуре казачества представителей прочих этносоциальных групп. В ходе исследования 59,84 % всех респондентов заявили, что поддерживают данную инициативу, а среди тех, кто относит себя к казачеству, доля «оптимистов» еще больше – 79,02 %. В ходе исследования также было установлено, что на территории 25 выбранных ТОС доля жителей, относящих себя к казачеству, составляет 57,20 %, в то время как тех, кто причисляет себя к носителям традиционной казачьей культуры – лишь 48,00 %, причем среди этой группы 1,83 % составляют те, которые заявляют, что находятся вне рамок казачества, а доля казаков, не являющихся носителями традиционной казачьей культуры достаточно высока, – 17,62 %. Данные результаты, с одной стороны, опять же показывают перспективность привлечения к процессу развития традиционной культуры казачества представителей прочих этносоциальных групп, а с другой стороны, говорит о необходимости ведения организациями ТОС более активной PR-деятельности в интересующем нас направлении в среде самого казачества.

Кроме того, респондентам было предложено оценить динамику количества мероприятий, способствующих развитию традиционной культуры казачества, которые ежегодно на протяжении последних трех лет проводит организация ТОС, на территории которой они проживают. Анкетирование жителей по данному вопросу дало следующие результаты: практически половина респондентов (49,12 %) убеждена, что количество рассматриваемых мероприятий ежегодно увеличивается, 27,04 % считают, что количество мероприятий остается неизменным, 1,36 % уверены, что количество мероприятий сокращается, еще 22,48 % опрошенных затруднились с ответом. Рассмотрим полученные результаты в зависимости от того, относят ли себя респонденты к казачеству или нет (см. таблицу 1).

Таблица 1

Оценка респондентами динамики за последние 3 года количества мероприятий, способствующих развитию традиционной культуры казачества, которые ежегодно проводит организация ТОС, на территории которой они проживают, в зависимости от их принадлежности к казачеству

Отношение респондентов самих себя к казачеству	Оценка респондентами динамики за последние 3 года количества мероприятий, способствующих развитию традиционной культуры казачества, которые ежегодно проводит организация ТОС, на территории которой они проживают, % всех ответов в группе на вопрос о принадлежности к казачеству			
	Увеличилось	Не изменилось	Сократилось	Затрудняюсь ответить
Да	68,53	18,74	1,12	11,61
Нет	23,18	38,13	1,68	37,01

Представленные в таблице 1 данные показывают очевидную недостаточность работы организаций ТОС по популяризации традиционной культуры казачества среди жителей, находящихся вне рамок данного субэтноса. Об этом в первую очередь говорит показатель «осведомленности» о количестве проводимых ТОС мероприятий в данной сфере: 88,39 % – среди казачества, 62,99 % – у респондентов, не относящих себя к казачеству.

Более активная работа с жителями, находящимися вне рамок казачества, безусловно, позволит увеличить долю тех, кто расширил свои знания о традиционной культуре казачества именно благодаря деятельности организаций ТОС. Таких респондентов, по данным исследования – 59,48 %, т. е. более 40 % населения данная деятельность ТОС практически не затрагивает, что нельзя признать удовлетворительным показателем.

Основные проблемные места деятельности организаций ТОС Волгоградской области по развитию традиционной культуры казачества графически представлены на рис. 1.

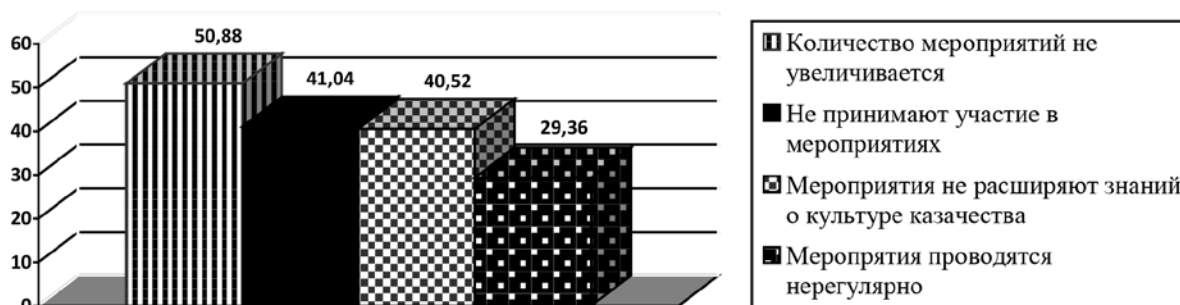

Рис. 1. Основные проблемные места деятельности организаций ТОС Волгоградской области по развитию традиционной культуры казачества в оценках респондентов, %

Отметим, что технологически важно при коммуникации с целевой группой жителей, проживающей на территории той или иной организации ТОС, производить ее сегментирование (по возрастному и гендерному признакам, а также по социальному положению / социальному статусу) с целью более таргетированного, и соответственно более эффективного с точки зрения последующих результатов PR-деятельности, общения с аудиторией. Причем, если первым двум критериям сегментирования аудитории (возрасту и полу реципиентов), базисным PR-субъектом практически всегда в той или иной степени уделяется внимание, то третий критерий (социальное положение / социальный статус жителя), как правило, остается недоучтенным или не учтенным вовсе, хотя и является достаточно значимым при выборе средств и методов работы по развитию традиционной культуры. Проиллюстрируем данный тезис следующим примером: в ходе исследования при ответе на вопрос «Можно ли сказать, что Вы стали приверженцем традиционной культуры казачества в течение последних трех лет?», ответы респондентов распределились следующим образом: да – 45,28 %, нет – 41,28 %, затрудняюсь ответить – 13,44 %. Однако сопоставление полученных ответов на данный вопрос в зависимости от социальных статусов респондентов показывает неравномерность данного распределения (см. таблицу 2).

Как видим, значительно более «проблемной», чем все прочие с точки зрения приобретения статуса приверженцев традиционной культуры казачества, является социальная группа безработных. На работу с ней (ведение таргетированной PR-коммуникации с точки зрения выбора каналов и способов передачи информации, стилистики общения и т. д.) надо обратить особое внимание – с целью улучшения кумулятивных результатов развития традиционной культуры казачества – на территории региона.

Таблица 2

**Приобретение респондентами статуса приверженца традиционной культуры казачества
в течение последних трех лет в зависимости от их социального положения
/ социального статуса**

Социальное положение / социальный статус респондентов	Приобретение статуса приверженца традиционной культуры казачества в течение последних трех лет (в оценках респондентов, % всех ответов в группе на вопрос о социальном положении / социальном статусе респондента)		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Учатся	47,54	49,18	3,28
Работают	49,67	36,17	14,16
Учатся и работают (одновременно)	47,36	38,60	14,04
Безработные	36,25	55,83	7,92
Пенсионеры неработающие	44,93	37,53	17,54
Работающие пенсионеры	45,58	39,71	14,71

Еще одним эффективным технологическим приемом является целенаправленная работа над увеличением количества культурных связей организаций ТОС в интересующем нас контексте: на уровне муниципального района, области, межрегиональных (с такими же ТОС, учреждениями культуры, образовательными организациями и т. д.). Данные связи и обусловленное ими сотрудничество позволят организациям ТОС Волгоградской области проводить работу по развитию традиционной культуры казачества на более качественном уровне. В ходе исследования респондентам было предложено оценить динамику связей с коллективными социальными акторами за последние 3 года, которыми пользуется организация ТОС, на территории которой проживают опрашиваемые, для развития традиционной культуры казачества. Обобщенные результаты ответа респондентов на этот вопрос в сопоставлении с динамикой отношения респондентов к деятельности организаций ТОС, на территории которых они проживают, по развитию традиционной культуры казачества за последние 3 года, представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Динамика состояния культурных связей организаций ТОС за последние 3 года
(на уровне муниципального района, области, межрегиональных) в зависимости
от динамики отношения респондентов к деятельности ТОС по развитию
традиционной культуры казачества за последние 3 года**

Динамика состояния культурных связей организаций ТОС за последние 3 года (на уровне муниципального рай- она, области, межрегиональных), в оценках респондентов	Динамика отношения респондентов к деятельности организа- ций ТОС по развитию традиционной культуры казачества за последние 3 года, % всех ответов в группе на вопрос о динамике культурных связей организаций ТОС за последние 3 года			
	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Затрудняюсь ответить
Состояние улучшается	88,34	6,08	0,17	5,41
Состояние не изменилось	30,81	45,36	1,16	22,67
Состояние ухудшается	27,78	44,44	16,67	11,11
Затрудняюсь ответить	21,37	29,06	1,50	48,07

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о наличии достаточно строгой положительной корреляции увеличения количества культурных связей организаций ТОС за последние 3 года (на уровне муниципального района, области, межрегиональных), используемых для развития тради-

ционной культуры казачества, с динамикой положительного отношения респондентов к деятельности организаций ТОС по развитию традиционной культуры казачества (также за последние 3 года). Анализ, проведенной при помощи программы SPSS, показывает, что в данном случае коэффициент положительной корреляции (r) Пирсона, характеризующий наличие линейной связи между двумя переменными, равен 0,443 (при идеальной строгой положительной корреляции $r = 1$, а значимая двусторонняя корреляция начинается на уровне 0,01). Указанный коэффициент положительной корреляции свидетельствует о необходимости проведения организациями ТОС целенаправленной работы по увеличению культурных связей различного уровня, используемых для развития традиционной культуры казачества, т. к. это в целом приводит к увеличению степени удовлетворенности жителей деятельностью данного социального института в рассматриваемой нами сфере.

С целью определения критериев оценки эффективности деятельности организаций ТОС по развитию традиционной культуры казачества перед проведением количественного социологического исследования с 20 по 28 марта 2014 года был проведен опрос экспертов – восьми руководителей и специалистов двух профильных ведомств Правительства Волгоградской области: Министерства по делам территориальных образований и информационной политики, а также Комитета по делам национальностей и казачества.

Анализ результатов, полученных в ходе экспертного опроса, позволил выявить перечень 12 показателей, которые могут характеризовать степень эффективности реализации организациями ТОС Волгоградской области своей явной функции по формированию и развитию традиционной культуры казачества в местах их деятельности (разумеется, в тех муниципальных районах, где казачья культура имеет глубокие корни и является традиционной и доминантной). Конкретизируем эти 12 показателей с точки зрения определения нижних границ для каждого из них, после которых можно признать работу организаций ТОС по развитию традиционной культуры казачества высокоэффективной.

1. Количество проведенных мероприятий по развитию традиционной культуры казачества в течение года (более 6, т. е. чаще 1 раза в 2 месяца, о чем должны знать не менее 50 % жителей).
2. Количество участников данных мероприятий (доля от общей численности жителей) – не менее 50 % от общей численности жителей.
3. Регулярность проведения мероприятий, т. е. равномерность распределения в течение года (так должны считать не менее 50 % жителей).
4. Возрастной состав участников мероприятий (доля молодежи 18–30 лет должна быть не менее 25 % от общей численности совершеннолетних участников). Данный показатель представляется немаловажным, т. к. именно молодежь является ключевым социальным актором формирования будущей культуры на той или иной территории в том или ином обществе.
5. Доля носителей традиционной казачьей культуры на территории ТОС – не менее 75 % от общего количества жителей, причисляющих себя к казачеству.
6. Количество вовлеченных (новых носителей традиционной культуры казачества) – прирост за последние 3 года должен составлять не менее 10 % от общей численности данного населения (при условии, что доля носителей традиционной культуры казачества изначально не была больше, чем 80 % от общей численности жителей, проживающих в границах организации ТОС).
7. Участие ТОС в популяризации традиционной культуры казачества (создание или помощь в работе музея культуры и быта казачества, организация постоянно действующей экспозиции и т. д.) – об этом должны знать не менее 50 % жителей.
8. Количество известных жителям, проживающим в границах ТОС, социальных партнеров, с которыми данный социальный институт ведет работу по развитию традиционной культуры казачества (Правительство области, органы местного самоуправления, образовательные и общественные организации, казачьи общества, церковь и т.д.) – не менее 3 видов социальных партнеров, о каждом из которых знает не менее 50 % жителей.
9. Наличие известных жителям культурных связей (региональных и межрегиональных), которыми пользуется организация ТОС для развития традиционной культуры казачества – о наличии таких связей должны знать не менее 50 % жителей.

10. Наличие известных жителям фактов использования организацией ТОС социального феномена медийности при популяризации проводимых мероприятий, традиционных для культуры казачества (Интернет, ТВ, радио, прессы, наружной рекламы) – об этом должны знать не менее 50 % жителей. Данный показатель представляется очень важным, т. к. позволяет добиваться эффекта увеличения количества реципиентов, подвергающихся психологическому воздействию в результате проведения мероприятий, а также усиления и устойчивого закрепления в их памяти полученных впечатлений.
11. Наличие у организации ТОС известного жителям собственного сайта в сети Интернет, на котором имеются материалы, способствующие выполнению ей функции по развитию традиционной культуры казачества на своей территории (об этом должны знать не менее 50 % жителей). Данный фактор тоже достаточно важен, т. к. молодежь, относящая себя к казачеству, согласно результатам исследования, предпочитает получать социально значимую информацию в первую очередь из Интернета.
12. Степень удовлетворенности проживающих в границах ТОС жителей качеством выполнения данным социальным институтом функции по развитию традиционной культуры казачества на территории Волгоградской области – должны быть удовлетворены не менее 75 % жителей.

Отметим, что нормативы по таким важным показателям, как № 4, 10, 11 и 12 должны выполняться организациями ТОС в обязательном порядке. Соответственно неудовлетворительные результаты, показанные организациями ТОС хотя бы по одному из этих показателей, должны приводить к общей оценке ее деятельности как недостаточно эффективной, а всего для признания деятельности организации ТОС по развитию традиционной культуры казачества высокоэффективной должны быть выполнены нормативы не менее чем по 7 показателям из 12, т. е. более половины.

Рассмотрим, основываясь на результатах проведенного исследования и используя установленные нами нормативы, насколько в целом 25 исследованных организаций ТОС Волгоградской области успешно выполняют указанные выше нормативы (см. таблицу 4).

Таблица 4

Определение степени эффективности выполнения организациями ТОС Волгоградской области функции по развитию традиционной культуры казачества в местах ее доминирования на основании 12 разработанных нормативов

Порядковый № норматива	Значение нормативного показателя, %	Реальное значение, полученное в результате исследования, %	Показатель выполнения норматива (+/-)
1	50,00	15,04	-
2	50,00	58,96	+
3	50,00	50,08	+
4	25,00	24,02	-
5	75,00	82,38	+
6	10,00	45,28	+
7	50,00	59,44	+
8	3 вида по 50,00	0 видов по 50,00	-
9	50,00	57,52	+
10	50,00	53,04	+
11	40,00	31,04	-
12	75,00	66,48	-

Как следует из данных, представленных в таблице 4, в целом организациями ТОС выполнены 7 нормативов из 12. Однако по таким ключевым показателям, как доля молодежи 18–30 лет среди участников мероприятий, наличие у организации ТОС собственного сайта в сети Интернет, степень

удовлетворенности жителей, до контрольных нормативов не добирается от 0,98 до 8,96 %. Следовательно, на данном этапе нельзя в целом признать работу рассматриваемых 25 организаций ТОС Волгоградской области по развитию традиционной культуры казачества высокоэффективной.

Технологически повышение результативности реализации организациями ТОС рассматриваемой нами функции заключается в первостепенном сосредоточении усилий именно на достижении и последующем превышении контрольных показателей по нормативам № 4, 11 и 12 как ключевых (наряду с выполняемым на сегодня нормативом № 10).

При этом решить данную проблему (достижения и превышения 3 ключевых нормативов из 4), можно только методом «последовательной комплексности» [5, с. 183], не забывая о прогрессе степени выполнения каждого из 12 выделенных нами нормативов (например, показатели удовлетворенности жителей деятельностью ТОС в рассматриваемом нами направлении напрямую зависят от увеличения количества участников соответствующих мероприятий, организуемых и проводимых на определенной территории, и т. д.).

Рекомендации, приведенные в настоящей статье, позволят развивать традиционную культуру казачества на территории Волгоградской области в местах ее доминирования гораздо более эффективно, так как по сравнению с прочими социальными институтами «организации ТОС способны выполнять социокультурные функции эффективнее ... у них, в отличие практически от всех прочих, присутствует такой институциональный признак как доверительность неформальных соседских отношений» [6, с. 100].

Литература

1. Грабова О. Н., Свиридов Н. Н. Региональный менеджмент и качество жизни населения // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 5. С. 222–226.
2. Ненькина Е. В. Оппозиция «свой – чужой» и ее реализация в донском казацком диалекте // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2012. № 2. С. 68–72.
3. Черников В. В. Казачество в истории России. М.: Айрис-пресс, 2013. 160 с.
4. Рвачева О. В. Казачьи организации Волгоградской области в конце XX – начале XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 43–50.
5. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. М.: Логос, 2007. 360 с.
6. Крапивенский А. С., Коломок О. И. Социокультурные функции организаций территориального общественного самоуправления // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8. С. 99–100.

УДК 325.1

Майборода Эльвира Тагировна

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ОСВЕЩЕНИЯ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНОГО, КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ: ОПЫТ ЧЕТЫРЕХ РЕГИОНОВ РФ

Данное исследование представляет собой описание результатов проекта, направленного на изучение регионального опыта формирования информационной новостной повестки при освещении этно-социальных, этнополитических и миграционных процессов. Исследование проводилось во втором полугодии 2013 г. в четырех российских регионах; целью его было выяснить, как региональные СМИ освещают этнокультурные, этноконфессиональные, социальные проблемы, процессы миграции, как представлены мигранты и представители других уязвимых социальных или этнических групп.

Ключевые слова: полиэтнический регион, средства массовой информации, этнические группы, мигранты, межконфессиональная сфера.

Mayboroda Elvira Tagirovna

ANALYSIS OF TRENDS IN MEDIA COVERAGE REGARDING ETHNIC, SOCIAL, AND CULTURAL DIVERSITY: EXPERIENCE OF FOUR RUSSIAN REGIONS

The item describes the outcomes of a project aiming at studying the regional experience of shaping informational news agenda when covering ethnic-social and ethnic-political, as well as migration issues. The study was held in the second half of 2013 in four Russian regions, the aim of that being to find out how the regional media cover ethnic-cultural, ethnic-religious, social issues, and migration processes, as well as the representation of migrants and other vulnerable social or ethnic groups.

Key words: multiethnic region, media, ethnic groups, migrants, inter-confessional sphere.

Регионализация общественно-политических отношений создает новые векторы взаимодействия государства, общества и средств массовой информации. СМИ обретают роль организатора общественного дискурса, роль модератора общественного мнения. В условиях радикальной смены критериев, норм и ценностей в сфере межэтнических отношений, миграционной политики возрастает значение социально ответственной журналистики и инклюзивного освещения этнического, социального и гендерного многообразия в поликультурных регионах.

В рамках совместного проекта британского Института разнообразия в СМИ и Союза журналистов России «Освещение многообразия, миграции, уязвимых групп в прессе: опыт четырех регионов» проведен мониторинг региональных средств массовой информации в сентябре 2013 года, в период региональных выборов глав субъектов и муниципальных образований в Республике Дагестан, Ставропольском крае, Саратовской и Свердловской области. Были проанализированы материалы 29 региональных газет, 10 веб-сайтов (информагентства, Интернет-издания) и 4 ежедневных информационных телепрограмм, выходящих в эфир в прайм-тайм. В целом, 19 из 39 печатных и онлайн-изданий выходят ежедневно, 17 – еженедельно, и еще 4 – по индивидуальному циклу (раз в две недели, 4 раза в неделю и т. д.). Десять из 39 СМИ контролируются областными или городскими властями, 21 – независимые, 8 являются региональными приложениями к федеральным изданиям (которые, в свою очередь, могут входить в холдинги с государственным управлением). Тираж печатных изданий варьируется от 2,5 до 70 тыс. экземпляров (при этом средний тираж составляет 14 175 экз., а общий единовременный тираж – 411 805 экз.). Все анализируемые информационные программы транслируются телеканалами регионального значения, входящими в государственные корпорации.

Целью мониторинга было получение структурированной информации о специфике и качестве освещения региональной прессой этносоциальных и этнополитических процессов, выявление позитивных и негативных стереотипов и наличия «языка вражды». Обобщенные выводы приведены в таблице.

Таблица

**Освещение этносоциальных процессов, миграции, уязвимых групп в прессе:
опыт четырех регионов**

	<i>Дагестан</i>	<i>Ставропольский край</i>	<i>Саратовская область</i>	<i>Свердловская область</i>
Позитивные стереотипы	Губернатор региона	Казаки Русская православная церковь	Не выявлены	Не выявлены
Негативные стереотипы	Мусульмане-салафиты (полиция, правоохранительные органы)	Молодежь из республик Северного Кавказа	Чеченцы Кавказцы Мигранты	Мигранты Кавказцы Мусульмане
«Язык вражды»	Умеренный (нейтрализующий)	Умеренный (нейтрализующий)	От умеренного до резкого (сенсационные заголовки)	Умеренный (нейтрализующий, эвфемизмы)
Мигранты	Нет обсуждения по существу. Тема мало освещается.	Нет обсуждения по существу. Сенсационность в заголовках.	Агрессивная антимигрантская риторика.	Предвзятое, негативное изображение. Дискурс о наличии «нелегальных» мигрантов. Сенсационность в заголовках.
Женщины/ гендер	Нет обсуждения по существу. Изображение основано на традиционных моделях и ролях.			
ЛГБТ-сообщество	Тема не освещается.	Тема не освещается на региональном уровне (несколько сенсационных материалов в федеральных изданиях)	Тема не освещается.	Тема не освещается на региональном уровне. (несколько сенсационных материалов в онлайн- и федеральных изданиях)

Итоговый доклад о результатах мониторинга подготовлен директором российского представительства Human Rights Watch Анной Севортьян и размещен на сайте Media Diversity Institute [1]. В ходе мониторинга был выявлен ряд тенденций, общих для СМИ всех четырех регионов мониторинга в освещении проблем этнического и конфессионального разнообразия, миграции, социального размежевания:

- тенденция 1: использование «мягких» (умеренных, «нейтрализующих») форм «языка вражды»;
- тенденция 2: четкий и устойчивый антимигрантский дискурс;
- тенденция 3: избегание сложных, противоречивых тем и самоцензура.

Коротко остановимся на каждой тенденции.

Тенденция 1. «Мягкие» формы «языка вражды».

Использование т. н. «мягких» форм «языка вражды» часто путают с «неизбежной субъективностью» журналистов и «личной интерпретацией» событий.

В прошлом основные российские СМИ сумели успешно нивелировать проявления «крайних» форм «языка вражды» (ЯВ). Затем произошло «смягчение», или «нейтрализация», «облагораживание» «языка вражды» в прессе, начавшееся с качественного сегмента через замену резких форм ЯВ на более имплицитные (включая эвфемизмы и др.).

С одной стороны, это благоприятный знак – он указывает на факт признания наличия в СМИ «языка вражды» и ксенофобии. С другой – уместна вполне обоснованная критика подобных мер как недостаточных. Даже мягкие формы «языка вражды» содержат дискриминационный компонент (особенно, если они используются лицами, наделенными властью).

Тенденция 2. Четкий и устойчивый антимигрантский дискурс.

Данная тенденция носит композитный характер, поскольку антимигрантский дискурс фактически заменил собой все прочие разновидности «языка вражды». Называть кого-либо «мигрантом» стало удобным и повсеместно применяемым способом прочертить границы между «нами» и «ними».

Это разграничение становится еще более четким, когда речь в СМИ заходит о «нелегальных мигрантах» или «гастарбайтерах», что не редкость для газет, по меньшей мере, в трех из четырех рассмотренных регионов – Ставропольском крае, Саратовской и Свердловской областях. Отсутствие в данном списке Дагестана может объясняться различиями между изучаемыми регионами. Во-первых, в этом регионе наблюдается миграционный отток. Во-вторых, мигранты в дагестанской прессе менее представлены, чем в остальных трех регионах.

Источниками существенной доли новостных сюжетов о мигрантах служат полицейские сводки или интервью с должностными лицами, затрагивающими тему адаптации мигрантов. Наиболее частотным средством выражения ксенофобии являются сенсационные заголовки.

В основном описание повседневной жизни мигрантов сводится к историям о трудностях, с которыми они сталкиваются (что также способно усилить формирование негативных стереотипов, нежели вызвать сопереживание и понимание). Примеров интервью с мигрантами «от первого лица», имеющих позитивную направленность, в рамках нашего исследования обнаружено не было, нет их изобилия и в региональной прессе. Таким образом, пресса тяготеет к одностороннему и часто неприязненному изображению мигрантов и миграции.

Несколько примеров мигрантофобских взглядов в прессе:

- 1) отрицание гражданства: антимигрантский дискурс, обычно используемый в отношении трудовых мигрантов из республик бывшего СССР, начинает применяться к российским гражданам из других регионов (особенно к жителям Северного Кавказа);
- 2) некорректные заголовки. Например, в газете «Ставропольские губернские вести» дана заметка под некорректным заголовком «Пора домой» [2], «Национальный аспект. Лагерный вопрос» – заголовок статьи в газете «Открытая. Для всех и каждого» [3];
- 3) «утверждение о нелегальности». Около половины публикаций, попавших в мониторинг как содержавшие ЯВ, содержали выражение «нелегальные мигранты». Агентство «АРИ-Екатеринбург» написало об «очередном скандале вокруг мигрантов». А в одном из сюжетов новостной телепрограммы «Вести-Урал» (в общем и целом занимающей нейтральную позицию в вопросах уязвимых групп либо вовсе воздерживающейся от их освещения) дорожная полиция делилась планами проведения тщательных проверок водителей «маршруток» (подразумевая, что последние – «нелегальные мигранты»): «Рейды продлятся до 16 сентября. Работать инспекторы будут вместе с миграционной службой, чтобы попутно выявлять ещё и иностранных работников, которые незаконно находятся на территории России» [4];
- 4) «этническая преступность» – еще один старательно подпитываемый миф. Во многих регионах пресса методично подчеркивает количество и долю преступлений, совершенных мигрантами, не предоставляя при этом адекватных статистических данных или адекватного контекста. Хотя эксперты отмечают прогресс в освещении журналистами этой темы, проблема пока далека от решения.

Тенденция 3. Самоцензура и избегание противоречивых тем.

1. Тенденцией, характерной для СМИ всех четырех регионов, представляется наличие взаимосвязи между подходом к освещению многообразия и уязвимых групп и формой собственности СМИ. Государственные средства массовой информации склонны транслировать точку зрения региональных властей по отношению к этническим и уязвимым группам.
2. В Ставропольском крае, за исключением двух газет, позиционирующих себя как независимые («Открытая» и «Ставропольский репортер»), все СМИ региона по любым дискуссионным вопросам предпочитают транслировать официальную позицию, особенно в случаях,

когда существует опасность любого рода «дестабилизации обстановки». Основной тон публикаций в прессе Ставрополя передает идеи абсолютного спокойствия, межнациональной дружбы и единения. В целом официальный дискурс можно назвать преимущественно консервативным / традиционалистским, охранительным и политически корректным, основанным на нейтрализации спорного материала и ограничении дебатов.

Полученные в ходе исследования результаты не противоречат общим тенденциям развития СМИ в России. Они позволяют понять положение дел в четырех регионах, не претендуя на представление динамики развития СМИ в плане общероссийского освещения этнического многообразия, проблем мигрантов, меньшинств.

Для нивелирования негативных тенденций в освещении СМИ этнического, конфессионального, социального разнообразия представляется необходимой реализация комплекса следующих мероприятий:

- 1) продвижение в российских и региональных СМИ материалов о позитивном характере межэтнических и конфессиональных отношений, о положительном опыте урегулирования конфликтных ситуаций, оперативной дезавуации материалов с тенденциозным освещением проблем межэтнических процессов и конфликтов;
- 2) сохранение и развитие традиций организации курсов повышения квалификации, обмена информацией, обучающих тренингов для работников СМИ регионов, которые проводятся по инициативе властных структур, правоохранительных органов, высших учебных заведений с целью обеспечения лингвистической и информационной безопасности медийного текста;
- 3) пресечение демагогических идей и практик, возвышающих этническую и конфессиональную принадлежность, этнокультурную и конфессиональную публичную атрибутику над общегражданской российской символикой, над гражданскими правами, над российскими законами как законами светского государства;
- 4) использование тем полиэтничности и поликультурности для популяризации рекреационной сферы региона (этнопарков, этнографического туризма), для замены негативных стереотипов на позитивные, для создания яркого положительного внешнего имиджа.

Литература

1. MDI Report on Russian Media URL: http://www.media-diversity.org/en/index.php?option=com_content&view=article&id=2707:migrants-and-minorities-anti-heroes-in-russian-press&catid=121:examples-of-mdis-work&Itemid=195 (дата обращения 5.04.2014).
2. Постовая И. Пора домой // Ставропольские губернские новости. 4 сентября 2013. С. 2.
3. Национальный аспект. Лагерный вопрос // Открытая. Для всех и каждого. 11 сентября 2013. С. 13.
4. Автоинспекторы ГИБДД вышли в рейд по маршрутным такси. Сайт ГТПК «Урал» URL: <http://ural.rfn.ru/rnews.html?id=57585> (дата обращения 4.04. 2014 г.)

УДК 316.334

Малашенко Михаил Сергеевич

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ «ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению института физической культуры и спорта, его ценностных оснований, социальных функций и особенностей. Также рассматриваются современные концепции и методологические программы изучения социальных институтов и институциональных процессов в современной социологии.

Ключевые слова: социальный институт, физическая культура и спорт, институционализация, социальные функции, ценностные основания.

Malashenko Mikhail Sergeevich

ABOUT CATEGORY OF INSTITUTE OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS IN MODERN SOCIOLOGY

The item is focused on the institute of physical education and sports, its value basics, social functions and specific features. There is also a glance at the modern concepts and methodologies in studying social institutes and institutional processes in the modern sociology.

Key words: social institute, physical education and sports, institutionalization, social functions, value basics.

Физическая культура и спорт, представляют собой не просто значимое социальное явление, но являются системообразующим и незаменимым компонентом воспитания, образования, укрепления и сохранения здоровья людей, фактором воспроизводства здоровых поколений, средством подготовки молодежи к трудовой и общественной деятельности. Это актуализирует исследование институциональных процессов, происходящих в сфере физической культуры и спорта в современном российском обществе.

Рассмотрим наиболее значимые определения категории «институт» в социологии. Аксиоматическое определение категории «институт» в социологии дал впервые Т. Веблен в вышедшей еще в конце XIX века работе «Теория праздного класса». По Т. Веблену, «институт» выступает как «совокупность обычаев, воплощение определённых привычек, поведения, образа мысли и образа жизни, передаваемых из поколения в поколение, меняющихся в зависимости от обстоятельств и служащих орудием приспособления к ним» [1].

Еще одно аксиоматическое определение, но уже из работы Д. Норта: «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики», положившей в определенной степени начало периоду неинституционализма в общественных науках, «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [6], в большей степени концентрирует внимание именно на социальных взаимодействиях, их правилах и нормах, а не на их ценностных основах.

Системно-структурный подход к определению института использует А. Б. Зельманов, указывая, что институт, это «...часть общества как целостной системы, подсистема общества, зачастую самостоятельный «орган» единого социального организма» [4], определяя место института в социальной системе, но не выявляя его классовую основу, что, например, несколько позже сделал С. Б. Виситаев, который указывал, что институт в широком смысле слова – это всякое социальное образование, принимающее устойчивый характер, обладающее социально-классовой значимостью [2], и тем самым включил в структуру института вместе с классовой значимостью еще и классовый интерес, то есть социальные потребности отдельных социальных страт.

С. С. Фролов определяет категорию «институт» в социологии, указывая на следующие признаки:

- институт выступает особой формой социальной деятельности;
- основанием института как деятельностного явления выступает идеология;
- деятельность осуществляется в рамках и с опорой на идеологические принципы, систему правил и норм, которые в свою очередь санкционированы (в значении – обеспечены мерами принуждения или наличием неблагоприятных последствий) социальным контролем;
- деятельность реализуется в рамках организации или самоорганизации групп или ассоциаций;
- осуществлена демаркация институциональных статусов и ролей;
- целеполагание деятельности детерминировано потребностями социальных групп или общества в целом [6].

С. С. Фролов делает следующий вывод: «...институты, таким образом, поддерживают социальные структуры и порядок в обществе» [6].

Это так называемое реальное определение, раскрывающее сущность, генетические, телеологические и функциональные аспекты социального института.

Впрочем, можно указать и на неминуемые пробелы в вышеуказанном определении.

Во-первых, не ясен механизм и не определен источник санкционирования. Какое оно? Внутреннее институциональное, общественное или государственное, и что из перечисленного является действительно атрибутивным свойством института. С одной стороны, без санкций невозможно нормирование и институционализация, с другой стороны, не ясно, достаточно ли для санкционирования нормы внутриинституциональной санкции.

Во-вторых, не обозначен механизм трансформации института, процедуры признания норм и учреждений, то есть неясным остается, прежде всего, генетический аспект института.

Социальный институт – это системное явление. В первую очередь социальный институт – это нормативная система, представляющая собой совокупность норм, правил, процедур и символов, носящих формальный и неформальный характер.

Далее: социальный институт – это организационная система, включающая учреждения, формы индивидуального и группового взаимодействия, авторитетов, арбитров и модераторов, определяющих границы возможного и необходимого, формализующих нормы и правила на институциональном уровне посредством согласия или актов признания.

Затем, социальный институт – это динамическое явление. Это обусловлено зависимостью социального института от меняющихся общественных потребностей.

В период своего существования социальный институт проходит стадию институционального развития, стадию стабильного существования и своего рода стадию деградации, утраты значения социальных норм и разрушения социальных связей. В дальнейшем институт может возрождаться, восстанавливаться в социальном пространстве, в значительной степени сохраняя преемственность социальных норм и связей с «предыдущей редакцией», как например социальный институт Русской Православной Церкви, либо – значительно обновляться, основываясь на других принципах, например социальный институт здравоохранения до и после событий революций и Гражданской войны в 1917–1921 годах.

Здесь мы видим определенное сходство, но не тождественность концептов, функций и ценностных оснований. Таким образом, можно сделать вывод о том, что изменения ценностных основ институтов могут осуществляться как эволюционным путем, так и в результате запретов или, напротив, целенаправленного возрождения.

Однако в некоторых случаях достаточно сложно говорить о возрождении, а скорее, о формировании института, необходимого для решения схожих социальных функций, для реализации социального запроса на механизмы удовлетворения определенных социальных потребностей. В качестве иллюстрации можно указать, с одной стороны, на если еще и не оформившийся окончательно в доре-

волюционной России социальный институт земства, но находящийся в процессе институционализации, с другой – на современный социальный институт местного самоуправления в России.

Социальный институт возникает, развивается, функционирует, восполняя определенные социальные потребности. Если происходит уменьшение востребованности в реализации потребности, породившей социальный институт, социальный институт может утрачивать значение, утрачивая отдельные институциональные признаки, трансформируясь в субкультурное движение. Происходит процесс деинституционализации. Впрочем, институт может длительное время продолжать существовать и сохранять определенное влияние, несмотря на угасание потребности, например как дань традиции, выполняя не собственно социальную роль, а своего рода ритуальную, и т. д. [5].

Зарождение, развитие, деградация социальных институтов сопровождается изменением модели институциональных отношений и трансформацией структуры института: изменяется значимость институциональных норм, изменяется состав и степень влияния на социальные процессы учреждений, происходит пересмотр каталога институциональных ценностей, изменение значимости контринституциональных ценностей.

Итак, в рамках системно-структурного подхода, социальный институт состоит из следующих элементов:

- нормы, правила, процедуры и символы, носящие формальный и неформальный характер;
- учреждения и формы индивидуального и группового взаимодействия, авторитеты и модераторы, определяющие границы возможного и необходимого, формализующие правила посредством актов признания;
- социальные роли и социальные статусы участников.

В рамках процедуры операционализации института как социального феномена представляется возможным выделить четыре элемента института с возможностью последующей инструментальной оценки методами социологического исследования:

- 1) ценностные основания, составляющие аксиологическую (ценностную) основу института, их состояние и трансформации;
- 2) социальные функции института, степень их востребованности в обществе;
- 3) нормы институционального взаимодействия и их социальная исполнимость;
- 4) организационная структура, учреждения и инфраструктура институционального взаимодействия, ее соответствие общественным потребностям и задачам института.

Рассмотрим социальный институт физической культуры и спорта на основе системно-структурного подхода к определению социального института.

Применительно к социальному институту физической культуры и спорта набор его признаков можно конкретизировать следующим образом.

Нормативная и процедурная основа социального института физической культуры и спорта будет включать в себя международные нормы и правила проведения спортивных соревнований, национальные нормативно-правовые акты и ведомственные акты в сфере образования и регулирования физической культуры и спорта, нормативы и стандарты физической культуры, нормативы и правила спорта и его отдельных видов, неформальные правила и обычаи физической культуры и спорта, спортивная этика, обыденные представления участников социальных взаимодействий на межличностном и групповом уровнях в рассматриваемой сфере.

Учреждения и формы индивидуального и группового взаимодействия представлены как официальными (олимпийское движение, международные спортивные организации, союзы и движения, а также органы публичной власти и национальные физкультурно-спортивные союзы, общества и ассоциации), так и неофициальными и неформальными (ассоциации и движения, не имеющие официального статуса – до прошлого года в таком качестве выступало, например, международное движение *street workout*, – сетевые сообщества, группы занятий нетрадиционными спортивными практиками, такими как дёрт, рамптрек, паркур и другими).

Социальные роли и статусы – физкультурники, спортсмены, тренеры, функционеры и т. д.

В настоящее время социальный институт физической культуры и спорта, который прошел наряду со многими другими социальными институтами постсоветский этап деинституционализации, когда в социальном пространстве конца 80 – начала 90-х годов XX века ценности здоровья, телесности и др., формирующие общественную потребность в развитии физической культуры и спорта, уступили место контринституциональным ценностям, находится в ситуации, которую, даже ввиду значительного внимания государства, нельзя охарактеризовать как кризисную. Несмотря на успехи в спорте высших достижений, социальный институт физической культуры не выполняет одну из основных функций – воспроизводства здоровых поколений: сегодня свыше 40 % молодежи не соответствует требованиям выполнения минимальных нормативов физической подготовки [3].

Однако в настоящее время формируются формальные и неформальные институциональные практики в рамках возрождения и интенсификации процесса институционализации физкультуры и спорта, и здесь важную роль в повышении востребованности рассматриваемого института, играет успешная реализация социально-адаптационной функции института физической культуры и спорта.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс. 1984. С. 200–201.
2. Виситаев С. Б. Социальные институты как форма реализации социальных отношений // Социальные институты и социальные отношения: тезисы докладов к XI межзональному научному симпозиуму / Горьковский областной совет НТО. Горький, 1983. С. 60–61.
3. Гостев Р. Г., Гостева С. Р. Здоровье нации – определяющий фактор сбережения народа Российской Федерации (нормативно-правовая основа) // Культура физическая и здоровье. 2012. № 3. С. 25.
4. Зельманов А. Б. Понятие «социальный институт» и его место в системе категорий исторического материализма // Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976. С. 182.
5. Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Novik/28.php (дата обращения 1.02.2014)
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. С. 33.
7. Цапко М. И., Малашенко М. С. К вопросу о категориях «институционализация» и «социальный институт» в современной социологии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 110.

УДК 316.77

Плисюк Андрей Григорьевич

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

Рассматриваются методологические проблемы социологического исследования Интернет-сообществ. Приводятся результаты социологического исследования, посвященного функциональным особенностям молодежных Интернет-сообществ. Анализируется социальный портрет пользователя современных Интернет-сообществ.

Ключевые слова: социологическое исследование, Интернет-сообщество, методология исследования, социальный портрет, виртуальные сети.

Plisyuk Andrey Grigorevich

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF YOUTH INTERNET-COMMUNITY FUNCTIONING

The article provides a view on the methodological issues of scientific research into Internet-communities. There is an outline of the results of the sociological research focusing at the functional features about youth Internet-communities. There is also an analysis of a social image of a typical user in the nowadays Internet-community.

Key words: sociological research, Internet-community, research methodology, social image.

Изучение молодежных Интернет-сообществ представляется достаточно актуальной проблемой современной социологии в связи с целым рядом обстоятельств. Во-первых, современной социальной науке необходимо научное понимание роли и места Интернет-сообществ в ряду других общественно значимых социальных явлений. Во-вторых, в связи с тем, что данная научная проблематика является достаточно новой, социологии требуется апробация и закрепление понятийного аппарата исследований Интернет-сообществ, а также его интерпретация и операционализация. Кроме того, в настоящее время только формируется опыт социологических исследований Интернета, поэтому важным является осмысление теоретико-методологических подходов к изучению данного явления.

В настоящей статье приводятся данные социологического исследования функционирования молодежных Интернет-сообществ, локализованных в Ставропольском крае. В качестве объекта исследования выступили члены существующих в виртуальном пространстве Интернет-сообществ.

Программа данного эмпирического исследования была ориентирована на достижение следующих задач:

- составить социальный портрет пользователя Интернет-сообщества;
- охарактеризовать функциональные особенности молодежных Интернет-сообществ;
- определить специфику социальных связей и отношений молодежи в Интернет-сообществах;
- исследовать структуру молодежных неформальных Интернет-сообществ, локализованных в Ставропольском крае.

Программа социологического исследования, направленного на решение подобных задач, зачастую весьма ограничена рамками объекта исследования. Объект исследования – молодые люди, постоянно проживающие на территории Ставропольского края в возрасте от 16 до 27 лет.

В качестве единицы наблюдения был выбран отдельный Интернет-пользователь, являющийся активным участником как минимум одного тематического Интернет-сообщества. Также были отобраны в качестве единиц наблюдения отдельные сообщества, определенная тематика обсуждений в сети и т. д. В таком случае недостатком отбора подобных единиц наблюдения является необходимость рассматривать полученные эмпирические данные относительно единиц выборки, что влечет за собой существенные трудности в следовании концептуальной схеме самого исследования. В этой связи самой адекватной единицей наблюдения является отдельный молодой человек – пользователь Интернет-со-

общества. Все эмпирические данные рассматриваются как часть цельной информации о каких-либо характеристиках или суждениях индивидов. В обобщенном виде подобные эмпирические данные являются пока еще не раскрытыми тенденциями функционирования молодежных Интернет-сообществ.

Наиболее подходящей к данному исследованию является непропорциональная районированная выборка. Этот тип выборочной совокупности характеризуется тем, что нет необходимости в соблюдении больших объемов, кроме того, не требуется и полная количественная характеристика структуры генеральной совокупности [2].

В исследовании были задействованы как опытные участники виртуального общения, так и недавно присоединившиеся члены Интернет-сообществ. Общий объем выборки исследования составил 614 человек. Основным методом проведения социологического исследования стало формализованное очное интервью.

Под Интернет-сообществом обычно понимают дисперсно распределенные в разных местах группы людей, взаимодействующие между собой (интенсивно и / или неинтенсивно) и ведущие совместную деятельность с помощью виртуальных средств коммуникации [1].

Первой задачей исследования явилась социологическая характеристика пользователей современных Интернет-сообществ. Для решения этой задачи был выбран метод стандартизированного интервью с активными пользователями сети Интернет, в частности игровыми Интернет-сообществами.

Большинство молодых людей, принявших участие в исследовании, являются участниками каких-либо групп в виртуальных социальных сетях. На это указали 81,3 % опрошенных. Не состоят в отмеченных социальных объединениях 27,4 % респондентов.

Социальная активность современной молодежи в Интернет-сообществах достаточно высока, поскольку сообщества формируются на основе идентичности норм, ценностей и интересов.

Основная часть респондентов (86,4 %) являются пользователями одной из популярных в нашей стране виртуальных социальных сетей. Пятая часть респондентов не зарегистрирована ни в одном из популярных в Ставропольском крае Интернет-сообществ. Среди них большинство составляет молодежь в возрасте 18–21 год (43,1 %).

Проведением досуга в различных Интернет-сообществах, как стало ясно по итогам исследования, молодежь уделяет в среднем 21 час в неделю. Наименьшее значение данного показателя составило 2 часа, наибольшее – 79 часов в неделю.

Основное количество респондентов посещают Интернет-сообщества несколько раз в день. Несколько раз в месяц посещают Интернет-сообщества только 6,5 % молодых людей, принявших участие в исследовании. Еще 8,3 % респондентов пользуются виртуальными сообществами примерно один раз в неделю.

В среднем в сообществах глобальной сети молодежь проводит 12 часов в неделю. Наименьшее значение этого показателя составило 1,5 часа, наибольшее – 51 час.

Данные о количестве времени, которое молодежь Ставропольского края тратит на взаимодействие в Интернет-сообществах, позволяют сделать вывод о существенной роли изучаемого явления в современной жизни.

У значительного числа участников исследования основная часть друзей также являются пользователями различных Интернет-сообществ. Лишь 2,03 % респондентов указали, что в их круге общения отсутствуют люди, проводящие время в Интернете. Представленные данные позволяют сделать вывод о существенном коммуникативном потенциале современных Интернет-сообществ.

Около половины респондентов (48,1 %) говорят о том, что их близкие пользуются различными Интернет-сообществами от 1 до 5 раз в день. Десятая часть участников исследования указали, что их друзья пользуются Интернетом лишь раз в день. От 6 до 10 раз в день различные функции Интернет-сообществ использует ближайшее окружение десятой части опрошенной молодежи. И 3,9 % респондентов отметили, что их окружение использует виртуальные сообщества более 11 раз в течение дня.

В настоящее время молодежь использует Интернет-сообщества в качестве важнейшего ресурса социальной деятельности. Так, большинство респондентов полагают, что Интернет-сообщества служат для поиска работы или единомышленников. Половина респондентов (52,1 %) уверены, что в Интернет-сообществах гораздо легче координировать совместные действия, совершаемые в дальнейшем в реальной жизни.

Более половины участников исследования (56,3 %) при регистрации в Интернет-сообществах пользуются реальным именем и фамилией. Пятая часть респондентов пользуется никнеймом (Интернет-псевдонимом). В целом пятая часть молодежи, являющейся пользователями Интернет-сообществ, скрывают свои персональные данные.

Среди причин сокрытия персональных данных указаны следующие. 31 % молодежи, пользующиеся никнеймом, не хотят, чтобы их действия были известны всем пользователям глобальной сети. Десятая часть респондентов заявили, что анонимность в Интернет-сообществах для них главное условие участия в их функционировании. Пятая часть респондентов указали на страх того, что какие-либо действия и поступки в Интернет-сообществах могут быть использованы против них самих в дальнейшем.

Интернет-сообщества представляют собой важный механизм, способствующий формированию романтических отношений внутри глобальной сети. Число респондентов (29,8 %), имеющих подобный опыт говорит об интенсивном обмене человеческими ресурсами внутри Интернет-сообществ.

Среди тех пользователей, кто обращается к Интернет-сообществам для реализации собственной социальной активности, больше всего респондентов старших возрастов (17,1 %), наименьшее количество таких пользователей находятся в возрасте 17–21 год (6,2 %).

Студенческая молодежь наиболее активно использует Интернет-сообщества для учебы, отдыха, поиска постоянной или временной работы. Немного менее активны в этом учащиеся школ и постоянно работающие представители молодежных когорт.

Говоря о роли Интернет-сообществ в социальной активности молодежи, необходимо указать на то, что виртуальные сообщества в качестве ресурса используют менее десятой части пользователей Интернета в целом.

Около половины респондентов (49,6 %) используют Интернет-сообщества для взаимодействия со своим ближайшим социальным окружением. Интернет-сообщества помогают восстановить потерянные контакты со старыми друзьями и знакомыми. Об этом заявили 14,4 % участников исследования. Для развлечения Интернет-сообщества используют 21,3 % участников исследования. Десятая часть респондентов пользуются социальными сетями для нахождения новых знакомств. Обмениваются актуальной информацией с помощью Интернет-сообществ 12,7 % молодежи, принявшей участие в исследовании. С целью ведения бизнеса виртуальными сообществами пользуются менее 2 % участников исследования.

В целом, подводя итоги проведенному социологическому исследованию, были сделаны следующие выводы.

1. Социальный портрет пользователя молодежного Интернет-сообщества можно представить следующим образом. Это молодой человек в возрасте 21–27 лет, студент или занимающийся трудовой деятельностью, проводящий в Интернете 21 час в неделю. Уровень личных доходов такого пользователя средний или высокий. Среди пользователей Интернет-сообществ количество девушек незначительным образом превышает количество молодых людей.
2. Молодежь использует Интернет-сообщества в качестве важнейшего социального ресурса собственной социально-профессиональной и общественной деятельности.
3. Социальные отношения в Интернет-сообществах отличаются несистемностью, прерывистостью, а также многосторонним характером взаимодействия, обусловленным качеством социальных отношений в реальном мире.
4. Современные молодежные Интернет-сообщества характеризуются наличием большого количества слабых связей, которые проявляются в наличии существенного количества субъектов виртуальной коммуникации.

Литература

1. Зубов Ю. С. Информатизация и информационная культура // Проблемы информационной культуры: сб. статей. М., 1994. С. 5–11.
2. Коноплицкий С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 172.

УДК 316.7

Симен-Северская Ольга Викторовна

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

В статье представлен анализ исторически сложившихся в обществе и отображенных в художественных произведениях и средствах массовой информации культурных предрассудков в отношении людей с инвалидностью. Проанализировано влияние изображения людей с инвалидностью в культуре на их социализацию и последующую интеграцию в общество.

Ключевые слова: инвалидность, культура, влияние, средства массовой информации, художественные произведения, исторические периоды, стереотипы, социализация, интеграция.

Simen-Severskaya Olga Victorovna

SOCIO-CULTURAL STEREOTYPES AS FACTOR FOR SOCIALIZATION OF PEOPLE WITH DISABILITY

The article focuses on cultural prejudice in relation to people with disabilities, which have developed through history and have been reflected in works of art and the mass-media. The authors offers an analysis of the impact that the cultural image of people with disabilities has on their socialization and further integration into the society.

Key words: disability, culture, impact, mass-media, works of art, historical periods, stereotypes, socialization, integration.

Как известно, целью социализации является создание индивидом в процессе его непрерывной коммуникации и совместной деятельности с другими людьми (для детей – со взрослыми) такой субъективной картины мира, которая в значительной мере соответствовала бы представлениям, разделяемым большинством членов сообщества. В картине мира преобладающей части россиян, сложившейся в процессе социально-культурного развития, инвалидность зачастую рассматривается как аномалия, непригодность, неспособность, ограниченность, что делает маргинальным характер социальной жизни инвалида. Между тем социальная оценка может усугублять или компенсировать нездоровье, оказывать стрессогенное или терапевтическое воздействие, играть как негативную, так и позитивную роль для социализации человека с инвалидностью.

Как правило, инвалидность – это прежде всего определение физического и психического отклонения, но не столько особенность тела и психики, сколько «социальный конструкт» [6], результат культурного представления о том, каким тело должно быть. Физическая неполноценность зависит от восприятия и субъективных суждений в гораздо большей степени, чем от объективной оценки состояния тела. Таким образом, инвалидность – это лишь то, как мы воспринимаем ее со стороны, культурная интерпретация физических изменений и отклонений, сравнение тел, которое оказывает влияние на социальные отношения и общественные институты.

Представления о человеке, имеющего инвалидность, основанные, в значительной степени, на общепринятом отношении, нежели на реальных знаниях человечества об инвалидности, формировались в культуре и воплощались в различных видах искусства (литературе, кинематографе и др.).

Сложившиеся клише в изображении людей с инвалидностью в культуре вырабатывались в течение всего исторического развития общества. Начиная с древнего художественного наследия (легенд и мифов) и заканчивая современной культурной матрицей, преобладающая часть физически или психически отличающихся от нормы действующих лиц окружена атмосферой «инаковости», которая создается посредством предъявления атрибутов их неполноценности. И, будь то Квзимодо из «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго или Тини Тим из «Рождественской истории» Ч. Диккенса, Капитан Крюк из сказки «Питер Пен» Дж. М. Барри или Клиффорд Чаттерлей из «Любовника леди Чаттерлей» Д. Лоуренса, символическое изображение человека с инвалидностью способствует возникновению, скорее, негативных эмоций и чувств: беспокойства, тревоги, жалости, страха, дискомфорта, чувства вины и т. д. Иногда подобное изображение «нетипичных» героев позволяет аудитории почувствовать свою «полноценность», «нормальность» себя и «типичность» остальных действующих лиц. Чаще всего у главных действующих лиц в произведениях художественного творчества отсутствуют физические или психические изъяны. Но в том случае, если автор все же наделяет персонажа таковыми, то наличие какого-либо дефекта у главного героя и преодоление сформировавшегося в социуме представления о людях с инвалидностью становится сюжетной основой произведения (например, трилогия «Я умею прыгать через лужи», «Это трава» и «В сердце моем» А. Маршалла или «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого). В основном же физически или психически «уязвимые» герои остаются на периферии художественных произведений. В таком случае позиция по отношению к ним и к их физической или психической «неправильности» служит в большей степени характеристикой других персонажей. И если бы герои с инвалидностью действовали так, как обычно поступают в реальности имеющие инвалидность люди, опровергая приписываемые им характеристики, то их функция в художественном произведении была бы утрачена. Следовательно, пристальное внимание к физическим или психическим особенностям при описании персонажа с инвалидностью должно вызывать у аудитории определенное отношение, обусловленное сформировавшимися культурными стереотипами о людях с инвалидностью [16].

Сюжет или произведение обычно выигрывают, приобретают новые краски при использовании персонажа, имеющего инвалидность, воспринимаемого читателем человеком категорически другим. Сам факт описания телесных или психических несовершенств, отличающих таких персонажей от других, помещает их в такие рамки, которые выводят на первый план их несхожесть с явно «нормальными» другими участниками сюжета. Авторы наделяют физически неполноценных героев чертами характера, качествами и поведением, естественными для них с теоретической точки зрения, и опускают другие характеристики, которые могли бы смягчить или дополнить образ. Героев с инвалидностью описывают, базирясь на социальных стереотипах, представляя их как беззащитных, уязвимых и несамостоятельных и рассматривая их в качестве источника проблем [16].

Нередко персонаж с инвалидностью является лишь средством, орудием для изменения «здорового, но неблагородного» главного героя. Иногда герой, имеющий инвалидность, выступает олицетворением преодоления бессилия, немоги, зависимости, становясь образцом мужества. Так, с точки зрения преодоления конфликта между мужественностью и жалостью представлены герои с инвалидностью в кинематографе («Человек дождя» Б. Левинсона, «Рожденный четвертого июля» О. Стоуна, «Форрест Гамп» Р. Земекиса и др.). Именно данный ролевой конфликт попадает в центр внимания массовой культуры, которая обращается к образу человека с инвалидностью, олицетворяющему немощь, зависимость, уязвимость, потерю мужественности.

Итак, с одной стороны, художественные произведения, безусловно, являются отражением действительности, и представленное восприятие людей с инвалидностью связано с фактическим отношением к ним общества, хотя оно, ни в коем случае, не воспроизводит социальные отношения полностью. С другой стороны, массовая культура, имея непосредственное влияние на жизнь, способна формировать у людей восприятие мира, особенно в отношении ситуаций, о которых они имеют смутное представление и мало знаний, что не без оснований касается и проблем инвалидности.

Формы и контексты представления инвалидов в СМИ свидетельствуют о том, что значит быть человеком с инвалидностью в том или ином обществе. В этом смысле СМИ являются первичным источником представлений об инвалидности, так же как и обоснования отношения к инвалидам.

Западные исследователи проблемы стереотипизации образов людей с инвалидностью и презентации их в СМИ отмечали следующее: во-первых, отсутствие людей с инвалидностью в масс-медиа; во-вторых, такие люди, как правило, были представлены неверно (искаженно) или представлены лишь отчасти, касательно только их физических или психических особенностей; в-третьих, самые распространенные сюжеты описывали медикаментозное лечение или выздоровление, и были связаны с описанием «особых успехов» людей с инвалидностью. В художественных программах и фильмах люди с особыми нуждами составляли менее одного процента от всех персонажей. Кроме того, их образы были весьма стандартны, показывая человека с особыми нуждами либо как девианта, либо как неспособного и вызывающего сострадание. Их изображали не как обычных членов общества, а использовали, чтобы вызвать у зрителя эмоции жалости или страха, либо для привнесения в произведение атмосферы утраты чего-либо или угрозы [12].

Между тем в последние годы, ставшее уже обыденным искажение в представлениях об инвалидности, и непосредственно в людях с особыми нуждами, на западном телевидении было признано самими руководителями телеканалов. Так, например, британский Совет по Стандартам телерадиовещания (BSC) отметил в своем Своде правил потребность в «справедливом отражении всех сторон, играющих роль в каждодневной жизни сообщества людей с ограниченными возможностями» в телепрограммах и рекламе. Это означало, во-первых, уход от изображения инвалидов в новостных и документальных программах в манере, которая дает зрителям, не имеющим инвалидности, «чувство физического превосходства, или эмоционального удовольствия от проявления их великодушного сочувствия» и, во-вторых, совместные усилия со стороны авторов и производителей для того, чтобы на экране стало больше персонажей-инвалидов, роли которых предпочтительно должны были исполнять актеры-инвалиды. Эти персонажи должны быть частью «драмы жизни» и не использоваться «ни в дурной, ни в сентиментальной форме» [12].

Однако более поздние исследования по проблемам людей с инвалидностью показывают, что заметны лишь незначительные изменения в деятельности западных СМИ. Главной темой отзывов исследователей стало предвзятое отображение образа инвалида на телевидении. А основной вывод заключался в том, что образ человека с инвалидностью в художественных программах представлен негативно, односторонне и стереотипно. Люди с особыми нуждами не изображались как «обычные» люди, решающие «обычные» жизненные проблемы. В адрес производителей программ высказывались критические замечания и обвинения в том, что они рисуют образ «безопасного» персонажа, обычно в инвалидной коляске, не в последнюю очередь затем, чтобы таким образом избежать показа людей с физическими недостатками, считающимися «непривлекательными» в обществе. Основные документальные и новостные телепрограммы были осуждены как выступающие за регулярность, с которой нетрудоспособные «эксперты» высказывались о жизни и потребностях нетрудоспособных людей. Документальная интерпретация, по мнению ученых, снова фокусировала свое внимание на нетрудоспособных людях как «достойных сострадания, но храбрых» или «беспомощных и зависящих» [12].

Подобное представление людей с инвалидностью в СМИ как отражение отношения к ним общества отмечается и в России.

Такие стандартные образы людей с инвалидностью неизбежно влияют на восприятие их обществом, на их самовосприятие и, как следствие, на их жизнь.

Культурное стереотипирование есть форма притеснения людей с особыми нуждами: они изображаются как бессильные и непривлекательные, и их физические несовершенства как олицетворение несчастья. При этом культура, безусловно, способна продуцировать и альтернативные образы людей с инвалидностью, что стало бы важным фактором их успешной социализации.

Исторически образы инвалидности формировались здоровыми людьми и говорили больше о предрассудках и заблуждениях большей части социума, чем о действительной жизни людей с инвалидностью. Однако эти стереотипы оказали всестороннее влияние на формирование ставших традиционными моделей взаимодействия между социальными группами, на эволюцию социальной политики и социальную интеграцию людей с инвалидностью как в западных странах, так и в России.

Что касается научного рассмотрения проблем инвалидности, следует отметить, что в западной науке к настоящему времени при изучении инвалидности сформировалась традиция исследования данного феномена с позиций культуры. Эта традиция берет свое начало, например, от размышлений о самоидентификации людей с инвалидностью Луи Баттай (1966) и последующего рассмотрения этого вопроса Энн Ширер (1981) и Джо Кэмплингом (1981) [14]. Труды этих исследователей стали в 80-е гг. XX в. в определенной степени импульсом для активизации деятельности организаций людей с инвалидностью, выражавших протест против создания в культуре ряда стереотипных образов инвалидов. Ряд западноевропейских и североамериканских исследователей (Henri-Jacques Stiker, Douglas C. Baynton и др.) рассматривают историю инвалидности с точки зрения социокультурного восприятия данного феномена в обществе в разные эпохи и изменение отношения к людям с инвалидностью со стороны социума с течением времени [13, 15]. Культурные репрезентации феномена инвалидности (в литературе, кинематографе, фотографии) представлены в работах Colin Barnes, Geof Mercer, Tom Shakespeare, Rosemarie Garland Thomson [12, 16].

Основными теоретическими подходами, легшими в основу постановки проблемы социокультурного восприятия инвалидности являются теоретические направления, сложившиеся в американской и европейской социальной философии и социологии в конце XIX и в XX вв. Это «понимающая» социология (М. Вебер), символический интеракционизм (Дж. Г. Мид и Г. Блумер), феноменологическая социология (А. Шюц), концепция социального конструирования реальности (П. Бергер и Т. Лукман), концепция «определения ситуации» (У. Томас), концепция «зеркального Я» (Ч. Кули), теория стигматизации (Е. Goffman).

В отечественной науке в целом проблемы людей с инвалидностью не остаются без внимания ученого корпуса и рассматриваются российскими исследователями в разных ракурсах. Так, вопросам социализации лиц с задержкой интеллектуального и психического развития посвящены труды А. В. Кораблева, Я. В. Бацыной [5, 3]. Социальное восприятие детей-инвалидов исследовалось Ф. Э. Шереги [9]. Т. А. Добровольской, Н. Б. Шабалиной рассматриваются вопросы социально-психологических особенностей взаимоотношений инвалидов и здоровых [4].

В отличие от представителей западной науки, где данная проблематика была в центре внимания в течение нескольких последних десятилетий, отечественными учеными проблема социокультурного анализа инвалидности представлена весьма ограниченно. Наиболее полно в российской науке данная проблема раскрыта в трудах Е. Р. Ярской-Смирновой и ученых саратовской школы социальной работы [6, 10, 11].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в российской науке представлено незначительное число работ, посвященных влиянию сложившейся культурной интерпретации физических различий на социализацию инвалидов и, как следствие, на возможности их полноценной интеграции в общество. Современными исследователями проблем инвалидности пока недостаточно разработаны вопросы, касающиеся социально-культурной обусловленности восприятия и самовосприятия людей с инвалидностью, воздействию культурных образцов на социализацию инвалидов.

Что касается практического воплощения социокультурного восприятия в России людей с инвалидностью, то здесь, безусловно, нельзя не отметить произошедшие за последние несколько лет серьезные изменения, касающиеся государственной политики России в отношении данной категории индивидов, которые, очевидно, можно расценивать как отражение определенных трансформаций в общественном сознании. Это и принятие в мае 2012 года Государственной Думой Российской Федерации закона о ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов, основанной на принципе

замены системы социального обеспечения и благотворительности (то есть медицинской модели инвалидности) системой прав и свобод (социальной моделью) [2]; и обозначенные в Законе РФ «Об образовании», принятом 29.12.2012 года, понятия «индивидуальный учебный план» и «адаптированная образовательная программа» [1], позволяющие создать для каждого из обучающихся, имеющего особые нужды, индивидуальную образовательную траекторию, определяемую и как «персональный путь реализации личностного потенциала каждого ученика в образовании» [8], и как определенную «последовательность элементов учебной деятельности каждого учащегося по реализации собственных образовательных целей, соответствующую их способностям, возможностям, интересам» [7]; и реализации государственной программы РФ «Доступная среда» на 2011–2015 годы.

Тем не менее сформированные в культуре образы инвалидности – это барьер, подобного которому не было на пути ни у одного социального меньшинства. И поскольку, как было сказано выше, стереотипы в восприятии людей с инвалидностью формируются другими социальными группами, очень важно, чтобы сообщество инвалидов было вовлечено в изменение доминирующего понятия инвалидности в современной культуре, в создание новых образов и художественных работ, отражающих их жизнь и жизненные ценности.

Литература

1. Об образовании: Закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ / [Электронный ресурс. URL: <http://www.base.consultant.ru>
2. Конвенция о правах инвалидов // www.un.org
3. Бацина Я. В. Социализация подростков с задержкой психического развития: дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2005. 152 с.
4. Добровольская Т. А., Шабалина Н. Б. Социально-психологические особенности взаимоотношений инвалидов и здоровых // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 62–66
5. Кораблев А. В. Социализация лиц молодого возраста с выраженной задержкой интеллектуального развития в условиях стационарного учреждения (На примере Нижегородской области): дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2003. 142 с.
6. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 260 с.
7. Суртаева Н. Н. Нетрадиционные педагогические технологии: Парацентрическая технология: учебное пособие. М.; Омск, 1974
8. Хуторской А. В. Развитие одаренности школьников: Методика продуктивного обучения: пособие для учителя. М., 2000
9. Шереги Ф. Э. Дети с особыми потребностями. Социологический анализ. М.: ЦСП, 2003. 142 с.
10. Ярская-Смирнова Е. Семья нетипичного ребенка: социокультурные аспекты. Саратов, 1996
11. Ярская-Смирнова Е. Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38–45
12. Barnes C., Mercer G., Shakespeare T. Exploring Disability: a sociological introduction. Cambridge: Polity Press, 1999. 280 p.
13. Baynton D. C. A silent Exile on This Earth: The Metaphorical Construction of Deafness in the Nineteenth Century. American Quarterly, 1992. 216 p.
14. Campling J. Images of Ourselves – Women with Disabilities Talking. London: Routledge and Kegan Paul, 1981
15. Stiker H.-J. A History of Disability. The University of Michigan Press, 1999. 240 p.
16. Thomson R. G. Extraordinary bodies: figuring physical disability in American culture and literature. New York: Columbia University Press, 1998. 200 p.

УДК 316.334.55/56

Шматова Анна Николаевна

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

В статье представлены результаты социологического исследования в форме опроса населения об особенностях функционирования института местного самоуправления. Показано отношение населения к институту местного самоуправления, оценен уровень доверия населения органам местного самоуправления, изучена приоритетность для населения целей местного самоуправления.

Ключевые слова: институт местного самоуправления, цели и функции института местного самоуправления, представительный орган местного самоуправления, исполнительный орган местного самоуправления.

Shmatova Anna Nikolaevna

SOCIOLOGICAL ASSESSMENT OF LOCAL GOVERNMENT INSTITUTES IN STAVROPOL REGION

The article presents the results of a sociological survey (public opinion poll) regarding the specific features of the local self-government institute functioning. It shows the attitude among the population towards the local self-government bodies, and offers an evaluation of the trust to the local government; there is also a view on the priority of the objectives set by the local self-government, as seen by the public.

Key words: institute for local self-government, the objectives and functions of institute for local self-government, representative body of local self-government, executive body of local self-government.

С целью изучения функционирования института местного самоуправления в Ставропольском крае в августе – сентябре 2011 г. был проведен социологический опрос населения данного субъекта Российской Федерации, в котором приняли участие 700 респондентов из тринадцати муниципальных образований края как городского, так и сельского типа. В данной статье представлены результаты анкетного опроса по теме «Функционирование института местного самоуправления».

Необходимо отметить, что к настоящему времени термин «местное самоуправление» не является для населения новым. В проведенном в Ставропольском крае в 2011 г. (в отличие от проводимых 5–10 лет назад опросов, когда достаточное количество респондентов указывало, что незнакомо с понятием «местное самоуправление» или не могло с точностью сказать, функционируют ли на территории их муниципального образования органы местного самоуправления); абсолютно все респонденты на вопрос «Знаете ли Вы, что такое местное самоуправление?» ответили утвердительно. На рисунке 1 представлена диаграмма распределения ответов респондентов относительно понимания сущности института местного самоуправления.

Данные, представленные на рис. 1 показывают, что на первое место вышел ответ: «Местное самоуправление – форма самоорганизации населения», хотя процент респондентов, связывающих сущность местного самоуправления с реализацией в первую очередь государственных распоряжений достаточно велик (252 респондента, или 36,0 %). Соотнесение сути местного самоуправления лишь с исполнением на местах государственных функций отводит население муниципального образования на второй, а то и на третий план, но, скорее всего, наиболее полно на сегодняшний день отражает существующую муниципальную практику. Возможность осуществления жителями конкретного поселения своей власти по управлению основными сферами жизни рассматривается респондентами как наиболее маловероятный вариант (128 респондентов).

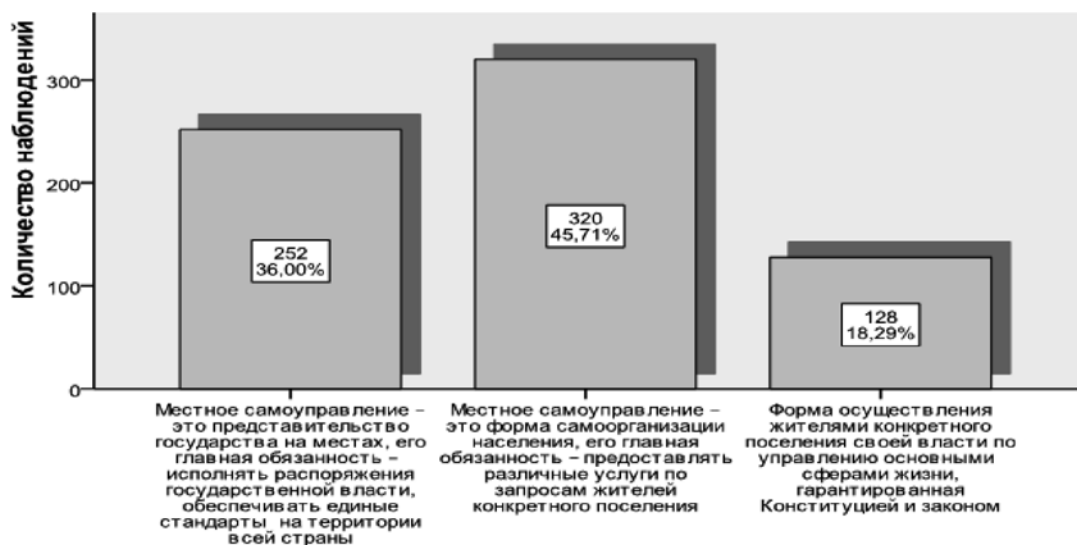

Рис. 1. Диаграмма распределения ответов респондентов на вопрос «Как Вы думаете, что такое местное самоуправление?»

В целом можно отметить, что среди населения Ставропольского края преобладает подход, согласно которому институт местного самоуправления рассматривается через призму социальной активности населения и его участия в жизни своего муниципального образования.

На рис. 2 представлено распределение ответов о достижении органами местного самоуправления целей своей деятельности.

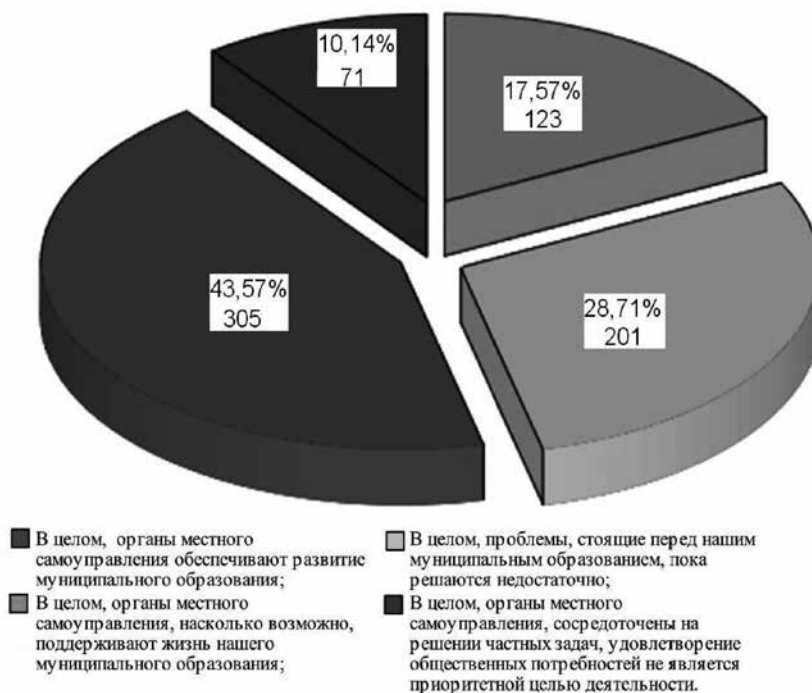

Рис. 2. Диаграмма распределения ответов респондентов на вопрос «Достигают ли, на Ваш взгляд, органы местного самоуправления основной цели своей деятельности – повышение уровня и качества жизни людей?»

Основу современной теории социального обслуживания местного самоуправления составляет приоритетное выполнение задач по обеспечению повседневной жизни и деятельности населения муниципального образования. Данные рис. 2 показывают, что большинство респондентов (43,6 %) позитивно оценивают деятельность органов местного самоуправления. Вместе с тем 201 респондент (29 %) указал на недостаточность усилий органов местного самоуправления по решению стоящих перед ними проблем. 123 респондента (17,6 %) отметили, что органы местного самоуправления занимаются лишь обеспечением локальной жизни и деятельности муниципального образования. Каждый десятый респондент указал, что органы местного самоуправления занимаются лишь решением частных задач: удовлетворение общественных потребностей не является для них приоритетным. Таким образом, в целом можно отметить положительную оценку деятельности органов местного самоуправления населением муниципального образования. При этом достаточно высока доля жителей края, не удовлетворенных работой органов местного самоуправления, что говорит о необходимости повышения эффективности их деятельности.

Следующий вопрос анкеты касался приоритетности целей института местного самоуправления. Респондентам было предложено по пятибалльной шкале оценить приоритетность целей местного самоуправления, результаты представлены в таблице.

Таблица

Оценка респондентами приоритетности целей местного самоуправления

Цели местного самоуправления	Количество респондентов				
	Баллы				
	1	2	3	4	5
Разграничение полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления	56	34	45	341	200
Унификация органов местного самоуправления на территории РФ	123	111	131	111	221
Создание условий для финансовой самообеспеченности местного самоуправления	1	13	27	9	268
Приближение местной власти к населению	141	211	11	22	321
Создание правового поля деятельности органов местного самоуправления	11	134	101	131	233
Укрепление институтов местной власти	1	10	30	19	324
Реальное участие населения в решении вопросов местного значения	8	12	116	130	440

Из данных таблицы видно, что приоритетной целью местного самоуправления, по мнению респондентов, выступает обеспечение реального участия населения в решении вопросов местного значения. На второе место (совокупность оценок «4» и «5») респонденты поставили необходимость разграничения полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления. Подобная оценка представляется крайне важной, поскольку опрос проводился не среди муниципальных или государственных служащих, которые в своей ежедневной практике сталкиваются с необходимостью уточнения и конкретизации полномочий по уровням власти, а респондентами выступали местные жители. Можно предположить, что жители испытывали определенные трудности при получении государственных или муниципальных услуг, связанные с непониманием того, какой уровень власти и в каком объеме отвечает за удовлетворение той или иной потребности населения.

На последнее место по приоритетности целей местного самоуправления респонденты поставили «создание условий для финансовой самообеспеченности местного самоуправления». Такая оценка, к сожалению, может свидетельствовать о доминировании иждивенческих настроений среди населения; о неэффективной работе органов местной власти, объясняющих неудовлетворительные результаты своей деятельности в первую очередь отсутствием финансовых ресурсов. Здесь хотелось

бы отметить, что в основе выстраивания взаимодействия между органами региональной государственной власти и органами местного самоуправления в Ставропольском крае лежит степень лояльности последних, от чего зависит, в том числе и дополнительное финансирование муниципалитетов. Несмотря на декларируемые самостоятельность и независимость (в том числе, финансовую) института местного самоуправления от органов государственной власти, ориентацию самих муниципалитетов на поиски собственных источников доходов, население не рассматривает финансовую функцию местного самоуправления в качестве основополагающей, не считает ни органы местного самоуправления, ни само местное сообщество ответственными за финансовое состояние собственного муниципального образования. Представляется, что в подобной ситуации будет проблематично достигать поставленных перед институтом местного самоуправления целей, в том числе и обозначенных респондентами как приоритетные (реальное участие населения в решении вопросов местного значения, разграничение полномочий между уровнями власти).

Следующие вопросы касались степени доверия населения к органам и должностным лицам местного самоуправления. На рис. 3 представлено распределение ответов респондентов на вопрос о возможном способе замещения должности главы муниципального образования.

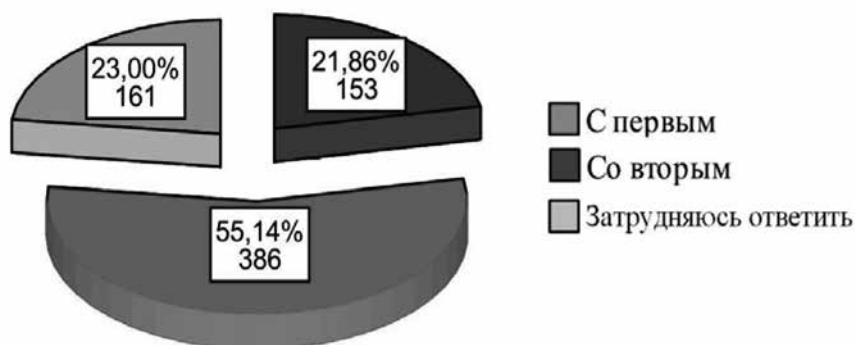

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Одни считают, что глава населенного пункта должен выбираться населением. Другие полагают, что глава должен назначаться вышестоящим органом власти (например, губернатором края или главой района). С каким мнением – с первым или со вторым – Вы согласны?»

На рис. 3 показано, что большинство респондентов (386 опрошенных), или 55 %, выступали за то, чтобы глава населённого пункта выбирался населением непосредственно. Только 161 респондент (23 %) считал, что глава муниципального образования должен назначаться вышестоящим органом власти. Примерно столько же респондентов не смогли определенно ответить на поставленный вопрос. В последнее время в Российской Федерации в целом, в Ставропольском крае в частности наблюдается тенденция по сужению избирательных возможностей, централизации и вертикализации системы властеотношений. Однако подобные тенденции, как показывают результаты опроса, не совсем соответствует представлениям и интересам населения по организации системы муниципальной власти. Население предпочитает участвовать в политических процессах на местном уровне, выбирая высшее должностное лицо муниципального образования самостоятельно.

Результаты, полученные при ответе на вопрос о доверии представительному и исполнительному органам местного самоуправления показали, что уровень доверия к ним находился на достаточно низком уровне. Вариант ответа «полностью доверяю» не был выбран респондентами ни в отношении местной администрации, ни в отношении представительного органа местного самоуправления. В то же время 9,7 % респондентов заявили о полном недоверии главе местной администрации; 13,8 % респондентов заявили о полном недоверии представительному органу местного самоуправления. Каждый пятый респондент не смог определиться с уровнем своего доверия к главе исполнительной

власти (22 %); 13,4 % респондентов затруднились с ответом относительно доверия представительному органу местного самоуправления. Чуть более 30 % респондентов предпочли вариант ответа «доверяю и не доверяю в равной степени».

Следующая диаграмма (рис. 4) демонстрирует распределение ответов респондентов на вопрос о структурах и формах участия населения, наиболее эффективно отстаивающего интересы местных жителей.

На рис. 4 показано: практически 100 % респондентов уверены, что при отстаивании своих интересов можно положиться только на себя или использовать личные связи. Популярность подобного ответа можно объяснить и историческим опытом России в выстраивании взаимоотношений между органами власти и населением, и – в случае подключения личных знакомств – наличием своего рода дополнительной гарантии положительного решения, и возможностью находиться всегда «в курсе дела». Также представляется, что ответы, занявшие второе и третье места – обращение в суд и правоохранительные органы соответственно – находятся во взаимосвязи, являются производными самого популярного ответа. Выбирая данные варианты, респонденты подразумевали либо наличие собственных связей в судебных или правоохранительных органах, либо возможность решения проблемы в указанных структурах только при наличии соответствующих связей.

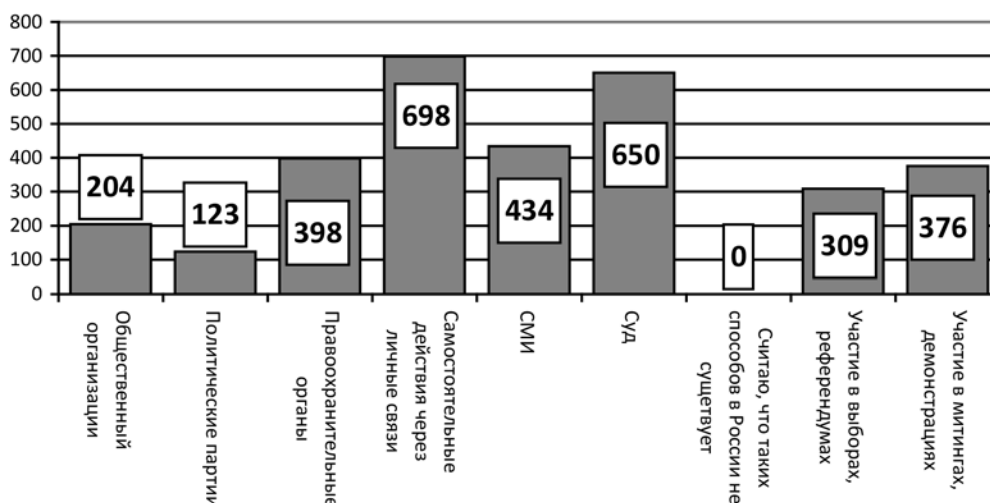

Рис. 4. Диаграмма распределения ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, какие структуры и формы участия населения наиболее эффективно могут помочь населению муниципального образования в отстаивании своих интересов?»

Показательно и то, что следующим по популярности оказался ответ – «обращение в СМИ». Учитывая такие характеристики СМИ, как массовость, масштабность, оперативность, публичность, последние в современном обществе действительно могут выступать в качестве эффективного инструмента в первую очередь привлечения внимания к имеющейся проблеме, что может помочь разрешить проблемную ситуацию. Наименее эффективным способом из предоставленных на выбор респонденты посчитали обращение в политические партии – этот вариант ответа выбрали 17,5 % респондентов. Как положительный момент можно отметить, что никто из респондентов не ответил, что подобных способов в России не существует.

В целом анкетный опрос относительно функционирования местного самоуправления в Ставропольском крае показал, что уровень доверия населения к органам местного самоуправления находится на довольно низком уровне, значительная часть жителей не располагает достаточной ин-

формацией о полномочиях органов местного самоуправления, основным источником информации о предоставляемых муниципальных услугах и способах их получения является личное обращение в органы местного самоуправления, что связано со значительными временными и, возможно, материальными затратами.

Институт местного самоуправления обладает существенным системоорганизующим потенциалом по эффективному использованию различного вида местных ресурсов. Основной задачей современного этапа институционализации местного самоуправления в Ставропольском крае является определение и закрепление более действенной модели взаимодействия органов региональной государственной власти и местного самоуправления с четким определением «зон» ответственности каждой и закреплением за каждым уровнем соответствующей ресурсной базы, устранение не обусловленных законодательством РФ механизмов влияния краевых органов власти на процесс принятия решений органами местного самоуправления.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ / Российская Федерация. Законы // КонсультантПлюс.
2. Авджян Е. А. Институционализация местного самоуправления на региональном уровне: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2010.
3. Гайдуков Р., Реутов Е. Практика деятельности территориального общественного самоуправления в регионе // Социс. 2012. № 11. С. 81–84.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акинин Петр Викторович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы» Института экономики и управления СКФУ. E-mail: akinin_pv@mail.ru
- Акинина Валентина Петровна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Финансы» Института экономики и управления СКФУ. E-mail: akinina_vp@mail.ru
- Алиева Бика Шапиевна**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной педагогики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала. E-mail: Albika62@mail.ru
- Алмазов Владимир Витальевич**, аспирант Северо-Кавказского гуманитарно-технического института, г. Ставрополь.
- Ананьева Татьяна Сергеевна**, магистрант кафедры экономической теории и мировой экономики Института экономики и управления СКФУ.
- Арутюнян Марианна Мартуниевна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: m.arutiunian@gmail.com
- Белашов Иван Иванович**, кандидат политических наук, доцент кафедры общей социологии и политологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: Johnbell@mail.ru
- Белюсов Иван Николаевич**, аспирант кафедры бизнес-информатики Института экономики и управления СКФУ. E-mail: wanek026@mail.ru
- Беляева Елена Николаевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры физики, электротехники и электроники Института электроэнергетики, электроники и нанотехнологий СКФУ. E-mail: physic@stv.runnet.ru
- Борозинец Наталья Михайловна**, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета образования, и.о. заведующего кафедрой дефектологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: nataboroz@yandex.ru
- Ванскова Елена Леонидовна**, старший преподаватель кафедры культурологии и искусств Гуманитарного института СКФУ. E-mail: vanskova@mail.ru
- Васильева Людмила Васильевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита Невинномысского технологического института (филиал) СКФУ. г. Невинномысск. E-mail: vasil8747@mail.ru
- Воронин Александр Ильич**, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры теплогазоснабжения и экспертизы недвижимости Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. E-mail: tgv.ncfu@mail.ru
- Галяпина Виктория Николаевна**, кандидат психологических наук, доцент, заведующая Международной учебно-научной лаборатории развития интерактивного образования на Северном Кавказе, Институт образования и социальных наук СКФУ. E-mail: vikagalyapina@mail.ru
- Гапоненко Сергей Олегович**, аспирант кафедры «Промышленная теплоэнергетика и системы теплоснабжения» ФГБОУ ВПО «Казанский государственный энергетический университет». E-mail: sogaponenko@yandex.ru
- Гончаров Валерий Михайлович**, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры технологии машиностроения и технологического оборудования Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. E-mail: gonsharov-valeri@rambler.ru
- Гринивецкий Юлиан Евгеньевич**, аспирант кафедры теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры, г. Москва. E-mail: julian_grin@mail.ru
- Гузева Мария Владимировна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и образовательных технологий Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: Guzeva_Mar@mail.ru
- Дегтярева Марина Николаевна**, кандидат педагогических наук, директор муниципального бюджетного учреждения «Городской информационно-методический центр города Ставрополя». E-mail: gimc@stavadm.ru
- Дрозжжина Наталья Борисовна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: Drogg_nt@mail.ru
- Евдокимов Иван Алексеевич**, доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе СКФУ, профессор кафедры прикладной биотехнологии Института живых систем СКФУ, академик Международной академии холода. E-mail: ievdokimov@ncfu.ru
- Евмененко Елена Владимировна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры дефектологии Института образования и социальных наук СКФУ, заместитель начальника управления организации профориентационной работы и олимпиад СКФУ. E-mail: eevmenenko@ncfu.ru

- Зенина Наталья Васильевна**, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой «Менеджмент и маркетинг» Волгоградского филиала Московского финансово-юридического университета МФЮА, г. Волгоград. E-mail: Zenina.N@mfua.ru
- Зенченко Светлана Вячеславовна**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры денежного обращения и кредита Института экономики и управления СКФУ. E-mail: Zen_svetla@mail.ru
- Истомина Анна Петровна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: annaistom@yandex.ru
- Козловская Галина Юрьевна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры дефектологии Института образования и социальных наук СКФУ.
- Коломок Оксана Ивановна**, доктор педагогических наук, профессор, директор Волгоградского филиала Московского финансово-юридического университета МФЮА, г. Волгоград. E-mail: volgograd@mfua.ru
- Корлякова Светлана Георгиевна**, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: s.k2002@mail.ru
- Корольков Константин Васильевич**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: kur_er@bk.ru
- Крапивенский Анатолий Соломонович**, кандидат социологических наук, заместитель директора по научной и учебно-методической деятельности Волгоградского филиала Московского финансово-юридического университета МФЮА, г. Волгоград. E-mail: krapivensky@list.ru
- Красников Александр Вячеславович**, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики и управления СКФУ по воспитательной работе, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Института экономики и управления СКФУ. E-mail: krasnikov-av@yandex.ru
- Лагунов Никита Алексеевич**, аспирант кафедры информационных систем и технологий Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ. E-mail: n.a.lagunov@yandex.ru
- Лисицын Сергей Викторович**, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики, электротехники и электроники Института электроэнергетики, электроники и нанотехнологий СКФУ, директор центра коллективного пользования научным оборудованием. E-mail: physic@stv.runnet.ru
- Ловяников Денис Геннадьевич**, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бизнес-информатика» Института экономики и управления СКФУ. E-mail: denlov1@mail.ru
- Ловяникова Надежда Сергеевна**, магистрант СКФУ.
- Лодыгин Алексей Дмитриевич**, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной биотехнологии Института живых систем СКФУ. E-mail: allodygin@yandex.ru
- Лубенцова Елена Валерьевна**, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Информационные системы, электропривод и автоматика» Невинномысского технологического института (филиал) СКФУ, г. Невинномысск. E-mail: lubenchov@nti.ncstu.ru
- Майборода Эльвира Тагировна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры средств массовой информации Гуманитарного института СКФУ. E-mail: ellamaiboroda@mail.ru
- Малашенко Михаил Сергеевич**, соискатель кафедры общей социологии и политологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: mihmalash@yandex.ru
- Малсугенов Александр Владимирович**, кандидат технических наук, доцент кафедры технологии, конструирования и оборудование Технологический институт сервиса (филиал) Донского государственного технического университета, г. Ставрополь. E-mail: alexander.malsugenov@yandex.ru
- Мезенцева Оксана Станиславовна**, кандидат физико-математических наук, доцент, профессор кафедры информационных систем и технологий Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ, заместитель директора Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ по учебной работе. E-mail: mos@ncstu.ru
- Мехрабова Дильшад Ашрафутдиновна**, преподаватель кафедры общей и теоретической педагогики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала.
- Москвичева Мария Викторовна**, специалист отдела продаж, ООО «Системы для микроскопии и анализа» ЦКП «Микроанализ» Технопарк «Сколково». E-mail: moskvicheva@microscop.ru
- Нарыжная Екатерина Александровна**, магистрант кафедры менеджмента Института экономики и управления СКФУ, инженер-лаборант кафедры менеджмента Института экономики и управления СКФУ.
- Пигулев Роман Витальевич**, кандидат технических наук, и.о. заведующего кафедрой физики, электротехники и электроники Института электроэнергетики, электроники и нанотехнологий СКФУ. E-mail: physic@stv.runnet.ru
- Пинахин Игорь Александрович**, кандидат технических наук, доцент кафедры технологии машиностроения и технологического оборудования Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. Email: ipinakhin@list.ru.

- Плисюк Андрей Григорьевич**, аспирант кафедры социологии института образования и социальных наук СКФУ.
- Плугина Мария Ивановна**, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры практической и специальной психологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: mplugina@yandex.ru
- Ребий Елена Юрьевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и аудита Института экономики и управления СКФУ. E-mail: buh@ncstu.ru
- Ромаева Наталья Борисовна**, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и образовательных технологий Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: romaeva.natalia@mail.ru
- Рябов Владимир Николаевич**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Института экономики и управления СКФУ. E-mail: rvnnne@yandex.ru
- Рябцева Светлана Андреевна**, доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной биотехнологии Института живых систем СКФУ. E-mail: ryabtseva07@mail.ru
- Сидоров Константин Иванович**, ассистент кафедры физики, электротехники и электроники Института электроэнергетики, электроники и нанотехнологий СКФУ. E-mail: skif06-84@mail.ru
- Симен-Северская Ольга Викторовна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: osimen@mail.ru
- Скориков Савва Викторович**, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры строительства Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. E-mail: savva@ncstu.ru
- Смирнова Анастасия Александровна**, аспирант кафедры теплогазоснабжения и экспертизы недвижимости Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. E-mail: spiritusantus@mail.ru
- Собильская Анна Сергеевна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: sbilskijj@rambler.ru
- Соловьева Светлана Николаевна**, кандидат химических наук, доцент кафедры технологии наноматериалов Института электроэнергетики, электроники и нанотехнологий СКФУ, учитель химии лицея СКФУ для одаренных детей. E-mail: solo1603@mail.ru
- Стоянов Николай Иванович**, доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой теплогазоснабжения и экспертизы недвижимости Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. E-mail: tgv.ncfu@mail.ru
- Тарала Виталий Алексеевич**, кандидат химических наук, кафедра технологии наноматериалов, заместитель директора Института электроэнергетики, электроники и нанотехнологий СКФУ по инновационному развитию. E-mail: vitaly-tarala@yandex.ru
- Татиев Арсен Азидович**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, анализа и отраслевой экономики Московского государственного университета пищевых производств, г. Москва. E-mail: arsen.tatiev@mail.ru
- Тер-Григорьянц Анна Александровна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и аудита Института экономики и управления СКФУ. E-mail: ann_ter@mail.ru
- Толкнеева Елена Ивановна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и образовательных технологий Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: tolokneeva@mail.ru
- Устаев Рустам Мерзеперович**, аспирант кафедры менеджмента Института экономики и управления СКФУ, ведущий специалист отдела научных изданий управления организации научных исследований СКФУ. E-mail: 110213rabota@mail.ru
- Ушвицкий Лев Исакович**, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института экономики и управления СКФУ, заведующий кафедрой экономического анализа и аудита Института экономики и управления СКФУ. E-mail: fef@stv.runnet.ru
- Федоренко Татьяна Михайловна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Института экономики и управления СКФУ. E-mail: tatyana-ncstu@yandex.ru
- Фомина Елена Алексеевна**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: fea30@mail.ru
- Халяпина Людмила Владимировна**, кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой педагогики и образовательных технологий Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: khalyapina@mail.ru
- Харченко Леонид Николаевич**, доктор педагогических наук, профессор кафедры ботаники, зоологии и общей биологии Института живых систем СКФУ. E-mail: innov_harchenko@mail.ru
- Храмцов Андрей Георгиевич**, доктор технических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры прикладной биотехнологии Института живых систем СКФУ. E-mail: hramtsov@ncstu.ru
- Цыганкова Василиса Сергеевна**, магистрант кафедры менеджмента Института экономики и управления СКФУ, инженер-лаборант кафедры менеджмента Института экономики и управления СКФУ.

Чаленко Ольга Александровна, учитель биологии лицея СКФУ для одаренных детей. E-mail: olgachalenko@yandex.ru

Чеботарев Евгений Алексеевич, доктор технических наук, профессор, профессор кафедры механики и основ конструирования Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. E-mail: eacheb@mail.ru

Черниговский Вячеслав Алексеевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии машиностроения и технологического оборудования Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. Email: chernigovskiy.v@mail.ru

Шелудько Геннадий Петрович, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры механики и основ конструирования Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. E-mail: sheludko.gennadiy@mail.ru

Шеховцова Татьяна Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дефектологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: gts1802@yandex.ru

Шипулин Валентин Иванович, доктор технических наук, профессор, проректор по учебной работе СКФУ, заведующий кафедрой технологии мяса и консервирования Института живых систем СКФУ. E-mail: ship.59@mail.ru

Шматова Анна Николаевна, ассистент кафедры «Государственное и муниципальное управление», филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет приборостроения и информатики», г. Ставрополь. E-mail: sh.anna-nikolavna@rambler.ru

Ягмуров Михаил Алексеевич, студент СКФУ, техник сектора эксплуатации компьютерных классов Эксплуатационно-технического отдела средств вычислительной техники Управления информатизации СКФУ. Email: myagmurov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

- Akinin Petr Viktorovich**, doctor of economic Sciences, Professor, head of Department of «Finance» of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: akinin_pv@mail.ru
- Akinina Valentina Petrovna**, candidate of economic Sciences, associate Professor, associate Professor of Department of «Finance» of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: akinina_vp@mail.ru
- Aliyeva Bika Shapievnna**, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of General and social pedagogy of Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Dagestan state University», Makhachkala. E-mail: Albika62@mail.ru
- Almazov Vladimir Vitalyevich**, graduate student of the North Caucasus Humanitarian-Technical Institute, Stavropol.
- Ananjeva Tatjana Sergeevna**, undergraduate of the Department of economic theory and world economy at the Institute of Economics and management of NCFU.
- Arutyunyan Marianna Martunievna**, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department «Pedagogics and Psychology of the Professional Education» of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: m.arutiunian@gmail.com
- Belashov Ivan Ivanovich**, candidate of political Sciences, associate Professor of Department of General sociology and political science of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: Johnbell@mail.ru
- Belousov Ivan Nikolaevich**, postgraduate student of the Department of business Informatics at the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: wanek026@mail.ru
- Belyaeva Elena Nikolaevna**, candidate of philosophical Sciences, associate professor of chair of physics, electrical engineering and electronics engineering at the Institute of power engineering, electronics and nanotechnology of NCFU. E-mail: physic@stv.runnet.ru
- Borozinets Natalia Mikhailovna**, candidate of psychological Sciences, associate Professor, Dean of the faculty of education, acting head of the Department of defectology of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: nataboroz@yandex.ru
- Vanskova Elena Leonidovna**, senior teacher at the Department of cultural science and arts of Humanitarian institute of NCFU. E-mail: vanskova@mail.ru
- Vasiljeva Liudmila Vasiljevna**, candidate of philosophical Sciences, associate Professor, associate Professor of the chair of economy, accounting, analysis and audit of the Nevinnomyssk Technological Institute (branch) of NCFU. E-mail: vasil8747@mail.ru
- Voronin Alexander Ilyich**, candidate of technical Sciences, associate Professor of the Department of heat and gas supply and real estate expertise of the Institute of building, transport and machine of NCFU. E-mail: tgv.ncfu@mail.ru
- Galyapina Victoria Nikolaevna**, candidate of psychological Sciences, associate Professor, Head of International Educational-Scientific Laboratory of Development of Interactive Education in the North Caucasus, Institute of Education and Social Sciences of NCFU. E-mail: vikagalyapina@mail.ru
- Gaponenko Sergey Olegovich**, graduate student of department «Industrial Heat Power Engineering and system of heating supply» of Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Kazan state power engineering university». E-mail: sogaponenko@yandex.ru
- Goncharov Valery Mikhailovich**, candidate of technical Sciences, associate Professor of the Department of mechanical engineering and technological equipment at the Institute of building, transport and machine of NCFU. E-mail: gonsharov-valeri@rambler.ru
- Grinivetskiy Yulian Evgenievich**, post-graduate student of the Department of theory and history of culture State Academy of Slavic Culture, Moscow. E-mail: julian_grin@mail.ru
- Guzeva Marya Vladimirovna**, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of pedagogy and educational technologies, Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: Guzeva_Mar@mail.ru
- Degtyareva Marina Nikolaevna**, candidate of pedagogical Sciences, director of Municipal Budget Organization «Stavropol Information and Methodical Center». E-mail: gimc@stavadm.ru
- Drozhdzhina Natalia Borisovna**, candidate of psychological Sciences, associate Professor of Department psychology at the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: Drogg_nt@mail.ru
- Ievdokimov Ivan Alekseevich**, doctor of technical Sciences, Professor, provost on scientific work of NCFU, Professor of Department of applied biotechnology Institute of living systems of NCFU, academician of the International Academy of refrigeration. E-mail: ievdokimov@ncfu.ru
- Evmenenko Elena Vladimirovna**, candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of defectology of the Institute of education and social Sciences of NCFU, Deputy Head of the organization of career guidance and academic competition of NCFU. E-mail: eevmenenko@ncfu.ru

- Zenina Natalia Vasilievna**, candidate of pedagogical Sciences, Head of Department «Management and marketing» of the Volgograd branch of the Moscow financial and law University of Moscow financial and legal Academy, Volgograd. E-mail: Zenina.N@mfua.ru
- Zenchenko Svetlana Vyacheslavovna**, doctor of economic Sciences, Professor, Professor of the Department of money circulation and credit of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: Zen_sвета@mail.ru
- Istomina Anna Petrovna**, candidate of sociological Sciences, associate Professor of sociology Department of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: annaistom@yandex.ru
- Kozlovskaya Galina Yurievna**, candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of defectology of the Institute of education and social Sciences of NCFU.
- Kolomok Oksana Ivanovna**, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Director of the Volgograd branch of the Moscow financial and law University of Moscow financial and legal Academy, Volgograd. E-mail: volgograd@mfua.ru
- Korlyakova Svetlana Georgiyevna**, doctor of psychological Sciences, associate Professor, Professor at the Department of pedagogy and psychology of professional education of Institute education and social Sciences of NCFU. E-mail: s.k2002@mail.ru
- Korolkov Konstantin Vasilyevich**, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of sociology Department of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: kur_er@bk.ru
- Krapivensky Anatoly Solomonovich**, candidate of sociological Sciences, Deputy Director on scientific and educational activities of the Volgograd branch of the Moscow financial and law University of Moscow financial and legal Academy, Volgograd. E-mail: krapivensky@list.ru
- Krasnikov Alexander Vyacheslavovich**, candidate of economic Sciences, associate Professor, Deputy Director of the Institute of Economics and management of NCFU for educational work, associate Professor of the Department of economic theory and world economy at the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: krasnikov-av@yandex.ru
- Lagunov Nikita Alekseyevich**, postgraduate student of the Department of information systems and technology Institute of information technologies and telecommunications of NCFU. E-mail: n.a.lagunov@yandex.ru
- Lisitsyn Sergey Viktorovich**, candidate of physico-mathematical Sciences, associate Professor of Department physics, electrical engineering and electronics at the Institute of power engineering, electronics and nanotechnology of NCFU, director of the center for collective use of scientific equipment. E-mail: physic@stv.runnet.ru
- Lovyannikov Denis Gennadevich**, candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of Business Informatics at the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: denlov1@mail.ru
- Lovyannikova Nadezhda Sergeevna**, undergraduate of NCFU.
- Lodygin Aleksey Dmitrievich**, doctor of technical Sciences, Professor, head of Department of applied biotechnology Institute of living systems of NCFU. E-mail: allodygin@yandex.ru
- Lubentsova Elena Valerievna**, candidate of technical sciences, associate professor, associate professor of Department «Information Systems Electric Drive and Automatic Equipment chair of the Nevinnomyssk institute of technology (branch) of NCFU, Nevinnomyssk. E-mail: lubenchov@nti.ncstu.ru
- Mayboroda Elvira Tagirova**, candidate of philosophical Sciences, associate Professor, associate Professor of Department of media at the Humanities Institute of NCFU. E-mail: ellamaiboroda@mail.ru
- Malashenko Mikhail Sergeevich**, applicant for candidate degree, Department of General sociology and political science of Institute of education and social sciences, NCFU. E-mail: mihmalash@yandex.ru
- Malsugenov Alexander Vladimirovich**, candidate of technical Sciences, associate Professor of Department technology, engineering and equipment (branch) of the Don state technical University, Stavropol. E-mail: alexander.malsugenov@yandex.ru
- Mezentseva Oksana Stanislavovna**, candidate of physico-mathematical sciences, associate professor, professor of the Department of information systems and technology Institute of information technologies and telecommunications of NCFU, Deputy Director of the Institute of Information Technology and Telecommunications of NCFU for Academic Affairs. E-mail: mos@ncstu.ru
- Mehrabova Dilshad Ashrafudinovna**, lecturer at the Department of General and theoretical pedagogy of Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Dagestan state pedagogical University», Makhachkala.
- Moskvicheva Maria Viktorovna**, specialist of sales department, society with limited liability «Systems for microscopy and analysis» center for collective use «Microanalysis» Science and technology park «Skolkovo». E-mail: moskvicheva@microscop.ru
- Naryzhnaya Ekaterina Aleksandrovna**, undergraduate of the Department of management of the Institute of economy and management of NCFU, assistant engineer of the Department of management of the Institute of economy and management of NCFU.

- Pigulev Roman Vitalyevich**, candidate of technical Sciences, acting department chair of physics, electricians and electronics engineering at the Institute of power engineering, electronics and nanotechnology of NCFU. E-mail: physic@stv.runnet.ru
- Pinahin Igor Aleksandrovich**, candidate of technical Sciences, associate Professor of mechanical engineering and technological equipment of the Institute of building, transport and machine of NCFU. Email: ipinakhin@list.ru
- Plisyuk Andrey Grigorevich**, postgraduate student of the Department of sociology at the Institute of education and social Sciences of NCFU.
- Plugina Maria Ivanovna**, doctor of psychological Sciences, associate Professor, Professor of the Department of practical and special psychology of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: mplugina@yandex.ru
- Reby Elena Yurievna**, candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of economic analysis and audit of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: buh@ncstu.ru
- Romaeva Natalia Borisovna**, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and educational technologies, Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: romaeva.natalia@mail.ru
- Ryabov Vladimir Nikolaevich**, candidate of economic Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of management of the Institute of economy and management of NCFU. E-mail: rvnnne@yandex.ru
- Ryabtseva Svetlana Andreevna**, doctor of technical Sciences, Professor, and Professor of Department of applied biotechnology Institute of living systems of NCFU. E-mail: ryabtseva07@mail.ru
- Sidorov Konstantin Ivanovich**, assistant of department of physics, electrical engineering and electronics engineering at the Institute of power engineering, electronics and nanotechnology of NCFU. E-mail: skif06-84@mail.ru
- Simen-Severskaya Olga Victorovna**, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of sociology Department of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: osimen@mail.ru
- Skorikov Savva Viktorovich**, candidate of technical Sciences, associate Professor of the Department of construction at the Institute of building, transport and machine of NCFU. E-mail: savva@ncstu.ru
- Smirnova Anastasia Alexandrovna**, postgraduate student of the Department of heat and gas supply and real estate expertise of the Institute of building, transport and machine of NCFU. E-mail: spiritusantus@mail.ru
- Sobilskaya Anna Sergeevna**, candidate of psychological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of psychology of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: sbilskij@rambler.ru
- Solovyeva Svetlana Nikolaevna**, candidate of chemical sciences, Associate Professor of the Department of technology of nanomaterials, Institute of power engineering, electronics and nanotechnology of NCFU, chemistry teacher of Lyceum of the North Caucasus Federal University for gifted children. E-mail: solo1603@mail.ru
- Stoyanov Nikolai Ivanovich**, doctor of technical Sciences, associate Professor, head of Department of heat and gas supply and real estate expertise of the Institute of building, transport and machine of NCFU. E-mail: tgv.ncfu@mail.ru
- Tarala Vitaliy Alekseevich**, candidate of chemistry, Department of technology of nanomaterials, deputy director of Institute of power engineering, electronics and nanotechnology on innovative development of NCFU. E-mail: vitaliy-tarala@yandex.ru
- Tatuev Arsen Azidovich**, doctor of economic Sciences, Professor, Professor of the Department of economic theory, analysis, and industry Economics of the Moscow state University of food production, Moscow. E-mail: arsen.tatuev@mail.ru
- Ter-Grigor'yants Anna Alexandrovna**, candidate of economic Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of economic analysis and audit of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: ann_ter@mail.ru
- Tolokneeva Elena Ivanovna**, candidate of pedagogical Science, Assistant Professor of the Department of pedagogy and educational technologies, Institute of education and social sciences of NCFU. E-mail: tolokneeva@mail.ru
- Ustaev Rustam Merzeferovich**, postgraduate student of the Department of management at the Institute of Economics and management of NCFU, leading specialist of the Department of scientific publications management organization of scientific research of NCFU. E-mail: 110213rabota@mail.ru
- Ushvitskiy Lev Isakovich**, doctor of economic Sciences, Professor, Honored scientist of Russian Federation, Director of the Institute of Economics and management of NCFU, head of the Department of economic analysis and audit of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: fef@stv.runnet.ru
- Fedorenko Tatyana Mikhailovna**, candidate of economic Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of management of the Institute of economy and management of NCFU. E-mail: tatyana-ncstu@yandex.ru
- Fomina Elena Alekseevna**, candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of pedagogy and psychology of professional education, Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: fea30@mail.ru

Khalyapina Lyudmila Vladimirovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, acting Department head pedagogy and educational technology, Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: khalyapina@mail.ru

Kharchenko Leonid Nikolaevich, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Department of botany, Zoology and General Biology of the Institute of living systems of NCFU. E-mail: innov_harchenko@mail.ru

Khramtsov Andrey Georgievich, doctor of technical Sciences, Professor, academician of the Russian Academy of Sciences, honored scientist of Russian Federation, Professor of Department of applied biotechnology Institute of living systems of NCFU. E-mail: hramtsov@nsctu.ru

Tsygankova Vasilisa Sergeevna, undergraduate of the Department of management of the Institute of economy and management of NCFU, assistant engineer of the Department of management of the Institute of economy and management of NCFU.

Chalenko Olga Alexandrovna, biology teacher of Lyceum of the North Caucasus Federal University for gifted children. E-mail: olgachalenko@yandex.ru

Chebotaev Evgeny Alekseevich, doctor of technical Sciences, Professor of the Department of mechanics and bases of constructing of the Institute of building, transport and machine of NCFU. E-mail: eacheb@mail.ru

Chernigovskiy Vyacheslav Alekseevich, candidate of pedagogic Sciences, associate Professor of mechanical engineering and technological equipment of the Institute of building, transport and machine of NCFU. Email: chernigovskiy.v@mail.ru

Sheludko Gennady Petrovich, candidate of technical Sciences, associate Professor of the Department of mechanics and bases of design and construction at the Institute of building, transport and machine of NCFU. E-mail: sheludko.gennadiy@mail.ru

Shekhovtsova Tatiana Sergeevna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of defectology of the Institute of education and social Sciences of NCFU. E-mail: gts1802@yandex.ru

Shipulin Valentin Ivanovich, doctor of technical Sciences, Professor, provost on academic work of NCFU, head of Department technology of meat and canning Institute of living systems of NCFU. E-mail: ship.59@mail.ru

Shmatova Anna Nikolaevna, assistant of the Department «State and municipal management», Branch «Moscow state University of instrument engineering and computer science», Stavropol. E-mail: sh.anna-nikolavna@rambler.ru

Yagmurov Mikhail Alekseevich, student of NCFU, technician of sector of exploitation of computer classes of Operating-technical department of tools of the computing engineering of Management of informatization of NCFU. Email: myagmurov@gmail.com

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ / INFORMATION FOR AUTHORS

ПОЛОЖЕНИЕ О ПОРЯДКЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Авторские оригиналы статей принимаются к рассмотрению только при условии соответствия требованиям к оформлению и сдаче рукописей в редакцию журнала «Вестник Северо-Кавказского федерального университета», размещенным на сайте университета в разделе «Научные издания» и в текущих номерах журнала. Авторские статьи, оформленные с нарушением требований, не рассматриваются и не возвращаются.

Статья регистрируется редакцией в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, ФИО автора/авторов, места работы автора/авторов. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

Все научные статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

Главный редактор (заместитель) определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование. Авторские статьи не по профилю не возвращаются автору, автор уведомляется о несоответствии статьи профилю журнала.

В качестве рецензентов выступают члены редколлегии и внешние рецензенты – ученые и специалисты в данной области (доктора, кандидаты наук). Представленная авторская статья передается на рецензирование членам редколлегии журнала, курирующим соответствующую отрасль науки. При отсутствии члена редколлегии или поступлении статьи от члена редакционной коллегии главный редактор направляет статью для рецензирования внешним рецензентам.

Рецензент должен в течение 30 календарных дней с момента получения рассмотреть и направить в редакцию авторскую статью или мотивированный отказ от рецензирования.

Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей, носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Рецензия с указанием автора рецензии может быть предоставлена по запросу экспертных советов в ВАК Минобрнауки России.

Рецензия должна содержать:

- общий анализ научного уровня, терминологии, структуры рукописи, актуальности темы;
- оценку подготовленности рукописи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия содержания статьи её названию, требованиям к оформлению;
- анализ научности изложения материала, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики.

Рецензент может рекомендовать статью сразу к опубликованию; после доработки с учетом замечаний; не рекомендовать статью к опубликованию. Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки с учетом замечаний или не рекомендует статью к опубликованию, то в рецензии должны быть указаны причины такого решения.

Рецензент вправе указать на необходимость внесения дополнений и уточнений в рукопись, которая затем направляется (через редакцию журнала) автору на доработку. В этом случае датой поступления рукописи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Переработанная автором статья направляется на рецензирование повторно.

После поступления рецензии в редакцию на очередном заседании редакционной коллегии рассматривается вопрос о поступивших рецензиях и принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. Перечень, принятых к публикации статей, размещается на сайте. Авторам, которым отказано в публикации рукописей, направляется мотивированный отказ.

В случае несогласия автора с мнением рецензента рукопись по согласованию с редколлегией может быть направлена на повторное (дополнительное) рецензирование.

Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

Оригиналы рецензий подлежат хранению в редакции журнала в течение 3 лет.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ И СДАЧЕ РУКОПИСЕЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

Редакция журнала сотрудничает с авторами – преподавателями вузов, научными работниками, аспирантами, докторантами и соискателями ученых степеней. **Журнал публикует материалы в разделах:**

- Технические науки,
- Экономические науки,
- Педагогические науки,
- Психологические науки,
- Социологические науки.

Материалы в редакцию журнала принимаются в соответствии с требованиями к оформлению и сдаче рукописей постоянно и публикуются после обязательного внутреннего рецензирования и решения редакционной коллегии в порядке очередности поступления с учётом рубрикации номера.

Для оптимизации редакционно-издательской подготовки редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации:

В печатном варианте:

– **Отпечатанный экземпляр рукописи.**

Объем статьи: 6–12 страниц. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ 1, 25 см. Необходимо различать в тексте дефис (-) (например, черно- белый, бизнес-план) и тире (–) (Alt + 0150). Не допускаются ручные переносы и двойные пробелы.

– **Сведения об авторе (на русском и английском языках).**

Сведения должны включать следующую информацию: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место и адрес работы, адрес электронной почты и телефоны для связи.

На электронном носителе в отдельных файлах (CD-DVD диск или флеш-карта):

– **Электронный вариант рукописи** создается с расширением *.doc или *.rtf в текстовом редакторе Word программы Microsoft Office 2003 (название файла: «Фамилия_И.О._Название статьи»);

– **Сведения об авторе (название файла: «ФИО_сведения об авторе»).**

Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов и соискателей). Подписывается научным руководителем собственноручно.

Рецензия специалиста в данной научной сфере, имеющего ученую степень. Подпись рецензента должна быть заверена соответствующей кадровой структурой.

Экспертное заключение (для технических наук). Во всех институтах созданы экспортные комиссии, которые подписывают экспертные заключения о возможности опубликования статьи в открытой печати.

Лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале и в сети Интернет.

Статья должна содержать следующие элементы оформления:

- а) индекс УДК;
 - б) фамилию, имя, отчество автора (авторов) (имя и отчество полностью);
 - в) название;
 - г) место работы автора (авторов) (в скобках в именительном падеже);
 - д) краткую аннотацию содержания статьи (3–4 строчки, не должны повторять название);
 - е) список ключевых слов или словосочетаний (5–7 слов);
- Пункты б), в), г), д), е) обязательно должны быть переведены на английский язык.

Оформление рисунков, формул и таблиц:

Рисунки и таблицы вставляются в тексте в нужное место. Ссылки в тексте на таблицы и рисунки обязательны. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

Оформление рисунков (схем, графиков, диаграмм):

- а) все надписи на рисунках должны читаться;
- б) рисунки должны быть оформлены с учетом особенности черно-белой печати (рекомендуется использовать в качестве заливки различные виды штриховки и узоров, в графиках различные виды линий – пунктирные, сплошные и т. д., разное оформление точек, по которым строится график – кружочки, квадраты, ромбы, треугольники); цветные и полутонные рисунки исключаются;
- в) для повышения качества рисунка следует их сохранять отдельным графическим файлом (GIF, JPEG, TIFF) с разрешением не менее 300 dpi. Схемы, рисунки и другие графические элементы, выполненные с помощью графических возможностей MS Word, должны быть сгруппированы, их ширина не должна превосходить 16 см.

Научное издание

**ВЕСТНИК
Северо-Кавказского федерального университета**

2014. № 5(44)

Вестник СКФУ: научный журнал / гл. ред. В. Н. Парахина. – 2014. – № 5(44). – 261 с.

Редакторы, технические редакторы Л. Г. Ерицян, Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка И. В. Бушманова
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Формат 60x84 1/8	Подписано к печати 13.10.2014	Уч.-изд. л. 29,33
Бумага офсетная	Усл. п. л. 30,46	Тираж 1050 экз.
	Заказ 345	

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

